

Я. НАУМОВ, А. ЯКОВЛЕВ
ДВУЛИКИЙ ЯНУС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Annotation

Я.Н. Наумов, А.Я. Яковлев. Дзуликий Янус.Повесть. Изд.1967г. Повесть «Дзуликий Янус» рассказывает о самоотверженной работе советских чекистов, умело раскрывающих сложное и запутанное дело и разоблачающих крупного фашистского резидента. Содержание: Я.Н. Наумов, А.Я. Яковлев. Дзуликий Янус(повесть, 1966г.) Рисунки Л. Рубинштейна.

- [Яков Наумович Наумов](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Яков Наумович Наумов
Андрей Яковлевич Яковлев

Двуликий Янус

В римской мифологии Янус — бог времени, а также всякого начала и конца, входов и выходов — изображался с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны: молодым — вперед, в будущее, старым — назад, в прошедшее. Возникшее отсюда выражение «двуликий Янус» или просто «Янус» означает: двуличный человек.

Глава 1

Стояло жаркое июльское утро. Не было еще и девяти часов, а асфальт на солнечной стороне начал плавиться. Утро — и такая жара. Каков же будет день?

Лейтенант Константинов, чуть волоча правую ногу, пересек Комсомольскую площадь и не спеша двинулся к Ленинградскому вокзалу. Жару он переносил сносно — то ли бывало на фронте, особенно летом 1942 в донских степях! — а вот нога сегодня опять беспокоила. Минуло три месяца, как Константинова выписали из госпиталя, признав ограниченно годным; рана давно зарубцевалась, и все же нет-нет давала себя чувствовать. «Да, — с горечью думал Константинов, — выходит, напрасно ты, Василий Кузьмич, тогда, на медицинской комиссии, ерепенился. Вояка из тебя никудышный! Вот и сиди теперь на привокзальном продовольственном складе да выдавай довольствие по аттестатам. Отвоевался!»

Продовольственный склад... И занесла же сюда нелегкая Константинова! Разве это место для сапера, комсомольца, без малого два года прошагавшего по дорогам войны? И воевал он неплохо. Совсем неплохо! Только это ранение под Сталинградом... И вот результат — продовольственный склад...

Впрочем, особо жаловаться на судьбу Константинову не приходилось: как-никак пусть заместителем начальника продсклада, но он остался в рядах Советской Армии. А ведь могли признать полностью негодным к военной службе и демобилизовать вчистую. На таком решении настаивал один из членов комиссии, этакий ехидный майор медицинской службы с седенькой бородкой клинышком. Ничего, обошлось.

И начальник попался Константинову неплохой — капитан Попов. Иван Степанович. Был Попов уже в возрасте, лет сорока, в действующую армию не попал из-за каких-то застарелых болезней, рвался, как и Константинов, на фронт и откровенно томился службой в тылу, но при всем этом к служебным своим обязанностям относился рьяно и продсклад содержал в образцовом порядке. Вот и вчера, когда у Константинова впервые появилось подозрение и он поделился

своими мыслями с начальником, Попов выслушал его самым внимательнейшим образом и сразу же отправился в городскую комендатуру, прихватив с собой и Константинова.

Правда, в комендатуре получился сплошной конфуз.

Пожилой подполковник, хватавшийся поочередно то за одну, то за другую трубку беспрестанно трещавших телефонных аппаратов, не выслушав толком Попова, накричал на него, а Константинову вовсе не дал и рта раскрыть.

— Вам что, — шумел подполковник, — делать нечего? Эти самые... как их... Малявкин и Гитаев — кто? Боевые офицеры! С фронта. Документы, вы сами говорите, в порядке. И аттестаты в порядке. Так какого рожна вам надо?! Только морочите людям голову! От дела отрываете. Одурели вы, что ли, отсиживаясь в тылу, на своем продскладе?

Константинов увидел, как при последних словах подполковника лицо Попова начало багроветь, а левая щека предательски задергалась. Он медленно поднялся и глухим, сдавленным голосом сказал:

— Товарищ подполковник, кто дал вам право... Я...

— Что? — повысил голос подполковник. — Что-о? Вы, никак, капитан, собираетесь разьяснить мне мои права? Учить вздумали?.. Вы забываетесь, товарищ капитан! — Подполковник помолчал и минуту спустя уже спокойнее добавил: — Смотрите, в другой раз хуже кончится, а сейчас — всё. Можете быть свободны.

Когда они вышли из комендатуры, Константинов не мог скрыть своего смущения: вина-то была его, а не Попова, это он подал капитану мысль, что с Гитаевым и Малявкиным не все чисто. Но Попов только рукой махнул: «Ладно! Чего уж там. Оба мы с тобой поторопились. Ведь фактов-то у нас никаких...»

Фактов действительно не было ни у Константинова, ни тем более у Попова, который, кстати, с Гитаевым и Малявкиным вроде бы и вовсе не имел дела: документы и выдачу продуктов по аттестатам оформлял Константинов.

Что же насторожило лейтенанта? Что вызвало у него подозрение? В том, что два офицера — старшие лейтенанты Гитаев и Малявкин — дважды являлись сами, без солдат, чтобы получить довольствие на целое отделение, ничего из ряда вон выходящего не было. Такое в практике Константинова случалось. Не было ничего подозрительного

и во внешнем виде старших лейтенантов, в их поведении, в присущих фронтовикам соленых шуточках с этакой долей ухарства: нам, мол, сам черт не брат! Если что Константинову и не понравилось, вызвало сомнение, так это уж слишком длительное и малопонятное пребывание в столице двух офицеров с отделением солдат в такие дни, когда, судя по сводкам Совинформбюро, развернулись жестокие бои на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Тут каждый боец на счету, а эти сидят в Москве и сидят; сперва явились две с лишним недели назад, а вчера — снова...

И еще насторожило Константинова то, как объяснил Гитаев причины столь долгого пребывания в Москве. (Константинов не постеснялся и прямо спросил его об этом.) В словах Гитаева была какая-то фальшь. И выражение его глаз не понравилось Константинову. Но пойдя скажи об этом подполковнику, когда он и так слушать ничего не хочет. «Выражение глаз не понравилось!» Нет, этим никого ни в чем не убедишь. Не получится. Да и сказать правду, «выражение глаз»... Нет, это пахнет чрезмерной подозрительностью, но Константинов ничего не мог поделать с собой: не понравилось, и все!

Правда, капитан Попов сразу понял Константинова, но и он ничего убедительного сказать в комендатуре не мог. Да и что скажешь?

Было и еще одно сомнение у Константинова, но об этом он даже капитану не сказал, не рискнул, настолько тут все казалось неопределенным.

В самом деле, ну что из того, что фамилии солдат, на которых был выписан аттестат, показались Константинову знакомыми? Откуда он их знал — особенно вот эту: сержант Кривошاپка, — лейтенант и сам никак не мог объяснить. Как он ни напрягал свою память — напрасно. Ровно ничего она ему не подсказывала.

Вот и сейчас, шагая на продсклад, лейтенант не мог расстаться с мыслью о сержанте Кривошاپке.

Когда Константинов подходил к помещению продсклада, огромные часы, что на башне Казанского вокзала, показывали без пятнадцати девять. В складе, кроме дежурного, не было ни души, ни единого посетителя. Не пришел еще и капитан Попов.

Пользуясь затишьем, которое не так уж часто выпадало на его долю, Константинов решил разобрать ящики своего стола, изрядно

забитые ненужными экземплярами копий всяческих накладных, черновиками служебных бумаг, старыми газетами, с которыми Константинов как-то не хотел расставаться, хотя Попов не раз его поругивал за эту странную приверженность. Действительно, ну зачем было Константинову хранить давно прочитанные газеты? Он и сам этого не знал. Разве что в душе Василий Кузьмич никак не мог расстаться с мечтой стать историком. Со временем, конечно... После войны... Вот поэтому и собирал газеты — живую летопись войны, — хранил их.

Константинов выгрузил старые газеты из ящичков на стол и принялся не спеша их перебирать. Нет, все он не выбросит. Те, где приказы Верховного Главнокомандующего, наиболее важные сообщения с фронтов, очерки и статьи Эренбурга, Полевого, Алексея Толстого, Тихонова, Фадеева, он, конечно, оставит...

Взгляд Константинова упал на список награжденных, без которых тогда, в 1943 году, не обходился почти ни один номер газеты. Что это? Не может быть... Все правильно, все сходится, сомнения не было: перед ним лежал поименный список солдат, указанный в аттестате Гитаева. Те же фамилии, те же имена и отчества. Вот и сержант Кривошапка, Егор Тарасович. И все они были награждены... ПОСМЕРТНО!

— Иван Степанович, — кинулся Константинов к появившемуся в дверях Попову, — Иван Степанович! Вы только посмотрите, что я нашел! — Голос его сорвался.

— Что? Что такое? — поспешно спросил капитан, заряжаясь волнением своего помощника.

Константинов протянул Попову газету, в которой жирной чертой были отчеркнуты перечисленные в аттестате фамилии. Начальник продсклада схватил газету, посмотрел Указ о награждении, перевернул полосу, перевернул еще и с недоумением уставился на Константинова:

— Убей меня бог, Василий Кузьмич, я здесь ничего не вижу. Газета как газета. За какое же она число? Ага, май месяц... Так в чем дело, разъясните, пожалуйста!

— В чем дело? Но ведь это... — Константинов непроизвольно понизил голос до полусшепота, хотя в помещении никого, кроме них, не было, — это список — вот, смотрите, я взял нужные фамилии в скобки, — список солдат, указанных в аттестате Гитаева и Малявкина.

Все совпадает. Фамилии. Имена. Всё. А список-то награжденных ПОСМЕРТНО... Посмертно, понимаете? Еще в мае...

Константинов кинулся к своему столу и подал Попову погашенный аттестат, где рядом с фамилиями Гитаева и Малявкина стояли имена солдат, перечисленных в списке награжденных.

Попов колебался какую-нибудь секунду, потом решительно сунул в планшет газету, прихватил аттестат и шагнул к выходу.

— Пошли, — отрывисто бросил он через плечо Константинову.

— Куда пошли? — растерянно спросил Василий Кузьмич, догоняя капитана.

— Как — куда? — обернулся тот, и на лицо его набежала недобрая усмешка. — В комендатуру. К тому самому подполковнику, что нас давеча отчитывал. Посмотрим, что он теперь запоет...

Разговор в комендатуре сложился совсем иначе, чем в прошлый раз. От былой заносчивости у подполковника не осталось и следа. Он был явно растерян и не скрывал этого. Подполковник заверил Попова и Константинова, что немедленно примет все необходимые меры. Письменный рапорт? Зачем? Не надо никакого рапорта, все и так будет сделано.

— Как полагаете, капитан, — спросил подполковник, — аттестат эти мерзавцы сами подделали или... или...

— Не знаю. Я бы с выводами не спешил. Надо бы, думаю, лейтенанта спросить, он обнаружил всю эту историю. Ему и карты в руки, — пожал плечами Попов.

Константинов растерялся. Он сразу понял подполковника, но ему подобная мысль раньше не приходила в голову. Что аттестат подделан, это очевидно. Но кем же, кроме Гитаева и Малявкина? Жулики они оба, возможно, дезертиры. Да, скорее всего, дезертиры. А если похуже?... Нет, об этом лейтенант Константинов не думал.

Слушая сбивчивые рассуждения своего заместителя, капитан Попов только щурился, но высказать свою точку зрения не спешил.

— Да, да, конечно, лейтенант, вы правы, совершенно правы, — согласился подполковник. — Гитаев и... как его... Малявкин — дезертиры. Явные дезертиры. И жулики. Все ясно. Надо их немедленно задержать. Только как? Где их искать?

— А они завтра в четырнадцать ноль-ноль снова должны явиться к нам на продсклад, — сказал Константинов. — Я им не все по

аттестату выдал, вот и условились, что они придут завтра...

— Завтра? В четырнадцать часов? — радостно воскликнул подполковник. — Вот и отлично. Значит, завтра мы их и возьмем. Чего же лучше?

Он тут же схватил телефонную трубку и связался с прокурором гарнизона. Когда, договорившись с прокурором, подполковник положил трубку, Попов заметил:

— Вы уверены, товарищ подполковник, что надо было звонить прокурору? Вам все ясно? Может, следовало все-таки связаться с КГБ? Дело-то темное, скверное.

— Еще чего не хватало! — вспыхнул подполковник. — Дезертиры они, ворюги. Это дело прокуратуры, а не органов госбезопасности.

— Как вам будет угодно, — поднялся Попов, — но я считал своим долгом высказать собственные опасения. А так что же? Ваши указания будут выполнены.

На следующий день Константинов с утра не находил себе места. По мере того как приближались два часа дня, волнение его возрастало. «А что, если не придут? Вдруг да не придут? Что тогда?» — думал он.

Но Гитаев и Малявкин явились вовремя. Едва они вошли, Попов открыл дверь во внутреннее помещение продовольственного склада, и оттуда появился военный патруль во главе с подполковником и военным прокурором.

— Документы, — сурово потребовал подполковник.

— Оружие. — Прокурор кивнул начальнику патруля.

Гитаев и Малявкин не успели опомниться, как были обысканы, их оружие, документы, полевые сумки оказались на столе у Константинова. Прокурор все сложил в предусмотрительно захваченный чемодан и указал задержанным на дверь. Ко входу подрулил «пикап». Прокурор уселся в кабину с водителем, а Гитаев и Малявкин, под охраной патруля, поместились в кузов. Поехал с ними и Попов. Константинов остался на складе, а подполковник вернулся к себе, в комендатуру. Перед отъездом он пожал руку Константинову и горячо поблагодарил его: операция прошла успешно, все было в порядке.

Глава 2

— Кирилл Петрович? День добрый. Ну, как себя чувствуете? Освоились?

— Все нормально, товарищ комиссар. Помаленьку осваиваюсь.

— Помаленьку? Это плохо... У нас времени нет. Вот мы тут решили поручить вам одно дело. Весьма любопытное. Прошу зайти.

Майор Скворецкий положил трубку и поднялся из-за стола. Что греха таить, трудно быстро освоиться с работой в центральном аппарате Наркомата государственной безопасности, да и охоты большой у майора не было. Из ума не шла родная Смоленщина, к которой он так привязался, где работал до войны в областном управлении НКВД, недавно партизанил.

Скворецкий прошел длинными, сумрачными коридорами, поднялся этажом выше, миновал приемную и вошел в кабинет комиссара. Вслед за ним появился старший лейтенант Горюнов, также вызванный комиссаром. Не успели они сесть, как комиссар приступил к делу.

— Случилась неприятная история. Сегодня днем из военной прокуратуры бежало двое задержанных: старшие лейтенанты Советской Армии Гитаев и Малявкин. Бежал, вернее, один — Малявкин. Гитаев убит. Случай весьма странный. Как сообщил военный прокурор, эти двое были задержаны по подозрению в дезертирстве и подделке продовольственных аттестатов. И на тебе — бежали. Ясно, что тут не подделкой документов пахнет и не дезертирством. Совершить среди бела дня здесь, в Москве, в здании военной прокуратуры, вооруженное нападение на советского офицера, бежать... Нет, так мог действовать только закоренелый враг, а не простой дезертир. Не иначе.

Комиссар на минуту умолк, задумался, снял очки и принялся рассеянно протирать их кусочком замши.

Потом он нервно побарабанил пальцами по столу и продолжал:

— Так вот, обстоятельства побега таковы: два человека, располагавшие документами старших лейтенантов Советской Армии Гитаева и Малявкина, были задержаны в помещении

продовольственного склада Ленинградского вокзала. Оттуда их отправили в прокуратуру. Сопровождали прокурор, патруль и начальник продсклада.

В помещении прокуратуры задержанных провели на третий этаж, в коридор. Патрульных отпустили, прокурор отправился докладывать по начальству, а с двумя задержанными остался капитан Попов, начальник продсклада. Один. Ну, они его и скрутили... Продырявили финкой (при обыске финки не обнаружили), а сами — в окно. По водосточной трубе с третьего этажа. Попов нашел в себе силы добраться до окна и открыть стрельбу. Одного — Гитаева — свалил наповал, а второй ушел. Вывод: в Москве на свободе разгуливает отъявленный враг, не исключено — немецкий диверсант. Найти его, обезвредить — вот наша задача. Розыск поручается вам. Сами понимаете, дело не шуточное, времени терять нельзя.

— Прошу прощения, товарищ комиссар, — сказал Скворецкий. — Какие-нибудь данные об этом Малявкине да и о Гитаеве есть или, кроме фамилий, ничего?

— Кое-что есть, — ответил комиссар. — Из прокуратуры нам доставили документы и полевые сумки обоих, изъятые при аресте. Держите.

Комиссар подвинул Скворецкому две потертые полевые сумки и засургученный пакет — по-видимому, с документами, — лежавшие с края стола.

— Ваша задача: тщательно изучить документы и содержимое сумок, собрать все возможные данные об обоих, прежде всего о Малявкине, и представить план мероприятий по розыску. Сегодня же ночью.

— Разрешите, товарищ комиссар? — спросил Горюнов. — А не получится ли так, что, пока мы с Кириллом Петровичем будем копаться в бумагах да собирать сведения, преступник скроется из Москвы? Ищи его потом. И так сколько времени потеряно...

— Что же вы предлагаете?

— Вокзалы! — запальчиво воскликнул Горюнов. — Нам с Кириллом Петровичем немедленно отправиться по вокзалам и, ориентируясь на имеющиеся приметы, организовать проверку всех подозрительных.

— Ну, вы вдвоем особенно на вокзалах не навоюете, — усмехнулся комиссар. — Вокзалов-то в Москве сколько, а вас — двое. Вокзалы — не ваша забота. Кстати, туда уже выброшены оперативные группы, и снабжены они не только приметами преступника. Им в помощь привлечены те, кто знает его в лицо: прокурор, солдаты из патруля, начальник продсклада капитан Попов и его заместитель лейтенант Константинов.

— Капитан Попов? — удивился Скворецкий. — Но, как я вас понял, Попов ранен?

— Совершенно справедливо, Попов ранен, но держится молодцом. Сразу после перевязки сам явился к нам и предложил свою помощь. Да и вообще во всей этой истории капитан Попов оказался проницательнее других: он сразу, как только возникло подозрение в отношении Гитаева и Малявкина, предложил информировать органы государственной безопасности, а его начальство не пожелало этого

сделать. Последствия такой «щепетильности» известны. Так что на помощь капитана можно смело рассчитывать. Вернемся, однако, к существу дела. Повторяю: оперативный розыск, предварительный — не ваша забота. Он уже ведется. Ваша задача — разработка мероприятий и проведение глубокого, если можно так выразиться, капитального розыска на тот случай, если Малявкина ни сегодня, ни завтра взять на каком-либо из вокзалов не удастся. Ясно?

Скворецкий и Горюнов, захватив полевые сумки и документы, вышли из кабинета.

На первый взгляд документы были подлинные. Впрочем, и аттестат тоже выглядел подлинным, тогда как было достоверно известно, что это подделка. Весьма искусная, но подделка. Поэтому, выписав все необходимые данные, документы вместе с аттестатом передали специалистам на экспертизу.

Покончив с документами, Скворецкий принялся за содержимое полевых сумок, а Горюнов отправился в адресный стол и районные военкоматы по месту призыва Гитаева и Малявкина. Ему, коренному москвичу, куда как легче было собрать сведения, чем Скворецкому, скверно знавшему Москву и плохо ориентировавшемуся не только в хитросплетениях московских улиц и переулков, но даже в их названиях.

Горюнов появился в наркомате только к двенадцати ночи.

Как оказалось, Гитаев и Малявкин действительно до начала войны проживали в Москве. И тот и другой были призваны в армию в июле 1941 года и ушли на фронт. Горюнову удалось выяснить некоторые подробности из биографий того и другого, установить кое-кого из их знакомых и даже раздобыть фотокарточки Гитаева и Малявкина. Последнее было весьма существенно: теперь представлялась возможность выяснить, являются ли старшие лейтенанты Гитаев и Малявкин, посещавшие склад, москвичами Гитаевым и Малявкиным, сражавшимися в рядах Советской Армии, или, используя их документы (в подлинности которых Скворецкий теперь, не ожидая заключения экспертизы, не сомневался), действовал кто-то другой.

Судя по тем сведениям, которые удалось раздобыть Горюнову, Матвей Александрович Гитаев, 1915 года рождения, проживал в Москве вместе с матерью в одном из приарбатских переулков. Мать

работала аккомпаниатором, в настоящее время в составе гастрольной бригады находилась на фронте. Отец Гитаева умер еще задолго до начала войны.

Матвей Гитаев, по окончании средней школы, учился в Московском институте народного хозяйства имени Плеханова, последние годы перед войной работал товароведом в системе одного из московских торгов.

В военкомате, где призывался Гитаев, Горюнов обнаружил его заявление. Оно было подано 22 июня 1941 года, в первый день войны, и носило самый патриотический характер — каждое слово свидетельствовало о том, что автор заявления рвется на фронт.

Сразу после призыва Матвей Гитаев был направлен на краткосрочные курсы среднего командного состава (он имел воинское звание лейтенанта запаса) и вскоре оказался в рядах действующей армии. На этом след Гитаева терялся.

Борис Малявкин был на пять лет моложе Гитаева. Война застала его студентом второго курса Московской государственной консерватории. Как и Гитаев, он в первый же день войны сам явился в военкомат и также был направлен на краткосрочные курсы, однако не на те, что Гитаев. О дальнейшей судьбе Малявкина также выяснить ничего не удалось. В отличие от Гитаева, беспартийного, Борис Малявкин был комсомольцем.

Мать Бориса была по профессии техником-чертежником, работала в конструкторском бюро одного небольшого завода. С октября 1941 года находилась в эвакуации. Отец Малявкина, как и Гитаева, умер. Был он по специальности физиком, работал в одном из научно-исследовательских институтов.

Располагая адресами Гитаева и Малявкина, Горюнов решил побывать в домах, где они жили до войны, порасспросить соседей. Начал он с Гитаева, благо квартира тоже была ближе к военкомату, откуда Виктор Иванович начал свой розыск. Родственники же, друзья, знакомые Гитаева интересовали Горюнова ничуть не меньше, чем связи Малявкина.

Как знать, может, как раз у кого-нибудь из близких Гитаева и скрывались оба преступника все то время, пока находились в Москве? Может, у кого из них и сейчас прячется Борис Малявкин?

Однако Виктору Ивановичу не повезло: дом, в котором семья Гитаевых проживала до войны, был разбомблен; искать же, кто из бывших соседей Гитаевых куда переехал, — дело долгое. Хочешь не хочешь, а приходилось отложить.

Горюнов отправился по адресу Малявкина. Там все сложилось иначе: дом был на месте и собеседники нашлись. Как оказалось, Малявкины занимали до войны комнату в большой, многонаселенной квартире. В таких квартирах соседи обычно знают всё друг о друге. Правда, из постоянных жильцов сейчас мало кто оставался на месте: кто ушел на фронт, кто эвакуировался. Некоторые комнаты, в том числе и комната Малявкиных, были временно заселены новыми жильцами. Но, на счастье Горюнова, нашлись старожилы, такие, что знали Бориса Малявкина чуть не с раннего детства.

Виктор Иванович Горюнов обладал незаменимым для чекиста качеством — он умел легко завоевывать доверие и вызывать на откровенный разговор. Возможно, причиной тому был богатый опыт работы с людьми: Виктор Горюнов ряд лет провел на освобожденной комсомольской работе, не порывал с комсомолом и после окончания высшего учебного заведения, когда работал на одном из крупных московских заводов сначала сменным мастером, а затем и начальником участка. В органы государственной безопасности Виктор Горюнов пришел по партийному набору и здесь вскоре был избран в состав комитета ВЛКСМ наркомата. Располагали к Виктору и его личные качества: приветливость, обаяние, умение легко и непринужденно вести беседу.

Во всяком случае, старшему лейтенанту Горюнову, взявшему на себя роль товарища Бориса Малявкина по фронту, прибывшего в Москву в краткосрочный отпуск, в этот вечер удалось побеседовать по душам кое с кем из старинных соседей Малявкиных и собрать обширные, хотя порой и противоречивые, сведения об этой семье.

О Борисе Малявкине говорили по-разному: одни — с теплотой, как о добром, отзывчивом, развитом мальчике. Другие его поругивали за излишнее самомнение, некоторое себялюбие, бесхарактерность. Одна соседка, пожилая работница, сказала примерно так:

— Борька, он что. Он к кому приклонится, таким и сам будет. Приспосабливается. Без характера. Одним словом, хоть собой и гордый, себя высоко ставит, а жить около людей с положением любит.

Взять, к примеру, этого самого профессора, Варламова, что ли, с которым еще отец Бориса когда-то работал. Уж как Борька втерся к этому профессору, как втерся, чуть что не за родственника у Варламовых стал...

Из слов общительной женщины, как и других соседей Малявкиных, Горюнову стало ясно, что после ухода в армию Борис Малявкин дома не появлялся и вестей о себе не подавал. Не было сведений и о матери Бориса после ее эвакуации из Москвы. Семья, временно живущая в комнате Малявкиных, тоже никаких сведений о прежних хозяевах не имела. И все же Виктор Иванович услышал ряд имен, получил некоторые сведения кое о ком из близких, знакомых и друзей Бориса Малявкина. Необходимые данные для начала розыска теперь имелись, и Горюнов возвращался в наркомат в самом радужном настроении.

Поиски Скворецкого были куда менее успешны: Кирилл Петрович тщательно исследовал содержимое полевых сумок Гитаева и Малявкина, но ровно ничего заслуживающего внимания не обнаружил. В сумке Гитаева Кирилл Петрович нашел несколько неиспользованных продовольственных аттестатов, старую, изрядно потертую на сгибах полевую карту одного из районов Калининской области, несколько номеров газет за первые числа июля да два письма, адресованных Гитаеву, содержание которых не представляло никакого интереса и нисколько не пролиvalo света на причины его появления в Москве.

Не лучше обстояло дело и с сумкой Малявкина. Там тоже не было ничего, что помогло бы определить местонахождение владельца сумки. Если что и привлекло внимание Скворецкого, так это томик Бальзака «Блеск и нищета куртизанок». Заинтересовала майора не сама книга, а надпись, сделанная на обороте обложки: «Люда, 845649».

Что могла означать эта запись? Кем она была сделана? Малявкиным? Поскольку книга находилась в его сумке, надо полагать, что им. Но зачем? И, главное, что она означает? Женское имя и набор цифр. Как это понимать?

Возможно, Кирилл Петрович долго бы еще ломал голову над странным сочетанием имени и цифр, если бы его не оторвал телефонный звонок. Экспертиза документов Гитаева и Малявкина была закончена. Все личные документы как одного, так и другого оказались подлинными. Единственным документом, вызвавшим у

экспертов некоторые сомнения, было командировочное предписание, выданное воинской частью старшим лейтенантам Гитаеву и Малявкину. Впрочем, на первый взгляд бланк предписания был подлинным. Сомнение вызвали подписи. Но ничего определенного эксперты сказать пока не могли: требовалась дополнительная проверка. Вероятнее всего, длительная.

Подлинными оказались и бланки продовольственных аттестатов, хотя и были заполнены фамилиями давно погибших людей.

Факт подлинности документов Гитаева и Малявкина значил немало. Теперь оставалось предъявить их фотографии тем, кто видел в лицо преступников, задержанных на продовольственном складе, чтобы окончательно установить, были ли это Гитаев и Малявкин или их документами воспользовался кто-либо другой.

Лучше всех могли помочь в опознании работники продсклада — капитан Попов и лейтенант Константинов, но где их сейчас найдешь? Тот и другой находились в составе оперативных групп на московских вокзалах в поисках Малявкина. И все же опознание откладывать нельзя: от его результата зависят все дальнейшие мероприятия по розыску.

Выяснив, на каком вокзале какая оперативная группа находится и где Попов, где Константинов, Скворецкий выехал на Курский вокзал, к Попову. Едва он разложил перед капитаном несколько фотографий, как тот уверенно указал на изображения Гитаева и Малявкина. Последние сомнения отпали: Гитаев — это Гитаев, а Малявкин — Малявкин. Уже хорошо! Куда сложнее было бы вести розыск, если бы под прикрытием их документов действовал кто-то другой. Грош цена была бы тогда связям подлинных Гитаева и Малявкина, ничем бы знание этих связей не помогло в розыске.

И все же Скворецкий с Курского вокзала проехал на Ленинградский. Там кочевал с Ленинградского на Казанский, с Казанского на Ярославский и с Ярославского снова на Ленинградский лейтенант Константинов.

Как и Попов, Константинов без труда узнал Гитаева и Малявкина. Опознание было закончено.

Вернувшись в наркомат, Скворецкий застал Горюнова уже на месте. Теперь, когда было установлено, что бежавший Малявкин

действительно Борис Малявкин, сведения о друзьях и знакомых Бориса, полученные Горюновым, приобрели первостепенное значение.

Помимо семьи профессора Варламова, в которой, судя по словам соседки Малявкиных, Борис был своим человеком, Горюнову называли студентку консерватории, по имени Муся, — «девушку Бориса», а также дирижера джаз-оркестра Аристархова. К сожалению, ни фамилии, ни адреса Муси никто из соседей не знал, так что ориентироваться приходилось только на имя да на описание внешних примет, ну конечно, и на то, что в 1941 году она училась в консерватории на том же курсе, что и Малявкин.

Удалось Горюнову раздобыть кое-какие сведения и о некоторых наиболее близких знакомых матери Бориса Малявкина. И Скворецкому, и Горюнову было ясно, что розыск Малявкина, если его в ближайшие сутки не обнаружат оперативные группы, надо начинать с проверки тех лиц, у кого Малявкин мог скрываться. Первыми в этом списке стояли:

Муся, возраст примерно 23 года. В 1941 году была студенткой Московской государственной консерватории по классу фортепьяно;

Варламов, профессор. Живет в районе Петровских ворот;

Аристархов. В 1941 году — дирижер джаз-оркестра.

— Не густо! — усмехнулся Скворецкий. — Муся! Пойди найди в Москве девушку, когда известно только ее имя — Муся!..

— А консерватория? — возразил Горюнов. — Разве консерватория плохой ориентир?

— Ориентир-то оно ориентир, но и в консерватории, думаю, имя Муся встретится не однажды. Да ведь сейчас консерваторию, кажется, эвакуировали. Чуть ли не в Куйбышев. А Муся? Где эта Муся? В эвакуации? На фронте? В Москве? Н-да!.. Задача...

Наконец план мероприятий был готов, и Скворецкий с Горюновым направились к комиссару. Как они выяснили, оперативный розыск пока не дал ничего. Малявкина нигде не нашли...

Глава 3

После тщательного обсуждения, жарких споров, внесения многочисленных изменений и уточнений план розыска Малявкина был утвержден, и на следующее утро Горюнов со Скворецким приступили к его осуществлению. Скворецкий взял на себя розыск руководителя джаза Аристархова и профессора Варламова, Горюнову надлежало заняться Мусей из консерватории, а также соседями Гитаева.

Найти Аристархова оказалось проще простого: не так уж много было в те военные годы в Москве джаз-оркестров, и дирижер одного из джазов — фигура приметная. К тому же и фамилия «Аристархов» не часто встречается.

Джаз, которым руководил Аристархов, был небольшим, третьеразрядным, выступал все больше в фойе кинотеатров да на танцплощадках. На настоящей, большой сцене не появлялся. Хотя этот джаз в большинстве своем и состоял из молодых людей, он каким-то образом сохранился: у кого из артистов оказалась грыжа, у кого плоскостопие или еще что-нибудь. В общем же, все участники джаза получили белые билеты и от службы в армии были освобождены. Такое трогательное собрание инвалидов в столь небольшом и своеобразном коллективе вызывало недоумение, но доискиваться до подлинных причин этого скопления белобилетников у Кирилла Петровича сейчас не было времени. Не это его интересовало, да и не до того было... Малявкин — вот главная задача.

Джаз Аристархова выступал в те дни в Доме летчиков, на Ленинградском шоссе, фойе которого было превращено в танцзал; вход был платным, для любого желающего.

Судя по характеристике, полученной Скворецким, Аристархов, как музыкант, был не лишен способностей и администратором был неплохим, но за деньги и ради денег, как говорили, был способен на всё.

Скворецкий решил прийти к нему ночью на квартиру, с военным патрулем, совершавшим обход. Если Малявкин там, у Аристархова, никуда он не денется, попадетсЯ непременно. Но до ночи было далеко,

и Кирилл Петрович отправился в институт, где работал профессор Варламов.

Институт этот, или лаборатория, как он именовался, был создан недавно, меньше года назад. Занимался институт новыми, весьма сложными проблемами, которые в будущем обещали весьма и весьма многое. Штат института был новый, и большинство сотрудников, за исключением ведущих научных работников, которые между собой были давно знакомы по предыдущей работе, знали друг друга мало. Поэтому Скворецкий смог собрать о Варламове довольно скудные сведения.

Петру Андреевичу Варламову было уже под шестьдесят. Был он довольно крупным физиком-экспериментатором, способным научным работником. В институте Варламов возглавлял группу сотрудников, разрабатывающую особо важную и особо секретную проблему. Настолько секретную, что даже Скворецкому не сочли возможным что-нибудь сообщить о характере и назначении этой работы, да ему это было и ни к чему, а праздным любопытством майор никогда не отличался.

Впрочем, некоторое общее представление об основном направлении научной деятельности профессора Варламова получить было нетрудно: еще до войны в ряде специальных журналов публиковались его статьи, все на одну и ту же тему. Однако, как узнал Кирилл Петрович, с начала 1941 года выступления Варламова в печати внезапно прекратились. В своих исследованиях профессор продвинулся настолько, что от чисто теоретической постановки проблемы перешел к таким практическим результатам, которые превращали его работу в важнейшую государственную тайну, имевшую, в частности, и оборонный характер. Такой вывод Скворецкий сделал из беседы с руководителем института. Понял он также, что за последнее время профессор Варламов добился значительных успехов и стоит на пороге очень и очень важных открытий.

Кирилл Петрович узнал и о некоторых чертах характера Варламова, его личных качествах. Судя по тому, что говорили о профессоре, это был рассеянный, увлеченный своей работой человек, мало искушенный в житейских делах. Тут профессор Варламов целиком полагался на свою супругу, женщину волевою, энергичную,

решительную. Его жена, Ева Евгеньевна Варламова, лет на двенадцать-пятнадцать моложе профессора, отличалась незаурядной, броской внешностью, любила хорошо одеться и вообще тяготела к «красивой жизни». Профессор, человек, в общем-то, во всем, что не касалось науки, слабохарактерный, вечно занятой, на многое смотрел глазами своей жены и, как правило, ни в какие житейские дела не вмешивался, ни в чем своей жене не перечил.

«Любопытная семейка! — подумал Кирилл Петрович. — Весьма любопытная. Не у них ли укрылся Малявкин, не посвящая, конечно, профессорскую чету в суть своих преступных дел? Маловероятно, но не исключено. Придется проверить и эту версию».

Пока Скворецкий занимался сбором сведений об Аристархове и Варламове, Горюнов искал приятельницу Малявкина — Мусю. С утра Виктор Иванович отправился в консерваторию. Как выяснилось, консерватория действительно была эвакуирована из Москвы, но эвакуирована не полностью: кое-кто из преподавателей, сотрудников да и студентов, не ушедших по тем или иным причинам на фронт, из Москвы не уезжал. Сейчас, летом 1943 года, вернулись и кое-кто из эвакуированных. Поэтому в консерватории постоянно толпился народ. Все это было на руку Горюнову и облегчало поиски Муси.

Установив, в какой группе обучался до войны Борис Малявкин, Горюнов разыскал кое-кого из преподавателей и студентов этой группы.

Ему удалось выяснить, что в группе было две девушки, по имени Муся: Муся Желтова и Муся Сеницына. И та и другая находились в данное время в Москве. Как узнать, какая из них была «девушкой Малявкина»? Помог Горюнову один из однокурсников Малявкина, словоохотливый, рассеянный парень в больших очках с толстенными стеклами, с которым Виктору Ивановичу без труда удалось разговориться.

Без сомнения, приятельницей Бориса была Муся Сеницына, проживавшая, кстати, недалеко от него.

«Рискнуть? — подумал Виктор. — А, чем черт не шутит! Рискну. Хуже не будет, а глядишь, что-нибудь и выясню». И он, не заходя в наркомат, направился на квартиру Сеницыной.

Горюнов отлично сознавал: случись что не так, и его по головке не поглядят. В самом деле: рамки его задания были строго очерчены — он

должен найти знакомую Малявкина, собрать о ней максимум данных. Не больше. Но быстрый успех в розыске Муси окрылил Виктора, ждать не хотелось. Вдруг да Малявкин у нее, у этой самой Муси, и он, Виктор, сразу его найдет. Потеряешь время, и Малявкин уйдет, переберется куда в другое место... Если же пойти в наркомат докладывать о первых успехах и получать санкцию на посещение Муси, сколько потратишь времени. Одним словом, все тщательно взвесив, Горюнов решил действовать.

Муся Синицына жила в большом шестиэтажном доме. Поднявшись на третий этаж, Виктор на минуту замешкался, а затем, отбросив последние колебания, решительно постучал в дверь (звонок не работал). Открыла пожилая женщина с утомленным лицом.

— Вам кого?

— Мне... Мне Мусю... Мусю Синицыну.

— Мусю? — переспросила женщина и окинула Горюнова изучающим взглядом. Она повернулась и крикнула в глубину квартиры: — Муся! Мусенька! Это к тебе...

Где-то хлопнула дверь, и в прихожей появилась невысокая миловидная девушка в легком свитере и коричневых лыжных брюках. Не дав ей раскрыть рот, Горюнов шагнул навстречу и с улыбкой протянул руку:

— Здравствуйте, Муся!.. Так вот вы какая! Именно такой я вас себе и представлял. Меня зовут Виктор...

— Здравствуйте, — неуверенно отозвалась Муся, отвечая на рукопожатие, — но я... Я что-то вас не помню. Виктор? Какой Виктор?

— Ну, сейчас я вам все объясню, — быстро сказал Горюнов. — Только не тут же, не в прихожей мы будем разговаривать?!

— Да, да, пожалуйста, — смутилась девушка, отступая в сторону и указывая Горюнову путь. — Прошу вас.

— Может, пройдет в столовую, Мусенька? — спросила открывшая дверь женщина, которая все это время не спускала с Горюнова глаз, а с лица ее не сходило выражение настороженности.

— Нет, зачем же? — Муся пожала плечами. — Мы лучше у меня...

Едва они очутились в Мусиной комнате, с глазу на глаз, как Горюнов сразу спросил:

— Муся — разрешите мне вас так называть? — я ищу Бориса. Где он?

— Бориса? — пролепетала Муся и начала густо, до корней волос краснеть. — Какого Бориса?

— Малявкина, — твердо сказал Горюнов. — Бориса Малявкина.

— Ах, Борьку? Но... Но кто вы такой? Почему меня спрашиваете?

Ответ у старшего лейтенанта был готов, он все продумал заранее:

— Я — фронтовой товарищ Бориса. Мы вместе были в училище, а потом в одной части. В 1942 я был ранен, очутился в госпитале. На фронт, однако, после выписки не послали. Теперь работаю здесь, в Москве. В военкомате. Но дело не во мне. Очень хотелось бы узнать, где Борис, что с ним. Как-никак вместе начинали войну. Вот я и ищу его...

— Ну и ищите на здоровье, а чего вы ко мне пришли? С какой стати? — резко сказала Муся. Румянец отхлынул от ее щек.

— Я и искал, — не смутился Горюнов. — В часть писал. Ни ответа ни привета. Вы извините, но я вспомнил про вас. Мне много о вас Борис рассказывал. Он и адрес ваш дал: если, мол, будешь в Москве... Ну как же, посудите сами, мне было к вам не зайти?

— А я вам вот что скажу, — возразила Муся. — От Бориса Малявкина я не имею известий свыше года. Да-да, уже год с лишним. Сначала он мне писал, и из училища писал, и потом, с фронта. Правда, про вас не упоминал, что-то не припомню. Потом замолчал. И... и я больше и знать его не хочу, этого Малявкина!

— Помилуйте, Муся! Разве так можно? А если с ним что случилось?.. Война же. А вы так жестоко, так нехорошо...

— Жестоко? — На глазах у девушки навернулись слезы. — Случилось? Ничего с вашим Боренькой не случилось. Жив себе и здоров. Да он, если хотите знать, в Москве... — Муся на мгновение замялась. — Был недавно в Москве, во всяком случае. Это я точно знаю.

— В Москве? — Горюнову вдруг стало жарко. — Вы его видели?

— Не видала и... и видеть не хочу! Не желаю...

Горюнову стало ясно, что еще минута и девушка разрыдается, а тогда ничего не узнаешь. Он постарался успокоить Мусю:

— Раз сами не видели, так откуда же вы можете знать, да еще точно, был он в Москве или не был? А туда же — «видеть не хочу»!

— Все очень просто. Повторяю: мне отлично известно, что он в Москве. Отлично известно...

— Но откуда это вам может быть известно, если вы его не видали, с ним не встречались? Это же мистика какая-то! Откуда?

Муся поморщилась:

— Не все ли вам равно — откуда? И вовсе не мистика. Его видел, видел собственными глазами один наш студент. Он мне и рассказал.

— Давно он видел Малявкина, этот студент? — быстро спросил Горюнов. — Где?

— Разве это играет какую-нибудь роль: давно или нет? Важно, что видел, что Борис в Москве, но не пожелал о себе дать знать. — В голосе Муси послышалось ожесточение.

— А может, он, этот ваш товарищ, ошибся? Может, он кого другого принял за Бориса? Всякое могло случиться.

— Ну уж нет. Они нос к носу столкнулись. И Борька, ваш Борис, был не один, а с какой-то вульгарной девицей. Вот так!

— И давно это было, давно? — повторил свой вопрос Горюнов.

— Да нет, не очень. Так около недели тому назад. Между прочим, Борис сделал вид, что не узнал этого парня. Даже не поздоровался. Ну, оно и понятно: совесть, как видно, не совсем потерял. Меня, однако, это нисколько не трогает.

— Где это было?

— Слушайте, Виктор, вы что? Словно меня допрашиваете. По какому праву? Я вам сказала, что не желаю разговаривать об этом Малявкине. И слышать о нем не желаю! Раз он ваш друг, ищите его на здоровье, а меня оставьте в покое. Все. Надеюсь, понятно?

Горюнов понял, что увлекся. Он поднялся и с беспечным видом махнул рукой.

— Не сердитесь, Муся. Ваш приятель мог и ошибиться. Знаете что? — Виктор заговорил доверительно. — Можно вас попросить об одном одолжении?

Муся насторожилась:

— Что именно?

— Если Борис все же появится, вдруг даст о себе знать, позвоните мне. Я вам оставлю свой телефон. Надеюсь, это вас не затруднит.

— Что же, оставьте. Только вряд ли Малявкин объявится и вряд ли я вам позвоню. Мне-то все ясно...

Глава 4

Когда Скворецкий под вечер вернулся в наркомат, ему доложили, что звонили из бюро пропусков: там сидит и ждет капитан Попов.

— Попов? Из продовольственного склада? Очень хорошо. Давайте его сюда!

Через несколько минут капитан появился и чуть не с порога заговорил:

— Прошу, товарищ майор, извинить за беспокойство, но меня очень волнует вся эта история. Вот уже двое суток я путешествую с вашими товарищами по вокзалам, а все без толку. Мы посоветовались с лейтенантом Константиновым и подумали: там ли мы ищем Малявкина, где нужно? Что, если его нужно искать не на вокзалах, а совсем в другом месте?

— В другом? Где же именно? У вас есть какие-либо предложения?

— Конкретных предложений у меня нет, но я и мой помощник считаем: может, следует поискать знакомых Малявкина? У них проверить? Если требуется какая-нибудь помощь, прошу располагать нами полностью. Как-никак и я повинен, что этот мерзавец сбежал. Не углядел...

— Ну какая же ваша вина, товарищ капитан? Вы тут при чем? В ваши обязанности никак не входило караулить задержанных. Вы сделали все, что могли. Даже больше. Жизнью рисковали... А за предложение помощи — спасибо. Вы и так нам немало помогли, мы на вас и дальше рассчитываем. Насчет знакомых Малявкина — правильно. Мы этим занимаемся, а вы сейчас нужнее всего на вокзалах. Не исключено, что Малявкин в конце концов объявится именно на вокзале. Вы уж не бросайте этого дела, действуйте.

— Так я что? И я, и лейтенант Константинов в вашем распоряжении, только уж очень обидно: бьемся, бьемся, ночи не спим, а результатов никаких...

Едва ушел Попов, как появился Виктор Горюнов. Вид у него был сконфуженный.

— Что? — спросил Скворецкий. — Осечка вышла? Не нашел Мусю? Я же говорил: не так это просто.

Горюнов горестно вздохнул:

— Никак нет, Кирилл Петрович. Мусю я нашел. Синицына ее фамилия. Муся Синицына. А осечка, пожалуй, действительно получилась...

— Ничего не пойму: говоришь, девушку нашел, значит, задание выполнил, так в чем дело? Какая еще неудача тебя постигла? Рассказывай толком.

— Понимаете, Кирилл Петрович, — смутился Горюнов, — был я у этой самой Муси. Разговаривал с ней.

Скворецкий пристально посмотрел на Горюнова, вышел из-за стола, раз-другой прошелся по кабинету и, остановившись прямо против Виктора, спокойно, очень спокойно сказал:

— Та-ак! Значит, говоришь, был у Синицыной? Даже беседовал с ней? А кто вас уполномочил вести такую беседу, товарищ старший лейтенант?

— Я ведь хотел как лучше. Боялся упустить время. Уж очень хорошо все поначалу получалось. Думал: а вдруг да Малявкин там, у нее? И в плане посещение Муси было предусмотрено...

— «В плане»! — взорвался Скворецкий. — Да вы отдаете себе отчет, товарищ Горюнов, в собственных поступках?! Планом предусмотрено что? Идти к этой девушке после того, как она будет полностью в поле нашего зрения. Полностью! Поняли? А это значит: пояись у нее или выйди из ее квартиры после нашего посещения Малявкин — через минуту, через час, через сутки, — никуда он не денется. Не минует наших рук. А теперь что? Дали понять, где мы его ищем. Это ведь...

Кирилл Петрович не закончил фразы и, раздраженно махнув рукой, зашагал из угла в угол по кабинету. Переминаясь с ноги на ногу, Горюнов робко возразил:

— Так ведь я осторожно. Назвался фронтовым товарищем Малявкина. Сказал, что работаю в военкомате...

— Час от часу не легче! Еще бы недоставало, чтобы вы там на всю квартиру кричали, что явились из НКГБ! Кому надо, тот и так поймет. А кто дал вам право действовать под видом сотрудника военкомата? Потрудитесь, однако, подробно, с началами до конца, рассказать все, что произошло у Синицыной.

Скворецкий внимательно выслушал Горюнова. Когда тот закончил, Кирилл Петрович, взвешивая каждое слово, сказал:

— Первое: о вашем поведении. Инициатива — необходимое качество чекиста. Человек, лишенный инициативы, не может быть чекистом. Настоящим чекистом. Инициатива, однако, должна быть разумной и проявляться тогда, когда того требует обстановка. В нужный момент, в соответствующих условиях чекист обязан самостоятельно, не ожидая указаний, принимать решение и проводить его в жизнь. Но когда того требуют условия, оперативная обстановка. В противном случае инициатива превращается в анархию, в нарушение дисциплины. А дисциплина, железная дисциплина, так же должна быть присуща чекисту, как и умение проявить инициативу. В данном случае вы нарушили дисциплину самым грубейшим образом. Вам это понятно?

Горюнов тяжело вздохнул и молча кивнул головой.

— Вывод, — продолжал Скворецкий. — Если еще раз повторится подобное, мы вместе работать не сможем. Больше того: я вынужден буду настаивать, чтобы вас вообще отстранили от участия в розыске.

— Товарищ майор, Кирилл Петрович! — воскликнул Горюнов. — Я же понимаю... Заверяю вас...

— Ладно, — жестко перебил Скворецкий, — будем считать, что выводы сделаны. Теперь второе. Если Малявкин появится у Сеницыной, то она, конечно, расскажет ему о твоём посещении. Дальнейшее предугадать не трудно: Малявкин сразу сообразит, из какого военкомата явился его новоявленный «приятель». Задача: не теряя времени, перекрыть все подходы к дому Сеницыной, все выходы. Этим сейчас же и займись.

Хотя были приняты все необходимые меры, но ни в этот вечер, ни ночью, ни на следующий день, ни сутки спустя Малявкин у Сеницыной не появился.

Той же ночью Скворецкий во главе военного патруля нагрянул к Аристархову. Дирижер джаз-оркестра занимал одну комнату в просторной коммунальной квартире. В комнате Аристархова, который жил один, никого постороннего не оказалось, да, пожалуй, и не могло быть, настолько крохотной была эта комната. Все её убранство состояло из старой тахты с продавленными пружинами, небольшого круглого столика да трех колченогих стульев. Даже шкафа не было:

одежда висела на гвоздях, вбитых в стену. Чтобы передвигаться по комнате, приходилось буквально протискиваться между тахтой и столом. Солдаты патруля, пока Скворецкий беседовал с Аристарховым, оставались в мрачном, заставленном всяким скарбом коридоре — в комнате они не поместились.

Аристархов был явно напуган ночным визитом военного патруля; дрожащими руками он совал Скворецкому белый билет и всяческие справки, удостоверявшие, что их владелец к военной службе непригоден. Справок было такое количество, что Скворецкому было ясно, что с освобождением из армии у Аристархова не все чисто, но его это сейчас не интересовало. Майору был нужен Малявкин, а того здесь не было. Да он и не мог здесь укрываться — сами габариты жилья Аристархова исключали такую возможность.

Для очистки совести Кирилл Петрович спросил, не ночевал ли последнее время у Аристархова кто из посторонних, но тот только руками всплеснул:

— Что вы, помилуйте! Разве можно? Я порядки знаю — время военное. Нет, никто не ночевал, никто.

Скворецкий проверил и остальные комнаты квартиры: никого постороннего не было и, судя по словам жильцов, не бывало.

Теперь из известных чекистам знакомых Малявкина оставался только Варламов. Но как к нему подступиться? Это не Аристархов. К профессору, занятому важной, необходимой государству работой, не сунешься ночью с военным патрулем. Нельзя! Слишком дорого спокойствие профессора. А идти надо. Как быть?

Долго Скворецкий с Горюновым ломали голову, советовались с комиссаром и решили, что Скворецкий и Горюнов отправятся прямо на квартиру профессора и в открытую, без обиняков расспросят его о Малявкине, не объясняя, по возможности, причин своей в нем заинтересованности.

Как было выяснено, профессорская чета — Петр Андреевич и Ева Евгеньевна Варламовы — занимали отдельную трехкомнатную квартиру в старом, но вполне благоустроенном доме на шестом этаже. С ними постоянно жила восемнадцатилетняя племянница Варламова, Ната, которую профессор уже много лет тому назад удочерил. Мать Наты, родная сестра Варламова, и ее отец давно умерли. В октябре 1941 года Петр Андреевич Варламов эвакуировался с семьей в Уфу, но

уже несколько месяцев как в связи с организацией института был вызван в Москву и добился разрешения вернуться с женой и племянницей.

Скворецкий с Горюновым отправились к профессору часов около десяти вечера, перед наступлением комендантского часа: можно было полагать, что в такое время вся семья будет дома, да и Малявкин, если он скрывается у Варламовых, не высунет носа на улицу. Впрочем, ни Скворецкий, ни Горюнов особо не рассчитывали обнаружить Малявкина у Варламовых. Это было маловероятным. Профессор — советский человек, крупный ученый — не стал бы укрывать дезертира, изменника. Разве только если тот его обманул? Чекисты направлялись к Варламову, лелея надежду выяснить какие-то подробности о Малявкине, известные семье Варламовых, которые могли бы быть полезны в розыске.

Оставив машину недалеко от дома Варламовых, в соседнем переулке, Скворецкий и Горюнов разыскали нужный подъезд. Вот и дверь, на ней медная, чуть потемневшая дощечка: «Петр Андреевич Варламов. Профессор».

Кирилл Петрович нажал кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры послышался приглушенный шум, вроде бы вдалеке хлопнула дверь, и все стихло. Кирилл Петрович и Виктор с недоумением переглянулись. Скворецкий снова позвонил. Опять какой-то шум, затем легкий звук шагов. Дверь, прихваченная цепочкой, чуть приоткрылась. Мелькнуло испуганное девичье лицо.

— Вам кого? Что надо?

— Мы из наркомата, — подчеркнуто спокойно сказал Скворецкий. — По делу. Да вы откройте, не через порог же мы будем разговаривать. В самом деле, чего вы боитесь?

— А я вовсе и не боюсь, — ответила девушка, откидывая цепочку и распахивая дверь. — Вот еще. Очень мне надо пугаться!

Чекисты очутились в просторной, со вкусом обставленной прихожей, в которую выходило несколько дверей. Одна из них, на кухню, была открыта, остальные притворены.

— Нам нужен профессор Варламов. Петр Андреевич Варламов. Можем мы его видеть? — спросил Скворецкий.

— Дяди... то есть профессора, дома нету. Он... он уехал.

— Как — уехал? — удивился Кирилл Петрович. — Когда? Куда уехал?

Девушка ответила не сразу. Она подняла руки к груди, сплела пальцы, расплела их и снова сплела. В ее больших темных глазах таился испуг. Было видно, как она усилием воли старается его преодолеть.

— А вы... вы... вы не из НКВД? — внезапно ответила девушка вопросом на вопрос. Голос ее чуть заметно дрогнул.

— Знаете ли, — сердито сказал Скворецкий, — так у нас ничего не получится. Сначала вы не хотели нам открывать, теперь держите в прихожей, не приглашая в комнату, не предлагая сесть, и еще задаете странные вопросы. Разве это разговор? И что это вообще такое? Что тут у вас происходит? Как, кстати, вас зовут?

— Меня? Меня — Ната... Наталья Сергеевна...

— Ну, величать вас по батюшке, пожалуй, еще рановато. А теперь ведите нас в комнату, тогда и поговорим.

— О чем? О чем вы хотите со мной говорить? — с какой-то внезапной тоской спросила Ната, открывая одну из дверей, которая вела в комнату, служившую, судя по всему, столовой.

Едва переступив порог, Скворецкий понял, что совсем недавно в этой комнате, кроме Наты, были еще люди. В комнате пахло табачным дымом, на небольшом изящном столике стояла массивная пепельница с недокуренной, поспешно придавленной папиросой. На мундштуке виднелись следы губной помады. На широкой большой тахте, покрытой пушистым ковром, лежало несколько толстых научных Журналов, валялась какая-то полурассыпанная рукопись.

— Вы курите? — в упор спросил Скворецкий, оставляя вопрос Наты без ответа.

— Нет, что вы! Я не курю.

— А это? Это кто курил? — Кирилл Петрович указал на пепельницу.

— Это? — Ната смешалась. — Это... у меня... у меня была подруга. В гостях. Она и курила. Она ушла... Только что...

— Только что? — удивился Скворецкий. — Странно! Почему же тогда мы никого не встретили? Странно!

— Не знаю, — совсем растерялась девушка. — Но она действительно, ушла. Совсем недавно...

— Допустим, — согласился Скворецкий. — А сейчас, сейчас, кроме вас, в квартире никого нет?

— Нет, никого нету. Я одна.

— Так где же профессор Варламов? Куда уехал? Когда? Где его жена, Ева Евгеньевна, если не ошибаюсь? Тоже уехала? — спокойно спросил майор.

Ната сидела против Скворецкого и Горюнова потупившись, молчала и нервно теребила свои пальцы. Казалось, вот-вот девушка расплачется. Кирилл Петрович пристально посмотрел ей в лицо, внезапно встал, обошел вокруг стола и ласково погладил Нату по голове.

— Ну, ну, маленькая, зачем же нос вешать? Вижу, тут у вас что-то стряслось. Что же?

— Я... я не могу вам сказать. Не могу, — еле слышно произнесла Ната, глотая слезы. — Я же вас совсем не знаю. Кто вы? Откуда? Зачем пришли? Вы... вы хотите... арестовать дядю?

— Арестовать? — удивился Скворецкий. — А разве есть за что? Кстати, давайте познакомимся... Мы действительно из Народного комиссариата государственной безопасности. Моя фамилия Скворецкий. Майор Скворецкий, Кирилл Петрович. А это старший лейтенант Горюнов, Виктор Иванович. Прошу любить и жаловать. Вам-то, вам чего нас бояться? Думаете, съедим вас?

Ната сквозь слезы улыбнулась.

— Уж раз на то пошло, — продолжал Скворецкий, — вы советский человек, никаких преступлений, надеюсь, не совершили. Так? А если так, если совесть у вас чиста, какую мы можем представлять для вас опасность? Другое дело — будь вы преступник, враг нашей Родины. Да, с такими мы боремся. Но разве борьба с врагами нашего отечества не общее наше дело, особенно сейчас, когда идет война, когда фашисты то и дело засылают в советский тыл своих агентов?

— Это конечно, — кивнула Ната, — насчет войны я понимаю. Все понимаю. Я же комсомолка. Я ведь давно хочу на фронт, только тетя не пускает. Но я все равно уйду, убегу...

— Ну вот видите, — сердито сказал Скворецкий, — комсомолка, а туда же — «арестовать»! Рассуждаете о чекистах, как злостный обыватель, повторяете всякие бредни. Стыдитесь! Что же касается

фронта, то на фронте, думаю, обойдутся и без вас. Но и здесь, в тылу, нельзя забывать, что идет война, тем более комсомольцу. И тут вы можете принести очень и очень большую пользу, в частности, в том деле, которое нас сейчас интересует. Но в первую очередь мы хотим знать: куда и почему так внезапно уехал ваш дядя?

Ната опять насупилась, опустила голову и ничего не ответила.

— Молчите? Скверно! Ничего, значит, вы не поняли. — В голосе Кирилла Петровича слышалось разочарование. — Скажите, а ваша тетя, Ева Евгеньевна, курит?

Вопрос был задан неожиданно, в упор.

— Да, курит, — поспешно ответила Ната, и лицо ее залилось краской.

— Так, — протянул Кирилл Петрович и усмехнулся. — А врать-то вы, голубушка, не умеете, совсем не умеете. Еще не научились. Это хорошо!

Он подал незаметный для Наты знак Горюнову. Виктор мгновенно его понял и, поднимаясь со своего места, спросил Нату:

— Могу я выпить стакан воды?

— Воды? Пожалуйста, — удивленно сказала Ната. — Вот графин. На буфете.

— Тут кипяченая? Я, знаете ли, предпочитаю сырую. С вашего разрешения я пойду на кухню и там напьюсь. Можно? Да вы не беспокойтесь, сидите, сидите! Я и сам сориентируюсь.

Горюнов быстро вышел из столовой, прикрыв за собой дверь. Он слышал, как Скворецкий что-то громко сказал, Ната что-то невнятно ответила, потом рассмеялась. Виктор зашел в одну комнату, внимательно ее осмотрел, зашел в другую. Пусто. Никого. Он прошел на кухню. Едва очутившись в просторной кухне, Горюнов закусил губу и тихо, про себя, выругался. Первое, что бросилось ему в глаза, была дверь. Не та, через которую он вошел, а другая, с противоположной стороны.

Виктор кинулся к двери и рванул ручку на себя. Дверь распахнулась, она была не заперта. Так и есть: дверь вела на узкую лестницу с простыми железными перилами. Черный ход! Вот они, эти старинные здания!..

«Ну и история! — мелькнуло в голове у Горюнова. — Такую ерунду, не предусмотрели! Впрочем, как можно было предусмотреть

— не с обыском шли. А что, если именно здесь, в этой самой квартире, скрывался преступник, и, пока мы трезвонили в парадную дверь, он... Отсюда и странное поведение Наты, ее испуг, растерянность. Да, конечно же, это так, так и есть. Но профессор? Его жена? Они-то где? Нет, тут что-то не так».

На тесной лестничной площадке что-то белело. Горюнов нагнулся. Это был маленький женский носовой платочек. Он был чуть скомкан и издавал нежный аромат дорогих духов. Виктор сунул платок в карман, закрыл за собой дверь и вернулся в столовую. На немой вопрос Скворецкого он отрицательно качнул головой: нет, мол, никого нету. О своей находке он пока молчал. До времени.

За те несколько минут, что Горюнов отсутствовал, обстановка в столовой заметно изменилась: Ната оживилась и свободно, почти непринужденно беседовала с Кириллом Петровичем. «Ну и майор!.. — с уважением подумал Горюнов. — Умеет наладить контакт».

— Нет, Виктор, ты только послушай, — засмеялся Скворецкий. — По мнению Натаиной тетушки, все порядочные люди должны нас опасаться. Ну и ну...

Ната смущенно улыбалась.

— Послушайте, Ната, — внезапно серьезно спросил Скворецкий, — а вы Бориса, Бориса Малявкина, давно видали? Часом, не скажете, где он?

— Ах, Бориса!.. Так вот оно в чем дело! Тогда понятно. А я-то думала... Сейчас вам все объясню.

— Может, заодно вы скажете и чей это платок? — спросил Горюнов, вынимая его из кармана.

— Это? Евы Евгеньевны, тетушки. Как он у вас очутился?

— Очень просто: я нашел его на лестнице, возле черного хода.

— Ну, тогда ясно. Надо думать, она его впопыхах обронила, когда они с дядей бежали... от вас. Представляете?

— От нас? Бежали? — спросил Скворецкий. — Час от часу не легче. Да расскажите вы все наконец толком!

— Я и рассказываю... Как только вы позвонили в парадную дверь, Ева Евгеньевна кинулась наутек. Дядя так растерялся, что она и его с собой утащила. Ну прямо утащила! Через черный ход. Ева Евгеньевна меня заранее предупредила, что они с дядей вынуждены скрыться, и велела молчать.

— Но почему, черт побери, с какой такой стати понадобилось им бежать, скрываться? — развел руками Скворецкий.

— А Малявкин, где Борис Малявкин? — воскликнул Горюнов. — Где Гитаев?

— Вот уж этого я не знаю. Борис третий день как исчез. Гитаев — тоже... Вы уж не перебивайте меня, дайте я вам все объясню. Сама.

Глава 5

Надо отдать Нате должное: рассказывать она умела. Давала участникам происходивших событий меткие, точные, порою злые характеристики. Ее слова многое дополнили к тем сведениям, которыми чекисты располагали о Малявкине да и о Гитаеве, но обнаружились и новые обстоятельства, еще больше запутавшие и так далеко не ясную картину.

Из рассказа Наты получалось, что все неприятности в их доме начались около двух месяцев назад, когда внезапно появился Малявкин, и не один, а со своим «фронтовым другом» — Гитаевым. Бориса Малявкина Ната знала много лет, с раннего детства. В доме Варламовых он бывал постоянно, считался чуть ли не членом семьи. Ну, оно и понятно: Петр Андреевич Варламов хорошо знал еще отца Бориса, а после его смерти с симпатией относился к Борису. Так было вплоть до самой войны.

Потом... Потом Борис Малявкин ушел на фронт, и около года о нем не было никаких вестей. Как вдруг весной, в конце мая — Ната это точно запомнила: в последних числах мая, — он появился. С Гитаевым. Было это под вечер, уже темнело. Профессор был еще на работе, в институте (он всегда работал допоздна), и в доме были только Ната с Евой Евгеньевной. Вдруг — звонок. Дверь открыла Ната, а там — Малявкин, в форме, с мешком на плече. За Борисом стоял офицер. Стройный, подтянутый, с перехваченной широким ремнем тонкой талией. С усиками.

Ната как Бориса увидела, так и обмерла: ведь сколько уже времени, как о нем ничего не слышали, и вдруг явился. Собственной персоной. А Малявкин стоит усмехается: «Что, Мышка (это ее, Нату, в семье Мышкой звали. Раньше. В детстве), чего глаза таращишь? Не узнала?»

Тут тетя вышла на шум. Увидела Бориса, всплеснула руками и кинулась ему на шею. Обнимает его, целует, а сама все на Гитаева посматривает, глазки ему строит.

Вошли они в квартиру. Развязали свой мешок («сидор», как они его называли), а там чего только нет: и хлеб, и сахар, и соль, и

консервы всякие. И водка. Богатство! Профессор, правда, получал спецпаек, но у Евы Евгеньевны и у нее, Наты, карточки иждивенческие, на них не разгуляешься. А тут такая роскошь. Даже удивительно! За годы войны отвыкли от такого...

Уселись за стол, не ожидая профессора. Если сказать правду, так Ева Евгеньевна вообще мало с ним считалась. Виду, правда, не подавала — особенно при других, — всегда: «Петенька, друг мой!» А сама... Нет, не любила она профессора, не уважала. Скверный человек Ева Евгеньевна. Да, да, Ната и не скрывает: тетку она не любит. Терпеть не может. Это законченная эгоистка, двуличная, лживая, подлая женщина. Именно — подлая. Всю жизнь она дяде исковеркала. Что? Ната еще молода судить о старших, о родной тетке? Ничего не молода, и никакая ей Ева Евгеньевна не родная. Дядя — это да, родной, а Ева Евгеньевна — нет. И что она дяде жизнь испортила, это факт. Вот и сейчас...

— Что «сейчас»? — спросил Скворецкий.

— Минуту терпения, — возразила Ната, — все по порядку.

Итак, Петр Андреевич появился, когда пир уже был в полном разгаре. Сначала все немного растерялись, потом стали усаживать профессора за стол, угощать его, только он отказался. Петр Андреевич не очень любит посторонних людей, конфузится, а тут — Гитаев. Одним словом, ушел профессор к себе в кабинет и там заперся.

А застолье шло своим чередом. Выпили, конечно, особенно Малявкин. Языки развязались. Пошли у Малявкина с Гитаевым всякие воспоминания, фронтовые рассказы. Только как-то все это странно, с какими-то недомолвками, намеками. Очень все это Натке не понравилось. Ната вообще пьяных терпеть не может, а тут этот Борька... Малявкин. Развезло его. Противно... С этого дня вся жизнь пошла кувырком. И все Малявкин с Гитаевым. И тетушка. Малявкин и Гитаев в тот вечер так никуда и не ушли: остались ночевать, а там и вовсе поселились в профессорской квартире. Ночевали в столовой, выселив Натку в кабинет (обычно она спала в столовой), а днем слонялись по квартире. Ева Евгеньевна спросила разрешения профессора, но только для видимости — решила все она сама, а Петр Андреевич не стал ей перечить.

Малявкин и Гитаев стали в их квартире чуть не полновластными хозяевами, особенно когда у тетушки завязался роман с Гитаевым. Ни

Наты, ни тем более Малявкина тетушка не стеснялась: будто их тут и не было. Не успеет Петр Андреевич выйти за порог, как она так и бросается к Гитаеву: «Мотенька да Мотенька, хороший мой, ласковый!»

А какой он ласковый? Обращался он с теткой грубо, покрикивал на нее. Если кого и побаивался, так это профессора. Старался вести себя при нем тихо, скромно. Заискивал перед ним и от Евы Евгеньевны в присутствии профессора держался подальше.

День ото дня Нате становилось все тяжелее, противнее: чуть не ежедневно пьянки, какие-то странные разговоры, звонки, и тетка вовсе стыд потеряла. Профессор делал вид, что ничего не замечает, будто ничего особенного не происходит.

Как, с какой целью явился в Москву Гитаев с Малявкиным, зачем приехали, этого Ната понять не могла и это, пожалуй, ее больше всего и мучило. Говорили они, что находятся здесь в командировке, по распоряжению командования. Только какая же это командировка? Чуть не целые дни сидят дома, бродят без дела из комнаты в комнату, точат лясы, пьют водку. Если когда и уходят, так больше вечером, а иногда и сутками пропадают. Когда вместе, а когда и поодиночке: го один, то другой.

Ната не спала ночи — думала, думала. Что все это означает? Нет, определенно что-то тут неладно: и командировка странная, и ведут себя эти двое, Малявкин с Гитаевым, подозрительно. Поначалу это не очень было заметно, а потом все больше и больше бросалась в глаза их постоянная настороженность, озлобленность. Если кто позвонит в дверь или постучит в неурочное время, на них лица нет, хватаются за оружие, мечутся. И еще, заметьте, о прописке — ни звука, а время ведь военное. Ната заикнулась было, что надо бы сообщить в домоуправление, в милицию, так тетка в ответ только зашипела: чего, мол, суешься не в свое дело? Умнее всех захотела быть?

Гитаев же так на нее, Нату, посмотрел, что у девушки душа ушла в пятки: того и гляди, ударит или еще что похуже... Ната просто не знала, что ей делать. Посоветоваться бы? Но с кем? Пробовала поговорить с дядей, тот только рукой махнул: не вмешивайся, девочка, Ева Евгеньевна знает, что делает.

Пойти в райком комсомола, в свою организацию? А с чем пойдешь? Что скажешь? А если Гитаев с Малявкиным действительно

выполняют какое-то задание?

В милицию? В НКВД? И совсем страшно. Что делать? Кроме всего, Борис. Да, Борис Малявкин. Как-никак Ната знала его с детства и ничего плохого за ним раньше не замечала. Парень как парень. Ну, подлизывался к дядюшке, к тетке. Не имел собственного мнения. Печально, конечно, но бывает. Правда, нынешний Борис, как небо от земли, отличался от того, которого она знала раньше, до войны. Куда девались прежняя мягкость, деликатность? Грубый он какой-то стал, резкий. И все в рот этому Гитаеву смотрит: как тот, так и этот.

И еще Ната, хоть и была девчонкой, хорошо помнит, как он на фронт рвался, когда началась война, как рвался! А ведь его отговаривали, та же тетушка, броню обещали, но он настоял на своем — пошел добровольцем, А теперь? Слова доброго о Родине, о Советской Армии не скажет, а если говорит о фашистах, так только с каким-то страхом, с ужасом. Изменился Борис, очень изменился. Была до войны у него девушка, Мусей звали. Муся Синицына. Очень они дружили. Теперь же Борис к Мусе и не заглянул, даже о ней не вспомнил, зато начал заводить всякие знакомства, да еще этим и хвастался. Особенно часто он упоминал какую-то Люду, не то билетершу в кино, не то продавщицу. Между прочим, эта Люда, как поняла Ната, замужем...

— Люда? — внезапно перебил ее Скворецкий. — Это точно — Люда? Вы, часом, имя не перепутали? Нет? Так, так, любопытно... Ну, ну, продолжайте, простите, что перебил.

— А что продолжать? Я уже все сказала.

— Ну, положим, далеко не все, — вмешался Горюнов. — Где же теперь Гитаев с Малявкиным? Куда девались профессор и Ева Евгеньевна?

— Да, да, правильно. Про главное я и забыла...

Ната продолжила свой рассказ. Самое страшное началось во вторник, три дня тому назад. В этот день Малявкин и Гитаев сделали, как они говорили, «вылазку» за продуктами. Такие «вылазки» за время своего житья у Варламовых они совершали не раз. Куда и как они ходили, где добывали продукты, Ната не знала, но каждый раз они возвращались с полным «сидором». На этот раз, однако, все повернулось иначе, не так, как всегда.

«Вылазка» занимала у Гитаева и Малявкина обычно час-полтора, но в этот день они не вернулись ни через два, ни через три часа. Надвигался вечер, а их все не было. Тетушка не находила себе места. Ната никак не могла понять ее тревоги. Ну, задержались и задержались — что здесь такого? Люди же находятся в Москве в командировке; могли они наконец вспомнить о своих обязанностях и заняться делом?

Тетушка, однако, и слушать Нату не стала: «В командировке находятся? Делом занялись? Девчонка! Что ты можешь знать! Ничего ты не понимаешь!»

Малявкин появился под вечер, когда начало смеркаться, и пришел один, без Гитаева. Через черный ход. (Вообще они с Гитаевым часто пользовались черным ходом, даже свои ключи завели.) Вид у него был какой-то странный, встрепанный. Пуговицы на гимнастерке оборваны, на ладонях — ссадины. Ната было спросила, уж не подрался ли он с кем, но Борис ничего толком не сказал, только буркнул в ответ что-то невразумительное.

Тетушка? Тетушка так и кинулась к нему и увела скорее в спальню. Там они и заперлись. О чем они говорили, Ната не знает, но пробыли они в спальне минут десять пятнадцать. Не больше. Когда вышли, на тетке лица не было, а Борис стал сразу прощаться. Ната спросила его, где Гитаев, а он как-то странно посмотрел на нее и нехотя сказал: «Вернулся обратно. В часть. Его отозвали...» И тут же поспешно ушел. Едва за Борисом закрылась дверь, как Ева Евгеньевна кинулась на тахту, уткнулась лицом в подушку и словно замерла. Потом поднялась, села, приложила ладони к вискам и начала раскачиваться из стороны в сторону. А сама все стонет, стонет. Ната даже испугалась, спросила, не помочь ли чем, а тетка посмотрела на нее пустыми глазами и говорит: «Чем же сможешь? Ничем ты не сможешь помочь. Никто не поможет. Пропали мы, пропали... Что теперь делать?»

К приходу Петра Андреевича она, однако, несколько пришла в себя. Как показалось Нате, дядя ничего и не заметил, только, хотя виду и не показывал, был счастлив, что вечер прошел без «квартирантов», что и ночью они не появились.

А сегодня новая напасть. Профессор явился с работы рано, как никогда не бывало, мрачнее тучи. И молча начал ходить по столовой из угла в угол. Ну, тут Ева Евгеньевна пристала к нему с расспросами:

«Скажи, что у тебя стряслось?» Ната была в это время в столовой. И все слышала.

То, что рассказал дядя, было совсем непонятно. Один верный человек в институте (кто именно, дядя не сказал) сообщил Петру Андреевичу под строжайшим секретом, что его, профессора Варламова, персоной интересуется НКВД. Ему, «верному человеку», доподлинно известно, хотя и узнал он об этом случайно — услышал один разговор...

«Все ясно, — ледяным тоном произнесла Ева Евгеньевна, — тебя собираются арестовать».

«Меня? Арестовать? — возмутился профессор. — Помилуй, Евочка, что ты говоришь? С какой стати?»

«Откуда я знаю, это неважно, но это так. Иначе для чего им тобой интересоваться, если они не решили тебя арестовать? Кстати, я не хотела тебе говорить, не хотела беспокоить, но одно к одному: у Бориса и Гитаева тоже неприятности. Крупные. Но как, как эти могли дознаться, что Малявкин и Гитаев жили у нас? Как?»

«Да разве в этом дело — как? — взорвался профессор. — Говори толком, что твои постояльцы натворили? Давно они мне не нравятся».

«И скажу, — спокойно ответила Ева Евгеньевна. — Все скажу. Только...» — Она кивнула в сторону Наты, растерянно замершей возле буфета.

«Да, да, девочка... — поспешно сказал профессор. — Ты лучше иди. Иди. Побудь в другой комнате. Нечего тебе все это слушать. Незачем».

«Но...» — попыталась возразить Ната.

«Никаких „но“! — решительно перебила Ева Евгеньевна. — Не спорь. Нет сейчас у нас времени с тобой препираться. Слушай, что тебе говорят. Иди».

О чем говорил Петр Андреевич с Евой Евгеньевной, Натe неизвестно. Она может только догадываться. Во всяком случае, когда ее позвали в столовую, Петр Андреевич был донельзя растерян, тетушка же вела себя энергично. Надо полагать, она все давно продумала и нашла выход. Сообщение профессора, что им интересовалось НКВД, только ускорило осуществление принятого решения.

«Вот что, Ната. Ты уже взрослая, ты все должна понять, — сказала Ева Евгеньевна, едва Ната вошла в столовую. — Нам с Петром Андреевичем, вернее, Петру Андреевичу грозит страшная опасность: его, а возможно, и меня собираются арестовать. Нам придется бежать. Скрыться...»

«Евочка, — робко вставил профессор, — а может...»

«Нет, — жестко сказала Ева Евгеньевна. — Нет и нет. И не думай, Петр Андреевич. Все решено. Где мы будем, Натя, я пока не могу тебе сказать, но ты не волнуйся и, главное, кто бы тебя о нас ни спрашивал, молчи. Уехали, мол, и всё, ты ничего не знаешь. Поняла? Мы... Мы тебе скоро позвоним. Теперь же...»

— Ну, — закончила свой рассказ Ната, — все это произошло часа за полтора, за два до вашего прихода. Ева Евгеньевна тут же начала собирать вещи, что-то укладывать, перекладывать. А дядя все ходил, все ходил по комнатам как потерянный. Пробовал было вот тут, на тахте, что-то читать, только ничего не вышло. Опять принялся ходить, ходить... Уйти они решили завтра с утра, а тут — ваш звонок. Вот и все.

— У меня несколько вопросов, — сказал Скворецкий. — После того дня, после вторника, Малявкин у вас не появлялся? С тетушкой вашей больше не встречался, не беседовал?

— Борис? Нет, не появлялся. А с тетушкой... С тетушкой — не знаю. Может, где и встречался, может, по телефону разговаривал.

— Где он сейчас, куда от вас ушел, вы не знаете? — спросил Горюнов.

— Понятия не имею. Он стал такой скрытный, такой странный... Скажите: Борис — дезертир? Или... или что-нибудь еще? Хуже?

— Дезертир? Или хуже? А что хуже, что вы хотите сказать? Что-то я вас не совсем понимаю. Впрочем, попытаюсь ответить на ваш вопрос, — сказал Скворецкий. — Мы не знаем, дезертир ли Малявкин, почему он себя так странно, как вы рассказываете, вел. Нет, пока ничего определенного я не могу утверждать. Известно лишь одно, что по приезде в Москву ни Малявкин, ни Гитаев никаких служебных поручений не выполняли. Ну, есть и еще кое-какие обстоятельства, говорящие не в их пользу. Впрочем, судя по вашему рассказу, и вам они оба не внушили особого доверия. Разве не так?

— Да, — серьезно сказала Ната. — Это так. Я же вам говорила, что сама хотела пойти, только не знала куда.

— Вот это и плохо, — с укоризной сказал Скворецкий. — Очень плохо. Как это — куда? Совершенно напрасно вы сразу не пошли в райком комсомола или прямо к нам, не сообщили о своих подозрениях. Тут вы подкачали. Ну, да теперь это дело прошлое, не поправишь. Вернемся к Малявкину. Как вы полагаете, он сюда, в эту квартиру, еще наведается?

— Думаю, да. Если... если только Ева Евгеньевна не предупредит его, чтобы он не ходил.

— А как она сможет предупредить Малявкина? — быстро задал вопрос Горюнов. — Ей известно, где сейчас Малявкин, куда он от вас перебрался? Да и как она сможет ему что-либо передать, раз сама оставила квартиру?

— Этого я не знаю.

— Еще вопрос: куда направились, могли направиться ваши дядя и тетя?

— Понятия не имею. У Евы Евгеньевны много знакомых, я мало кого из них знаю.

— Скажите, а вы не думаете, что Ева Евгеньевна через день-два вернется домой? — сказал Кирилл Петрович. — Да и Петр Андреевич. Он же разумный человек, не ребенок. У него важная работа... Неужели он этого не понимает?

— Дядя все понимает, но он сейчас так подавлен, так растерян да и слишком полагается на Еву Евгеньевну. О, она умеет из него веревки вить... А Ева Евгеньевна редко отступает от того, что задумала. Впрочем, дать о себе знать она должна: они же ушли почти без вещей, без денег, даже продовольственные карточки дома остались. Как они будут жить? Где? Дядя... Бедный дядя... — На глазах у Наты навернулись слезы.

— Вот видите, Ната, — подвел итог Скворецкий, — наши интересы совпадают: и вы и мы заинтересованы в том, чтобы скорее разыскать ваших родственников. Нам бы хотелось рассчитывать на вашу помощь.

— Ну конечно! Помощь! Я вам помогу найти дядю, а вы его сразу арестуете!

— Опять за свое? А еще комсомолка! Простите, но я считал вас умнее. Ну что же, попробуем обойтись без вашей помощи. Как-нибудь уж сами.

— Зачем же так? Ну простите, если я что не так сказала, но я ведь ничего не знаю, ничего не могу понять, у меня ум заходит за разум, а вы... Вы тоже не хотите мне помочь... — Ната расплакалась.

— Ну что вы, голубушка, что вы? — ласково заговорил Скворецкий. — Вот видите — опять слезы. А зачем? Я вовсе не хотел вас обидеть, но поймите, нельзя же так: «арестуете»... Помощь ваша нам действительно нужна, и чем охотнее вы ее окажете, тем скорее мы найдем Петра Андреевича. И, уж конечно, не затем, чтобы арестовать. Надеюсь, вы мне верите?..

Оставив с Натой Горюнова, Скворецкий поспешил в наркомат. Он сразу же прошел к комиссару и доложил обо всех новостях. По мнению Кирилла Петровича, на квартире Варламова следовало организовать засаду на случай появления там Малявкина или кого-либо из хозяев квартиры. Нельзя было исключить и того, что этот адрес мог служить явкой лицам, связанным с Гитаевым и Малявкиным.

Предложение майора было одобрено, и на квартиру Варламовых тут же выехала оперативная группа.

Глава 6

Дождавшись возвращения Виктора, Скворецкий принялся подводить итоги. За прошедший день был получен ряд весьма важных сведений. Теперь было известно, где и как скрывались Гитаев и Малявкин во время своего пребывания в Москве. Ряд фактов, рассказанных Натой, все больше укреплял предположение, что Гитаев с Малявкиным не просто дезертиры, не мошенники, подделывавшие аттестаты, но агенты врага, засланные германской разведкой. Об этом говорили хотя бы слова Наты о том, как отзывался Малявкин о немцах. Пусть ничего определенного здесь не было, но все же... Тому было и еще одно подтверждение: из воинской части, которой были выданы командировочные предписания Гитаеву и Малявкину, в ответ на запрос Скворецкого сообщили, что в списках части старшие лейтенанты Гитаев и Малявкин не значатся и никогда не значились.

Дело усложнялось все более и более. Теперь, помимо розыска Малявкина, надо было искать еще и чету Варламовых, распутывать сложный клубок, завязавшийся вокруг профессора. Да, профессор Варламов! Задал он задачу. Серьезный ученый, работающий над важнейшей тематикой, имевшей, судя по всему, первостепенное оборонное значение, и вдруг всё бросает, бежит, покидает собственную квартиру!

Думая о бегстве профессора, Кирилл Петрович чувствовал, что он в чем-то допустил просчет при посещении института, где работал Варламов. Особенно его бесило то, что он никак не мог понять, где именно. Беседовал майор с людьми, на которых всецело можно было положиться, и вел беседу так, что это никак не могло встревожить профессора, даже дойди до него сведения об этих беседах, что было маловероятным. И все же факт оставался фактом: профессор обо всем узнал, и притом в извращенном виде.

Скворецкий отлично понимал, что решающую роль в бегстве Петра Андреевича Варламова сыграла Ева Евгеньевна, поведение которой во всей этой истории, с самого появления у них на квартире Гитаева и Малявкина, выглядело по меньшей мере странным, и все же казнил. Просчет им был допущен. Но где? Какой?

Бегству профессора Варламова было придано самое серьезное значение. У Кирилла Петровича так и стояло перед глазами лицо комиссара, когда он доложил ему о происшедшем. Комиссар даже побледнел от волнения.

— Бежал? — переспросил он. — Профессор Варламов бежал? Скрылся? Ну спасибо! Порадовали... Да вы понимаете, что это значит?

Скворецкий понимал. А комиссар продолжал:

— Работа, которую вел профессор, не должна прерываться ни на день, ни на час. И если без него она затормозится, если мы будем повинны в этом, нет нам прощения. Но есть и другая сторона дела, еще более страшная: что, если сведения, которыми владеет Варламов, попали или попадут в руки Малявкина или его хозяев — через Малявкина или через кого-то другого, иным путем?

— Вы имеете в виду, товарищ комиссар, жену профессора Варламова?

— Хотя бы и ее. Она меня очень тревожит. И не только она...

— Товарищ комиссар, а вы не думаете, что... что и сам Варламов может быть не безгрешен? Что Ната не все и не полностью в соответствии с фактами рассказала?

— Что значит «не безгрешен»? Связан с немцами, вы хотите сказать? Маловероятно. Уж очень это не вяжется с работой, которую он вел, не жалея сил, не щадя себя. Нет, вряд ли, но положение крайне запутанное. Рассказу Наты слепо верить нельзя, и все же девушка вызывает у меня доверие. Да и не в ней дело, не в ее рассказе. Самый факт бегства Варламова заставляет крепко задуматься. Одним словом, найти Варламова — первоочередная задача. За профессора вы головой отвечаете. И, конечно, нельзя забывать о Малявкине...

Вот теперь они и сидели вдвоем, Скворецкий и Горюнов, сидели и думали, как вести розыск дальше, с чего начинать. А начинать приходилось сызнова, и не только с Варламовым, но и с Малявкиным, — ведь все известные чекистам связи Малявкина были уже проверены, а он ушел и где теперь скрывается, неизвестно. Впрочем, одно предположение...

— Знаешь, Виктор, — говорил Скворецкий, расхаживая, как обычно, по кабинету из угла в угол, — надо бы нам разыскать эту Люду, знакомую Малявкина, о которой упоминала Ната.

Горюнов даже подскочил:

— Вы что, Кирилл Петрович, шутите? Найти в Москве девушку, о которой известно только одно — имя? Сколько всяких Люд в Москве? Сотни? Тысячи? Другое дело, мы искали Мусю — там было известно, что она студентка консерватории, известно, на каком курсе, а здесь? Нет, увольте, задача неразрешимая.

— Неразрешимая, говоришь? — прищурился Скворецкий. — А что ты на это скажешь?

Майор взял со стола томик Бальзака, обнаруженный в полевой сумке Малявкина, и раскрыл на том месте, где стояла надпись: «Люда. 845649».

— Теперь что скажешь?

Горюнов взял книгу, внимательно прочел надпись, перелистал весь томик страницу за страницей и снова вернулся к надписи.

— Нда-а, история... Написано «Люда», это точно, но что означают цифры? Может, номер телефона, хотя и странно записанный.

— Не «может», а так оно и есть, — уверенно сказал Скворецкий. — Телефон! Номер телефона Люды.

— Надо полагать так, но цифры изменены. Подстановка?

— Конечно, подстановка. Старый прием. И сделано не очень умно. Гляди: первая цифра должна означать литер, букву. Московские телефоны начинаются с буквы. Смотрим на диске букву под цифрой 8 — «И». Но телефонов, начинающихся с буквы «И», в Москве нет ^[1]. Значит, что-то другое...

— А что, если отнять единицу? — спросил Виктор.

— Не подходит: «Ж». Таких телефонов тоже нет. Вот если прибавить — «К». Это подходит. По аналогии следует приплюсовать единицу и к другим цифрам. Смотри, что получается: «К5-67-50».

— Так-то оно так, — засомневался Горюнов, — но может быть и другое. Может, надо не прибавить, а отнять, и не единицу, а, скажем, двойку или тройку, тогда тоже подойдет: «Е», «Д». Вполне подходит.

— Сомневаюсь. Отнимать по два или по три от пяти цифр на лету, мысленно — это уже сложнее. Так обычно не делают. Но не будем исключать ни одного варианта, пусть будет Е2-34-27 или Д1-23-16. И эти телефоны проверим. Все проверим, но, глядишь, до «Люды» и доберемся. Вот этим ты с утра и займись. Теперь Варламовы...

— Насчет Варламовых у меня кое-что есть, — оживился Горюнов. — Пока мы с Натой сидели и коротали время в ожидании оперативной группы, Ната мне многое рассказала. И телефонные книжки Евы Евгеньевны я просмотрел — Петр Андреевич записи телефонов не делал.

— Ну, и как?

— Там, знаете, столько телефонов записано, что черт ногу сломит. Сотни. Пришлось больше полагаться на слова Наты. Она назвала несколько фамилий, адреса. Правда, адреса ориентировочные, точных Ната не знает. Всё больше друзья и родственники Евы Евгеньевны. У профессора, как говорит Ната, друзей почти не было; она упомянула только одного — некоего Миклашева. Работает он, кстати, в том же институте, что и Варламов. Вот, глядите.

Горюнов положил перед Кириллом Петровичем несколько исписанных листочков бумаги. Там значилось:

«Баранова Полина Евстигнеевна, по прозвищу Пуся. Около сорока лет. Дочь царского генерала. Приятельница Евы Евгеньевны еще с дореволюционных лет, по гимназии. Последние годы встречались редко, но встречи всегда были теплыми, дружескими. Пуся безусловно предана Еве Евгеньевне. Живет она в Большом Гнездкинском переулке, в районе Пушкинской площади.

Зайцева Раиса Максимовна. За сорок. Закройщица одного из московских ателье, ныне работает в какой-то артели, занимающейся пошивом солдатского белья. Замужем. Муж Раисы Максимовны — театральный администратор. Зайцева — поверенная всех тайн Евы Евгеньевны. Муж и жена Зайцевы (детей у них нет) занимают двухкомнатную квартиру в доме ВТО.

Абрамов Константин Маркович. Официант. Работает в одном из московских ресторанов. За шестьдесят лет. Дальний родственник Евы Евгеньевны по матери и близкий ей человек. Имеет собственный домик в районе Измайлова. Состав семьи неизвестен. Последние годы Ева Евгеньевна встречалась с ним редко.

Зародицкая Мария Абрамовна. Около сорока лет. Вдова. По профессии — зубной техник. Доверенное лицо Евы Евгеньевны, хотя, на чем зиждется их дружба, неизвестно. Встречались часто, постоянно звонили друг другу по телефону. Проживает в Сокольниках в

отдельном небольшом доме, вдвоем с матерью — женщиной старой, но весьма энергичной.

Соболев Аркадий Адамович, бывший маклер. Пожилой. Нигде не работает. Жена тоже немолодая, в прошлом балерина. Занимают отдельную квартиру где-то в районе Смоленской площади. С ними живет их дальняя родственница. Соболевы дружили еще с родителями Евы Евгеньевны, в их доме она свой человек.

Миклашев Константин Дмитриевич. Около шестидесяти лет. Физик. Старинный сотрудник и близкий друг Петра Андреевича Варламова. Его подчиненный. Работает в том же институте, что и профессор. Угрюм. Нелюдим. Живет на Большой Калужской».

Внимательно прочитав записи, Кирилл Петрович отложил их в сторону и задумался.

— Ладно, — сказал он наконец, — утро вечера мудренее. Хотя, говоря по совести, утро-то уже наступило. — Майор посмотрел на большие настенные часы. Стрелки показывали пять часов. За окном уже светило солнце, хотя город еще не просыпался. — Да-а, уже утро, и все же несколько часов надо вздремнуть. Давай так: сбор в одиннадцать часов. Ты займешься поисками Люды, а я примусь за изучение друзей и знакомых Варламовых. Условились?

Однако ни на следующий день, ни сутки спустя Скворецкий не смог заняться друзьями Евы Евгеньевны. Все планы и наметки полетели кувырком.

Едва Кирилл Петрович появился в наркомате, как ему доложили, что уже несколько раз звонил по телефону директор института, в котором работал Варламов, и очень просил, чтобы майор Скворецкий, как только появится, тут же, безотлагательно приехал к нему или, на худой конец, позвонил. Главное — поскорее.

Кирилла Петровича это сообщение не слишком встревожило. Ему было ясно: в институте стало известно об исчезновении Варламова, вот директор и нервничает. Что же? Это естественно. Кирилл Петрович тут же снял трубку и набрал номер телефона директора.

— Майор Скворецкий? — не скрывая волнения, сказал тот. — Очень прошу вас приехать, и как можно скорее. За последние два-три дня после вашего посещения у нас произошел ряд событий. Пренеприятнейших. Особенно сегодня. Ночью... Да, да, именно ночью... Нет, сказать по телефону ничего не могу, просто не имею

права, но дело чрезвычайной важности... Нет, нет, ничего я не преувеличиваю. Полагаю, все, что случилось, имеет касательство к нашему с вами разговору, посему я именно вам и позвонил. Само собой разумеется, что в инстанции я уже сообщил. Итак, прошу не терять времени. Жду.

Кириллу Петровичу ничего не оставалось делать, как ехать в институт, хотя он и не думал, что услышит там что-либо для себя новое.

Директор ждал Скворецкого. Едва тот появился, как он усадил его в кресло, проверил, плотно ли закрыта дверь, и, усевшись напротив, начал рассказ. С первых же слов директора института Кирилл Петрович понял, насколько он заблуждался, полагая, что все сводится к бегству профессора Варламова. Да, в центре событий был действительно Петр Андреевич Варламов, но дело далеко не ограничивалось его бегством, все было куда серьезнее и сложнее.

— Прежде всего я вас должен уведомить об одном прискорбном событии, случившемся два дня назад, — начал директор. — Поначалу я никак не ставил это событие в связь с профессором Варламовым и хотел было положиться на милицию. Но теперь, после того что произошло сегодня ночью и обнаружилось буквально час тому назад, все выглядит иначе. А тут еще и Варламов исчез. Чертовщина какая-то!

Как явствовало из слов директора, два дня назад не вышел на работу один из лаборантов института, некто Евстафьев. Поскольку за Евстафьевым водился грешок — он выпивал, — никто особого значения его отсутствию не придал. Однако еще вчера утром в институт нагрянула милиция. Как оказалось, произошло нечто ужасное: Евстафьев был убит, убит буквально в двух шагах от института, в примыкавшем к институту большом пустынном парке.

Кто совершил это убийство, как, с какой целью? Кому мог мешать рядовой лаборант института? Ответа на эти вопросы, как и на сотню других, не было.

Труп обнаружил случайный прохожий. Ранним утром. Позавчера. Поднял тревогу. Явилась милиция. По заключению экспертов, убийство было совершено часов за двенадцать — четырнадцать до того, как было найдено тело, то есть вечером третьего дня. Евстафьев

был убит ножом, финкой, как утверждает милиция, хотя орудия убийства на месте и не оказалось.

«Финкой? — подумал Скворецкий. — Опять финкой? Как тогда, в прокуратуре, начальника продсклада... как его?.. Попова. Уж не Малявкин ли, не его ли работа? Но при чем здесь Малявкин? Ему-то это зачем? Но финка, финка... Хотя... финка? Мало ли у кого на руках финки!.. Вот лезет же в голову всякая чертовщина!»

— Что любопытно, — продолжал директор, — похищены деньги (сколько их у него там было — гроши!) и документы. Документы! Главное, пропуск в институт. Как уж милиция без документов дозналась, что убитый — Евстафьев, наш сотрудник, не интересовался, не мое это дело. Но ведь вот что: продкарточка на месте. Уцелела! У Евстафьева же это было главное богатство. Карточки-то у нас рабочие, первая категория... Вот и судите сами, ограбление это или тут что другое.

Известием об убийстве Евстафьева дело, однако, в эти тревожные для института дни не ограничилось. Ранним утром, сутки спустя после появления милиции, пришедшие на работу сотрудники обнаружили, что дверь в кабинет Варламова отперта. Странно! Никогда не бывает, чтобы двери оставляли незапертыми — такой уж в институте порядок. В первый момент тем не менее никто этому особого значения не придал: профессор Варламов — человек рассеянный, всякое могло случиться... А там и профессора хватились: время идет, его же нет и нет. Позвонили на квартиру. Может, захворал? Человек в годах, и сердце пошаливает.

Тут уж начинается чистейшая фантазмагория. Какой-то женский голос ответил, что профессора нет, уехал. А как он мог уехать? Куда?

Как нарочно, понадобились результаты последних опытов профессора Варламова. Решили вскрыть его сейф, а он, сейф... взломан. И... ничего там нет. Пусто. То есть всякие второстепенные записи лежат, но главного, главного — расчетов — нет. Исчезли!

— Скажите, — уточнил Скворецкий, — сейф оказался взломан или просто вскрыт? Ключом.

— Может быть, я неудачно выразился, но он именно вскрыт, дверца отперта. Следов взлома нет.

— Ключ имелся в одном экземпляре у профессора или был дубликат?

— Был и второй ключ, но тот хранится в секретной части. Возможность его использования исключена — он на месте.

— Вы не допускаете, что документы мог взять сам профессор Варламов? И никто другой. Ключ-то, выходит, был только у него, а сейф отперт. Ключом. Не взломан.

— Варламов? — возмутился директор. — Профессор Варламов? Да вы отдаете себе отчет, что говорите? Это же чудовищно! Это... Это... Это все равно как отец убил бы собственное детище.

— И все же, — спокойно, как бы размышляя вслух, сказал Кирилл Петрович, — исчезли документы и исчез профессор. Таковы факты. Факты бесспорные. Есть между этими двумя исчезновениями связь или ее нету? Боюсь, есть. Тем более ключ, ключ от сейфа... Есть над чем задуматься...

— Все это правда, — поспешно согласился директор, — но Петр Андреевич? Профессор Варламов? Нет, не верю. Не хочу верить.

В комнате наступила тягостная тишина. Первым ее нарушил Скворецкий:

— Хорошо, допустим, не Варламов. Мне тоже не хотелось бы его обвинять раньше времени, хотя... Подойдем с другой стороны. Скажите, вы полагаетесь на охрану? Она хорошо организована? Мог в институт проникнуть посторонний, воспользовавшись чужим пропуском, скажем, того же убитого? Евстафьева.

Директор пожал плечами:

— Охрана мне непосредственно не подчинена. Однако, возглавляя институт, такой институт, я не мог ею не интересоваться. На мой взгляд, поводов для беспокойства нет. До сегодняшнего дня, во всяком случае, не было, — поправился директор. — Постовые — народ грамотный, серьезный, службу несут исправно. Так, во всяком случае, мне кажется. Пропускной режим уж куда строже: пропуска проверяются не только снаружи, в проходной, но и при входе в здание и в отдельных помещениях. Правда, есть и одно «но»...

— Какое же?

— Институт новый, существует недавно, менее года. Сотрудников хоть и не так уж много, но порядочно. Что ни день, принимаем новых. Как уж тут запомнить друг друга, узнать в лицо? (Я исключаю ведущих работников — те между собой знакомы годами.) Отсюда следует, что попади любому постороннему институтский пропуск да

заменяет он на нем фотокарточку владельца, — проникнуть в институт проще простого.

— Ну, не так уж просто, — возразил Скворецкий. — И не любому постороннему это под силу. Он, этот, как вы полагаете, «посторонний», чтобы воспользоваться даже идеально подделанным пропуском (а хорошо подделать документ, подменить фотографию — дело сложное, хитрое, требующее профессиональных навыков и умения), должен досконально знать ваши порядки, хотя бы вот то, что вы мне сейчас рассказали. Откуда постороннему это знать? Только от кого-либо из ваших сотрудников, которые, между прочим, обязаны никому не разглашать никаких сведений. Следовательно, ниточка тянется опять-таки в институт, к кому-то из его сотрудников.

— Логично, — согласился директор. — Вполне логично. Но кто же тогда, если вы подозреваете кого-либо из сотрудников института, кто?

— Пока я на этот вопрос не могу ответить. Подозревать? Нет, ни одно конкретное лицо я пока не подозреваю, не имею оснований. Будем искать.

— А документы? Как быть с документами Варламова? Да и сам он где? Куда девался?

— Ничего определенного сообщить вам пока не могу. Будем искать, — спокойно ответил Скворецкий.

— Не скажу, чтобы вы меня очень обрадовали... Могу я, по крайней мере, знать, что вы намерены предпринять? Как действовать?

— Прежде всего я хотел бы осмотреть место происшествия, комнату профессора Варламова, его сейф. Затем мне надо будет потолковать кое с кем из сотрудников института, и еще мне очень нужно, чтобы мне никто не мешал.

— Ага, понятно. И все же наркому вашему я позвоню, если не возражаете.

Скворецкий пожал плечами и поднялся:

— Тут я вам не советчик. Воля ваша...

Глава 7

В это утро Горюнов пришел в наркомат раньше Скворецкого и, не дожидаясь Кирилла Петровича, приступил к розыску Люды. Начал он с того, что установил, кому принадлежат номера телефонов К5-67-50, Е2-34-27 и Д1-23-16.

Оказалось, что первый телефон установлен в парикмахерской, второй — в кинотеатре и третий — в... зоопарке.

— Полагаю, Кирилл Петрович, что начнем с зоопарка, — серьезно говорил Виктор, едва Скворецкий появился в наркомате. — Думаю, что Люда — это... белая медведица, а?.. Нет, вероятно, это тюлень. Дама-тюлень или девица-тюлень. Звучит?

— Ладно, ладно, — ворчал Скворецкий, отмахиваясь от Виктора. — Умерь свою прыть. А зоопарк — что же? В зоопарке, между прочим, и люди работают. Там не только тюлени или белые медведи водятся...

— Почему тюлени? — продолжал шутить Горюнов. — Разве я сказал — тюлень? Нет. Люда — шимпанзе, определенно шимпанзе. Или эта... как ее?.. макака!.. Впрочем — нет! Змея! Очковая змея. Кобра!.. А что? Кобра — это звучит...

Скворецкий не дослушал, махнул рукой и поспешил к выходу: он торопился ехать в институт. А Виктор, вволю посмеявшись, все же отправился в зоопарк. Вероятность обнаружения Люды в зоопарке была сомнительной, но и этот вариант следовало проверить и сразу же исключить из розысков, если никого заслуживающего внимания там не обнаружится. Поэтому с зоопарка он и начал. Виктора мало смущало, что ни по одному из полученных телефонов не было, судя по всему, продавщицы, — Ната, определяя профессию Люды, могла и ошибиться. И Малявкин мог не сказать ей всей правды. Зато был кинотеатр, а в кино должна быть и билетерша. Вот если запись на томике Бальзака все же не телефон, тогда как? Тогда придется искать какие-то другие пути. Искать, искать, искать — таков удел чекиста. И — находить.

В зоопарке Горюнов быстро получил список сотрудников, находившихся в Москве. Женщина, по имени Людмила, в нем

значилась, к счастью, единственная, других Людмил среди работников зоопарка не было, но... этой Людмиле перевалило за шестьдесят. Значит, отпадает.

Теперь все мысли Горюнова были прикованы к кинотеатру.

Он зашел в ближайший телефон-автомат и набрал номер: Е2-34-27.

— Алле! — послышался пронзительный женский голос.

Виктор кашлянул и не очень уверенно произнес:

— Прошу извинить, мне бы Люду!

— Люду? А ее нет. Будет позже. Вечером.

В трубке послышались частые, отрывистые гудки.

«Ага! — торжествовал Горюнов. — Вот, дражайший Кирилл Петрович, ваши теоретические выкладки: трудно к цифре прибавлять или вычитать двойку или тройку, так обычно не делают. Делают, как видите! Еще как делают».

Горюнов не сомневался, что нужная им Люда, знакомая Малявкина, обнаружена, и все-таки, вернувшись в наркомат, решил позвонить по третьему телефону — в парикмахерскую. Он набрал номер К5-67-50 и попросил Люду.

— Это Людмилу, что ли? Сбойчакову?

— Да-да, — поторопился Виктор. — Именно Людмилу. Сбойчакову.

— Так нет вашей Сбойчаковой, она в вечер работает. И звонят тут ей, и звонят, житья нет... — Трубка была брошена.

Виктор невольно вздохнул. Вот тебе и на — и тут Люда! Какая же из двух? Вероятнее, билетерша, но... Хорошо, однако, что этой Люды, из парикмахерской, не оказалось на месте, что удалось обойтись без разговора, и того лучше, что этой самой Люде «звонят и звонют»: его звонок не может вызвать и тени подозрения. Теперь скорее собрать сведения о той и другой Люде, а там... Там видно будет. Придется, очевидно, заняться обеими.

Несколько часов спустя перед Виктором Горюновым лежали две справки.

Первая. Мизюрина Людмила Софроновна, 1915 года рождения, живет на Палихе, дом (номер), квартира (номер). Работает билетершей в кинотеатре. Мизюрина замужем. Муж — Сергей Михайлович Мизюрин, 1913 года рождения, в действующей армии. До войны

работал киномехаником. Под Москвой, в Люблино, проживает отец Мизюриной, Касаткин Софрон Григорьевич, 1884 года рождения. Работает заведующим мануфактурным складом. В последнее время Мизюрина очень часто посещает своего отца.

И — вторая. Сбойчакова Людмила Игнатьевна, 1918 года рождения, проживает по 2-й Мещанской, дом (номер), квартира (номер). Живет с мужем в квартире его родителей, которые эвакуировались. Муж — Сбойчаков Трифон Захарович, 1906 года рождения, инвалид войны. Ранен в 1941 году под Смоленском. Работает начальником почтового вагона дальнего следования на линии Москва — Владивосток. Дома бывает редко, наездами. Сбойчакова Людмила Игнатьевна работает в парикмахерской на улице Сретенка.

Согласовав со Скворецким план действий, Виктор отправился на Палиху. (Решено было начать с Мизюриной — как же, билетерша кинотеатра!)

Соседи Людмилы Мизюриной отзывались о ней скорее недоброжелательно: так, ничего особенного, женщина как женщина, но характер скверный. Молодая, а сварливая. И жадная. Скопидомка. Все себе тащит и себе. К людям недобра: хоть ты пропади пропадом, воды напиться не подаст.

Заводит ли Мизюрина случайные знакомства? С мужчинами? Трудно сказать. Вроде бы ничего такого за ней не замечали, хотя женщина она интересная и за внешностью своей следит. Но насчет романов... Нет, никакого намека на какой-либо роман не было. Однако кто ее знает? Женщина она скрытная, себе на уме. Всякое могло случиться.

Прямо с Палихи Горюнов выехал в Люблино, где жил отец Мизюриной. Там ему пришлось провести целый вечер, потратить не один час, и не зря.

Отец Мизюриной, Софрон Григорьевич Касаткин, жил в небольшом домике, притаившемся за высоким забором. Стоило постороннему приблизиться к забору, как раздавалось металлическое звяканье и звучал грозный басовитый лай: хозяйство Касаткина охранял злющий пес.

Соседи Касаткина, называвшие его не иначе как хапугой, относились к нему с откровенной неприязнью. Как часто бывает в таких случаях, каждый с удовольствием «перемывал косточки»

неполюбившемуся соседу, никого не приходилось расспрашивать. Говорили охотно, говорили много, со всяческими подробностями, и трудно было разобрать, где тут правда, где выдумка. Виктор и не пытался разобраться, отделить правду от лжи: его сам Касаткин интересовал мало. Зато когда одна из особо словоохотливых соседок упомянула о том, что последнее время она несколько раз видела на участке Касаткина какого-то постороннего мужчину, военного, Виктор весь обратился в слух:

— Мужчина? Военный? И давно он там появился? Как выглядит: молодой, старый?

— Да нет, не очень чтобы давно, впервые этак с месяц назад, может, чуть побольше, а молодой ли, старый, не скажу, батюшка, не заметила. Сдается, не очень старый, а там кто знает... Не разглядела. (Не могла же соседка признаться, что она подглядывала через щелку в заборе, — а что через щелку разглядишь?!)

«Он! — решил про себя Виктор. — Малявкин! Удача».

Горюнов потолкался и возле мануфактурного склада, которым заведовал Софрон Григорьевич, побывал и в местном отделении милиции. В этот вечер ему определенно везло: надо же случиться так, что именно этими днями на складе была обнаружена недостача и предполагалась ревизия. Виктор не остался безучастен к полученным сведениям, и по дороге в Москву у него созрел план, который он и доложил Кириллу Петровичу.

— Интуиция! — возбужденно восклицал Виктор. — Верьте моей интуиции, это Малявкин! Он там, у Касаткина...

Майор Скворецкий хотя и не разделял излишнего оптимизма своего помощника, хотя и посмеивался над его «комсомольской торопливостью», как он выразился, но план, представленный Горюновым, одобрил. Той же ночью в Люблино выехала оперативная группа, возглавил которую сам майор.

Прихватив в люблинском отделении милиции двух милицейских работников, Скворецкий и оперативная группа двинулись к дому Касаткина. Оставив прибывших с ним оперативных работников дежурить возле забора (надо было перекрыть все пути отхода — мало ли что!), сам Кирилл Петрович с Горюновым и милиционерами подошли к калитке. Они долго стучали, в ответ раздавался только

свирепый собачий лай. Наконец слышались чьи-то шаги, и хриплый голос спросил:

— Кого там еще принесло? Чего стучите, покоя людям не даете?

— Ты, Григорьевич? — откликнулся один из милиционеров. — Открой. Милиция.

Послышалась какая-то возня, стукнула щеколда, и калитка чуть приоткрылась.

— Ты, что ли, Максимович? — сердито спросил Касаткин, вглядываясь в темноту. — И чего тебя по ночам черти носят? Дня тебе мало?

— Я, я, — отозвался милиционер, которого Касаткин назвал Максимовичем. — Узнал? Отворяй. Так что придется произвести у тебя обыск. Насчет мануфактуры... Ты зверя-то своего угомони.

Горюнов нажал плечом, калитка распахнулась, и Скворецкий, два милиционера, а за ними и Виктор прошли мимо отступившего в сторону Касаткина к дому. Касаткин укоротил цепь, на которой метался здоровенный пес, и последовал за непрошеными гостями.

— Обыск? — спросил он, догоняя Скворецкого, в котором угадал главного. — Это почему обыск? Никакого полного права не имеете.

— Имеем, — весело отозвался майор. — Имеем право. На вашем складе обнаружена недостача, вот и поищем...

— Недостача? А я тут при чем? Не брал я мануфактуры. Ищите, власть, конечно, ваша, только нет у меня ничего. Нехорошо поступаете.

— По закону поступаем, хозяин, по закону. Зря обижаешься. Давай показывай свои хоромы.

Дом был небольшой, одноэтажный. В жилые комнаты (их было две) вели просторные сени. Комната, в которую вошел Скворецкий и его спутники, служила хозяину, судя по всему, столовой. Она была обставлена простой, но добротной мебелью. На большом, покрытом клеенкой столе было расставлено несколько тарелок с остатками недоеденной пищи, стояла начатая бутылка водки, посапывал массивный, ярко начищенный самовар.

— Хорошо живете! — заметил майор.

Касаткин промолчал.

Навстречу вошедшим поднялась молодая, лет под тридцать на вид, женщина. На ее миловидном лице блуждала какая-то странная,

одновременно испуганная и заискивающая улыбка.

— Дочь, — кивнул в ее сторону Касаткин. — Людмила. Приехала из Москвы отца проведать.

— Мизюрина, — назвалась женщина. — Людмила Софроновна. Здравствуйте...

— Здравствуйте, — ответил за всех Скворецкий. — Извините за беспокойство, но такая уж у нас служба. Должны произвести обыск... А вы что — ужинали? Поздненько изволите ужинать, время-то за полночь...

— Я в своем доме, — угрюмо возразил Касаткин, — сам здесь хозяин. Ужинаю, когда хочу.

— Оно, конечно, — согласился Кирилл Петрович. — Дело хозяйское. Приступим, товарищи?

Тщательно осмотрев первую и вторую комнаты (последняя служила спальней), Скворецкий и его помощники никаких признаков мануфактуры не обнаружили. Не было в доме — это главное — и никого постороннего. Что же, соседка Касаткина ошиблась или все выдумала, по злобе сочинила?

Кирилл Петрович сердито поглядывал на Горюнова, собираясь кончать обыск, когда тот вдруг шагнул к подоконнику и с торжеством поднял вверх широкий солдатский ремень. Мизюрина тихо вскрикнула и поспешно закрыла рот ладонью. Касаткин метнул на нее из-под нависших бровей свирепый взгляд. Перехватив этот взгляд, Виктор улыбнулся и обратился к Касаткину:

— Это, папаша, чей же ремень будет?

— «Папаша»! — фыркнул Касаткин. — Тоже сыночек нашелся. А ремень что? Мой это ремень. Кому до этого какое дело.

— Ваш? — удивился Горюнов. — Что же, вы его поверх пиджака носите? Обличье у вас вроде бы гражданское...

— Где хочу, там и ношу. И никого это не касается.

— Справедливо, — согласился Скворецкий. — Кому, действительно, какое дело? Давай-ка, хозяин, показывай участок: сарай, амбар, что там у тебя есть...

— А ничего и нет, — мрачно сказал Касаткин. — Амбаров не заведено. Есть поленница дров да конура собачья. Там, что ли, искать будете?

— Отчего же? И там поищем...

Подсвечивая себе карманными фонариками, Кирилл Петрович, Горюнов и милиционеры, следуя за хозяином, вышли во двор. Сразу за ними выскочила Мизюрина и с пронзительным криком кинулась к пленнице, громоздившейся слева от крыльца. В тот же момент из-за пленницы метнулась какая-то темная фигура — и к забору.

— Стой! — громко крикнул Скворецкий, вырывая из кармана пистолет. — Стой! Стрелять буду...

Залилась трель милицейского свистка. Но бежавший и не думал останавливаться. Мгновение — и он перемахнул через забор. Однако уйти ему не удалось: из-за забора послышалась какая-то возня, прозвучал приглушенный вскрик, и минутой спустя двое оперативных работников ввели через предусмотрительно распахнутую Горюновым калитку дюжего мужчину, руки которого были скручены за спиной.

Едва чекисты ввели задержанного в освещенную комнату — это был рослый, плечистый человек, в военной гимнастерке со следами споротых петлиц, без погон и без поясного ремня, — как Мизюрина кинулась к нему на грудь и истошным голосом завопила:

— Не дам!.. Изверги... Не да-ам!..

— Ладно, Люда, ладно, чего уж тут... — сконфуженно говорил тот, неуклюже пытаясь освободиться из цепких объятий женщины.

— Гражданка Мизюрина, — вынужден был повысить голос Скворецкий, — успокойтесь! Садитесь. Дайте разобраться.

Прошло не менее часа, пока все выяснилось. Нет, это был не Малявкин, и сходства никакого не было. Виктор Иванович ликовал раньше времени. Задержанный оказался мужем Людмилы, Сергеем Михайловичем Мизюриным. Около года назад он дезертировал из рядов Советской Армии и все это время скрывался в Люблино, в доме отца своей жены, проживая на нелегальном положении, не высывая и носа со двора. Кроме Касаткина и Мизюриной, беспрестанно твердившей своим соседям и знакомым, что муж ее на фронте, воюет, никто не знал, где он находится.

Передав Мизюрина работникам милиции и поручив им подготовить материалы для направления в трибунал, Скворецкий с Горюновым и остальными оперативными работниками вернулись в Москву.

— Ну как, Виктор, — спрашивал по дороге Кирилл Петрович, — как насчет интуиции? Где же твой Малявкин?

Горюнов сконфуженно молчал. Интуиция подвела. Малявкина не было.

Глава 8

Неудача в Люблино не обескуражила Горюнова. Теперь оставалась только Людмила Сбойчакова, и уж там-то, Виктор был уверен, обнаружатся следы Малявкина. Если нет, будем искать дальше!

Горюнову очень хотелось поехать в парикмахерскую, усесться в кресло, закрепленное за Сбойчаковой, и завязать непринужденный разговор. Может, что-нибудь в таком разговоре и выяснится. Но он воздержался. Рискованно. Зато никто не мог возразить против поездки на 2-ю Мещанскую, к дому Сбойчаковой. Осторожную разведку на месте произвести было необходимо, и Горюнов отправился на рекогносцировку.

Сбойчакова жила в ветхом деревянном домишке. Дом стоял в глубине небольшого двора, а рядом и сзади громоздились другие дома, посовременнее, повыше.

Квартира Сбойчаковых находилась на первом этаже. Окна, задернутые плотными занавесками, чуть не вровень с землей. Дверь вела прямо на улицу, на небольшое крылечко в одну ступеньку. На двери большой висячий замок.

На счастье Горюнова, во дворе на скамеечке, под разлапистой липой, сидели несколько пожилых женщин и мужчина с деревяшкой вместо правой ноги. Когда Виктор вошел во двор, они сразу умолкли, переглянулись и уставились на него.

— Здравствуйте, — вежливо сказал он и сдернул кепку.

— Здравствуй, если не шутишь, — ворчливо сказала одна из женщин. Остальные угрюмо молчали.

— Вы не скажете, из Дмитриевых кто есть дома? Они вроде бы тут проживают? (Горюнову было известно, что в соседней со Сбойчаковыми квартире проживала семья Дмитриевых, глава которой и старший сын находились на фронте, были живы и здоровы, а все остальные члены семьи пребывали в эвакуации.)

— Дмитриевы? А тебе зачем? — спросил одноногий.

— Так я с Петром Анисимовичем в одной части служил. С Дмитриевым, значит. Потом ранен был. После ранения — госпиталь.

Вот, выписался, ну и решил заглянуть. Может, что узнаю.

— С Петяшкой? — обрадованно воскликнул одноногий, подвигаясь и уступая Горюнову место. — Да ты садись, мил человек, садись! В ногах правды нету. Ну, как там Петяшка, как воует? Сказывай.

Потеснились и женщины. Угрюмость на их лицах сменилась приветливыми улыбками.

— Что вам сказать? — задумчиво начал Горюнов. — Ведь я с Петром воевал вместе в начале сорок второго, потом, я же говорю, был ранен. Тогда все было хорошо. Петр геройски воевал. Медаль получил. (Это Горюнову тоже было известно.) А что было дальше, где Петр сейчас, как он, не знаю. Война!..

— Война, будь она проклята! — зло сказал одноногий и ожесточенно хлопнул ладонью по своей деревяшке. — Про медаль, брат, мы и без тебя знаем, наслышаны. Выходит, не ты нам, а мы тебе можем рассказать про Петяшку. — Он неожиданно расхохотался. — А я ведь, бабы, что подумал? Я подумал, что он, этот мужик, вовсе и не к Дмитриевым, а к Людке!

— Ну да, ну да, — закивали головами женщины. — И я так подумала... И я... И я... — Они засмеялись.

Женщины быстро позабыли о Дмитриеве и, все более и более расходясь, стали обсуждать Людку Сбойчакову. Очень скоро Виктор во всех подробностях узнал историю ее многочисленных походов. Что в этой истории было правдой, а что говорилось зря, со злости, разобрать было трудно, но суть была ясна, и она, суть того, что говорилось, многое дала Виктору.

Людка Сбойчакова, как в один голос утверждали соседки, всегда была дрянью. Правда, до войны она вела себя тихо, осторожно. Все пошло с начала войны, с того времени, как ее мужа, Трифона Сбойчакова, забрали в армию, а там эвакуировались и его родители. Людка осталась единственной и полновластной хозяйкой квартиры. Вот тут-то и началось! Что ни день — у нее дружки: то один, то другой... И всё больше военные. Офицеры.

Весной сорок второго вернулся муж. Из госпиталя. Так ничего, но рука покалечена. Правая. Одним словом, отвоевался солдат. Вчистую. Соседи ему, слово за словом, все и выложили. Он Людку дня два, а может, и три лупил.

Бил он Людку, бил, а что толку? Пошел Трифон на прежнюю работу: на железную дорогу. Начальником почтового вагона дальнего следования. Когда неделю, две, а когда и месяц в разъездах. Людке только того и надо: муж со двора, а милый друг во двор. И опять то один, то другой. И не то чтобы тайком, втихомолку, а прямо живут у нее, днюют и ночуют.

Она ведь что учудила! Мужа-то она все-таки побаивается: тяжел Трифон на руку. Она если дружка и приведет, то проводит его в горницу, дверь снаружи на замок, и ключ на условное место. Сама же в квартиру — через окно.

Трифон придет невзначай, не ко времени, ключом в замке шебаршит, шебаршит, а Людка тем временем с дружком-то со своим через окно выпрыгнет (окна от двери не видно) — и поминай как звали. А потом явится тихая, смирная. Трифону сколько раз говорили, а он злобится, слушать не хочет. Бить-то жену бьет, а любит. Что сделаешь?

Вот и сейчас у нее завелся какой-то... Молоденький. Белобрысый. То изредка появлялся, а последние дни вроде бы там и сидит, у Людки, благо Трифон опять в отъезде. Может, однако, и не сидит. На дворе он, этот молоденький, что-то дня три не показывался.

Тут собеседники Виктора заспорили: кто говорил, что «белобрысого» не видно три дня, кто — два, а одноногий и вовсе утверждал, что видел его не позже как вчера. Спору не видно было конца.

Горюнову стоило невероятных усилий все это слушать спокойно. С первых слов ему стало ясно, что здесь, именно здесь, в этом дворе, в этом домишке, — Малявкин. Не в Люблино — там вышла осечка, — а здесь. Тут его потайное логово. А если сейчас Малявкина и нет, то был, обязательно был, сутки назад, двое суток... И придет, еще придет. Непременно!..

Но отделаться от словоохотливых собеседниц было не так просто. Они вспоминали всё новые и новые факты, обрадованные новому слушателю: друг другу-то они давно надоели, каждая и так знала, что скажет другая.

Наконец Виктору удалось вырваться из цепких рук дворовых кумушек, сослуживших ему такую службу. Он в последний раз

солидно простился и не спеша направился к воротам. Едва повернув за угол, Горюнов припустился со всех ног.

Скворецкого на месте не оказалось, и Горюнов, дорожа каждым часом, прошел прямо к комиссару.

— Так, так... — побарабанил пальцами по столу комиссар. — Значит, вы полагаете, что Малявкин находится там, у этой Сбойчаковой? Что же, похоже на то, но все-таки это только предположение. Смотрите, как бы не получилось второе Люблино: вдруг да не Малявкин?

— Товарищ комиссар, — воскликнул Горюнов, — он, он! Я уверен. Все сходится: и что Ната говорила, и приметы... Чую — он!

Комиссар улыбнулся:

— Чуете? Опять чуете? Это, конечно, существенно, но чутье вас уже не раз подводило. Я, признаться, больше полагаюсь на факты. И даже если их достаточно, горячку пороть не будем. Нельзя. Да и к чему? Что вы предлагаете? Нагрянуть туда, оцепить дом, учинить обыск, поднять шум на весь квартал? Разве так можно? А вдруг все же это не Малявкин? Или Малявкин. Допускаю. С оружием. Жертв хотите? Нет, сделаем иначе...

Комиссар снял телефонную трубку, отдал распоряжение.

— Вот так, — сказал комиссар, кладя трубку. — Вам все ясно? Операцию начнете, как только стемнеет.

...В переулке, по которому недавно бежал Горюнов, взвизгнув тормозами, остановилась машина. За ней вторая. Несколько молодых людей — среди них Виктор Горюнов — быстро выскочили из машин и направились кто на 2-ю Мещанскую, кто в проходные дворы. Шли они порознь, спокойно, с безразличным видом. Еще несколько минут — и все подходы к дому Сбойчаковых незаметно для посторонних глаз были перекрыты.

Начало смеркаться. Все было тихо. На дворе иногда появлялись случайные прохожие да на лавочке, под липой сидели какие-то люди. В квартиру Сбойчаковых никто не входил, и никто оттуда не выходил. Замок висел на двери.

Не появлялась и Людмила: была еще, по-видимому, на работе.

Сумерки сгущались. Даже вблизи нельзя было разглядеть лица. Чекисты приблизились к дому Сбойчаковых. Часов около десяти в проеме ворот мелькнула тень. Какая-то женщина шла по двору тихо,

осторожно, то и дело озираясь по сторонам. Она подошла к одному из окон квартиры Сбойчаковых и трижды негромко стукнула в ставень. Потом еще трижды. Прошли считанные секунды, и окно чуть приоткрылось.

— Люда, ты? — послышался мужской голос.

— Я, я, — ответила женщина и ловко вскарабкалась на подоконник.

Окно закрылось. Замок остался висеть на двери.

Минуло еще полчаса. На дворе было тихо, ни души. Меж бегущих облаков изредка проглядывала луна, освещая затемненную Москву призрачным светом.

Внезапно по крылечку загрохотали тяжелые шаги, в замке заскрежетал ключ. Минуту спустя одно из окон бесшумно распахнулось, и на землю мягко спрыгнул мужчина. Не успел он сделать и нескольких шагов, как его руки оказались заломлены за спину. Он испуганно вскрикнул, пытаясь вырваться.

— Тихо! — послышался повелительный голос. — Не поднимайте шума. Сопротивление бесполезно.

Так же быстро и бесшумно была задержана женщина — Людмила Сбойчакова, выскочившая из окна вслед за мужчиной. Замок на двери так и остался висеть. Горюнов, возившийся с замком, сошел с крыльца и присоединился к группе оперативных работников.

Рассадив задержанных по машинам — мужчину в одну, женщину в другую, — оперативные работники доставили их в наркомат. Разговор с Людмилой Сбойчаковой оказался недолгим: она горько плакала, каялась в грехах и заверяла чекистов, что подобного с ней никогда не повторится. Как оказалось, с задержанным она познакомилась около двух месяцев назад. Случайно. «Симпатичный

такой. Офицер. С фронта. Ну что здесь такого? Если бы я знала, если бы знала!..» И опять в слезы...

Сбойчакова клялась и божилась, что ей известно только имя ее приятеля: он назвался Николаем. Фамилией она даже и не поинтересовалась. И бывал-то он у нее за все время знакомства раз пять-шесть. Не больше. Вот разве что последние дни — тут он пробыл четверо суток. Это правда. А больше она ничего и не знает.

Сбойчакову отпустили. Ей, по-видимому, действительно больше нечего было сказать.

«Николай»? Так, значит, Николай, а не Борис? Не Малявкин? Или соврал, скрыл свое имя? Но зачем, с какой целью? Малявкин имел собственные документы, и скрывать ему свое имя не было никакого расчета.

Кстати, документы у задержанного были. Удостоверение личности и командировочное предписание воинской части. И то и другое на имя Николая Задворного. Не Малявкина. Больше ничего. Неужели снова не то, снова ошибка?

Глава 9

Кирилл Петрович Скворецкий вернулся из института только к ночи в самом мрачном настроении. Последние дни выдались куда как скверные. К прежним неприятностям — таинственному бегству Варламова — добавились новые, не менее таинственные, самого угрожающего характера: исчезновение документов. Тут уж гадать было нечего: налицо был факт тягчайшего преступления. Хуже того: а что, если эти документы попадут в руки врага или уже у фашистов? Даже думать об этом не хотелось. А надо, надо было думать...

Тут еще убийство Евстафьева. Все переплелось в единый клубок. И что больше всего тревожило Скворецкого, так это то, что время шло, и, несмотря на упорнейшую кропотливую работу, он не обнаружил ни единого проблеска, не нащупал самой тончайшей ниточки, ухватившись за которую можно было бы раскрыть тайну, найти следы врага, похитившего документы.

Кирилл Петрович, закончив беседу с директором института, внимательно осмотрел сейф. Ничего. Никаких признаков взлома. Судя по всему, сейф действительно был вскрыт ключом, а отсюда причастность профессора Варламова к исчезновению документов становилась все более очевидной.

«Варламов? — думал майор. — Варламов? Он взял документы? Очень многое говорит за это — тот же ключ, бегство. Но... Сколько здесь „но“!»

Кирилл Петрович не мог не считаться с мнением директора института, который и мысли не допускал, что похищение документов — дело рук профессора. И не только это. Ведь ключ мог быть похищен у Варламова, с ключа, наконец, мог быть сделан слепок... Да, все это так, все могло быть, но... бегство! Бегство профессора. Не может быть, чтобы между таинственным исчезновением Варламова и пропажей документов не было связи. Может, потому профессор и скрылся, что документы...

С первых же шагов расследования Кирилл Петрович натолкнулся на одно весьма немаловажное обстоятельство: он выяснил, что документы были похищены НЕ РАНЬШЕ как за день до его приезда в

институт. Накануне они были еще на месте, в сейфе. Двум научным сотрудникам потребовались некоторые данные из документов, и профессор Варламов в тот самый день ПЕРЕД САМЫМ УХОДОМ ознакомил их с этими данными. Потом ПРИ НИХ запер документы в сейф и ушел из института. Куда ушел профессор, где после этого находился, они не знали. Зато знал майор. Вернее, он знал, что из института профессор отправился домой, а потом... потом скрылся. Во всяком случае, расследование показало, что в институт Варламов больше не возвращался. Значит, не он? Черт те что!

Кирилл Петрович беседовал с работниками института: научными сотрудниками, лаборантами, уборщицами, бойцами и командирами охраны, — ровно ничего.

Битых два часа майор толковал с Константином Дмитриевичем Миклашевым, ближайшим сотрудником и старинным другом профессора Варламова. Тот был неразговорчив, еле цедил слова, на вопросы отвечал неохотно или вовсе не отвечал. У Кирилла Петровича сложилось убеждение, что Миклашев относился к нему с антипатией. (Вернее, не к нему, а к той организации, которую представлял майор, — к органам Государственной безопасности. Но почему? По какой причине? Откуда такое предубеждение?)

Также было ясно, что Миклашев ни секунды не сомневался в полнейшей невинности профессора Варламова. Если речь заходила о профессоре, старик говорил о нем только с беспредельным уважением.

Кирилла Петровича удивило, что, как складывалось впечатление, Миклашева несколько не тревожит бегство профессора, самый факт его исчезновения. Однако это впечатление могло быть и ошибочным: Миклашев и вообще-то в течение всей беседы был ко всему равнодушен, обсуждать же с ним подробно факт бегства профессора и строить какие бы то ни было догадки Скворецкий не считал возможным. Сам Миклашев оставался для майора загадкой.

Да, поведение Миклашева насторожило Скворецкого, однако же другие сотрудники в один голос твердили: «Миклашев-то? Константин Дмитриевич? О, он у нас такой... Бирюк. Слова не вымолвит, но-о работник... Будьте уверены!»

Все же Кирилл Петрович позвонил в наркомат и дал указание срочно, под благовидным предлогом, проверить квартиру Миклашева.

Напрасно: никаких следов ни профессора Варламова, ни Евы Евгеньевны там не обнаружилось. В это же время велась осторожная проверка других знакомых Евы Евгеньевны.

Поздним вечером Скворецкий выехал в Управление милиции, встретился с сотрудниками, проводившими расследование в связи с убийством Евстафьева, и договорился о совместных действиях на будущее: убийцу надо было искать, и дело складывалось так, что органы НКГБ не могли оставаться в стороне. Дать же Скворецкому эта поездка ничего не дала: милиция тоже пока ничего не узнала, не нащупала никаких следов. Вполне понятно, что настроение у Кирилла Петровича было мрачное, хуже некуда.

...Горюнов только что закончил со Сбойчаковой и готовился к допросу задержанного — тот молча сидел в соседнем кабинете под наблюдением одного из оперативных работников. Увидев входящего Скворецкого, Виктор вскочил и радостно сказал:

— Взяли, Кирилл Петрович, взяли! У Людмилы Сбойчаковой.

Выражение лица майора изменилось. Он оживился:

— Малявкин? Точно? Горюнов смутился:

— Думаю... полагаю, да. Он. Но назвался иначе — Задворный. Николай Задворный. И документы на имя Задворного. Я их послал на экспертизу. А допрашивать задержанного не допрашивал, вас ждал.

— Капитана Попова надо вызвать, — сказал Скворецкий. — Из продсклада. И Константинова. Проведем опознание. Да, еще Нату. Она Малявкина лучше всех знает. Нату — обязательно. Как приедут, начинай. Меня, пожалуй, не жди, я — к комиссару. Могу задержаться.

Ни Попова, ни Константинова разыскать Горюнову не удалось. Дежурный по продскладу доложил, что и тот и другой ушли, а куда — неизвестно. Телефонов у них на квартирах не было. Горюнов послал по имевшимся у него домашним адресам Попова и Константинова машину, а сам позвонил Нате. Девушку явно взволновал внезапный вызов в НКГБ, но возражать она не стала: надо так надо.

Когда Ната приехала, Горюнов посвятил ее в суть дела.

Не вдаваясь в подробности, он сообщил, что у одной женщины задержан офицер Советской Армии. Старший лейтенант. Есть основания полагать, что это Малявкин, хотя точно пока ничего неизвестно. (О наличии у задержанного документов на имя Николая Задворного Горюнов тоже не упомянул.)

— Будем опознавать, — закончил Горюнов. — Поэтому я и попросил вас приехать. Мы рассчитываем на вашу помощь.

— Пожалуйста, — смутилась Ната. Щеки ее залились румянцем. — Если надо... Только что я должна делать? Вы уж мне растолкуйте, пожалуйста.

— Охотно, — согласился Виктор и разъяснил Нате, каким образом проводится опознание. — Главное — не теряйтесь, — приободрил он оробевшую девушку. — Ничего страшного!

Внимательно выслушав Горюнова, Ната удивилась:

— Я все поняла, но... Но зачем?

— Что — зачем? — не сообразил Горюнов.

— Зачем понадобилась я, к чему это, как вы говорите, опознание?

— То есть как к чему? — начал сердиться Горюнов.

— Нет-нет, — заторопилась Ната, — вы меня неправильно поняли. Я, конечно, сделаю все, что надо, только... У вас ведь есть фотография Малявкина, так зачем я?

— Ах, вон оно что! — усмехнулся Горюнов. — Фотография, конечно, есть, но, чтобы достоверно (он подчеркнул это слово) установить личность задержанного, фотографии мало. Когда есть люди, лично знающие задержанного, во избежание ошибки проводится опознание. Понятно?

Ната молча кивнула.

— Вот и хорошо, — сказал Горюнов. — Приступим.

В кабинете, в котором находился задержанный, к стене было приставлено четыре стула. На одном, посредине, свесив голову вниз, уронив руки на колени, сидел тот, кто назвался Задворным. На остальных стульях сидели, в таких же позах, оперативные работники в штатском, примерно того же возраста, что и задержанный. Напротив за письменным столом сидел еще один чекист.

Как только Горюнов с Натой вошли в комнату, задержанный выпрямился и с испугом уставился на Нату. Краска начала медленно сползать с его лица, он до синевы побледнел, но через какое-нибудь мгновение щеки у него запылали.

— Не надо... — с отчаянием сказал он, хватаясь левой рукой за горло. — Не надо. Я все скажу. Сам. Я не Задворный: моя фамилия Малявкин. Борис Семенович Малявкин.

Все было ясно. Нате не пришлось и рта раскрыть. Проводив взволнованную донельзя девушку и успокоив ее, насколько мог, Горюнов, не ожидая Попова и Константинова (нужды в них теперь не было), приступил к допросу.

Допрос он вел умело, обдуманно, не спеша. Заполнив графы анкетных данных — фамилия, имя, отчество, год и место рождения задержанного, — Виктор закурил и сказал:

— Итак, с формальностями, кажется, покончили. Теперь черед за вами: рассказывайте.

— Что рассказывать? — уныло спросил Малявкин. — Что?

— Все, — жестко бросил Горюнов. — Все. Всю свою жизнь. Только — правду. Учтите, что ваши показания я запишу, и если что окажется не так, разойдется с истиной, тогда... Тогда мы вынуждены будем вас изобличать, и тут уж вам придется пенять на себя.

Малявкин прерывисто вздохнул и поерзал на стуле. Криво улыбнулся.

— Что же, с самого рождения рассказывать?

— Можно и с рождения, только покороче, а вот уж когда дойдете до войны, до самых первых ее дней, попрошу не стесняться. Тут поподробнее, поконкретнее: факты, события, люди. Где воевали, как, в каких частях — все, шаг за шагом. Абсолютно все, ничего не утаивая. До сегодняшнего дня. Ясно?

Малявкин еще раз вздохнул, попросил воды (Виктор подал ему стакан) и тихим, срывающимся голосом начал рассказывать. Он рассказал, как учился в школе, в консерватории, перечислил своих друзей, вспомнил первые дни войны, уход добровольцем на фронт...

Горюнов слушал молча, внимательно, не перебивая, изредка только, записывая главное, просил минутку подождать, говорить помедленнее.

Малявкин постепенно приободрился, стал говорить громче, увереннее. Он назвал училище, которое окончил в начале войны, части, в которых служил, места, где воевал. Но если, рассказывая об училище, о первых боях, в которых принимал участие, Малявкин не скупился на подробности, вдавался в детали воинской жизни, то чем дальше, тем подробностей становилось меньше, оставались одни наименования частей, фамилии командиров да беглое описание мест, в которых часть вела бои. Почти ничего не рассказав о соединении, в

котором якобы служил последний год, он скороговоркой сообщил, что с разрешения командования получил после легкого ранения отпуск в Москву, где и провел два последних месяца, живя у знакомых.

Горюнов так ни разу его и не перебил, не задал ни единого вопроса, тщательно фиксируя все сказанное Малявкиным.

О Людмиле Сбойчаковой Малявкин сказал так:

— Сбойчакова? Что я могу о ней сообщить? Познакомились мы случайно. В парикмахерской. Девушка она из себя ничего, а наше дело — фронтовое. Понимаете? Ночевал у нее два-три раза да вот теперь, после этой истории в прокуратуре. Вы, конечно, знаете? И дернул же меня черт, простить себе не могу! Разобрались бы, отпустили, а я — бежать. Ведь это надо же! Идиот! Какой идиот!..

Скворецкий вошел в кабинет, когда Малявкин уже заканчивал свой рассказ. Сделав знак Горюнову продолжать допрос, он сел и стал читать листы бумаги, исписанные Виктором.

— Продолжим, — повернулся Горюнов к Малявкину. — Итак, что было дальше?

— Дальше? — Малявкин смущенно ухмыльнулся. — А что же дальше? Вроде бы я все сказал, товарищ начальник. Добавить мне нечего.

— Все? — недобро спросил Горюнов. — Добавить нечего? Ладно. Так и записали. А теперь ответьте на такой вопрос: каким образом у вас оказались документы на имя Задворного? Где вы их получили? Откуда?

— Ах да, документы... Виноват. Совсем упустил из виду. Тут, понимаете, такая история. Когда убежал я из прокуратуры, перепугался страшно. Жизни был не рад. И документов — никаких: забрали, когда задерживали. Как нарочно, на другой день встретил одного дружка. Фронтového. Ну, рассказал ему, что и как. Он, конечно, изругал меня, но дал свое удостоверение. Чтобы домой, то есть до своей части, добраться. Там бы я все доложил по начальству, а документы бы ему вернул... Вот как оно случилось.

— Любопытно, — усмехнулся Горюнов. — И на этом удостоверении вашего «дружка», как вы утверждаете, оказалась ваша фотокарточка? Ваша, а не кого-нибудь другого. Это каким же образом?

— Ах, фотокарточка... — замялся Малявкин, — это... Это не моя карточка — его. Мы... Мы очень похожи друг на друга. Нас в части

даже, бывало, путали. Да-да, честное слово...

— Ах так? Даже путали? Ну что же, и это записано, — спокойно сказал Горюнов. — Что вы еще можете добавить к своим показаниям?

— Добавить мне нечего, — отозвался Малявкин и снова криво ухмыльнулся. — Я сказал все — все, как есть.

— Еще один вопрос. Вы из прокуратуры, когда бежали, прямо к Сбойчаковой отправились или куда по дороге заходили?

Малявкин наморщил лоб, словно стараясь припомнить, потом беспомощно развел руками и сказал:

— Куда же заходил? Нет, вроде бы никуда не заходил. Пошел к Сбойчаковой.

Сворецкий кончил читать записанные Горюновым показания Малявкина и сурово, в упор посмотрел на него. Посмотрел, но ничего не сказал, только молча кивнул Горюнову; продолжайте, мол, продолжайте.

Горюнов протянул Малявкину страницы протокола допроса:

— Прочтите и подпишите. Что записано неверно, скажите. Если ошибся, исправим.

Малявкин быстро пробежал все страницы и, помедлив секунду, подписал.

— Скажите, Малявкин, — спокойно, очень спокойно спросил Горюнов, — вы намерены говорить правду?

— П-правду? — Малявкин стал заикаться. — Так я и говорю правду.

— Все, что вы говорите, — ложь. Ложь и ложь! — резко сказал Горюнов.

— Но я не лгу, товарищ начальник. Все, что я сказал, — правда.

— И то, что после побега из прокуратуры отправились прямо к Сбойчаковой, ни к кому не заходя, тоже правда? Вы что, не узнали того, кто вас опознал? Может, снова надо пригласить племянницу профессора Варламова? Она вам многое напомним.

Малявкин вскинул руку к лицу:

— Она?.. Ната?.. Она вам рассказала? Нет, я сам. Сам. Скажу все...

— Нет уж, хватит, — жестко перебил Горюнов. — Мы вас достаточно слушали. Теперь говорить буду я, а ваше дело слушать и отвечать на вопросы. Я вас предупреждал. Потрудитесь сообщить —

только правду, — как, каким путем, с какой целью вы приехали в Москву?

— Я же вам говорил, — с тоской произнес Малявкин. — Я получил отпуск. Вот и приехал. В мае...

— В мае? А сейчас июль! На какой же срок вам предоставили отпуск?

— Отпуск я получил на три месяца.

— Вот ваши документы. — Горюнов подошел к своему столу и приподнял лежавшую с края пачку документов. — Не Задворного, а Малявкина. Так, кажется, ваша подлинная фамилия? Ваше заявление, будто вам был предоставлен отпуск, ничем не подтверждается. Судя по документам, вы ехали не в отпуск, а в командировку. Какую командировку? С какой целью?

Малявкин перевел дыхание и машинально провел рукой по лбу, отирая выступивший пот.

— Ах, это? — сказал он. — Так тут же все проще простого. У нас в части посчитали неудобным оформлять поездку как отпуск, вот командование и приказало выписать мне командировочное предписание.

— Командование? — вмешался Скворецкий. — Какое командование?

— К-как к-как-кое? — опять начал заикаться Малявкин. — Я в-вас не п-понимаю...

— Отлично понимаете, — зло сказал Скворецкий и кивнул Горюнову: ладно, продолжай. Посмотрим, что будет дальше.

Виктор поплотнее уселся в кресле и задал новый вопрос:

— Вы приехали в Москву один или...

— Один, — поспешно ответил Малявкин.

— Один? — В голосе Горюнова послышалась угроза. — Это точно?

— Да, — неуверенно произнес Малявкин. — Один. Хотя... если быть точным...

— То есть?

— Видите ли, я ехал один, но одновременно со мной в Москву ехал мой товарищ...

— Ах вот как?.. И это вы называете — один? Как фамилия этого товарища? Имя?

— Гитаев. Матвей Александрович Гитаев. Старший лейтенант.

— Где вы взяли продовольственные аттестаты, которыми пользовались в Москве?

— В части. Где же еще?

— В части? А как появилось в аттестате целое отделение солдат? Тоже в части вписали? Да вы, я вижу, шутник!

— Я не знаю, ничего не знаю... Это не я. Это Гитаев. Он все делал.

— Он? А на продсклад тоже он ходил? Один?

— Нет, на продсклад мы ходили вместе.

— Ах, вместе? И так-таки ничего не знаете? Полно!

Вопросы сыпались один за другим, и каждый требовал конкретного ответа.

Теперь Малявкин уже беспрестанно отирал пот, облизывал верхнюю губу. Он все больше и больше путался, ответы его были маловразумительными.

— Где остановился Гитаев в Москве, у кого? — внезапно спросил Скворецкий.

— Гитаев? — замялся Малявкин, собираясь с мыслями. — Я — я не знаю. Он мне не говорил.

— Не говорил?! Значит, прикажете понимать, вы жили в Москве не вместе, а порознь? Отвечайте.

— Мы... то есть я... мы жили порознь. — Малявкин говорил с отчаянием. — Хотя нет, вместе.

Малявкин вспомнил Нату и сообразил, что тут лгать бессмысленно: все, что знает Ната, знают, по-видимому, и следователи. Да, запутался он, заврался. Что делать? Что говорить? Малявкин смолк.

— Кстати, — настаивал Скворецкий, — почему, рассказывая о том, куда вы кинулись из прокуратуры, вы умолчали о Варламовых?

— Варламовы? — забормотал Малявкин. — Профессор Варламов? А что, что я должен сказать?

— Ну что сказать, это уж вам знать.

— Но, товарищ майор...

— Гражданин, — жестко сказал Скворецкий. — Гражданин майор. Товарищей больше для вас здесь нет, запомните. Итак, почему вы молчите о Варламовых? Думаете, не знаем? Наивно!

— Нет, я так не думал. Просто... просто я не хотел впутывать профессора в эту историю.

— В какую историю?

Малявкин не ответил. Он сидел понурясь, покусывая губы и молчал.

— Вот что, Малявкин, — заговорил Скворецкий. — Пора понять, что вы изблечены. Факты против вас. Все, что вы тут рассказали (майор приподнял со стола протокол допроса), — ложь. Ложь и чепуха. Ни слова правды. Ваша ложь обернулась против вас. Вы думаете, мы не знаем, что ваше удостоверение личности — фальшивка? Командировочное предписание — фальшивка. Продовольственный аттестат — опять фальшивка. И вам это превосходно известно. К чему же лгать? Нет, так дело не пойдет. И в молчанку играть не выйдет. Мой вам совет: одумайтесь. Пока не поздно, расскажите все. Сами. С самого начала. Не ожидая, пока мы начнем вас изблечать. Вас следователь уже предупреждал о последствиях. Сейчас мы вам предоставляем последнюю возможность. Ясно?

— Да, това... гражданин майор. Ясно.

— Кстати, куда вы девали финку, которой там, в прокуратуре, ударили начальника продовольственного склада?

На лице Малявкина проступило выражение неподдельного изумления:

— Я?.. Ударил?.. Но я никогда в жизни не держал финки в руках. Это... это неправда.

Малявкин вдруг уронил лицо в ладони и горько, взхлеб разрыдался. Во всей его фигуре было что-то мальчишеское: жалко вздрагивали плечи, вздрагивал смешной хохолок на затылке. Он плакал, как маленький ребенок, которого несправедливо обидели. Скворецкий долго, внимательно смотрел на него, потом задумчиво произнес:

— Что, тяжело? Понимаю. Очень тяжело. Но выход один — говорить правду. Только правду...

Малявкин молча, не отрывая рук от лица и продолжая всхлипывать, несколько раз судорожно кивнул головой.

— Вот и отлично, — сказал Кирилл Петрович. — Идите-ка сейчас в камеру, соберитесь с мыслями, потом поговорим. Условились?

— Зря вы его отпустили, Кирилл Петрович, — с недовольством сказал Горюнов, когда конвойный вывел Малявкина из кабинета. — Зря! Он бы сейчас все выложил.

Майор поморщился:

— Никуда он, Малявкин, не денется, некуда ему деваться. Часом раньше, часом позже, но он все расскажет. Уверен. Надо дать ему возможность прийти в себя, все обдумать, припомнить. Дело пойдет куда лучше, надежнее, достовернее. И потом, признаюсь тебе, смущает меня одна вещь — насчет финки. Понимаешь, верю я ему, что он финку в руки не брал, верю, а Попов, помнится, говорил, что финкой его пырнул именно Малявкин. Надо бы проверить. Ты съезди-ка с утра на продсклад, к Попову. Потолкуй с ним. Уточни.

Глава 10

Капитан Попов охотно отвечал на вопросы Горюнова. Он не помнит, кто его ударил финкой: Малявкин, Гитаев? Кажется, он говорил, что Малявкин, но это, значит, не так. Его ударил тот, другой, который убит. А что он перепутал фамилии, ничего странного нет. Ведь видел-то он их обоих чуть ли не один раз, да еще при таких обстоятельствах. Где уж тут разобраться, кто Малявкин, а кто Гитаев.

Как было условлено со Скворецким, о том, что Малявкин задержан, Горюнов Попову не сказал.

Из продсклада Виктор заехал на квартиру Варламовых. Там все было тихо, спокойно; ничего, что заслуживало бы внимания, не произошло. Ната вполне успокоилась и встретила Виктора радостно, как доброго знакомого. С оперативными работниками, которые дежурили на квартире, она уже успела подружиться и даже немного кокетничала.

За это время на квартиру никто не заходил, не появлялся. Правда, несколько раз звонили с работы Петра Андреевича. Так, во всяком случае, говорили звонившие. Ната всем отвечала, что профессора нет, уехал и она не знает, когда он вернется.

Еще звонила Баранова. Полина Евстигнеевна Баранова. Спрашивала Еву Евгеньевну. Настойчиво пыталась узнать, когда она будет. Больше тетушкой никто не интересовался, хотя вообще-то ей постоянно звонит Раиса Максимовна Зайцева.

Виктор слушал болтовню Наты не очень внимательно и, воспользовавшись первым же подходящим предлогом поспешил с ней распрощаться. Однако Кирилл Петрович отнесся к рассказанному Натой куда серьезнее.

— Зайцева? — говорил он. — Зайцева? Значит, Зайцева не звонила, хотя, как правило, звонит ежедневно? В чем же дело? Причин может быть много, но не исключена и такая: Зайцева ЗНАЕТ, что Еву Евгеньевну дома она не застанет. Поэтому и не звонит. А раз она это знает, то...

Скворецкий долго ходил по комнате, от стола к двери и снова к столу, молча потирая бритую голову.

— Как по-твоему, — он внезапно остановился, — Нате можно верить? Не подведет?

— Нате? — удивился Горюнов. — Ната произвела на меня хорошее впечатление. Она человек честный, порядочный, комсомолка. А во время опознания как держалась? Молодцом! Ну, а если я и ошибаюсь, если что и не так, так чем она может нас подвести? Сказать что-нибудь не то по телефону, так там же наши люди, не позволят.

Майор улыбнулся:

— Ната — комсомолка, ты прав, и я намерен поставить перед ней задачу посерьезнее, чем отвечать на телефонные звонки. Самостоятельную задачу.

— Нате? Самостоятельную задачу? Ничего не понимаю!

— Сейчас поймешь. — Майор с минуту помедлил. — Что скажешь, если нам послать Нату...

— К Зайцевой?

— Именно. К Зайцевой. К Раисе Максимовне. Как думаешь, справится?

— Право, не знаю, — пожал плечами Виктор. — Дело трудное, тонкое. Разве если послать ее не одну, а с кем-нибудь из наших? Я, например, охотно взялся бы...

— Вот этого как раз делать и не следует, — возразил Скворецкий. — Идти ей с тобой или с кем-либо другим нельзя. Сделай мы так, и все пропало. Зайцева или кто там окажется, сразу сообразит, что неспроста Ната туда явилась, и притом с таинственным незнакомцем.

— А если с девушкой? — не унимался Виктор. — С кем-нибудь из наших сотрудниц?

— Тоже не подходит. Судя по тому, что нам известно, Зайцева знает всех подруг Наты, а тут — новый человек. Кто? С какой стати? Зачем? Главное, зачем? В такие дела, как история, случившаяся у Варламовых, посторонних не посвящают. Нет, если Нату посылать, так только одну. Без сопровождающих.

— Право, не знаю. Мы Нату все-таки мало знаем. Что ни говорите, а риск велик.

— Риск? — возразил Скворецкий. — Риск, конечно, есть. Только в нашем деле без риска нельзя, особенно если риск разумный, оправданный. Такая уж наша профессия. А Ната? Почему же ей не

доверять? И уж кому-кому, а тебе надо бы защищать вашего брата, представителей комсомола, а ты...

— В общем-то, я не против. Попробуем, — согласился Виктор.

С одобрения комиссара Скворецкий с Горюновым отправились на квартиру Варламовых. Сначала Ната испугалась: ей разыгрывать какую-то роль, идти к Зайцевым якобы в поисках профессорской четы? Но, выслушав доводы Кирилла Петровича и Виктора, Ната увлеклась, ей уже хотелось поскорее побывать у Зайцевых, выяснить, что там и как.

После длительного обсуждения был избран такой план. Ната отправляется к Зайцевым и рассказывает Раисе Максимовне все, что произошло в доме Варламовых за минувшие дни: о Малявкине и Гитаеве, о последнем посещении Малявкина и испуге Евы Евгеньевны, о неприятностях на работе у дяди («НКВД заинтересовалось!») и, наконец, о бегстве Петра Андреевича и Евы Евгеньевны. Нельзя было исключать, что Раечка и так все знает, — значит, исказить истину нельзя.

Далее Ната сообщит, что, как только дядя и тетя исчезли, в квартиру действительно явились двое из института и спрашивали Петра Андреевича. Пожалели, что не застали профессора, и ушли. На следующий день из института снова звонили, но больше никто не приходил. Само собой разумеется, что о засаде Ната не говорит ни слова.

Главное: всем своим видом, поведением, каждым словом Ната должна показать, что она очень испугана, взволнована. И — сама не знает, что делать, как жить. Боится за дядю с тетей, понятия не имеет, что же теперь с ними будет, — ведь они покинули дом, даже не захватив продовольственных карточек! Ната думала день, думала другой, а потом решила идти к Раисе Максимовне — к кому же еще? Никого ближе Раечки у тети не было. Пришла просить совета: что делать и где искать дядю и тетю?

Если, паче чаяния, чета Варламовых окажется там, у Зайцевых, тогда и того проще: Натe будет легко объяснить, почему и зачем она их ищет. Как же, бросили одну, а что ей делать?.. Опять-таки и Варламовым ни о знакомстве с чекистами, ни о засаде ни слова.

Продовольственные карточки Ната с собой не берет. Если Раиса Максимовна вдруг выразит желание оказать посредничество в

передаче карточек, тем лучше. Тогда сразу многое прояснится, а карточки Ната успеет передать и потом.

Во все время, пока обсуждали план «похода» к Зайцевым, Ната держалась бодро, даже с какой-то лихостью, но от опытного глаза Скворецкого не укрылось, как она на самом деле волнуется. Кирилл Петрович даже подумал: не отменить ли все? Но тут же решил: нет, не стоит. А если и будет Ната там, у Зайцевых, излишне волноваться, — не страшно. В ее нынешнем положении это естественно. И все же он решил проводить Нату, сколько позволяла осторожность, и отвлечь ее по дороге посторонними разговорами, успокоить.

За квартал от дома Раисы Максимовны майор остановил машину, легонько подтолкнул Нату в спину и весело сказал:

— Шагай, малышка. Ни пуха ни пера!

— К черту! — бодро ответила девушка, хотя голос ее и дрогнул.

Скворецкий с Горюновым, выбравшись следом за Натой из машины, перешли на другую сторону улицы. Они видели, как Ната вошла в подъезд, как закрылась за ней массивная дверь. Кирилл Петрович и Виктор растворились в толпе пешеходов, но ни тот, ни другой не выпускали из виду подъезд, где скрылась девушка.

Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать, полчаса, час. Наконец появилась Ната. Она быстро сбежала по ступенькам, на мгновение задержалась на тротуаре, озираясь по сторонам, и поспешно зашагала к переулку, где стояла машина. Когда Скворецкий и Горюнов подошли к машине, Ната была уже там. Она сидела на заднем сиденье, откинувшись на спинку, спрятав лицо в ладони. Кирилл Петрович сел рядом с ней, Виктор — впереди, и машина тронулась.

Ната отняла руки от лица и внезапно рассмеялась. Смех у нее был нервный, а глаза заплаканы. Кирилл Петрович ласково погладил ее по голове.

— Ну-с, — с улыбкой спросил он, — как дела?

Ната ответила не сразу. Она сидела выпрямившись, комкая в кулаке платочек, не поднимая глаз на Скворецкого. Глубоко вздохнув, она неуверенно сказала:

— Право, не знаю, но, кажется, у меня ничего не получилось. — Девушка перевела дыхание и наконец посмотрела на Кирилла Петровича, потом на Горюнова. — Во всяком случае, все было не так,

как вы хотели. И ничего я Раисе Максимовне не рассказывала. Не потребовалось. А дяди... Ни дяди, ни Евы Евгеньевны там нет. Сейчас, во всяком случае, нет...

Кирилл Петрович вдруг перебил Нату и начал рассказывать, как они с Виктором ее ждали, как волновались. Виктор молчал, не принимая участия в разговоре. Наконец подъехали, к дому Варламовых и поднялись наверх, в квартиру. Когда все удобно устроились, Скворецкий повернулся к Нате:

— Итак, дорогой товарищ, рассказывайте. Рассказывайте все по порядку. А что получилось «так» и что «не так», разберемся.

Ната заговорила медленно, неуверенно, подыскивая слова. Кирилл Петрович ее внимательно слушал, только изредка бросал: «Понимаю, понимаю»... — и сочувственно кивал головой. Ната постепенно оживилась и довольно связно изложила все, что с ней произошло. А произошло следующее.

Дверь открыла сама Раиса Максимовна. Не успела Ната перешагнуть порог, как Раечка кинулась ей на шею и, всхлипывая, начала причитать: «Бедная девочка, бедное дитя... Какое несчастье, какое страшное несчастье!..» И тут Ната не выдержала и расплакалась.

— Стою и реву, — частила Ната, — стою и реву. Ну прямо как маленькая. И поделать с собой ничего не могу.

Раиса Максимовна увела девушку в свою комнату, начала отпаивать водой, успокаивать, а у самой тоже нет-нет, а слеза и навернется. Прошло много времени, пока Ната выплакалась и хоть немножечко пришла в себя, рассказать же Раисе Максимовне она ничего не рассказала. Та и так все знала: и о Малявкине с Гитаевым, и о «кошмарной угрозе» (так она и выразилась), нависшей над профессором Варламовым, и о бегстве Петра Андреевича и Евы Евгеньевны.

— Еще бы ей не знать! — сказала Ната. — Ведь в ту ночь, когда дядя с тетей ушли, когда вы у нас были, они к ней отправились, к Раечке. Представляете? Оказывается, именно там, у Зайцевой, они и сидели...

Горюнов при этих словах Наты так и подскочил на месте, но, бросив взгляд на майора, на его сурово сошедшиеся брови, промолчал. А Кирилл Петрович только крикнул и мрачно переспросил:

— У нее, значит? У Зайцевой? — И сказал: — Ну-ну, продолжайте, слушаем.

Ната рассказывала дальше. Ночь, по словам Раисы Максимовны, была ужасная. Все дрожали, ждали обыска, ареста. Петр Андреевич прилег было на диван, но так и не уснул, а Ева Евгеньевна с Раисой Максимовной и вовсе не ложились. Единственно, кто спал в эту ночь в квартире Зайцевых как ни в чем не бывало, это муж Раечки. Он вообще такой: в дела жены никогда не вмешивается.

Едва настало утро, только кончился комендантский час, как Ева Евгеньевна стала торопить Петра Андреевича, и они ушли. Совсем ушли.

«Как же? — спросила Ната. — Ушли? Куда? Куда они могли уйти?»

Но Раиса Максимовна заверила Нату, что и сама этого не знает. Всю ночь они с Евой Евгеньевной перебирали разные варианты, но так ни на чем и не остановились, а под утро Ева Евгеньевна будто бы вдруг решила: «Уедем из Москвы. Где-нибудь пристроимся. Свет не без добрых людей». С тем и ушла. И Петра Андреевича увела. А он... Э, да что там говорить: он как потерянный...

Раечка опять начала всхлипывать, но сказать больше ничего не сказала. По ее словам, с той самой ночи она не имела никаких вестей от Евы Евгеньевны и понятия не имеет, где сейчас Варламовы...

«Кстати, — полюбопытствовала Раиса Максимовна, — а у вас тогда, в ту ночь, обыск на квартире был? Как? Страшно? Ты-то как, ничего?»

Нате в эту минуту показалось, что Раечка на нее как-то странно посмотрела, но Ната нашла в себе силы спокойно ответить: «Нет. Какой обыск? Никакого обыска не было. Правда, приходили какие-то двое, спрашивали дядю. Повертелись, повертелись и ушли. Сказали — из института. С работы. Больше никто не был. Звонить, правда, звонили. По телефону. Но также с работы».

«Ну да, ну да, — часто закивала Раиса Максимовна. — Они, из НКВД, всегда так: говорят — с работы, или — вам телеграмма. А там суют тебе ордер в нос на арест и пистолет в придачу. Знаем их штучки!»

— Так и сказала: пистолет? Прямо в нос? — усмехнулся Скворецкий. — Ну и ну!

— Не вижу ничего смешного, — насупилась девушка. — Это же всем известно.

Ната внезапно смутилась.

— Ничего, — подбодрил ее майор. — Продолжайте. Мы это от вас уже слышали.

— А что? Разве это не правда? Разве у вас нет пистолетов?

— Почему? — серьезно сказал Кирилл Петрович. — Пистолеты у нас, конечно, есть. Но мы их применяем только тогда, когда нам оказывают вооруженное сопротивление. Вооруженное — понимаете?.. Однако вернемся к Раисе Максимовне. Значит, куда ушли Варламовы от Зайцевых, где они, Раиса Максимовна не знает?

Ната задумалась.

— Как вам сказать? Если Раиса Максимовна сказала мне правду, то — не знает. Но правду ли она сказала?

— А вы, вы как считаете? — быстро спросил Горюнов.

Ната пожала плечами:

— Право, не знаю. Раиса Максимовна — человек не очень хороший, а плохой человек всегда может солгать.

— Но вам-то зачем ей лгать, вам, с какой целью? — сказал Скворецкий. — Она и так вам вон сколько всякого рассказала. Или рассказывала сгоряча, а потом одумалась, так, что ли? Какое у вас, у вас лично, сложилось впечатление?

— Не знаю, — повторила Ната. — Ничего не знаю. Ничего не могу сказать.

— А насчет продовольственных карточек вы ей говорили?

— Ну конечно. И о карточках говорила, и говорила, что не могу понять, зачем они ушли, зачем это сделали. А она свое: ты, мол, дурочка. Ничего не понимаешь. Не уйди Петр Андреевич, его бы сцапали. Посадили. В тюрьму...

— А карточки, карточки?.. — нетерпеливо спросил Горюнов. — Как быть с карточками?

— Раиса Максимовна ничего не сказала, только охала и вздыхала.

— Ладно, — подвел итог Скворецкий, поднимаясь и протягивая Натe руку. — Давайте лапку. Вы сделали большое и нужное дело, держались молодцом, как и подобает комсомолке. Спасибо вам превеликое.

— А как же дальше? — жалобно спросила Ната. — Что будет дальше? И потом, я же должна заявить в свою организацию или в райком... Все рассказать. Как вы считаете?

— В райком? Нет, в райком сообщать пока ничего не надо. И в организацию тоже. Да и что, собственно говоря, вы можете сейчас сообщить? Что дядя и тетя ушли из дома? А какое до этого дело комсомольской организации? Нет, Ната, пока уж положитесь на нас и ничего никому не сообщайте.

Ната тяжело вздохнула:

— Хорошо, я никуда не пойду. Но что же все-таки будет дальше? Мне-то что делать?

— Первое: не волноваться. Можете мне поверить — все образуется. И дядя с тетей объявятся. Рано или поздно, но объявятся. Главное сейчас — выдержка. Вы уж подежурьте у телефона, очень это сейчас важно. И товарищей наших пока придется у вас подержать.

— Ладно, — кивнула Ната. — Я все сделаю, как вы говорите.

Как только Горюнов и Скворецкий очутились на улице, Виктор, сгорая от нетерпения, схватил Кирилла Петровича за руку и, не пытаясь скрыть волнение, сдавленным голосом зашептал:

— Кирилл Петрович, а Кирилл Петрович! Раечку надо брать. Зайцеву. Немедля брать. И — допрашивать. Знает она, где Варламовы. Убей меня бог, знает!

— Не пори горячки. — Скворецкий высвободил руку. — Брать Зайцеву нет оснований. Да и к чему? Никакой уверенности в том, что она знает местонахождение Варламовых, у нас нет. А если и знает, да не скажет? Тогда что? «Допрашивать»! Ишь ты какой быстрый! «Допрашивать»! — Кирилл Петрович сердито фыркнул. — Нельзя, брат, так. Нельзя. Зайцева — это ниточка, очень тонкая ниточка, которая появилась и может привести к Варламовым. Рвать такую нитку допросом не просто глупо, а преступно. Понял?

Горюнов сконфуженно опустил голову.

— Нет, — продолжал майор, — с Раисы Максимовны сейчас надо глаз не спускать. Вот задача. Трудная, но разрешимая. И еще — Малявкин. Про него тоже забывать не следует. Садись-ка в машину, поехали в наркомат.

Глава 11

Малявкин снова сидел перед следователями. За минувшее время он заметно изменился: осунулся, побледнел. Глаза у него запали, а выражение их было испуганное, настороженное; он ни минуты не сидел спокойно: то и дело потирал руками колени, дергал плечами, плотно сжатые губы искажались гримасой.

Кирилл Петрович долго, пристально всматривался в лицо Малявкина.

— Н-да, — прервал он наконец гнетущее молчание. — Хорош! Краше в гроб кладут. Ну, да сама себя раба бьет, коль нечисто жнет. Винить, кроме себя, некого. По ночам-то хоть как? Спали?

— Н-не знаю, — промямлил Малявкин. — Кажется, спал... Думал.

— Думали? — усмехнулся Скворецкий. — Что же, это хорошо. Думать — дело полезное, особенно в вашем положении. И что же вы надумали, если не секрет?

— Я... я вел себя как идиот, — с горячностью заговорил Малявкин и стукнул себя кулаком в грудь. — Да, да! Как идиот. Пожалуйста, не перебивайте, я все сознаю, все продумал. Вы были правы: я лгал, беспардонно лгал. Зачем? Какой смысл? Я все скажу, все. Я понимаю: я заслужил смерть. Пусть так: можете меня расстрелять...

— Ой, ой! Как это все просто получается, какие слова, а? Как по-твоему, Виктор Иванович, не много ли берет на себя сей молодой человек, решив все заранее, до следствия и суда? — Майор повернулся к Горюнову.

Тот пожал плечами:

— Расстрелять! Действительно... Только ведь это, Малявкин, не вам решать. На то есть суд. Трибунал. Мы приговоров не выносим. Наше дело — следствие. Разберемся в ваших грехах. Вот и рассказывайте: спокойно, по порядку. И — правду. Правду, вот что важнее всего.

Малявкин рассказывал путано. Скворецкому и Горюнову то и дело приходилось останавливать его, уточнять сказанное. Постепенно

картина прояснялась, становилась все более и более отчетливой.

С первых же слов Малявкина стало ясно, что он был агентом германской разведки и вместе с Гитаевым был заброшен в Москву для подрывной работы. Командировочное предписание, продовольственные аттестаты — все было фальшивкой. Вернее, бланки документов были подлинными, но в эти подлинники вражеская разведка вписала то, что посчитала нужным.

— Я — шпион! — истерически выкрикивал Малявкин, хватаясь за голову. — Фашистский холуй. Холуй Гитаева. Я... я не могу больше. Убейте меня, как падаль. Расстреляйте...

— Прекратите истерику! — сердито прикрикнул Скворецкий. — И давайте без декламации: шпион, не шпион, разберемся. От вас требуются факты. Точные, конкретные факты.

Выпив воды, Малявкин несколько пришел в себя и стал рассказывать более вразумительно. По своей военной профессии он был радистом: еще осенью 1941 года окончил специальное училище и сразу же был направлен на фронт. В течение, без малого, года судьба его миловала — ни одного, ранения, ни разу не был в окружении, хотя порой и бывало очень трудно...

Но вот настало лето 1942 года... Под ударами превосходящих сил противника войска Юго-Западного фронта, в состав которых входила дивизия, где служил Малявкин, отходила с Дона на восток. Одной сентябрьской ночью в районе Суровикино рация Малявкина была подбита, а сам он получил тяжелую контузию. Как он остался цел, почему его не подобрали свои, Малявкин не знал; скорее всего, сочли убитым. Пришел он в себя под утро уже в плену.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Малявкина. Может, он и не стал бы предателем, если бы не встретил в лагере военнопленных своего бывшего однополчанина Гитаева.

Да, Матвея Гитаева он знал раньше, до плена. В октябре 1941 года они служили в одной части. Время тогда было тяжелое, немец подошел к Москве, война Малявкину казалась проигранной. Воевать-то он воевал честно, но душа частенько уходила в пятки, веры в победу не было. Ну, он под настроение и поделился своими мыслями с Гитаевым. А тот... Тот присматривался к нему, присматривался и вдруг предложил... перейти к немцам. Малявкин струсил и стал прятаться от Гитаева. Ничего лучше он не мог придумать. И сообщить

никому ничего не сообщил. Прошла неделя, другая, и Гитаев исчез. Напросился в разведку — и пропал. Малявкин догадывался, как и куда он пропал, но опять смолчал. И вот теперь, почти год спустя, снова встретил Гитаева. В лагере для военнопленных.

Нет, Гитаев не был заключенным. Он... он носил немецкую форму. И, судя по всему, был у гитлеровцев не на плохом счету. Вскоре это подтвердилось. Самым ужасным образом.

Как потом узнал Малявкин, мало того что Гитаев перешел к немцам добровольно, он доставил им какие-то весьма ценные сведения. И это не все. Гитаев-то, оказывается, сын какого-то знатного царского офицера. Его папаша в годы гражданской войны занимал видный пост в колчаковской армии, а когда белых разбили, удрал с семьей за границу в Харбин, где и умер.

Мать Гитаева вторично вышла там замуж за крупного советского работника в системе КВЖД, и таким путем они вернулись в Россию. Только Гитаев никогда не забывал отца и лютой ненавистью ненавидел все советское. Теперь-то он не скрывал этого и сам все рассказал Малявкину.

Он, Гитаев, и на войну-то в первый день пошел, добровольцем, чтобы перейти к немцам.

Встретив Малявкина среди заключенных, Гитаев сразу его узнал и взял под свое покровительство. Помнил, что Малявкин его не выдал.

Дальше — больше. Матвей Гитаев, бывший старший лейтенант Советской Армии, стал нужным человеком в каком-то из подразделений разветвленного ведомства адмирала Канариса, в кровавом абвере — немецкой военной разведке. Он и в лагерь для советских военнопленных приезжал, чтобы подбирать «кадры» в фашистскую разведывательную школу. И — подобрал. Немного, но подобрал. В том числе и Малявкина: куда ему было деваться? Гитаеву ведь пальца в рот не клади; когда Малявкин поначалу отказался служить немцам, Гитаев и его подручные долго били Бориса, а потом Гитаев пригрозил, что немцы перебросят Малявкина обратно, к красным. И не просто перебросят, а сообщат, что он — пособник немецкого разведчика Гитаева, и уж тут один конец: свои же вздернут, да и мать... Да, арестуют и мать Малявкина. Главное — мать... Что было Борису делать? А дальше одно пошло к одному. Гитаев продолжал ему покровительствовать (и помыкать им). В

разведывательной школе его обучали работе на немецкой радиоаппаратуре — дело это для опытного радиста оказалось не хитрым, — натаскивали в диверсионном деле, учили обращаться со специальным оружием и ядами — для террора. Еще учили пользоваться шифрами, кодами, тайнописью.

Но и это не все — главное впереди. Еще раньше, в 1941 году, до того как Гитаев стал предателем, Малявкин, вспоминая Москву, рассказывал о своих знакомых. В их числе не раз называл и профессора Варламова. Тогда Гитаев особого значения этим рассказам не придавал, только завистливо восклицал: «Вот какие у тебя друзья! С такими не пропадешь!»

Что он тогда имел в виду, Малявкин не догадывался. Теперь Гитаев вспомнил профессора Варламова и обо всем донес по начальству. (А может, и не теперь? Может, раньше, сразу, как встретил Малявкина в лагере? Или еще раньше?) Во всяком случае, не прошло и недели по прибытии Малявкина в школу, как его стали вызывать то к одному начальнику, то к другому — вплоть до какого-то генерала — и расспрашивать, расспрашивать, расспрашивать. Всё о профессоре: о его работах, образе мыслей, семье, домашнем укладе. До мелочей. Было ясно, что германская разведка очень интересуется профессором Варламовым и немало о нем осведомлена: и адрес знали, и место работы, и что он был в эвакуации в Уфе, и что вернулся домой, в Москву. Всё знали...

— Стоп! — остановил в этом месте Малявкина Скворецкий. — Уточним. Что же, судя по вашему впечатлению, больше всего интересовало немцев в судьбе профессора Варламова?

— Нет, — поправил майора Малявкин, — вы неправильно меня поняли. Судьба профессора? Нет. Судьба профессора Варламова, пожалуй, не очень интересовала немцев. Прежде всего они хотели знать о его работах. Впрочем, и это не совсем так. Содержание работ профессора Варламова немцы знали куда лучше меня, это я сразу понял. Правда, я-то никогда толком и не знал, чем занимается профессор. Не интересовался. К чему мне это было? Так что о работах Петра Андреевича я им ничего не мог сообщить.

— Это точно, Малявкин, — задал вопрос Горюнов, — не могли сообщить? А если бы знали, если бы могли?

Малявкин задумался, потом собрался с духом и сказал:

— Думаю, если бы что знал, наверное сообщил. Уж очень я их боялся...

— Ладно, — прервал Скворецкий. — Это ясно. Продолжим. Чего же все-таки добивались от вас немцы, расспрашивая о Варламове?

— Как вам сказать? Вот, судите сами. Они меня расспрашивали, где работает профессор, только ли в институте или дома. Где хранит расчеты. Что рассказывает о своей работе домашним. Характером его интересовались, привычками: падок ли на деньги, тщеславен ли, что любит, к чему и к кому привязан. Расспрашивали о друзьях Петра Андреевича, его знакомых. Кто, мол, у него дома бывает, к кому он ходит. Насчет жены, Евы Евгеньевны, расспрашивали. Много чем интересовались.

— Что вы им сообщили?

— А что я мог сообщить? — развел руками Малявкин. — Ведь я профессора видел последний раз перед войной, а немцев интересовало совсем другое: тот институт, где он сейчас работает, настоящие работы Петра Андреевича. Его нынешние друзья. Знакомые. Откуда мне было все это знать, уж не говоря о том, где он сейчас хранит свои расчеты. Я этого и раньше не знал.

— А насчет привычек профессора, увлечений, привязанностей?

Малявкин криво усмехнулся, потер ладонями колени, откашлялся:

— Тут я, конечно, сообщил все, что знал. И что Петр Андреевич чудак, немножко не от мира сего. И что в доме командует Ева Евгеньевна, жена профессора. Ну, короче, все. Ведь я профессора Варламова и его семью знаю много лет. Понимаю, не следовало говорить, но... — Малявкин безнадежно махнул рукой. Потом внезапно приободрился и быстро заговорил: — Только, знаете, им все и без меня было известно. О, немцы, разведка немецкая, осведомлены о профессоре досконально. И о его семье...

— Откуда же у них могли быть такие сведения? — спросил Скворецкий.

— Откуда? — растерянно переспросил Малявкин. — Но как я могу это знать? Они мне ничего не говорили. Они меня допрашивали, ставили вопросы, но мне ничего не сообщали.

— Вот именно! — подхватил Кирилл Петрович. — «Ставили вопросы». Это я и имею в виду. По вопросам-то, по вопросам вам не удалось понять, откуда у них сведения, что за источники информации?

Что они вам не называли эти источники, я догадываюсь. — Он усмехнулся.

Малявкин задумался, наморщил лоб, пожевал губами. Потом горестно вздохнул:

— Нет, никак не соображу. Трудно было что-либо понять по их вопросам. Кто их о Петре Андреевиче информировал? Не знаю, врать не буду.

— Давайте разбираться вместе, — предложил Скворецкий. — Судя по степени осведомленности германской разведки, информацию они имели точную, соответствующую действительности, или кое в чем ошибочную?

— Пожалуй, скорее правильную. Ошибок я не заметил. Но вы учтите мое состояние тогда... Я мог что-то оставить и без внимания.

— Учитываем. И все же: знали ли они о профессоре только то, что мог сообщить даже мало-мальски знавший его человек, или они знали какие-либо факты, детали, обстоятельства, известные лишь близким профессора, самым близким? И, конечно, ему самому.

— Не знаю. — Малявкин даже застонал. — Ой, не знаю... Не могу сказать. Ничего я такого тогда из их вопросов не понял.

— Ладно, — сказал майор. — Оставим профессора Варламова. ПОКА оставим. Итак, германская разведка расспрашивала вас о профессоре Варламове. Вы учились в диверсионной школе. Ясно. Что было потом?

В середине апреля этого года, продолжал Малявкин, его начали готовить к переброске в советский тыл. Тогда ему и кличку дали: «Быстрый». Идти он должен был в Курск, отбитый советскими войсками у немцев еще в феврале 1943 года. Идти не один, а с напарником (с кем, ему не говорили), с рацией.

Внезапно все изменилось: перед Малявкиным поставили новую задачу. Ему объявили, что он поедет в Москву. С Гитаевым. Это было полной неожиданностью: Гитаев не был рядовым выучеником диверсионной школы, он был начальством. Пусть небольшим, но начальством: сам он «черновой» работой не занимался, жизнью не рисковал, в советский тыл не ходил — посылал других. И вдруг — идет сам. И кличку тоже получил: «Музыкант».

Малявкину было ясно, что перед ними германская разведка ставит какие-то особо серьезные задачи; причем он понял, что это задание

как-то связано с профессором Варламовым.

Предположение его тут же подтвердилось: Малявкина вызвали к начальнику школы. Там был тот генерал, что допрашивал его раньше. Генерал прямо сказал: «Вы идете в Москву. Это решено. В Москве проникните в семью профессора Варламова. И его (кивок в сторону Гитаева) тоже введете в эту семью. Понятно? Лучше всего, если и жить устроитесь у Варламовых. Дальше будете действовать по указанию господина Гитаева. Господину Гитаеву даны соответствующие инструкции. В том числе и такая: уничтожить вас, убить, если вы поведете себя неправильно, неразумно. (Гитаев осклабился.) Вопросы будут? Нет? Тогда всё. Отправитесь через двое суток».

— Стоп! — поднял руку Скворецкий. — Вы уже несколько раз упоминали о генерале фашистской разведки, который вас допрашивал. Его имя? Фамилия?

— Не знаю, — растерянно сказал Малявкин. — Ни имени, ни фамилии...

— А приметы, приметы его вы можете описать? Внешний вид.

— Это могу.

Малявкин торопливо сообщил все, что знал о генерале, заинтересовавшем чекистов. Скворецкий слушал его молча, изредка переглядываясь с Горюновым.

— Ладно, — сказал Кирилл Петрович, когда Малявкин кончил описывать внешний вид немецкого генерала. — Продолжим. Что было после этого разговора?

По словам Малявкина, двое суток спустя, прохладной майской ночью, с одного из прифронтовых аэродромов в районе Харькова взмыл самолет германских военно-воздушных сил. Ночь выдалась для полета удачная: было облачно, молодой месяц, когда снижались, лишь изредка мелькал в разрывах облаков. Линию фронта прошли на большой высоте, благополучно. Пассажиров, не считая команды, в самолете было трое: «Музыкант», «Быстрый» и инструктор, ответственный за выброску.

Малявкин с Гитаевым были снабжены надежными, «железными» документами на их собственные имена, изготовленными лучшими специалистами абвера на подлинных бланках одной из войсковых частей Советской Армии, которые были взяты гитлеровцами в

весенних боях этого года. Помимо офицерских удостоверений, Гитаев и Малявкин имели командировочные предписания, а у Гитаева еще хранился запас продовольственных аттестатов, тоже подлинных, в которые немцами были внесены лишь имена предъявителей и отделения солдат.

Имели Гитаев с Малявкиным и еще по одному запасному комплекту документов, на всякий случай, на другие фамилии (у Малявкина на имя Николая Задворного), которые были предусмотрительно защиты под подкладками кителей.

Снаряжение диверсантов состояло из заплечного вещевого мешка, личного оружия советского образца и одной саперной лопатки на двоих. Больше ничего. Что находилось в мешке Гитаева, Малявкин не знал. (Потом он выяснил, что там был немалый запас продуктов, но что еще, не знает и по сию пору. Предполагает, что Гитаев был снабжен специальным оружием: бесшумным пистолетом, термитными пашками — для поджога, взрывными устройствами — «сюрпризами», — но это только предположение.)

У него, Малявкина, в мешке также находился запас продуктов, смена белья и еще портативная рация новейшего образца с питанием.

Самолет шел, не зажигая бортовых огней. Слева осталась Тула, прошли Серпухов. За Серпуховом самолет начал снижаться. Все шло благополучно. В районе Подольска моторы были заглушены, самолет сделал глубокий вираж, и инструктор дал команду прыгать.

Приземлились оба, Гитаев и Малявкин, удачно, на какой-то обширной лесной поляне, километрах в пяти от Подольска. Быстро уволокли парашюты в лес и там их аккуратно закопали, прикрыв яму сверху нарезанным в стороне дерном.

Углубившись в лес, раскинули антенну, и, поймав позывные станции абвера, Малявкин отстукал короткую шифровку о благополучном приземлении.

Под утро, когда рассвело, нашли приметный овражек с крутыми склонами и у самого его устья, под вековым дубом, широко раскинувшим ветви, зарыли рацию. Место тщательно замаскировали, не оставив поблизости ни одного комочка свежевыкопанной земли.

С момента приземления, как, впрочем, и раньше, в школе, Гитаев откровенно третировал Малявкина, не давал ему и шага ступить без его разрешения. Хотя Малявкин слушался его беспрекословно —

Гитаев внушал ему животный ужас, — все же тот еще раз подчеркнул: «Имей в виду, в случае чего я церемониться не стану. Запомни это». И выразительно похлопал по кобуре своего пистолета.

Часов около восьми утра «Музыкант» и «Быстрый» выбрались на шоссе и скоро очутились в Подольске. Без всяких затруднений они добрались до вокзала и во второй половине дня были в Москве.

Прямо с вокзала, никуда не заходя, направились к Варламовым. Так решил Гитаев.

Немецкий генерал-разведчик оказался прав: профессор с семьей уже вернулся из эвакуации и жил в Москве. Ева Евгеньевна, увидев Малявкина, всплеснула руками и кинулась ему на шею. Восторженно она встретила и Гитаева. Ната держалась холодно, но тетке не перечила, когда та, узнав, что «фронтовики» прямо с вокзала, еще не нашли пристанища, предложила им располагаться у них, в профессорской квартире. Малявкина даже несколько удивил такой радушный прием со стороны обычно холодноватой, эгоистичной Евы Евгеньевны.

— Чем же вы объясняете радушие Евы Евгеньевны? — спросил Скворецкий.

— Право, не знаю, — ответил Малявкин. — Я особо над этим не задумывался.

— Так, так, — задумчиво произнес Скворецкий. — Как по-вашему, это случайность или... или...

— Что вы имеете в виду, гражданин майор? Я вас не понимаю.

— Попробую пояснить. Можно ли, к примеру, допустить такую мысль, что гостеприимство Евы Евгеньевны было не случайным, что она ЗАРАНЕЕ знала о вашем прибытии? Заранее. Понимаете? Проанализируйте-ка ее поведение в этом плане.

Малявкин растерянно смотрел то на Скворецкого, то на Горюнова.

— Заранее? Знала? Но откуда? Кто мог ее предупредить?

— Сейчас речь не о том, откуда и кто, но: ждала она вас или нет? Было ли ваше появление неожиданностью — вот что главное.

Малявкин отрицательно потряс головой и решительно, ни секунды не колеблясь, сказал:

— Нет, я не могу сказать, что она нас ждала. Никаких фактов, подтверждающих такое предположение, у меня нет, а строить догадки...

— А нам ваши догадки или, того хуже, домыслы и не нужны, — сурово сказал Кирилл Петрович. — Речь идет о ваших впечатлениях и в первую очередь о фактах. Факты — вот что требуется прежде всего.

— Ясно, — вздохнул Малявкин и вдруг просиял. — Знаете что?.. А вы спросите Еву Евгеньевну. Ее саму. Чего проще!

— Да уж конечно, — улыбнулся Кирилл Петрович. — Мудрое предложение. Проще простого... Может, со временем мы и воспользуемся вашим советом. А пока... Пока продолжайте ваши показания. Итак, что делали вы с Гитаевым, обосновавшись в Москве, в семье Варламовых? Какие задания германской разведки выполняли?

Малявкин замялся:

— Что вам сказать? Вы не подумайте, что я пытаюсь оправдаться — мое дело конченное, я это понимаю, — но я ничего толком не знаю. Всё — задания, их выполнение — было у «Музыканта». Я был при нем простым исполнителем. Ввел его, как было приказано, в семью Варламовых. Еще я отвечал за рацию. И все.

— Рация? — быстро спросил Скворецкий. — Где, кстати, она? Все там, под Подольском?

— Нет, зачем же. Мы ее забрали. Недели две прошло, как устроились, и забрали.

— Куда? К Варламовым? — поинтересовался Горюнов.

— К Варламовым? — Малявкин даже удивился. — Что вы! Разве можно. Нет. Мы ее опять закопали, только в другом месте. Невдалеке от Москвы. Гитаев нашел небольшой пустынный лесок возле одного из подмосковных совхозов, километрах этак в восьми — десяти от города, по Серпуховскому шоссе. Там автобус ходит, а от автобуса пешком минут сорок — час, не больше. И в лесу пусто, ни души. Вот там мы и припрятали рацию.

— Как же вы ее туда перебросили из-под Подольска?

— А это Гитаев устроил. Достал где-то машину. Он это умеет. Мастак!

— После приземления вы еще работали на рации, передавали что-либо немцам?

— А как же? Дважды. Первый раз, когда перевозили рацию. Тогда я передал — шифром, конечно, — что все идет хорошо: устроились у Варламовых, приступаем к выполнению дальнейших задач. Передача была закодирована.

— Шифр и код были у вас или у Гитаева?

— Сначала у него, а потом он передал мне: «Сам, говорит, кодируй. Не хочу возиться».

— Так. А второй раз?

— Второй раз не так давно. Недели полторы-две назад. Шифровка была совсем короткая. В ней «Музыкант» сообщал, что у дантиста уже был и контакт установлен. Одним словом, порядок.

— У какого еще дантиста? Какой контакт? — удивился Горюнов.

— Как — какой? Разве я про дантиста ничего не говорил? Неужели забыл? Виноват...

— Минуточку... — перебил майор. — К дантисту мы сейчас перейдем. Сначала попрошу ответить на такой вопрос: рация сейчас где? Там же, в лесу?

— Должна быть там, на месте.

— Найти ее сможете?

— Конечно.

— И еще вопрос. Было оговорено что-нибудь специально, кроме шифра и кода, что давало бы немцам уверенность, что на рации работаете именно вы, «Быстрый», а не кто-либо другой?

— Конечно. При окончании каждой передачи я должен отстучать дважды литеры «Г, М». Ну, кроме того, они, тамошние радисты, мой почерк изучили, знают, как я работаю на ключе. Если бы кто стал вместо меня работать — моментально разгадают.

— А если так, если ваш почерк изучен, зачем «Г, М»? С какой целью? Дублирование?

— И дублирование тоже, но не это главное. Литеры для чего? Если мне, например, пришлось бы не по своей воле работать...

— Как это — не по своей воле? — Скворецкий сделал вид, что не понял Малявкина. Тот посмотрел на майора с недоумением.

— Как не по своей воле? Да очень просто: попадусь, скажем, и чекисты заставят меня работать. Тогда я весь текст передам, шифрованный, кодированный, а «Г, М» не отстучу. Значит, провалился. Сцапан.

— Но вот вы попались, вас «сцапали», как вы изволили выразиться, и что же? Вы сами нам все выложили. К чему же ваши «Г, М»?

— Да, попался, — как-то неожиданно твердо сказал Малявкин, глядя Кириллу Петровичу прямо в глаза, и даже выпрямился. — Попался. А врать больше не буду. Хватит!.. К тому же... — он замялся, — к тому... На рации мне все одно больше не работать. Ну и слава богу! — Он махнул рукой и сразу сник.

Кирилл Петрович незаметно переглянулся с Виктором и сказал:

— Боюсь, пророк из вас плохой. Может статься, что к рации и вашим «Г, М» мы еще вернемся, и даже довольно скоро, а теперь расскажите о дантисте.

Глава 12

Ната долго не могла прийти в себя после посещения Раисы Максимовны Зайцевой. Не то чтобы само это посещение уж слишком потрясло ее, но так много на нее за последние дни свалилось всякого, а тут еще эта встреча с Раечкой. И — собственная роль... Трудно было Натe: одна, совсем одна, никому не нужна, всеми — родными, близкими — брошена. Была школа, были друзья, подруги, но всех разметала война, эвакуация. Комсомол... Да, конечно, Ната ни на минуту не переставала чувствовать себя комсомолкой.

Еще там, в Уфе, окончив десятый класс (хоть это удалось!), Ната хотела пойти на завод, так тетка не пустила. Всей душой Ната стремилась на фронт — бойцом, медсестрой, все равно, — и опять не разрешила тетка. Вечно она вмешивалась в ее жизнь, вечно не давала самостоятельно шага ступить...

И что она за человек? Сколько лет Ната провела в семье Варламовых, а не может понять Еву Евгеньевну. Ради чего она живет, к чему стремится? Вот теперь эта история с Гитаевым. Что у Евы Евгеньевны с Гитаевым был роман, в этом Ната не сомневалась. Но ограничилось ли все романом? Ведь неспроста сбежала Ева Евгеньевна, бросив все. И кто такой Гитаев? Дезертир? Шпион? И Малявкин, Боря Малявкин? Боже, до чего все запуталось...

А дядя? И его запутали? Нет, если уж и дядя... Не может этого быть. Но почему он послушался Еву Евгеньевну, почему бежал? Почему?

Нате вдруг страшно захотелось, чтобы сейчас, сию минуту, здесь, в этой комнате, очутился Кирилл Петрович, майор Скворецкий. Этот человек вызывал у нее безграничное доверие. И, конечно, Кирилл Петрович ее поймет, даст нужный совет, скажет, что ей делать дальше. И почему она не поговорила с ним по душам, не высказала все, что так ее тревожит?

Невеселые мысли Наты прервал резкий телефонный звонок. Она нехотя поднялась с кресла: опять, наверное, дядю. Опять с работы. А что она может сказать? Уехал — и все...

Ната неторопливо сняла трубку:

— Слушаю.

— Кто со мной говорит? — послышался грубоватый голос, в котором звучали повелительные интонации; Ната оробела.

— Это... это племянница профессора Варламова.

— Ах, племянница! Слушайте, девушка, попросите-ка к телефону кого-нибудь из наших товарищей.

— Ка-каких ваших товарищей? Кого? — совсем растерялась Ната.

— Как — каких? Не понимаете? Ну, кого-нибудь из тех, кто у вас дежурит.

— Понимаю, — сообразила Ната. — Одну минуточку. Товарищи, — обернулась она к вошедшим на звонок чекистам, чуть относя трубку в сторону, — это вас.

Один из сотрудников поспешно выхватил у Наты трубку, прикрыл ладонью и тихо прошептал:

— Кто? Кто спрашивает?

— Н-не знаю, — испугалась Ната. — Кто-то незнакомый.

— Скажите, что вы пошутили, что тут никого нет, и вы не понимаете, что ему нужно. Да живо, живо! Поворачивайтесь. — Он протянул Нате трубку.

— Вы слушаете? — каким-то тонким, пискливым голосом сказала Ната. — Слушаете? Я... я пошутила. Тут никого нет. Алло? Алло?

В трубке слышалось чье-то дыхание, но никакого ответа не последовало. Затем раздался щелчок и частые гудки.

— А, черт! — не сдержавшись, выругался оперативный работник. Отстранив Нату, он вырвал у нее трубку и быстро набрал номер Скворецкого. — Товарищ майор? Докладывают с известной вам квартиры. Ерунда тут сейчас получилась... — Он коротко сообщил о звонке.

— Минутку... — Скворецкий кивнул Горюнову. (Тот жестом пригласил Малявкина и провел его в другой кабинет.) — Да-а, — с досадой сказал майор в трубку. — Опростоволосилась наша девушка. Кто-то, по-видимому, проверял, есть ли засада, и — проверил. Убедился. Скверно! Но подделать теперь ничего не поделаешь. Вы уж не вздумайте там воспитывать вашу хозяйку. опыта-то у нее никакого, да и вообще дитя еще. Цыпленок. Вы как-нибудь остороженько, деликатно растолкуйте ей, что к чему. Поняли? Я на всякий случай проверю, не звонил ли кто от нас, но, думаю, это не так.

— Что случилось, Кирилл Петрович? — спросил вернувшийся Горюнов.

— Оплошала наша Ната, вот что, — ответил Скворецкий и рассказал суть дела. — Надо бы, пожалуй, туда заехать, однако успеется. Давай продолжим допрос Малявкина.

— Итак, вернемся к дантисту, — сказал майор, когда Малявкин вновь появился в его кабинете.

— Дело, собственно говоря, не в дантисте, — возобновил Малявкин свой рассказ. — Сам дантист, скорее всего, ни при чем. Он, пожалуй, ничего и не знает. Такое, во всяком случае, создалось у меня впечатление.

— Что-то я вас не пойму, — заметил Скворецкий. — Давайте сначала внесем ясность. Что за дантист? Кто такой? Какую играл роль в ваших делах? Вот на эти вопросы и потрудитесь ответить.

Малявкин начал издали. Дело в том, что Гитаев поначалу мало чем с ним делился. Не разъяснил толком и того задания, которое было на них возложено. Но в последние дни, убедившись, по-видимому, что на Малявкина можно положиться, он стал откровеннее со своим напарником. Гитаев, в частности, наконец-то сообщил, зачем их сюда послало руководство абвера. «Руководство, — подчеркнул Гитаев, — а

не начальство школы, не местные работники. О наших делах докладывают самому адмиралу (имелся в виду Канарис, начальник абвера), а может, кому и повыше. Понял?»

Первое, что они должны были сделать, — это установить личный контакт с профессором Варламовым (этому делу, как сказал Гитаев, тоже дали наименование: «Треф»). Под словом «Треф» закодировано и имя профессора), получить исчерпывающие данные о его работах, имеющих первостепенное военное значение, и любой ценой переправить эти данные в Германию.

— Получить? — спросил Скворецкий. — Как это «получить»? Выкрасть? Похитить? Или... или сам профессор Варламов, «Треф», как вы говорите, должен был их передать? (У Кирилла Петровича перед глазами встал сейф, настежь распахнутая массивная дверца и зияющая черная пустота, хранившая тайну исчезновения расчетов.)

Малявкин пристально смотрел на майора.

— Как получить? Этого я не могу сказать. Не знаю. Гитаев мне ничего не говорил. Может, и похитить. А может... Нет, не знаю. Я в добыче документов Петра Андреевича участия не принимал.

— А Гитаев? Гитаев их добыл, документы профессора? — задал вопрос Горюнов. Было заметно, как сильно он волнуется.

— И этого не знаю. Из слов Гитаева сделать определенный вывод было трудно. Впрочем, у него вообще была странная манера говорить. Со мной, во всяком случае. Я никак не мог понять, когда он издевается надо мной, когда шутит, а когда говорит всерьез. Бывало, такое говорит — ничего не поймешь. Мне порой казалось, что у него в голове, знаете...

Малявкин поднял руку и выразительным жестом покрутил указательным пальцем возле виска.

— И все-таки, — настаивал Горюнов, — были какие-либо факты, признаки, которые позволяли бы определить, добыл Гитаев документы или нет? Неужели вы, живя бок о бок с Гитаевым, так ничего и не могли заметить, сообразить?

— Что вы от меня хотите? — с тоской сказал Малявкин. — Я же говорю: не знаю. Не знаю и не знаю, хоть на куски режьте. — Он вдруг оживился: — Да, вот что. «Сообразить»... Думаю, это важно. Так вот. В последней шифровке, которую я передавал немцам, о документах не было ни слова, ни намека.

— А если бы документы были у Гитаева? — поспешно задал вопрос Скворецкий. — Тогда как? Должны вы были в этом случае что-то указать в шифровке?

— Наверное. Думаю, Гитаев поторопился бы сообщить абверу о своем успехе. Наверняка сообщил бы. Только я такой шифровки не передавал. Значит, документов не было.

— Вы не передавали. А сам Гитаев, без вашей помощи, мог работать на рации?

— Сомнительно. Рацию он знал, но работал плохо: медленно, не четко. Как мне кажется, это была одна из причин, по которой меня с ним послали.

— Ну, допустим, послали-то вас, в первую очередь, совсем по другой причине, — усмехнулся Скворецкий. — Радист — это уж дело второстепенное в данном случае. Можете в этом не сомневаться.

— Почему второстепенное? — Малявкин даже обиделся. — Я хорошо работаю на рации...

— Не спорю, и все же не это определило вашу роль как напарника Гитаева. Варламов — вот кто был нужен абверу, а вы — посредник для проникновения Гитаева к профессору. Это же яснее ясного. Так, во всяком случае, получается из ваших же слов. Продолжим, однако. Скажите, а вы исключаете, что у Гитаева был иной путь связи с руководством абвера? Помимо вашей рации.

— Исключать, конечно, ничего нельзя, и все же я сомневаюсь, что такой путь был.

— Это почему? Вы же сами говорили, что Гитаев был с вами далеко не откровенен и во все свои дела вас не посвящал. Или это не так?

— Нет, это так. Я уже сказал, что говорю вам сейчас правду. Только правду. Но дело в том, что второй нашей задачей — и, как я понял из слов Гитаева, важнейшей — как раз и было установление утерянной связи с очень важным сотрудником абвера, находящимся в Москве, — мы должны были поступить в его распоряжение — и налаживание его связи с центром. Связи, понимаете?

— Как, как? Связь с важным сотрудником абвера? — недоверчиво спросил майор. — Здесь? В Москве? Но с кем же? С резидентом? Вы знаете находящегося тут, действующего резидента германской военной разведки?

— Знаю... Нет, не то чтобы знаю, — замялся Малявкин, — но...

— Что «но»? Кто он? Где? Чего вы раньше молчали? — рассердился Скворецкий.

Малявкин испуганно заморгал:

— Я не молчал, просто как-то не дошло до этого. Вот, рассказываю... Только кто он, где скрывается, этого я не знаю. Я же вам говорю, что Гитаев...

— Гитаев! О Гитаеве вы сообщили уже немало, — резко оборвал Малявкина майор. — Сейчас в первую очередь нас интересует резидент. Выкладывайте все, что вы о нем знаете. Где должны были его искать? Как с ним связываться? Как держать связь? Что он из себя представляет как человек хотя бы в самых общих чертах?

— Вы задали столько вопросов сразу... Попытаюсь ответить.

Из слов Малявкина получалось — так он понял Гитаева, — что резидент — крупный германский разведчик. Сам он будто бы немец, хотя родился и много лет жил в России. Его лично знал Канарис, знали и гестаповские руководители. «Страшный человек, решительный, жестокий. На все способен» — так говорил о нем Гитаев. Сам Гитаев лично его не знал, но наслышан о нем был изрядно и очень его боялся. Еще бы! Такому отправить человека на тот свет ничего не стоило. И в Москве он делал дела...

— И вы утверждаете, что Гитаеву удалось вступить в непосредственный контакт с этим резидентом, установить с ним непосредственную связь? Вы это точно знаете?

— Точно. Я же сам передавал шифровку, где Гитаев сообщал, что связь с резидентом установлена.

— Да, но ЛИЧНАЯ связь, НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ?

— Я понял так, что речь шла именно о личной связи.

— Еще вопрос. Почему вы считаете, что у резидента связь с центром была утеряна?

— Так Гитаев говорил. Как я его понял, у резидента что-то случилось с рацией. Не то она испортилась, не то с радистом что-то стряслось. Так, во всяком случае, я понял Гитаева, хотя, повторяю, ничего конкретного он мне не говорил.

— И ничего, ровно ничего вы сказать о резиденте не можете? Даже его клички Гитаев вам не называл?

Малявкин внезапно оживился:

— Кличка? Кличку он назвал. «Зеро».

— «Зеро»... — задумчиво повторил Скворецкий. — «Зеро»? Занятная кличка. Всяко повернуть можно. Скажите, — неожиданно спросил он Малявкина, — Гитаев вам не говорил, кто этот «Зеро»? Мужчина? Ведь может быть и... женщина? «Зеро»!

Горюнов оторвался от протокола и с недоумением посмотрел на майора. Малявкин, ничего не соображая, хлопал глазами.

— Кто «Зеро»? Мужчина? Дайте подумать... А знаете, ведь Гитаев ничего определенного не говорил: резидент и резидент. И псевдоним. Все. А мужчина ли, не знаю. Псевдоним-то странный: и так и так понять можно. Да, вот еще что. Со слов Гитаева я понял, что «Зеро» этот знает Петра Андреевича. Профессора Варламова. Как — не могу сказать, не понял, но знает. Определенно знает.

Кирилл Петрович кашлянул раз, другой и задал неожиданный вопрос:

— Вам не трудно припомнить, какие были у «Музыканта» отношения, вернее, как он относился к Еве Евгеньевне, жене профессора Варламова?

Малявкин охнул. Он даже вскочил со стула, но снова сел и до хруста сплел пальцы.

— Вы думаете... Вы полагаете... «Зеро»... Ева Евгеньевна?... Вы это хотите сказать?

Густые брови Скворецкого сошлись к переносице, на лбу легла глубокая морщина. Решительным жестом он оборвал Малявкина:

— Не стройте досужих домыслов, Малявкин. Факты. Только факты. Личные впечатления, опять-таки основанные на фактах. Вот что требуется. Никакой импровизации. Поняли? Так что вы можете сказать об отношении «Музыканта» к жене профессора Варламова? Конкретно. На основе фактов.

Малявкин задумался.

— Да, — сказал он наконец, — задали вы мне задачу. Что я могу сказать? Гитаев — донжуан, каких мало. Это уж как хотите. С Евой Евгеньевной он такой роман закрутил... И не очень они стеснялись. Меня, во всяком случае. И Наты. Профессора? Так он дома мало бывал, только ночью. При нем они держались поосторожнее, только он, чудак, вряд ли что и заметил.

Губы Скворецкого искривились в брезгливой усмешке:

— Разве я вас об этом спрашиваю? Какое нам дело до амурных походов Гитаева? Речь идет совсем о другом: как, при всем при том, на этом, так сказать, фоне ваш начальник, «Музыкант», относился к Еве Евгеньевне? Пренебрежительно? Третировал ее? Или уважительно, с почтением? Может, даже со страхом?

— Особого страха я не замечал, но третировать... Нет, вы не знаете Еву Евгеньевну. Разве ее можно третировать? Она женщина с характером, властная, решительная.

— Знала она, кто вы такие с Гитаевым на самом деле?

— Вы имеете в виду...

— Да. Вашу принадлежность к германской разведке. Знала об этом Ева Евгеньевна?

— Знала.

— Вы в этом уверены?

— Да, уверен.

— Но если знала, то откуда, каким путем?

— Наверно, Гитаев ей сказал. Может, не все, но главное сказал. Так я думаю.

— Думаете? Этого мало. А что вы ЗНАЕТЕ, знаете точно?

— Видите ли, знаю я мало. При мне Гитаев ей ничего особенного не говорил. Вот если наедине, без меня... Уединялись они постоянно. Ни я, ни Ната им не мешали. Как-то так повелось с самого начала. Поэтому я и не могу сказать, о чем они говорили. Мне это неизвестно.

— Раз неизвестно, почему же вы так решительно утверждаете, что жена профессора Варламова знала о вашем и Гитаева сотрудничестве с германской разведкой?

— Судите сами. Недели через полторы-две после нашего приезда, может, немного больше, Гитаев начал все более и более откровенно разговаривать при Еве Евгеньевне: ругал все советское — власть, порядки, армию; превозносил до небес немцев; утверждал, что красных скоро побьют и война кончится. Потом, последнее время, он совсем перестал сдерживаться: вспоминал некоторые случаи из своей службы у немцев, в школе. Хвастался знакомствами. Как же тут было не понять, что если не все, то многое Ева Евгеньевна знает?

— А она, как она реагировала на болтовню Гитаева?

— Ева Евгеньевна? Да не возражала. Скорее, поддакивала. Спорить не спорила.

— А... Ната?

— Ната — это другой разговор. При Нате Гитаев держал язык за зубами, разве изредка что сорвется. Мы оба ее боялись. Ната — человек принципиальный. Комсомолка. Я же ее давно знаю.

— Хорошо. Из ваших слов вытекает, что Гитаев не скрывал от Евы Евгеньевны Варламовой своих взглядов, того, что он служит у немцев. Так?

— Да, это точно.

— Допустим. Но из этого не следует, что ей была известна ваша с Гитаевым принадлежность к немецкой разведке. Как с этим обстояло дело?

Малявкин молча пожал плечами и развел руки.

— Уточним, — продолжал майор. — Цель вашего с «Музыкантом» приезда в Москву была известна Еве Евгеньевне? Содержание заданий, возложенных на вас германской разведкой, — это жена профессора Варламова знала? В частности, что вы интересуетесь ее мужем, его работами, что Гитаев — «Музыкант», а вы — «Быстрый»...

— Не могу сказать, — беспомощно произнес Малявкин. — Про это при мне никаких разговоров не было. Хвалить немцев хвалили, это да. И что они победят, тоже говорили. Школу Гитаев упоминал. Немецкую. Разведывательную. А насчет заданий, кличек... Нет, не скажу. Не было.

— Не было? Это точно или опять предположение?

— Прямо о нашей разведывательной работе Гитаев Еве Евгеньевне при мне не говорил, это точно. А без меня?.. Не знаю. Может, и говорил, но мне об этом неизвестно.

— Скажите, а Гитаев не пытался использовать Еву Евгеньевну в плане вашего задания? Я имею в виду работы профессора Варламова. Вы ничего такого не замечали?

— Как вам сказать? Расспрашивать ее о Петре Андреевиче, о его работах, он расспрашивал. Много. Особенно первое время. Только она сама мало что знала: ничего не понимала в делах профессора. Но чтобы Гитаев прямо ей сказал, вот так: достань, мол, чертежи, расчеты или еще что, — не знаю. При мне даже разговора такого не было.

— Что еще можете добавить к своим показаниям?

— Пожалуй, все, — неуверенно сказал Малявкин. Потом с большой уверенностью: — Да, все. Теперь я все рассказал.

— Все? — улыбнулся Скворецкий. — А дантист? Про дантиста опять забыли?

— Фу ты! — изумился Малявкин. — Действительно. И что я все о нем забываю?..

Дантист, по словам Малявкина, был для него фигурой не вполне ясной. Скорее всего, так он полагал, тот и вовсе ни во что не был замешан. Просто его приемная использовалась в качестве явки.

Как он о дантисте узнал? От Гитаева. Около недели назад Гитаев ему сказал, что в Москве имеется явка для связи...

— Связи с кем? С какой целью? — стремительно спросил Горюнов.

— С кем — не знаю, — ответил Малявкин. — Этого Гитаев не говорил.

А рассказал он Малявкину следующее. Есть явка, в некоторых случаях придется ею воспользоваться. Явка находится на Покровке, там работает частнопрактикующий зубной врач. (Гитаев назвал Малявкину фамилию врача и адрес.) Каждую вторую пятницу и четвертую среду каждого месяца в приемной этого врача — в пятницу в два, в среду в четыре пополудни — должен сидеть человек. Гитаев указал приметы этого человека и назвал пароль. Этому человеку можно передать, что требуется, или, наоборот, он что-то передаст или скажет.

— А зачем, собственно говоря, все это «Музыкант» вам рассказал? — спросил майор. — И почему только сейчас, сравнительно недавно?

— Гитаев сказал, что я должен буду пойти на эту явку, встретиться с тем человеком... Позвольте, у нас сегодня что? Суббота? Ну вот, следующая среда и будет четвертая среда месяца. Как раз я должен был идти. — Малявкин смущенно улыбнулся.

— А зачем, зачем должны были вы идти? Передавать что-нибудь? Получать? — спросил Горюнов.

— Не знаю. Гитаев не говорил.

— Как это не говорил? Почему?

— А он просто не успел сказать. Не вышло. Собирался, да не успел.

— Что же он тогда вам сказал?

— Гитаев просто предупредил меня, что придется идти на явку, а указания обещал дать накануне, перед тем как я пойду. Теперь-то уж эта явка мне ни к чему, не воспользуюсь.

— Как знать, — задумчиво сказал Скворецкий. — Как знать...

Глава 13

Набирая номер телефона капитана Попова, Кирилл Петрович даже морщился: разговор предстоял, в общем-то, никчемный. Так, потеря времени. Но что поделаешь? Надо. И комиссар настаивает...

Полчаса спустя Попов и Константинов входили в кабинет Скворецкого.

— Рад вас видеть, — встретил их Скворецкий, крепко пожимая руки сначала одному, потом другому. — Садитесь, пожалуйста... Должен вас огорчить, товарищи, — обратился он к Попову и Константинову, когда они удобно устроились в креслах. — Руководство не очень довольно нами, да и вами...

— Недовольно? Нами? — изумился Попов. — Чем же мы провинились?

— Угадать не трудно. Есть за нами грех: мы ослабили наши усилия по розыску Малявкина, а вы забросили вокзалы. Понимаю: надоело. Столько дней прошло, и все без толку. Но искать-то, искать надо...

— О чем речь?! — воскликнул Попов. — Разве в нас дело? Мы с дорогой душой, верно, Василий Кузьмич? Вы, товарищ майор, правы. Вы сами утратили последние дни интерес к розыску. Я уж, грешным делом, подумывал: а может, этот Малявкин нашелся? Взят?.. Или нет? Ошибаюсь? Вот даже Василию Кузьмичу говорил. — Он кивнул в сторону Константинова.

— Если бы! — вздохнул Скворецкий. — Рано, друзья, успокаиваться, рано. К вам великая просьба: помогайте нам и дальше, как помогали. Будем искать.

— Что ж, надо так надо, — бодро сказал Попов. — Я говорил и опять скажу: можете на нас положиться.

Получив необходимые инструкции, Попов и Константинов распрощались.

...Попову и Константинову и в голову не могло прийти, что предшествовало их приглашению в наркомат, почему их попросили вновь активно разыскивать Малявкина. А произошло следующее.

В ночь после допроса Малявкина Скворецкий с Горюновым допоздна засиделись у комиссара: сообща искали пути дальнейших действий. Подводя итоги событиям минувших дней, Кирилл Петрович, заметно волнуясь, говорил:

— С чего мы начали? С розыска Малявкина: то ли агента германской разведки, то ли просто дезертира. Что случилось дальше: бегство Варламова, убийство Евстафьева — лаборанта, исчезновение секретнейших документов, звонок на квартиру Варламовых. Это уже не пустяк. Теперь мы вышли на тайную фашистскую резидентуру: перед нами резидент, свирепый и изощренный враг. Диверсант. Убийца. Появился дантист. Явка. Связник. Этого ли резидента, какого ли другого, пока неизвестно. Похоже, что между всеми; этими звеньями: «Музыкант» с «Быстрым» — профессор Варламов и Ева Евгеньевна — резидент — связник, есть что-то объединяющее, какая-то связь. Мы словно разворошили муравейник, и одно посыпалось за другим. Мы должны действовать, быстро, решительно, энергично.

— Красивые слова, — поморщился комиссар. — Слова и... прописные истины. «Быстро», «решительно»... А как же иначе может действовать чекист, если он воистину является чекистом? Что вы конкретно предлагаете, к чему слова?

— Слова, товарищ комиссар? — сказал Скворецкий. — Да, вы правы, я это отлично знаю, но говорю неспроста. Есть два пути дальнейших действий: путь пассивный и путь активный. Одно: усилить внимание к Зайцевой — может быть, она выведет нас на Варламовых; держать засаду на квартире профессора и ждать, не придет ли кто, не позвонит ли; изыскивать меры к установлению личности «Зеро»; выяснить, пользуясь данными, которые сообщил «Быстрый», что за связник, — быть может, взять его, начать допрашивать. Это — один путь. Путь, я бы сказал, пассивных действий...

— Вы что же, — перебил комиссар, — намерены оставить Зайцеву вне поля зрения? Снять засаду? «Пассивные действия»!

— Нет, зачем же, — быстро возразил майор. — Все это надо делать, надо, и все же — это путь пассивный. Надеяться! Ждать! Сейчас этого мало, мало, когда рядом затаился опаснейший враг, резидент, когда исчезают документы, гибнут люди... Да, сразу

оговорюсь насчет засады. Засаду у профессора Варламова я бы снял. После того звонка, когда Ната проговорилась... имеет ли смысл?

— Засада? — задумался комиссар. — Не знаю. Боюсь, снимать рановато. Но не в этом суть. Что вы предлагаете? Каков, по-вашему, другой путь?

Ответ у Кирилла Петровича был готов:

— Я за другой путь — путь активный. Предлагаю переходить в наступление, пойти с козыря.

— И этот козырь?

— Малявкин, — твердо сказал майор. — Борис Малявкин. «Быстрый».

Комиссар ответил не сразу. Он облокотился о стол, долго молча смотрел мимо Скворецкого. мимо Горюнова.

Потом откинулся на спинку кресла, закурил и неторопливо сказал:

— Да-а, мелькнула и у меня такая мысль, когда я знакомился с его показаниями. Только дело-то ведь это тонкое, тут каждую деталь надо учитывать. Что вы предлагаете конкретно? Послать «Быстрого» на явку? Так? С чем?

Кирилл Петрович все продумал заранее. Он считал, что Малявкин должен пойти на явку и сообщить связному правду. Вернее, часть правды. Рассказать, как их с «Музыкантом» схватили в продовольственном складе и отвели в прокуратуру, как они бежали и «Музыканта» не то убили, не то взяли, а он, «Быстрый», ушел. Нашел надежное пристанище. Рация — у него. Теперь он ищет связи, ждет указаний.

— Иначе действовать нельзя, — говорил Скворецкий. — Что мы выигрываем? — продолжал майор. — Первое: связник обо всем доложит своим шефам, и не исключено, что с «Быстрым» пожелает встретиться сам резидент. (В этом месте комиссар скептически усмехнулся.) Второе: мы, после встречи «Быстрого», узнаем связника, и уж он-то нас куда-нибудь выведет.

Кирилл Петрович кончил. Комиссар, слушавший его не перебивая, спросил:

— И вы думаете, резидент или кто там еще вам поверит? «Клюнет» на Малявкина?

— А куда им деваться? «Быстрый» им очень нужен, — рация! Да и чего им сомневаться в Малявкине? Он же расскажет чистую правду.

Пусть проверяют! Сбойчакова, судя по нашим данным да и по всему, вне поля зрения немцев; значит, об аресте «Быстрого» знать никто не может. В Нате сомневаться нечего. Вот только убежище нужно будет ему подобрать понадежнее. Но это не страшно, подберем.

Комиссар повернулся к Горюнову, который за все это время не проронил ни слова, только лицо его выражало явное неодобрение.

— Ваше мнение, Виктор Иванович?

Горюнов встал, выпрямился.

— Да вы садитесь, — махнул рукой комиссар. — Садитесь!..

— Я — против, — отрубил Виктор. — Решительно против. То есть, товарищ майор, Кирилл Петрович, конечно, прав, когда говорит, что надо переходить к активным действиям. И на явку надо идти, тут я согласен, только НЕ Малявкину...

— Так, так, — улыбнулся комиссар. — Кто же пойдет на явку?

— Я, — сказал Горюнов. — Я пойду...

— Чушь! — не утерпел Скворецкий. — Чушь и чушь. Вы извините, товарищ комиссар, но, прежде чем идти к вам, я битый час втолковывал ему, что это чушь. Как он пойдет? Под видом кого? Неизвестный? Дурак будет тот разведчик, который доверится неизвестному, а это самое «Зеро» не дурак или не дура, судя по всему. Будьте уверены.

— Я... Я пойду вместо Малявкина, — неуверенно продолжал Горюнов. — Возьму на себя роль «Быстрого». Я же вам говорил, Кирилл Петрович.

Но Скворецкий продолжал возмущаться:

— Нет, товарищ комиссар, вы только его послушайте! Он пойдет под видом «Быстрого»! А если этот связник или резидент знает Малявкина в лицо? Тогда как? Тогда верный провал. И не только провал, хуже. Голову, Виктор, можешь потерять. Это ты учел?

— Я не боюсь, — спокойно отвечал Горюнов. — Риск есть во всяком деле. Вы, Кирилл Петрович, сами не против риска. Такая уж наша профессия.

— Профессия! — рассердился комиссар. — Долг чекиста состоит совсем не в том, чтобы вслепую лезть под пулю, под нож. Ну, когда надо, я понимаю, а тут что? Выстрелят из-за угла или пырнут финкой — и концы в воду. Нет, ты уж извини меня, но — дурак! И дело наверняка провалишь. Прав Кирилл Петрович, вам (в запальчивости

комиссар называл Горюнова то на «ты», то на «вы») идти нельзя. Никак нельзя. Ты что на меня так уставился? Еще что-нибудь хочешь сказать?

— Да, хочу, — упрямо ответил Виктор.

— Ну что же, это твое право, особенно если скажешь что новое.

— Новое. Есть у меня и другое предложение: если мне нельзя, так послать Нату.

— Нату? — удивился комиссар. — Ишь ты!

— А что? — с горячностью сказал Горюнов. — У Зайцевой она была. Справилась. Еще как! Справится и тут, на нее можно положиться.

Скворецкий всплеснул руками:

— Вот упрямая голова, ну что ты будешь с ним делать! Ведь и о посылке Наты говорено-переговорено. Сравнил: то Зайцева, простая обывательница, старинная знакомая, а тут — зверь. Хищник. Матерый хищник. Как же можно девушку посылать на такое? Она и у Зайцевой растерялась, ребенок ведь совсем, а здесь... Не понимаю тебя, Виктор. Да и не серьезно все это. Как она пойдет на явку, почему, с чем? Кто ее послал? «Музыкант»? Из потустороннего мира? Разве есть гарантия, что им о его гибели не известно? «Быстрый»? А этот зачем? Сам почему не пошел? Кроме того, надо полагать, что о засаде на квартире Варламовых, у Наты, они знают. Об этом мы уже говорили. И после этого посылать Нату?.. Бред какой-то! Да и где у тебя логика? То ты был против того, чтобы посылать ее к Зайцевой, не верил, сомневался. А теперь... Нет, уволь. Никакой логики!

— Н-да, Виктор Иванович, — подвел итог комиссар. — Майор-то прав. Логика у вас хромает. Да и никак я не пойму, почему вы так сопротивляетесь, чтобы пошел Малявкин? Что за причина?

— Не верю я Малявкину, — сказал Горюнов. — Не верю, — упрямо повторил он. — Гад он, предатель! Нет таким веры.

— Гад? — переспросил комиссар. — Что ж, это верно. Гад. И все же это определение скорее эмоциональное, чем рассудочное. А чекист — помнишь? — должен иметь горячее сердце и холодный разум. Холодный разум! Запомни. Ты мне вот что скажи: ты дело «Трест» знаешь? Знаком с таким делом?

— «Трест»? — смутился Горюнов. — Это еще при Дзержинском? Слышать об этом деле приходилось, а изучать не изучал.

— То-то, — наставительно сказал комиссар. — Всем нам надо знать такие дела, учиться на них... При Дзержинском. Правильно. Больше того, Феликс Эдмундович сам, лично, руководил всем ходом этого дела. И мне посчастливилось принимать в нем кое-какое участие. Маленькое, конечно. Юнцом я еще был, помоложе тебя, тоже комсомольцем, только пришел в Чека...

Комиссар задумался, вспоминая прошлое. Потом резко выпрямился, словно встряхнулся.

— Так вот: в чем суть дела «Трест»? Был в двадцатых годах в Москве крупный контрреволюционный заговор. Заговорщики имели обширные связи за рубежом: с белогвардейской эмигрантщиной, с иностранными разведками. Долго рассказывать не буду... Взяли мы одного заговорщика. Матерого. Уж куда какого гада, выражаясь, Горюнов, твоими словами. Допрашивали его, допрашивали. Сначала он запирался, а потом постепенно разговорился. Рассказал все. Все, что знал, конечно. Что же тогда сделал Феликс Эдмундович? А сделал он так: предложил этому «гаду» помочь нам, чекистам, в разоблачении его бывших сообщников и выпустил его, «гада», на свободу. И как он работал, как работал! Какие дела делал! Вот тебе и гад. Дошло?

— Дошло, товарищ комиссар, — потупился Горюнов. — Понял.

— Нет, ты не все еще понял. Верить нельзя Малявкину!.. Как просто! А что такое Малявкин? Трус. Очутился в плену. Чуть на него немцы нажали, и он стал работать на них. Предатель. Изменник. Любой суд, любой трибунал вынесет приговор не колеблясь. И все же... Что он почти не пытался что-либо скрыть и на одном из первых допросов выложил все, не щадя себя, это как? Думаете, нужны ему теперь немцы, да еще здесь, в Москве, среди советских людей? Был же он советским человеком? Был. Был комсомольцем. Добровольцем на фронт пошел, бить фашистов. Нет, «Быстрому» теперь не до немцев. Предложи ему работать против них, он землю рыть будет. Куда ему деваться? Если не по убеждению, так из страха за собственную шкуру. Будьте уверены! А ты — «гад»... Ведь тот-то, я имею в виду дело «Трест», был закоренелый враг. Убежденный. Понимаешь. Я никак не хочу их равнять — разные люди, иное время. Все это не так просто!

— Да, не просто, — согласился Скворецкий. — Но нельзя забывать, что мы же проверять будем Малявкина, каждый шаг его возьмем под контроль.

— А как же иначе? — удивился комиссар. — Обязательно проверять. Глаз с него не спускать ни на минуту. Это уж ваша забота. Итак, Кирилл Петрович, будем считать ваше предложение принятым. Посылайте «Быстрого». Только вот что: посмотрим-ка еще разок, кто из посторонних знает о его аресте? Как бы не опростоволоситься.

— Сбойчакова знает, товарищ комиссар, я докладывал.

— Сбойчакова? Так. А Ната? Забыли?

— Да, и Ната. Не забыл, — сказал Скворецкий.

— А как Попов и Константинов? — спросил комиссар. — Из продсклада. Они знают?

— Мы им не говорили, — сказал Скворецкий.

— Еще бы говорили! — заметил комиссар. — Этого я и не думал. Тут другое. Работу-то по розыску Малявкина вы, по-видимому, прекратили, Попов с Константиновым и смекнут: взяли, мол, голубчика, всё, коль в нас нужда пропала. Правильно? Надо это дело как-то поправить. Чтобы, если они что и подумали, так...

— Поправим, товарищ комиссар. Есть такая мысль: возобновим «розыск».

— То-то. Можно и «розыск» возобновить. Попробуйте... Теперь Ната и Сбойчакова. Им тоже не к чему знать, что Малявкин у нас. Надо им дать понять, что он бежал, что ли. С них хватит. Как, можно сделать так, чтобы поверили?

— Постараемся, товарищ комиссар, — вздохнул Скворецкий.

— У вас все? — поднялся комиссар.

Скворецкий с Горюновым переглянулись. Комиссар пристально посмотрел на одного, на другого и опустился в кресло:

— Что еще? Выкладывайте.

— Есть еще одно соображение, товарищ комиссар, — нерешительно начал Скворецкий. — Не выпустить ли «Быстрого» в эфир? Семь бед — один ответ.

— В эфир? — переспросил комиссар. — Чтобы он отстукал немцам шифровку того же содержания, что он скажет и связнику?

— Именно, — подтвердил Кирилл Петрович. — Того самого: «Музыкант» провалился. Я уцелел. Прошу указаний. И «Г, М», конечно.

— А что? — оживился комиссар. — Идея неплохая. Наступать так наступать. Действуйте. Только вот что: шифровка — прежде. Сначала

он должен шифровку передать, а потом на явку идти. Так будет лучше.

— Может получится не лучше, а хуже, — возразил Скворецкий. — Представляете себе: отобьет он шифровку, а ему ответ — сиди, жди указаний. Тут уж на явку не пойдешь. А следующая — через две с лишним недели. Во вторую пятницу.

— Это немцы-то, абвер, сразу примут решение? Дадут ответ, не докладывая начальству? Сомневаюсь, брат ты мой, сомневаюсь. Вот если резидент, тот может сам решить. Сразу. Ему санкций ждать неоткуда.

— Но «Быстрый» же пойдет не к резиденту, а к связнику.

— А кто он, этот связник, мы знаем? Нет! И куда он поведет «Быстрого», тоже не знаем. Давайте уж лучше сначала шифровку, а потом на явку. Сразу. Без интервала.

Возник было спор: как посылать радиogramму — открытым текстом или шифром? Ведь «Быстрый» шифра не знал, шифр был известен только «Музыканту», а о том, что «Музыкант» ознакомил «Быстрого» с шифром и кодом, немцы вряд ли знают. Скорее всего, нет.

— И все же шифром, — настаивал Скворецкий. — Только шифром. Уверен, иначе нельзя. Пошлем открытым текстом — немцы заподозрят неладное. А так... Пусть ломают себе голову. Не могут они исключить, что Гитаев сообщил Малявкину шифр и код.

После длительного обсуждения с Кириллом Петровичем согласились послать радиogramму шифром.

Вернувшись от комиссара, Скворецкий и Горюнов сразу принялись за работу: дел было много, и все срочные.

Долго они ломали голову над убежищем для «Быстрого», «крышей», — из тюрьмы-то надо его через день-другой выпускать.

К Сбойчаковой — исключено. Верная расшифровка — там же его брали. К Варламовым — и того хуже. Так куда его девать?

Горюнов было заговорил о Сеницыной, но сам тут же от этой мысли отказался, вспомнив, как его там принимали. Решили поговорить с самим Малявкиным.

Немало Кирилл Петрович и Виктор думали над тем, как обеспечить проверку Малявкина, контроль каждого его шага. Сошлись на том, что Горюнов возьмет на себя роль «приятеля» «Быстрого» и вместе с ним поселится.

Оставались Попов с Константиновым да еще Сбойчакова и Ната. Как быть с ними? Как им внушить мысль, не вызывая подозрений, что Малявкина надо искать?

Кирилл Петрович морщился:

— Ну, Сбойчакова, бог с ней. Такой заморочить голову ничего не стоит. Она того и заслуживает. А Попов? Константинов? Хорошие ребята, офицеры, столько нам помогали. От души, от чистого сердца. Теперь же изволь водить их за нос. Душа не лежит...

— Да-а, — согласился Горюнов. — Обидим ребят. По-моему, тут комиссар переосторожничал.

— Ну, ты уж и скажешь, — неожиданно рассердился Скворецкий. — А вдруг Попов, Константинов или кто-то из их окружения окажутся в поле зрения резидента? Нельзя этого исключать. Тогда, узнай Попов и Константинов, что Малявкин арестован, скажи кому об этом, и все... Конец! А ты — «переосторожничал»!

Глава 14

Прошло несколько дней, до предела заполненных работой. Наступила среда. Четвертая среда месяца — июля 1943 года. Хотя Кирилл Петрович пришел в наркомат в двенадцатом часу дня, бодрый и подтянутый, все же спал он не более четырех часов: лег в седьмом часу утра — все были срочные дела. И сегодня дел было множество — сложных дел. И первое — Малявкин. Решающая беседа с ним, которая должна была коренным образом повернуть судьбу вчерашнего предателя, «Быстрого», «гада», как выразился Виктор Иванович Горюнов. Получится ли? Возьмется ли Малявкин за решение сложных, чреватых для него смертельной опасностью задач? Справится ли? Должно получиться! Должен взяться. Должен справиться. Кровью, жизнью своей, если потребуется, должен загладить свои преступления. Вот что предстояло довести до его сознания. И сделать это должен был он, майор Скворецкий. Он должен был вести и направлять Малявкина по многотрудному пути, предугадывая любой ход, любой шаг противника. Врага. Он и Горюнов.

«Я и Горюнов, — усмехнулся майор собственным мыслям. — Ишь ты! А комиссар? А другие товарищи, участвующие в этом деле? А Ната? А сотрудники милиции, занятые розыском убийцы Евстафьева? А многочисленные работники института, не жалеющие сил, чтобы раскрыть тайну исчезновения документов профессора Варламова? И многие, кого мы еще не знаем, но которые в любую минуту придут на помощь, если потребуется. Нет, шалишь! Нас — много... Расфилософствовался, — еще раз усмехнулся Скворецкий. — А что? Философия правильная. Хорошая философия, хоть куда!»

— Давай, — сказал он, заходя к Горюнову, — вызывай этого «Быстрого». Начнем...

С Малявкиным все получилось очень просто: уламывать его идти на явку, взяться за трудное, связанное с риском для жизни дело не пришлось. Впрочем, Кирилл Петрович иного и не ожидал. Иное дело Виктор — тот продолжал посматривать на Малявкина исподлобья, не особенно стараясь скрыть свою к нему неприязнь.

А Малявкин? Он не таил своих чувств: едва сообразив, о чем идет речь, поняв, что ему предоставляется возможность загладить свое преступление, Малявкин разрыдался.

Дав Малявкину прийти в себя, Скворецкий и Горюнов начали его инструктировать: о выходе в эфир, затеваемой игре с германской разведкой, затем о явке — технике встречи, цели, задачах. Ему сообщили только то, что было нужно для успешного выполнения задания. Ни слова лишнего. Слезы слезами, а доверие он должен был еще завоевывать, и завоевывать делом.

Закончить инструктаж Кириллу Петровичу, однако, не довелось: его неожиданно вызвал комиссар. Не зная, как долго задержится, Кирилл Петрович предложил Горюнову продолжить разговор без него. Вернулся он, однако, скоро, но сразу вызвал машину и стал собираться.

— Придется вам тут действовать без меня, — сказал он Горюнову и Малявкину. — Текст шифровки готов, дело для начала нехитрое — отстукивать. Ну, а явка... все равно не мне на явку идти. Ты, Виктор, не теряй времени, если не успею вернуться. Вот только куда вас девать? — повернулся он к Малявкину. — Не возвращаться же сюда, в тюремную камеру. Насчет «крыши» мы еще не решили.

Тревога Кирилла Петровича была напрасной: как раз за время его отсутствия Горюнов с Малявкиным нашли выход. Вернее, нашел Малявкин, а Виктор одобрил его предложение. Все было очень просто. У Бориса был друг детства, Генка Костюков. Дружили они до ухода Малявкина на фронт. В семье Костюковых Борис был как у себя дома. Сейчас Генка, уже в звании капитана, воевал где-то на юге. На фронте был и его отец, и младший брат. В маленькой двухкомнатной квартире, на Пресненском валу, жили мать и старшая сестра Генки. Обе с утра до поздней ночи работали на фабрике. Все это Малявкин узнал, когда однажды удрал от Гитаева и, не сказав тому ни слова, побывал у Костюковых. Не удержался.

Мать Генки, не старая еще женщина, под пятьдесят, потомственная ткачиха, встретила Бориса, как родного. Она не на шутку обиделась, узнав, что Малявкин, прибывший в длительную командировку, устроился у каких-то случайных знакомых (так ей сказал Борис: не мог же он назвать Варламовых!), так как в его комнате поселились новые жильцы.

— Чай, и у нас мог бы, — выговаривала она Борису. — Не чужие. А то пошел невесть к кому. Обидел. Я тебе говорю, дурню, обидел...

У честной женщины и в мыслях не было подумать о Борьке Малявкине, которого она знала чуть не с пеленок, худое. Борис был смущен, растерян и стал отговариваться тем, что он не один. С приятелем.

— Мог и с приятелем прийти, устроила бы. Вон комната пустая стоит, мужики наши на фронте, — горестно вздохнула Генкина мать, утирая фартуком слезы. — Надумаешь — приходи. Считай, что комната твоя.

Все складывалось как нельзя лучше. Предложение Костюковой решили принять. А в роли приятеля Малявкина, фронтового друга, должен был выступить Горюнов.

Уладив с «крышей» «Быстрого», Кирилл Петрович уехал в институт. Планы его опять нарушил директор института. Только на этот раз он позвонил не Скворецкому (был, видимо, недоволен майором, считал, что тот действует недостаточно активно), а прямо руководству наркомата. Оттуда последовал звонок комиссару, а тот уже вызвал Кирилла Петровича.

А в институте случилась новая трагедия. Снова убийство. Сотрудники института были растеряны, деморализованы, никто не мог ничего понять.

Жертвой на этот раз стала женщина, сотрудница отдела кадров Антонова. Убита Антонова была в том же парке, что и Евстафьев, и опять финкой. Погибшей не было и тридцати лет; она была живой, умной, на редкость миловидной женщиной, отличным работником. Отзывались все о ней очень тепло, с похвалой. Правда, поговаривали, что в личной жизни она бывала легкомысленна, имела немало поклонников, но толком никто ничего не знал и ни одного имени не называл. Не в этом, во всяком случае, была причина гибели Антоновой: убита она была не на почве ревности. Об этом говорили все обстоятельства преступления. А обстоятельства эти были таковы. Труп обнаружили тоже утром, как и труп Евстафьева. Одежда убитой была изорвана. Сумочка выворочена, а ее содержимое — документы, деньги, прочее — расшвыряно по сторонам. И что любопытно: деньги, продовольственные карточки, документы — все находилось на месте. Эксперты из уголовного розыска, начавшие расследование, выдвинули

такую версию: преступник пытался что-то отобрать у своей жертвы, что-то искал.

Эту версию подтвердил тщательный осмотр вещей убитой. Под подкладкой сумочки, куда убийца, очевидно, не успел добраться, помешали, — обнаружили два исписанных листка бумаги, сложенные в несколько раз. Содержание этих листков было таково, что уголовный розыск сразу же передал их директору института, а тот принялся звонить руководству НКГБ. Сейчас оба листка лежали перед Скворецким.

На одном из листков, адресованном директору института, крупным женским почерком было написано:

Докладываю, что несколько дней назад, приводя в порядок для архива личное дело Иваницкого И. Г., я обнаружила в этом деле листок, который прилагаю. Как он попал в дело, не знаю, но он лицевой стороной подклеился к другому документу, и потому я не обнаружила его раньше. Из содержания письма вы поймете, почему я не сообщила о нем сразу, настолько в нем все чудовищно и невероятно. Но вот теперь, после событий последних дней (я имею в виду бегство Варламова и убийство Евстафьева), мне пришлось взглянуть на вещи другими глазами, и я сочла необходимым передать вам этот документ.

Под этим стояла подпись убитой и дата: вчерашнее число.

— Она писала, — отрывисто сказал директор, увидев, что майор прочел записку, — Антонова. Ее почерк. Я руку Екатерины Михайловны знаю.

Скворецкий взял другой листок. Адреса в тексте не было, но сверху стояло: «Заявление». Больше ничего. Кому заявление, не сказано. Кирилл Петрович быстро пробежал малоразборчивые, загибавшиеся книзу строки:

Не могу молчать! Профессор Варламов П. А. никакой не профессор, а шпион. Вернее, и профессор и шпион. Он агент немцев. Фашистов. Три дня назад он предложил мне давать ему подробные сведения по работам нашей лаборатории, куда он не входит, обещал большие деньги и продукты. Если не соглашусь, сказал, что меня убьют. «Тебя прикончат» — так и сказал. Он сказал также, чтобы я

не вздумал его выдать, все равно мне никто не поверит, а ему поверят, меня же так и так убьют или посадят за клевету.

Что делать? Стать шпионом я не хочу, у меня сын погиб на фронте. Как заставить мне поверить? Перед смертью не врут, поэтому я пишу это заявление и кончаю с собой. Так и так мне не жить, да и зачем жизнь? Я свое прожил. Арестуйте немедленно эту собаку — Варламова. Смерть фашистским гадам!

Иваницкий И. Г.

Датировано заявление было маем текущего года.

— Кто такой Иваницкий? — спросил майор, кончая читать и аккуратно складывая бумаги.

— Иваницкий? — переспросил директор. — Был у нас такой. Монтер по приборам. Чудо-монтер. Золотые руки. Образования почти никакого, а кудесник. Самородок. Но — алкоголик. В семье из-за этого были постоянные скандалы. Жена у него с тяжелым характером, больная. Последнее время он был сам не свой, а в мае повесился. Думали — из-за семейных неурядиц. Вот тебе и семейные неурядицы! Но Варламов-то... Мерзавец! Каков мерзавец! А я еще его защищал. Теперь ясно, почему он бежал... И — убийство. Все ясно!

— Простите, — задал вопрос Скворецкий, — но у меня складывается впечатление, будто вы полагаете, что профессор Варламов причастен к убийству Антоновой?

— А как же? — крикнул директор. — Как же? Не сам, конечно, нет, в это я никогда не поверю, но его сообщники. Это же очевидно. Они каким-то путем пронюхали, что у Антоновой есть документы, изобличающие Варламова, и вот результат. Картина ясная.

— Да-а, — задумчиво заметил Кирилл Петрович. — Ясная... Уж слишком ясная. Это мне и не нравится. И еще: зачем Антоновой понадобилось выносить такие документы из стен института?

Директор не отвечал. Он метался по кабинету, не глядя на Скворецкого, не обращая на него никакого внимания. Майор кашлянул.

— Могу я задать еще один вопрос?

Директор круто остановился, словно наскочил с разбегу на невидимое препятствие:

— Вопрос? Ах, вопрос! Пожалуйста. Задавайте. Хоть сотню.

— Вот тут, в заявлении, сказано, что профессор Варламов требовал какие-то сведения. А зачем? Разве он сам, будучи одним из ведущих сотрудников института, не был достаточно осведомлен о разрабатываемых проблемах? Что-то одно с другим не вяжется.

Директор с недоумением посмотрел на Кирилла Петровича:

— Почему не вяжется? Варламов о работах не его лаборатории и не мог быть осведомлен. Сотрудники одной лаборатории понятия не имеют, чем занимается другая. Таков у нас порядок.

— Так, ясно. А какого мнения вы об убитой, Антоновой, как о работнике, о человеке?

Директор пожал плечами.

— Сейчас, по-моему, это не существенно. Поздно ею интересоваться...

— А все же? — настаивал майор.

— Если вам так нужно, скажу. Работник она отличный и человек хороший. Ничего иного сказать не могу.

— Советский человек, вы полагаете?

— Да, советский, вполне советский. — Директор не пытался скрыть, что нелепые, на его взгляд, вопросы майора вызывают у него раздражение.

Но Скворецкий невозмутимо продолжал:

— Значит, советский? Чем же вы объясняете, что отличный работник, советский человек обнаруживает такой документ (он указывает на заявление Иваницкого) и до особых обстоятельств молчит? Никому ни слова.

Директор вновь пожал плечами и не нашелся что ответить. Выждав с минуту, Кирилл Петрович задал новый вопрос:

— Скажите, кто-нибудь в институте, кроме вас, знает о письме Иваницкого и записке Антоновой? Знаком с их содержанием?

— Нет, никто. Если не считать, конечно, сотрудников уголовного розыска. Но это не институт...

— Я хотел бы взять с собой эти документы, — сказал Скворецкий, беря со стола злополучные листки бумаги. — Кроме того, мне нужны были бы личные дела Антоновой и Иваницкого. Если, конечно, вас это не очень затруднит.

— Говорите прямо: почерки нужны? Сличать будете? Я вам и так скажу: все правильно. Она писала. Екатерина Михайловна. И он.

Иваницкий. Его каракули я тоже знаю. Запомнил. И стиль его. Впрочем, если надо, берите. Только вы мне вот что скажите: этому будет конец? — Директор повысил голос. — Дадут наконец институту спокойно работать?

Скворецкий так стиснул челюсти, что на скулах у него заходили желваки. Голос звучал глухо:

— Товарищ директор, я не понимаю вашего тона и не могу его принять. Слушая вас, можно подумать, что мы, чекисты, — виновники происходящих у вас событий. Это переходит всякие границы...

— Ах, границы! — взорвался директор. — Мне некогда выбирать выражения. Мне работать, работать надо, вы понимаете? Ваше благодушное «будем искать» — знаю, знаю ваш ответ! — меня не устраивает. Вы, видите ли, не понимаете моего тона, а я не понимаю вашей невозмутимости, равнодушия.

— Равнодушие! Ну, знаете ли... Может, вы ожидали, что я буду закатывать у вас истерики? — Скворецкий тоже повысил голос. — Этого не будет. Равнодушие! В каждом деле есть своя специфика: в вашем — своя, в нашем — своя. Да, мы ищем и будем искать, мы ведем расследование, в исходе которого не сомневаемся, но я ПОКА не могу привести к вам убийцу, так же как и профессора Варламова. Всею свое время. Если руководство наркомата найдет нужным, я вас ознакомлю с ходом расследования, хотя и не вижу в этом смысла, а повышать голос, кричать...

Директор стоял, глядя куда-то в сторону, тяжело дыша.

— Ладно. — Он махнул рукой. — Я действительно погорячился. Прошу извинить. Ведите свое расследование. Только очень прошу: поторапливайтесь...

Кирилл Петрович не вернулся сразу в наркомат. Он вышел из института и углубился в путаные дорожки запущенного парка, под сенью кустов и деревьев которого разыгрались за последние дни одна за другой две трагедии. Но майор не пошел к месту убийства — ни первого, ни второго. К чему? После того как там побывали сотрудники уголовного розыска, вряд ли он мог обнаружить что-либо новое. Нет, майору просто хотелось побыть одному, как следует все обдумать. Вот и сейчас, бродя по пустынному парку, он попытался привести в систему обрывки мыслей, возникших в разговоре с директором института.

Последнее убийство вновь осложнило дело, еще раз показало, что перед чекистами такой враг, каждый лишний день пребывания которого на свободе отмечен кровью. И пока он не обезврежен, нет никому ни сна, ни отдыха, ни покоя. Но кто он? Кто? Казалось, это убийство что-то проясняет: все нити тянутся к Варламову. Не он, конечно, убийца, но очень похоже, что убийство совершено с целью предохранить профессора от разоблачения, значит, совершено его сообщниками или теми, кто пытается уберечь Варламова от органов Советской власти. И — письмо Иваницкого... Да, это письмо...

Правда, экспертиза почерка еще не проведена, ее предстоит провести, но результат предугадать не трудно: директор института узнал почерк. А тут еще записка Антоновой. Все очевидно. Настолько очевидно, что даже директор, еще вчера и мысли не допускавший о причастности профессора Варламова к вражеским делам, сегодня иначе как мерзавцем и преступником его не величает. А ведь директор, крупный ученый, не один десяток лет проработал бок о бок с Петром Андреевичем, как говорится, не один пуд соли с ним съел. И у него даже тени сомнения не осталось в виновности Варламова. Да, пропажа документов, бегство профессора, убийство Антоновой, письмо... Одно к одному. Очевидность явная.

Очевидность!.. Но вот эта-то очевидность, как бы связавшая в единый узел все нити вокруг имени Варламова, и беспокоила Скворецкого больше всего, вызывала у него чувство глубокой тревоги. Уж СЛИШКОМ все было очевидным, слишком одно к одному. Майор не кривил душой, когда говорил об этом директору. Кирилл Петрович долго ходил по дорожкам и аллеям парка, сопоставлял, анализировал и думал, думал...

Будем исходить из того, что письмо написал не кто иной, как Иваницкий, и все в нем сказанное — правда, рассуждал майор. Допустим. Но прими мы эту версию, и немедленно возникают десятки всяких «но». Начнем с того: зачем было автору письма кончать с собой? Аргументация самоубийства, содержащаяся в письме, звучит совсем неубедительно. Примем, однако, то, что пишет Иваницкий, объясняя причины своего самоубийства, за истину, тогда сразу возникает другой неразрешимый вопрос. Если автор письма пошел на самоубийство, чтобы разоблачить Варламова, то есть на самый крайний шаг — пожертвовать жизнью, — так почему он не довел дела

до конца: не отправил своего письма, не передал его в органы госбезопасности, в милицию, директору, наконец? Куда он его девал? Вот тут-то и не сходятся концы с концами, никак не сходятся.

Новый вопрос: как попало письмо в личное дело Иваницкого? Как могло туда попасть? Опять нелепость. Ну хорошо, допустим невероятное: попало. Но если попало, то как оно могло там так долго пролежать, не будучи обнаруженным? Уж будьте уверены, личное дело Иваницкого после самоубийства листали вдоль и поперек. И ничего не нашли? «Подклеилось»?! Наивно.

Нет, с письмом Иваницкого явно неладно, опять концы не сходятся с концами.

Вернемся к прежней версии. Все правда: письмо подлинное и действительно завалилось в личном деле. Но почему тогда Антонова, найдя это письмо, не представила его сразу в дирекцию? Зачем писала свою записку? Странно все это. Но еще невероятнее другое: для чего ей надо было нести такой документ домой? Не вяжутся такие поступки с образом убитой, никак не вяжутся. Недаром директор не мог ничего ответить на этот вопрос.

А сами обстоятельства убийства? Нашел же убийца время обшарить всю одежду своей жертвы, вывернуть содержимое сумочки. А за подкладку той же самой сумочки не заглянул? Нет, это уж слишком странно, настолько странно, что вызывает мысль о нарочитости всех обстоятельств преступления. Именно — нарочитости!

Вот если письмо и записку за подкладку сумочки сунула не убитая, а... убийца, тогда да, тогда все становится на свое место, все делается до предела ясным...

«Постой, постой... — остановил Кирилл Петрович ход собственных рассуждений. — Не слишком ли далеко ты зашел, старина? А почерк? Почерк письма, и не только письма — записки? Это как?»

Он тут же махнул рукой: пустяки! Если убийца мог сфабриковать почерк Иваницкого, он способен подделать и почерк Антоновой. Чего проще! И так подделать, что никакая экспертиза не поможет. Есть такие артисты, мастера своего дела.

Ясно одно: убийца многое знал об институте, его делах, его людях. Знал о самоубийстве Иваницкого. Раздобыл образец его

почерка. Знал и убитую, имел ее почерк. Вывод: надо немедленно самым тщательным образом проверить окружение убитой.

«Однако, — подумал Скворецкий, — достаточно ли доказательств, чтобы отвергнуть принятую всеми, тем же директором, версию? Да, пожалуй, достаточно. А принять новую, только что родившуюся? Вот тут доказательств маловато. И главное, что делать дальше?»

Внезапно майор остановился: ему пришла дерзкая мысль. Он круто повернулся и поспешно зашагал к институту. Миклашев, когда вошел Скворецкий, возился с какими-то приборами. Больше в комнате никого не было. Миклашев поднял голову и с недоумением посмотрел на вошедшего:

— Вы ко мне? Что вам угодно-с?

Кирилл Петрович подошел к Миклашеву и медленно, с расстановкой сказал:

— Константин Дмитриевич, мне хотелось бы рассчитывать на вашу откровенность. Полную откровенность. Это крайне необходимо. Вот, прочтите. — Он протянул Миклашеву записку и письмо.

Тот отпрянул, демонстративно заложив руки за спину и отрицательно покачав головой.

— Нельзя ли без фокусов, — сухо сказал майор. — Сейчас не до того. Убедительно прошу — прочтите...

Глава 15

В обширном особняке на Тирпитцуфере, 74, главной резиденции абвера, получившей наименование «Лисья нора» — столько там было путаных переходов, узких коридоров, внезапных тупиков, — в одном из кабинетов над массивным рабочим столом склонился генерал Грюннер. Близился вечер. Генерал внимательно изучал лежавший перед ним документ, вчитывался и вдумывался в каждое слово.

Кончив читать, генерал закрыл папку, с минуту помедлил и вызвал адъютанта.

— Полковник Кюльм? Майор Шлоссер? — спросил он тихим, невыразительным голосом.

— Так точно, господин генерал. Прибыли. Ждут.

— Пусть войдут.

Небрежно ответив на почтительное приветствие вошедших и указав кивком головы на придвинутые к столу кресла, генерал спросил:

— Почему, господин Кюльм, не докладываете о ходе операции «Зеро»? В чем дело?

Пожилой, с изрядно поседевшей шевелюрой полковник, не успевший еще опуститься в кресло, начал багроветь:

— Господин генерал, прошу извинить, но я докладывал. Заброска «Музыканта» и «Быстрого» прошла успешно, они трижды выходили на связь. Обосновались у «Трефа». «Музыкант» наладил связь с «Зеро». Надо полагать, операция по изъятию документов у «Трефа» развивается успешно.

— «Надо полагать»? — Генерал пристукнул кулаком по столу. — Меня мало интересует, мой дорогой Кюльм, что вы полагаете. Мне нужен «Треф», живой или мертвый. Его работы. Мне нужна связь с «Зеро». Связь... Ну? Что же вы молчите? Где связь?

— Я... — начал полковник. — Я...

— Что — вы? Когда последний раз «Быстрый» выходил на связь? Майор Шлоссер?

— Около двух недель назад, — поспешно вскочил майор.

— Две недели! — деланно вскидывая вверх руки, воскликнул генерал. — Две недели! А вы, Кюльм, «полагаете», что все идет успешно. Н-да!..

Все больше и больше распаляясь, генерал недвусмысленно дал понять, что при создавшихся условиях, когда полковник, инспектор специальных училищ абвера, не в состоянии обеспечить связь с засланными им агентами, придется подумать о перемещении полковника. Может, настала пора сменить обстановку, перевести его из глубокого тыла в действующую армию, на Восточный фронт?

Полковник слушал молча, крепко закусив нижнюю губу. На его сильно побледневшем, сухощавом лице не дрогнул ни единый мускул, только под левым глазом билась какая-то жилка.

— Насколько помню, — продолжал бушевать генерал, — контроль за операцией по обработке «Трефа» и обеспечению «Зеро» связью был возложен на вас, Кюльм? Лично на вас. «Музыкант» и «Быстрый» — ваши люди? Ваши! Ваша рекомендация? Ваша! Да что вы молчите, в конце концов? Отвечайте!

— Никак нет, господин генерал, — резко возразил полковник. — Люди не мои — майора Шлоссера. Вам это превосходно известно. Майор их мне рекомендовал...

— Вам? А вы — мне? Майор Шлоссер, что вы можете сказать о «Музыканте» и «Быстром»? Помните: речь идет о вашей голове.

В отличие от полковника, майор заметно трусил, говорил робко, неуверенно:

— Господин генерал, я представлял исчерпывающие характеристики на этих агентов. Самые исчерпывающие. Полковник одобрил. Вы оказали обоим высокую честь и лично с ними беседовали...

— Не хотите ли вы сказать, Шлоссер, что я отвечаю за ваших людей?

— Господин генерал, и в мыслях не было!

— Итак, характеристики характеристиками, а что вы лично, лично, — генерал подчеркнул это слово, — можете о них сказать?

— Я лично... Мне... Мне кажется, что «Музыкант» вполне надежен: целиком нам предан, смел, находчив. Не раз проверен. В школе он пробыл свыше полутора лет. Участвовал в акциях: собственноручно уничтожал непригодных. «Быстрый»? «Быстрый» —

давний знакомый «Музыканта». Его друг. «Музыкант» рекомендовал «Быстрого». «Быстрый» сомнений также не вызывал...

— Так вот, нет вашего «Музыканта». Свое отыграл. Провалился. Остался один «Быстрый». И тот... Впрочем, читайте. — Генерал достал из папки документ и протянул его майору.

Это было донесение «Зеро», отправленное из Москвы около трех недель назад и дошедшее до генерала только сейчас. В нем сообщалось, что «Музыкант» и «Быстрый» схвачены военной прокуратурой. «Музыкант» при попытке к бегству убит, а «Быстрый» скрылся. Связи с ними нет. «Зеро» остался опять без радики и требовал связи.

Прочитав донесение, майор Шлоссер сразу обмяк. Он съежился, стремясь поглубже уйти в кресло. Полковник подтянулся.

— Повторите дату, — сухо сказал генерал, — когда получена последняя радиограмма «Быстрого». Точно.

Майор назвал число. Генерал потянул к себе донесение, всмотрелся в текст и пожевал губами.

— Да, «Зеро» писал два дня спустя. Ваше счастье... Но что это за связь? Вам известно, какими каналами пользуется «Зеро»? Ах, известно?! Так вот: на такую связь уходят недели. Недели! А риск? Попробуйте-ка поддерживать связь через посредников — посольство дружественной нам страны, числящейся нейтральной. Да и к этому посольству ряд промежуточных ступеней, иначе — провал. Так нельзя! «Зеро» без связи — не «Зеро». Связь — это приказ адмирала. Связь, Кюльм. И — «Треф». Операция должна быть успешно завершена, а для этого «Зеро» нужен помощник, особенно теперь, после провала «Музыканта». И как он только мог попасться?

— Я думаю... — начал майор, — я полагаю... Военная прокуратура? «Музыкант» был жаден. Это было. Не тут ли причина провала? Взял лишнее...

— Прокуратура? — недобро усмехнулся генерал. — Знаем мы, что за прокуратура. Ход советской контрразведки.

— Но «Музыкант» убит, — парировал полковник. — Если контрразведка — ей он нужнее живой. Я склонен верить «Зеро».

— Возможно, — согласился генерал. — Но... связь? Я приказывал готовить резервные группы для Москвы. Шлоссер! Что сделано?

— Приказ выполнен, господин генерал. В моей школе подготовлено несколько человек. Самыми надежными надо считать «Кинжала» и «Острого».

— «Кинжал» — это тот, брюнет?

— Так точно, господин генерал. У вас превосходная память.

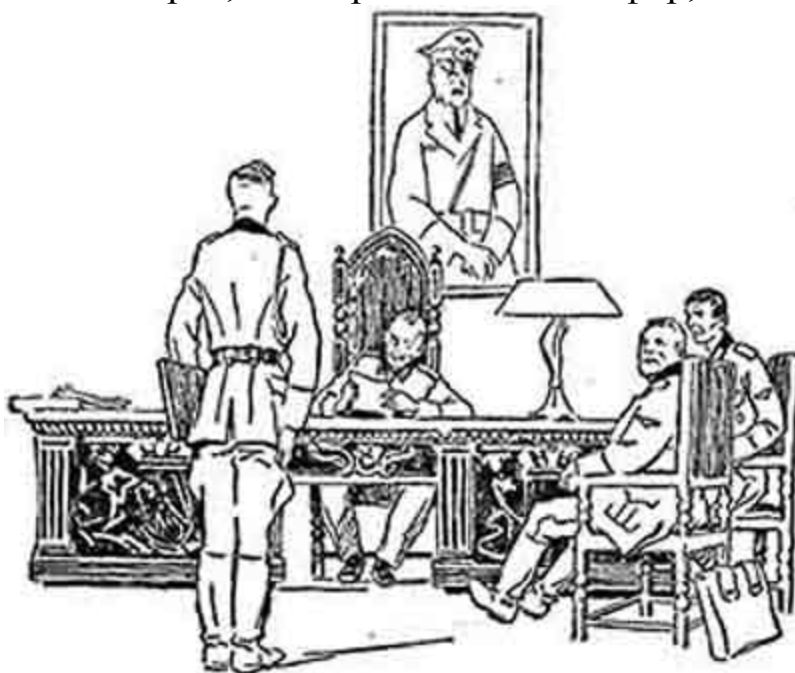
— Что же, готовьте заброску.

В этот момент на столе генерала мигнула лампочка. Генерал поморщился и снял телефонную трубку:

— Ну, что еще?.. Хорошо, жду.

На пороге вырос обер-лейтенант.

— Господин генерал, «Быстрый» вышел в эфир, вот текст.

Радиограмму «Быстрого» генерал сам зачитал вслух. «Быстрый» кратко докладывал историю своего и «Музыканта» задержания. (Услышав упоминание о продскладе, приободрившийся майор подал реплику: «Я же говорил — жаден». Генерал не удостоил его вниманием.) Как сообщал «Быстрый», «Музыкант» при побеге погиб. Он, «Быстрый», вывихнул ногу, но ушел. Отлеживался. Теперь в порядке. Убежище сменил. Просит инструкций и питания для рации — садятся батареи. Идет к дантисту.

— Дантист? — спросил генерал, заканчивая чтение. — Кто это?

— «Дантист», — с готовностью доложил полковник, — наименование одной из запасных явок «Зеро». Он сам ее подобрал.

Задумавшись, генерал принялся вертеть между пальцами остро заточенный синий карандаш. Кюльм и Шлоссер молчали. Грюннер со злостью швырнул карандаш на стол, так, что грифель отлетел далеко в сторону, и, не скрывая раздражения, сказал:

— Не нравится мне все это. Не нравится.

— Простите, господин генерал, что именно?

— И вы не понимаете, Кюльм? Вы? Оставьте! Все вы понимаете. Шифр и код были вручены кому, а? «Музыканту» или «Быстрому»? Кто должен был зашифровывать донесения, кодировать текст? Насколько помню... э... э...

— «Музыкант», — угодливо подсказал майор. — Шифр был у «Музыканта». Код — тоже. «Быстрый» ключа не имел.

— Вот! — воскликнул генерал и вскинул вверх длинный указательный палец. — Вот именно шифр и код были у «Музыканта», а теперь «Быстрый» работает на нашем шифре, пользуется кодом «Музыканта», которого давно нет в живых. Как? Каким образом, я вас спрашиваю? Откуда он может знать шифр и код?

— И вы полагаете... — осторожно спросил полковник, — вы думаете...

— Да, Кюльм, да! Тысячу раз да. Это работа русских. Энкаведе. «Быстрый» не владел шифром.

— Но, генерал, — решительно возразил Кюльм, — а русские! Откуда русским знать шифр? Будь «Музыкант» жив... Но он мертв, это сообщает «Зеро». Не только «Быстрый», но и «Зеро». Сомневаться в достоверности сообщения «Зеро» нет оснований, мертвым же «Музыкант» ничего не мог передать русским: ни шифра, ни кода. Тут — другое...

— Вам не откажешь в логике, Кюльм. Но что может быть иное, что вы имеете в виду?

— Прошу извинить, господин генерал, мои мысли вслух, — неторопливо сказал полковник. — «Музыкант» был близок с «Быстрым», очень близок. Целиком доверял ему. Они знали друг друга не один год. Так, Шлоссер?

Майор кивнул: да, это так.

— Отлично! — продолжал Кюльм. — За два месяца пребывания на территории русских «Быстрый» трижды выходил в эфир, именно «Быстрый». Доверяя своему другу, «Музыкант» вполне мог передать

ему шифр и код. Инструкция разрешает это при некоторых обстоятельствах. По-моему, все ясно — русские не могли знать шифра и кода. Если кто ими и владел, кроме «Музыканта», так только «Быстрый».

— Вы наивны, Кюльм. А почему тот же «Быстрый» не мог им передать шифр?

— Но, господин генерал, ведь «Зеро» сообщает, что «Быстрый» ушел. И потом... потом... будь радиограмма передана открытым текстом, вот тогда бы действительно был повод для волнения.

— Кюльм, вы говорите загадками. Поясните вашу мысль.

— Охотно. Допустим, «Быстрый» схвачен русскими и выдал им шифр и код, которые получил от «Музыканта». Допустим. Но в этом случае он не мог не сказать, что нам известно, у кого код и шифр — у «Музыканта». А он, «Быстрый», ими, по нашим сведениям, не располагает. Как поступили бы русские, получив такие сведения? В этом случае они бы вывели «Быстрого» в эфир, приказав ему работать ОТКРЫТЫМ текстом, только открытым. Иначе не стал бы действовать ни один разведчик. Я лично ни минуты в этом не сомневаюсь. «Быстрый» же зашифровал свое донесение, закодировал. И закончил паролем: «Г, М». Нет, господа, меня скорее успокаивает, что «Быстрый» пользовался шифром. Да, успокаивает!

Генерал нахмурился и снова взялся за карандаш. После минутного раздумья он сказал:

— Повторяю, Кюльм, вы рассуждаете логично. И все же... Надо организовать проверку «Быстрого» и дать поскорее помощника «Зеро», коль скоро «Музыкант» выбыл из игры. Будем решать обе эти задачи сразу. Кто у вас наготове? «Кинжал» и «Острый»? Кому можно дать более серьезное задание, кто надежнее, нужнее? «Кинжал»? Я предполагаю разработать такой план: забрасываем их по очереди. Первым пойдет... (Генерал изложил Кюльму и Шлоссеру свои соображения.) Детальный план представите завтра. Утром. И — с богом. Я вас не задерживаю, господа.

Кюльм и Шлоссер поспешно поднялись со своих мест.

— Да, минуточку, — задержал их генерал. — Когда будете разрабатывать план, учтите соображения «Зеро». Они изложены здесь, в этом донесении. — Генерал протянул Кюльму документ, с которым он ознакомил своих подчиненных ранее.

...В тот самый день, когда происходило совещание у генерала Грюннера, Горюнов и Малявкин выехали в совхоз. Добирались они до совхоза автобусом, без машины: все должно было выглядеть предельно естественным — мало ли что?

Миновав небольшой совхозный поселок, разместившийся возле опушки, они углубились в лес. Прошли каких-нибудь триста — четыреста шагов, и их охватила глубокая тишина. Только слабо шелестели листвой верхушки берез да издали чуть слышно доносились с шоссе гудки редких в это военное время машин.

Лес был преимущественно лиственный: береза, режа — осина, дуб. Чернели одиночные ели. На просторных полянах, покрытых густой, некошенной травой, неистово стрекотали кузнечики. Пусто! Ни хоженных троп, ни почерневших проплешин — следов костра. Глушь. Трудно было поверить, что всего в десятке километров — и того меньше — Москва. «Музыкант» и «Быстрый» выбрали удачное место.

Малявкин уверенно вел Горюнова по известным ему приметам. Показался овражек. По дну его извивался, тихо журча, ручей. Вода была светлая, прозрачная — видно, ключевая.

Они спустились вниз, перебрались через ручей и пошли дном оврага.

— Здесь, — сказал Малявкин, внезапно останавливаясь и показывая на могучую ель на противоположной стороне оврага. — Вот оно, место. Как раз против того дерева, под кустом орешника.

Быстро вскарабкавшись по крутому склону оврага, Малявкин нырнул в кусты. Горюнов — следом. Под одним из кустов, справа, Малявкин приподнял пласт дерна и извлек саперную лопатку и начал копать под другим кустом, напротив. Несколько осторожных взмахов, и лопата ударилась о что-то твердое. Малявкин нагнулся и вытащил два кирпича. Под ними было углубление, на дне которого лежал сверток, обернутый промасленной парусиной. «Быстрый» осторожно извлек сверток на поверхность.

Бережно развернув парусину, Малявкин достал портативную рацию. Привычно раскинув антенну, он отстукал позывные. Получив отзыв, «Быстрый» передал шифровку, текст которой был подготовлен заранее. Когда он кончил, Горюнов спросил:

— «Г, М» не забыли?

— Что вы! — изумился Малявкин, — Конечно, не забыл. Разве можно?

Спрятав рацию и лопатку на прежнее место так, что и следов не осталось, они поспешно пересекли лес, оставили в стороне совхозный поселок и выбрались на шоссе. Час с лишним спустя Горюнов и Малявкин были уже в центре города, у Ильинских ворот.

Тут они разошлись: Малявкин пошел вверх по Маросейке, к Покровским воротам, а Горюнов, чуть поотстав, перешел на другую сторону и двинулся по противоположному тротуару, не выпуская Малявкина из виду.

Без труда отыскав нужный адрес, Малявкин поднялся на третий этаж и позвонил в дверь, на которой красовалась белая эмалевая дощечка с черными буквами: «Зубной врач. Прием на дому».

В маленькой неопрятной комнате с полдюжиной простых разномастных стульев и обшарпанным круглым столиком, заваленным драными журналами годичной давности, сидели четверо: трое мужчин и одна женщина. Все пожилые. Малявкин занял очередь.

Справа от Малявкина сидел тщедушный седой человечек в темном поношенном костюме, в неопределенного цвета нелепом галстуке в багрово-красную горошину. В левой руке человечек держал вчерашний номер «Труда», свернутый вчетверо. Малявкин придвинулся к нему:

— Вы что? Удалять?

— Нет, — ответил тот. — Мне — пломбировать. Только, видно, не дождусь, недосуг сидеть.

Он не спеша поднялся и направился к выходу, пряча газету в правый карман. Малявкин посидел с минуту, поерзал на стуле и, хватаясь за щеку, обратился к женщине:

— А мне — рвать. Боюсь!

— Вот еще! — возмутилась женщина. — Люди воюют, жизни лишаются, а он... Стыдно, молодой человек. Чего тут бояться?

Дверь открылась. Из нее вышли пациент и врач в замусоленном, давно не стиранном халате. Когда очередной больной прошел в кабинет, оставшиеся в приемной посетители обнаружили, что Малявкин исчез.

— Испугался все-таки, — сказала женщина. — Сбежал! Какой срам. А еще военный...

Между тем Малявкин поспешно шагнул к Покровским воротам. Возле кинотеатра «Аврора» он увидел человека в нелепом галстуке. Тот стоял и рассматривал витрину. Газета снова была у него в левой руке. Заметив подходящего Малявкина, он сунул газету в карман, достал пачку папирос «Дели» и принялся закуривать. Приблизившись к нему, Малявкин спросил:

— Огоньку не найдется?

— Может, и папиросу дать? — ответил человек.

— Благодарствую, у меня свои. — Малявкин извлек на свет такую же пачку «Дели». Человек приблизился к нему вплотную, давая прикурить. Малявкин тихо, но отчетливо произнес:

— Я — «Быстрый». «Музыкант» схвачен. Военной прокуратурой. Кажется, убит. Я ушел. Остался один, с рацией. Кончается питание. Прошу инструкций. Буду ждать здесь, у кино, в три часа пополудни, через день. В пятницу.

Человечек, кинув на «Быстрого» взгляд, полный ненависти (так показалось Борису), прошипел что-то вроде «хорошо, передам» и повернул к Чистым прудам. Малявкин, с минуту постояв у витрины, направился к Ильинским воротам. Внезапно кто-то тронул Малявкина за плечо: рядом, улыбаясь, шагал Виктор.

— Ну как, товарищ «Быстрый»? — спросил он Малявкина. — Порядок?

— Полный, — оживленно сказал Малявкин. — Все, как описывал Гитаев: приметы, пароль. А сказать я сказал. Что нужно. И встречу назначил послезавтра.

Минут через сорок они были у Пресненской заставы, но ни Костюковой, ни ее дочери не застали. Пришлось ждать. Генкина мать, появившаяся под вечер, встретила Малявкина и его «приятеля» с распростертыми объятиями.

— Ну вот, — говорила она. — И слава богу. Одумался? То-то. Живи у меня, живи... И вы, дорогой товарищ, — повернулась она к Виктору, — милости просим!

Вопрос с жильем был благополучно улажен.

Предупредив Малявкина, чтобы тот до его возвращения никуда не выходил из дома, Горюнов поспешил в наркомат.

Между тем человек, расставшись с «Быстрым», вышел на Чистопрудный бульвар. За те несколько минут, что прошли после встречи с Малявкиным, он заметно осунулся, как-то постарел. Шел он еле-еле, с трудом, едва волоча ноги. Несколько раз останавливался, вытаскивал из кармана какой-то флакончик, дрожащими руками выдергивал пробку и облизывал ее. Иногда присаживался на свободную скамью и подолгу сидел, тупо уставившись в землю. Его бледные губы шевелились — он что-то шептал — и кривились в злобной усмешке. Если бы нашелся кто-нибудь, кто смог услышать его шепот, он бы разобрал: «Погиб... Музыкант какой-то. Ишь ты!.. Туда и дорога... Может, теперь и моя очередь? Ах, боже мой! Боже!..»

Не доходя до Кировских ворот, человек свернул влево и припелся к Армянскому переулку. Поднявшись на второй этаж невысокого старинного дома, он скрылся за дверью многокомнатной квартиры. Разумеется, с той самой минуты, как он встретился с «Быстрым», каждый его шаг был в поле зрения чекистов. В тот же вечер на стол Горюнова легла справка: «Бугров Владимир Георгиевич, 1881 года рождения, инженер промартели. Ранее работал на авиационном заводе № ... Вдовец. Единственный сын был в действующей армии, пропал без вести. Образ жизни ведет нормальный, скромный. Болен тяжелой сердечной болезнью. Компрометирующих материалов не имеется».

Теперь оставалось только ждать, когда Бугров покинет свою квартиру, куда пойдет, к кому приведет. И чекисты ждали. Но прошли сутки, а Бугров не появлялся. Прошли другие — Бугров не выходил. И два дня спустя, в пятницу, в три часа дня, в условленное время, никто на встречу к «Быстрому» не пришел. Зря «Быстрый» дежурил возле кино «Аврора». Не было никого!..

Глава 16

Интуиция не подвела Кирилла Петровича Скворецкого. Результатом его дерзкого шага явилось открытие, переоценить которое было трудно. Произошло это так...

— Читайте. — Майор протянул Миклашеву письмо и записку. — Читайте. Как видите, я вам полностью доверяю и хотел бы рассчитывать на взаимную откровенность.

Нельзя сказать, чтобы Миклашев охотно принял протянутые ему листки: он взял их после долгих настояний майора, взял брезгливо, кончиками пальцев. Губы его кривила недобрая усмешка. Но едва бросив взгляд на первые строки письма Иваницкого, он впился в него глазами. Сжав документ дрожащими пальцами, стиснув зубы, он дочитал его до конца. Даже не взглянув на записку Антоновой, Миклашев вскочил, роняя стул.

— Какая низость! — вскричал он. — Какое бесстыдство! Непостижимо... Нет, я же знал Иваницкого, знал! Не мог Иваницкий такого написать. Не мог!

Он стоял перед Скворецким, беспомощно теребя свои густые, тронутые сединой волосы. В его глазах отражалась растерянность, лицо исказила глубокая тревога.

Скворецкий внимательно смотрел на Миклашева.

— А второй документ... — сказал майор. — Второй вы прочли? Он кое-что поясняет. Прошу, ознакомьтесь.

На этот раз Миклашев не спорил. Быстро пробежав записку Антоновой, он вскинул глаза на Скворецкого.

— Вы... Почему вы молчите? Или вы верите этому? — Миклашев сделал брезгливый жест в сторону письма. — Допускаете, что Иваницкий мог... был способен... совершил такую подлость? Но это же невозможно! А Антонова... Впрочем, ее я мало знал.

— В чем именно вы усмотрели подлость? — тихо спросил Кирилл Петрович. — Поверьте, это очень, очень важно.

— Как, вы не понимаете? — ответил Миклашев. — Но вы должны, вы обязаны понять! Петр Андреевич, профессор Варламов, — благороднейший человек. Порядочнейший. Вам понятно? Честью за

него ручаюсь. И написать про Петра Андреевича такое?! Мерзость и мерзость!

— Но ведь написано! И, надо полагать, Иваницким. Почерк его...

Миклашев очень осторожно, словно ему жгло пальцы, взял письмо и принялся его пристально рассматривать. Затем, подавив вздох, бережно положил листок на краешек стола. Записки убитой он больше не касался: эта записка его мало интересовала.

— Да, — сказал он. — Почерк Иваницкого. Это так. И все же не верю, не могу поверить.

— Но почему? — осторожно спросил майор. — Почему не верите фактам?

— Да потому, — снова рассердился Миклашев, — что ни один человек, кто знал Петра Андреевича, если в нем были хоть зачатки совести, слова плохого не мог сказать о профессоре. Факты! Да где здесь факты? Это же все ложь, злостный вымысел, поклеп. Варламов — высокой души человек, большого благородства. И он — русский, поймите, русский! Как же можно его заподозрить в симпатиях фашистским выродкам. Что там в симпатиях — в измене! Неужели вы не понимаете?

— Понимаю, — сочувственно сказал Скворецкий. — Вполне понимаю и хотел бы разделять вашу убежденность. Но письмо... Письмо Иваницкого...

— А я вам говорил и говорю: не мог Иваницкий такого писать. Не верю. Иваницкий? Я его знал много лет, он со мной еще в Харькове работал. Пьяница, это правда. Жил скверно, хуже некуда. Но на подлость, низость никогда не был способен. Последние недели, перед гибелью, он не раз заходил ко мне, пытался излить душу. Ему было плохо, очень плохо: запой, тяжелые отношения с женой. (Она больной человек, все это знали.) Иваницкий впал в глубочайшую депрессию и катился, катился к страшному концу. Я пытался, но не смог его поддержать. И кто мог предвидеть, что он дойдет до такого... пойдет на такой шаг? Самоубийство! Это ужасно, но при чем тут Варламов? Вы мне не верите? Сомневаетесь? — И Миклашев замолчал, не окончив фразы.

— Знаете что, Константин Дмитриевич? Давайте сядем. — Кирилл Петрович поднял все еще валявшийся стул, придвинул его Миклашеву. — Так вот. Я вам верю, поэтому и пришел к вам. В начале

нашего разговора я обещал вам полную откровенность и не отступлю от своего обещания. Видите, я показал вам документы, которых никто в институте не должен был видеть и пока не видел. Понимаете?

Миклашев кивнул:

— Ценю ваше доверие, но, право...

— Минуточку, — перебил его майор. — Это еще не все. Повторяю: я вам верю. Больше того: признаюсь, — я никому пока этого не говорил, — и у меня это письмо, записка Антоновой (особенно записка) вызывают те же чувства, что и у вас. Да, по моему убеждению, это — фальшивка, гнусная фальшивка, преследующая цель скомпрометировать профессора Варламова.

— Так в чем же дело? — снова вскочил Миклашев. — В чем дело? Если вы так считаете, бросьте эту пакость в мусорный ящик, уничтожьте — и делу конец.

— Ах, Константин Дмитриевич, Константин Дмитриевич, — усмехнулся Скворецкий, — как все у вас просто: бросить в корзину, уничтожить... На самом деле все куда сложнее. А бегство профессора? Пропажа документов? Пропажа документов! О, это очень важное обстоятельство, тут на имя профессора падает такая тень... Да и это письмо. Записка. Нет, так просто от них не отмахнешься. Уничтожить? Не могу, не имею права. Я должен их опровергнуть. Вы понимаете? Опровергнуть. Вот в чем задача.

— Опровергнуть? — Миклашев впал в полное уныние. — А как это сделать? Иваницкий-то мертв, что с него возьмешь.

— Да, мертв. Это многое осложняет. Но... Представьте себе, что нам удастся найти доказательства невиновности профессора Варламова. Найди мы их, и мы сможем оградить честь профессора, отвести тяжкое обвинение. Но вся беда в том, что у меня — у меня, понимаете? — таких доказательств нет. Пока — нет! Но... — Кирилл Петрович сделал многозначительную паузу.

— Понимаю, — думая о чем-то своем, сказал Миклашев. — И вы пришли ко мне... за помощью?

— Да, — твердо ответил Кирилл Петрович. — К вам. За помощью.

Миклашев, поглядывая из-под насупленных бровей на майора, прошелся по комнате, погладил свою седую окладистую бороду.

Вздыхнул. Еще раз вздохнул. Потом подошел к сейфу, отомкнул его и положил перед Скворецким пачку бумаг.

— Доказательства? — глухо сказал он. — Вот вам доказательства.

— Что это? — не скрывая удивления, спросил Кирилл Петрович.

— Расчеты. Расчеты профессора Варламова. Петра Андреевича. «Пропавшие». (Слово «пропавшие» Миклашев иронически подчеркнул.) Насколько я вас понял, пропажа документов — одна из основных «улик» против Петра Андреевича, так вот...

Майор с недоумением вертел в руках пачку документов.

— Тут всё, — сказал Миклашев. — До последнего листика, до последней строчки. Можете на меня положиться.

Скворецкий не сразу собрался с мыслями — так изумил его неожиданный оборот. Он был уверен, что Миклашев сможет сообщить ему нечто важное, проливающее свет на судьбу профессора Варламова, поэтому майор и пришел к нему, и говорил столь откровенно, но такого сюрприза даже он не ожидал. Между тем Миклашев, сбросив с плеч тяжесть давившей его тайны, говорил и говорил. Как к нему попали расчеты? От Варламова. Да-да, их ему передал Петр Андреевич. Собственноручно. В тот самый день он пришел к Миклашеву в лабораторию необычно возбужденный, встревоженный. «Мной заинтересовалось НКВД, — прямо с порога заявил профессор. — Боюсь, к тому есть основания. У меня дома... Э, да что об этом говорить. Одним словом, всякое может случиться. Так вот... Это — расчеты. Наши расчеты. Спрячь. И никому ни слова. Никому. Понимаешь? А сам — работай. Я не могу допустить, чтобы тормозилась работа. А возьмут меня, могут пропасть и расчеты. Пока разберутся, пока дойдут руки... Да и не можем мы допустить, чтобы расчеты попали кому-то постороннему...»

В этом месте Скворецкий слегка покачал головой:

— Посторонние — это мы? Чекисты? Неужели вы допускаете, что мы могли проявить неуважение к таким документам?

Миклашев смущенно кашлянул и промолчал. После небольшой паузы он продолжил рассказ о том, как хранил расчеты Петра Андреевича, как исподтишка ими пользовался и работа продвигалась успешно. Успехам его в институте удивлялись, но не больше: никому и в голову не приходило, в чем причина. Теперь-то, после беседы с майором, он понимает, сколь ошибочна и нелепа была его позиция,

какую глупость он сделал, хотя ему и неясно, почему органы НКВД проявили тогда повышенный интерес к профессору Варламову, вынудив его скрыться.

— Да не было этого, не было, — с досадой поморщился Скворецкий. — Какая ерунда! Никакого интереса к профессору, интереса, который, как вы предполагаете, мог чем-либо грозить Петру Андреевичу, не было. Все было совершенно иначе, тут сплошное недоразумение. Совершенно зря пошел профессор на такой неразумный шаг.

Однако дальше Кирилл Петрович не стал развивать эту тему: прежде надо было подумать, как довести до всеобщего сведения, не причиняя никому и ничему ущерба, что документы обнаружены.

По обоюдному согласию Скворецкий и Миклашев приняли такое решение: майор скажет директору института, что расчеты им — им персонально — найдены, но где и как, он сообщить пока не может, дабы не мешать ходу расследования. Документы передаются директору. Миклашев ведет себя так, будто он ко всей этой истории не причастен.

Покончив с вопросом о документах, Кирилл Петрович вновь вернулся к судьбе профессора Варламова.

— Так вот, Константин Дмитриевич, если вы мне доверяете, то не можете не понимать, что профессор Варламов стал жертвой чудовищного недоразумения или чудовищной провокации. Его надо найти, найти как можно скорее. Необходимо вернуть к нормальной жизни, к работе. Считаю, что это наша общая с вами задача, и поэтому хотел бы рассчитывать на вашу помощь.

Миклашев искренне удивился: как и чем он может помочь? Он не только не знает, где находится Петр Андреевич, но тот ему ничего не говорил о своем намерении скрыться, даже не намекнул. Если быть откровенным до конца, так он, Миклашев, и не очень верил в исчезновение Варламова: просто полагал, что тот арестован и для сокрытия этого факта пущен нелепый слух о «бегстве» профессора. Выходит, он и тут ошибся.

Кирилл Петрович от души расхохотался, услышав «версию» Миклашева и увидев, с какой искренней горячностью тот теперь кается. Однако веселье майора было недолгим: неужели Миклашев так и не сможет ему помочь?

— Подумайте, — говорил майор. — Важна каждая мелочь, любой факт. Продумайте все, вспомните все, даже, на первый взгляд, мелочи. Что вы, в частности, знаете о друзьях профессора Варламова, о его близких? Кто из них, по-вашему, мог бы его приютить? К кому бы он сам пошел?

Внимательно слушавший Миклашев встрепенулся:

— Сам? А Еву Евгеньевну, супругу профессора, вы учитываете?

— Учитываем, — сказал майор. — Еще как учитываем. Только почему вы о ней вспомнили?

— Нехороший она человек, — с убеждением заявил Миклашев. — Вздорный. Большая эгоистка... Провокация, вы давеча изволили выразиться. Не ее ли штучки? Кстати, вам известно, что она — немка? Это, конечно, ерунда, немцы бывают разные, но сейчас... война.

Теперь пришел черед удивляться Скворецкому. (Он вспомнил показания Малявкина: резидент — немец, хотя родился и долгое время жил в России.) Поистине этот Миклашев подносил ему сегодня все новые и новые сюрпризы. Майор попросил ученого рассказать поподробнее.

История, рассказанная Миклашевым, была не хитра. Родом он, Миклашев, из того же города, что и Ева Евгеньевна. Город был хоть и губернский, но не то чтобы уж очень большой: все мало-мальски приметные семьи были на виду. Что же говорить о семье крупного богача, каким был отец Евы Евгеньевны? Всем было известно, что уже в пожилых годах этот властный самодур женился на молоденькой красавице немке. Не прошло и года, как она прибрала его к рукам, да так, что стала полновластной хозяйкой и в доме и в его деле. Тут появилась Евочка — Миклашев был тогда уже гимназистом, — а вскоре главы дома не стало. Все дела окончательно перешли в руки Евиной матери.

На дочку она средств не жалела. И, надо сказать, постоянно подчеркивала, что та, как и мать, — немка. Трудно сказать, кем стала бы Ева, если бы не революция...

Между тем Миклашев еще в начале первой мировой войны, осенью 1914 года, уехал в столицу, в Петроград, и потерял эту семью из виду. Как вдруг, уже много лет спустя, узнал в невесте своего старинного приятеля Варламова — Евочку. Она носила фамилию отца,

а вместе с фамилией приняла и его национальность, хотя, как отлично помнил Миклашев, в детстве все говорили о Еве как о немке.

Ева Евгеньевна невзлюбила Миклашева с первой встречи, едва узнав, что он родом из того же города, что и она. Он также не испытывал к ней особой симпатии. Константин Дмитриевич был удивлен выбором Петра Андреевича, но Ева крепко держала Варламова в руках (в маменьку пошла!) и вскоре стала его женой. Она всячески старалась вбить клин в отношения между своим мужем и Миклашевым, но в этом не преуспела: слишком давняя дружба их связывала, да и общие научные интересы, совместная работа...

Правда, бывать в доме Варламовых Миклашев перестал, но близость с Петром Андреевичем от этого меньше не стала. Скорее наоборот: если кому Варламов и изливал душу, так это ему, Миклашеву, а профессору частенько бывало нелегко с таким человеком, как Ева Евгеньевна.

— Все это так, Константин Дмитриевич, — перебил увлекшегося воспоминаниями ученого майор, — боюсь, в оценке Евы Евгеньевны вы не ошиблись, хотя мне и трудно судить, но все это мало приближает нас к цели: где может быть профессор Варламов? Подумайте, вдруг что-нибудь вспомните.

— Позвольте, — вдруг встрепенулся Миклашев, — а что, если?.. Да, да, обязательно поезжайте! (Он назвал фамилию крупного ученого, академика.) На дачу. Прямо на дачу. Чем не место? Академик — учитель Петра Андреевича, они друзья. Вполне естественно, что Варламовы туда и поехали. Кому придет в голову их там искать?

— Вы полагаете? — неуверенно спросил Скворецкий. — Но академик — человек в годах. Мог ли его Петр Андреевич потревожить?

— Вполне возможно. Повторяю: они очень близки. И еще одно... Вот ведь память!.. Встретил я тут как-то на улице, в Москве, лет эдак пять-шесть назад, одну девицу. Впрочем, какая она теперь девица? Лет под сорок уже. Она из того же города, что и мы с Евой Евгеньевной. Я в свое время, будучи студентом, состоял при ней репетитором, отсюда и знаю, что она была близкой подругой Евы Евгеньевны. Еще по гимназии. Так вот, увидела она меня, обрадовалась, все в гости приглашала, Только я так и не собрался. Человек этот Еве Евгеньевне преданный, на все для нее готовый. Учтите.

— Любопытно. А как ее искать, не подскажете? Фамилию, адрес?

— Фамилию?.. — смутился Миклашев. — Вот фамилию-то я и не помню. Запомню. Какая-то не вполне обычная у нее фамилия — рыба, что ли?

— Лошадиная, может быть? — усмехнулся Скворецкий.

— Вы все шутите, — вздохнул Миклашев. — И что вы за человек такой? Ему бы на меня сердиться — забыл фамилию, — а он шутит. Осетрова? Караськина? Карпикова?.. Нет, не помню. Вот что только врач она, по-моему, по профессии. Доктор. И еще одинока. Так она говорила.

— Ну, а адрес?

— И адреса не знаю. Помнится, когда она меня приглашала, давала адрес: где-то в районе улицы Горького. Не то Дегтярный переулок, не то Старо-Пименовский... Нет, и адреса не могу назвать, не помню. Плохой я вам помощник.

На лице ученого было написано искреннее огорчение.

— Не горюйте, Константин Дмитриевич, — подбодрил он старого ученого. — Найдем девицу с «рыбьей» фамилией. Место рождения знаем, примерный возраст тоже; профессия, район, где живет, известны. Найдем!

— От души желаю успеха. Только поскорее бы. — Миклашев вдруг внимательно посмотрел на Скворецкого. — А что вы скажете, если и я кое-что предложу?

— Например? — заинтересовался Кирилл Петрович.

— Ну, сам куда-нибудь съезжу. К тому же академику. А?

— К академику? Нет, пожалуй, вам не стоит. А вообще... Что же, будем иметь в виду и такую возможность. Согласны?

Тепло распрощавшись с Миклашевым, Кирилл Петрович поспешил к директору института. С трудноскрываемым наслаждением и некоторой долей злорадства (было и такое, чего греха таить!) он наблюдал за лицом директора, когда вручал ему расчеты Варламова. Тут перемешалось все: и удивление («Нашел-таки дотошный майор! Как? Где?»), и радость, и смущение («А я-то не верил!»)...

Директор института все же не выдержал:

— Товарищ майор, кто все-таки похитил расчеты? Кто? Где они находились?

Кирилл Петрович улыбнулся:

— А что, если я вам скажу, что документов никто не похищал? Никто!

— Не похищал? Вы шутите, а мне, право, не до шуток.

— Нет, не шучу, но, прошу извинить, больше пока я вам ничего не могу сказать. Рано. Расследование еще далеко не кончено. Вы уж наберитесь терпения...

Директор в ответ только вздохнул и даже проводил майора до дверей своего кабинета.

Заехав в наркомат и доложив комиссару о событиях дня, Скворецкий сразу же выехал за город к академику. Миклашев оказался прав: Варламовы действительно были здесь, гостили, как выразился академик, но потом уехали. Куда уехали, ни академик, ни его домашние не знали; полагали — вернулся домой. Ведь ни у кого на даче и в мыслях не было, что профессор и его жена скрываются.

Досадно было чертовски: сперва Зайцева, теперь тут... Опоздали. Но кто мог знать?

Со всей присущей ему энергией Кирилл Петрович взялся за розыск женщины-врача с «рыбьей» фамилией. Что ни говори, но это тоже была ниточка. Тоненькая, а все-таки ниточка.

Глава 17

Прошло уже два дня, как чекисты не выпускали из поля зрения квартиры Бугрова, но все было напрасно: Бугров не появлялся. На третий день туда приехал Горюнов, время от времени покидавший Малявкина.

— Чудно, ребята. Третьи сутки Бугров не выходит. Не проглядели?

Нет, сотрудники были уверены в себе — не проглядели. Бугров из дома не выходил.

Пока Виктор беседовал с товарищами, у того подъезда, где жил Бугров, остановилась карета «скорой помощи». Вслед за ней подошла милицейская машина. Что-то, по-видимому, в доме произошло. Появились любопытные.

Вдвоем с одним из сотрудников Виктор вошел в подъезд. Не трудно было определить, что происшествие случилось в той самой квартире, где жил Бугров: дверь была распахнута, на лестничной площадке толпился народ.

Виктор и его товарищи протиснулись в квартиру; там тоже было людно. Сразу же стало ясно: в квартире случилось несчастье — внезапно умер один из жильцов. Человек одинокий, пожилой. Горюнов охнул: Бугров? Умер? Своей смертью? Что за оказия?

Дверь комнаты умершего была открыта настежь. Милицейские работники выпроваживали посторонних. (Их даже в комнату набралось изрядно.) Времени терять было нельзя: Горюнов решительно шагнул в комнату и предъявил капитану милиции свое удостоверение.

— Если не затруднит, прошу разъяснить, что тут происходит.

Капитан пожал плечами. По его словам, не случилось ничего особенного: обычная смерть. Человек пожилой, сердце. Ну конечно, тревоги, волнения. Война же. Сын единственный погиб на фронте. Еще недоедание...

На вопрос Виктора, можно ли утверждать, что смерть наступила естественным путем, капитан мрачно пошутил:

— Если вы считаете войну делом естественным... А так что? Следов насилия никаких. По убеждению врачей — нашего и «скорой помощи», — сердце. Соседи говорят, постоянно он на сердце жаловался. Особенно последние недели. Без нитроглицерина ни шагу. Вскрытие, конечно, все точно покажет, но вроде бы и так картина ясная.

Что? Когда он умер? Надо полагать, свыше двух дней назад, никак не меньше. (Тут Виктор насторожился: двое с лишним суток назад? Как раз после встречи Бугрова с «Быстрым». Любопытно!)

Почему, если умер двое суток назад, только сейчас забили тревогу? Так это соседи: они сами труп обнаружили только сегодня, ну и давай названивать нам и в «скорую помощь». А так — что? Не выходит Бугров из комнаты и не выходит. Кому какое дело? Кто на работе, кто где, вот соседи и не беспокоились. Сегодня одна из соседок спохватилась: чего это у Бугрова дверь закрыта и закрыта, когда он вроде бы и не выходил? Глянула — дверь заперта изнутри. Она и подняла всех на ноги.

Когда Горюнов спросил, провели ли осмотр комнаты, вещей умершего, капитан даже удивился. Сейчас? С какой стати? Успеется. Комнату опечатаем, поищем родственников и проведем все по всей форме. Капитан явно спешил и с раздражением посматривал на назойливого чекиста, затягивавшего неприятную процедуру. Что ему нужно? Формальности соблюдены, акт составлен, можно забирать труп и опечатывать комнату.

Горюнов, однако, не отступал: он настаивал, чтобы был проведен самый тщательный осмотр. Сейчас. Безотлагательно. Основания у НКГБ к тому есть. Капитан вынужден был уступить.

Еще едва войдя в комнату, Виктор заметил толстую, в клеенчатом переплете тетрадь, лежавшую с края стола. Примерно на середине тетрадь была раскрыта. Мысленно представив себе позу Бугрова в тот момент, когда его настигла внезапная смерть, Виктор пришел к выводу, что тот пытался что-то записать. Первый же взгляд на сделанную в тетради запись подтвердил его предположение: буквы были неровными, разбегались в стороны, последняя строка обрывалась на полуслове.

На раскрытой странице было написано всего несколько слов: «Еще один появился, из той же своры. Что он сказал? Взят. Арестован.

Какой-то музыкант. Круг смыкается. Не могу. Нет сил. Костя... Кост... Не мо...» На этом запись обрывалась.

Быстро перелистав тетрадь, Горюнов понял: дневник. И какой дневник! Да, это находка.

Виктору не терпелось тут же, не теряя ни минуты, приняться за дневник, однако ни место, ни время этого не позволяли: капитан милиции торопил с осмотром вещей умершего, то и дело выразительно поглядывая на часы.

Много времени осмотр не занял (вещей у умершего было мало, почти никаких) и все же кое-что дал: в шкафу, в кипе старых газет, был упрятан небольшой радиоприемник. «Ого! — подумал Горюнов. — Это еще откуда? Почему Бугров не сдал приемник? Ведь хранение приемников в военное время — дело наказуемое».

Больше ничего заслуживающего внимания обнаружено не было. Комнату можно было опечатывать. Наконец-то Виктор мог отправиться в наркомат и заняться дневником.

Первым делом Горюнов прошел к Скворецкому и доложил о своей находке. Майор был чем-то занят, и дневник остался у Виктора. Первое впечатление его не обмануло: дневник представлял значительный интерес. Правда, записи были порою странные: то короткие, отрывистые, то заполненные малозначительными подробностями (такие места Виктор просматривал «по диагонали», бегло). Много было самоанализа, но были и факты. Факты важные, значительные.

Первая запись была датирована двадцать седьмым мая 1942 года, дальше встречались пропуски по десять — пятнадцать дней, а то и больше. Виктор читал:

« 27 мая 1942 года

Зачем я начал вести этот дневник? Не знаю. Никогда, даже в детстве, в школьные годы, я не вел дневника, а теперь... Особенно теперь... Кому он предназначается? Не знаю. Мне? Косте? Моему Костику? Ах, Костя, Костя, мальчик мой, сын мой, какое горе!.. Мог ли я когда-нибудь раньше подумать... мысли путаются...

Часами я лежу без движения и думаю, думаю... Где ложь? Где правда? Твоя ли это рука? Что лучше? Что хуже? А сердце... Ох, несчастное мое сердце! Временами мне кажется, что оно бьется где-то

у самого горла, нечем дышать, и то ли вырвется, то ли замрет. Грудь разрывается на части, так и кажется, что воткнули туда раскаленный железный лом и поворачивают, поворачивают, поворачивают...

Может, пойти? Заявить? Сказать всю правду? Да, но сказать правду — это убить тебя, Костик, убить своими руками. Нет, пусть на куски режут — не пойду. Не скажу. Ничего не скажу. Ты будешь жить, Костя, мой Костик... Ты будешь жить! Задушить, уничтожить этого подлеца, этого изверга? Не поможет. Тоже гибель, гибель тебе, Костя. Да и легко сказать — задушить. А как? Чего я перед ним стою? Он же меня одним пальцем придавит. Выхода нет! Запутался.

30 мая

Сердце. Опять сердце. И как оно еще не остановилось?.. Конец. Я — враг. Враг своей Родины. Народа. «Враг народа»! Вот как оно получается, как в жизни бывает!

31 мая

Прочитал написанное раньше и задумался: ты не поймешь меня, Костя, если когда-нибудь прочтешь эти строки. Ничего не поймешь. Бред какой-то. Надо, очевидно, рассказать все по порядку.

Итак, как же все это началось? С чего? А началось все это так. Ровно неделю назад, 24 мая, часов около девяти вечера (я только-только вернулся с работы), в мою дверь тихо постучали.

«Войдите», — сказал я.

Это был Он. Никогда до этого я Его не видел.

«Здравствуйте, — сказал Он. — Вы Бугров? Владимир Георгиевич Бугров, инженер Н-ского завода, если я не ошибаюсь?»

«Да, — говорю. — Вы не ошиблись. Бугров — это я. Что вам угодно?»

Он усмехнулся:

«Не спешите, Владимир Георгиевич. Не спешите. Сейчас узнаете. Я принес вам радостную весть. Скажите, у вас есть сын, по имени Костя? Константин Владимирович Бугров, лейтенант Красной Армии?»

«Есть»! Костя, Он не сказал БЫЛ сын, сказал ЕСТЬ! Сердце рванулось, ударило в грудь, подскочило куда-то вверх. Кажется, я потерял сознание. Когда я пришел в себя и начал что-то соображать, Он стоял возле, поддерживал меня одной рукой и протягивал в другой стакан воды. Я с благодарностью глянул Ему в глаза и замер от ужаса:

это были страшные глаза. Холодные. Пустые. Впрочем, Он тут же отвел взгляд, и кривая, похожая на гримасу улыбка исказила Его губы. Мне никогда не забыть этого лица, этой зловещей улыбки!

«Ай, ай, ай! — сказал Он. — Нехорошо. Я принес вам радостное известие, а вы?.. Как кисейная барышня. Нехорошо!»

«Простите, — пролепетал я, еле собрав силы. — Сердце. Что с Костей? Где он? Ведь уже почти полгода, как я получил уведомление, что мой сын пропал без вести».

«Пропал? — возразил Он. — Нет, ваш сын не пропал. Читайте».

Он протянул мне сложенный в несколько раз листок бумаги. Бумага была не наша: тонкая, хрустящая, чуть голубоватая. Это было письмо, Костя. Твое письмо. Ты его помнишь? Ты писал, что жив, здоров, будущее твое обеспечено, хотя это и зависит от меня. Только от меня.

Я не сразу все понял, не сразу осознал страшный смысл твоего письма: я читал и перечитывал дорогие мне строки, всматриваясь в каждую букву, в каждый штрих твоего такого знакомого, такого родного почерка. Он ждал. Он не торопил.

Наконец я стал что-то соображать, что-то начало доходить до моего сознания.

«Будущее Кости зависит от меня? — спросил я, и голос мой предательски дрогнул. Самому было противно. — Но, ради всего святого, как? Что я могу сделать для сына? Где он? Что с ним? А вы... Откуда у вас это письмо? Как оно к вам попало?»

«Как попало ко мне письмо, это неважно, — сказал Он. — Теперь то письмо у вас, вручено адресату — это главное. Где ваш сын? О, он в полной безопасности, он у НАС. (Он произнес последние слова с каким-то странным нажимом.) А как связано будущее вашего сына с вами, вашими поступками, я думаю, понятно. Впрочем, если вы настаиваете, кое-что могу разъяснить».

Я попросил разъяснений.

«Ах, вы так-таки и не догадываетесь? — спросил Он с угрозой. — Извольте. Так вот, ваш сын в плену. В Германии. Нет, нет, не пугайтесь! Ему ничто не грозит, если, конечно, вы будете благоразумны, будете правильно себя вести. В противном случае... В общем, в противном случае я не поручусь за жизнь вашего сына. Надеюсь, теперь вам ясно?»

Да, мне все было ясно: случилось ужасное, непоправимое. Твоя судьба, сынок, твоя жизнь была в их руках. Было от чего потерять голову. Я просил Его, умолял дать мне хотя бы сутки на раздумье. Одни сутки. Напрасно — Он был неумолим.

«Ни часу, — говорил Он. — Что-либо изменить вы все равно не в силах. Либо вы будете выполнять то, что я вам скажу, либо ваш сын умрет. Если вам хоть чуточку дорога его жизнь, выбирать вы не станете. Нет у вас выбора».

Выбора у меня действительно не было, и все же я колебался: стать изменником, немецким шпионом? Невероятно! Но... представить себе, Костик, твое изуродованное тело, твои навсегда закрывшиеся глаза. И все из-за меня, по моей вине...

А Он настаивал, говорил с какой-то дьявольски ласковой настойчивостью. Мне, по его словам, ничего не грозило: так, небольшие поручения. Никакого риска. Зато жизнь сына, твоя жизнь, Костик, будет спасена: тебя ждет счастливое будущее. И мне, когда войска фюрера войдут в Москву — а это будет скоро, очень скоро, — ни на что не придется жаловаться. Ни на что!..

Плевал я на его фюрера, на свою судьбу, но ты, сын, твоя жизнь... Ну, что я еще могу сказать? Короче говоря, после недолгого сопротивления я согласился. Вынужден был согласиться.

Он ушел, Он даже не оставил мне твоего письма. И тут обманул: заставил расписаться на обороте — прочел, мол, — и ушел. Что от меня требуется, не сказал. Сказал, позвонит по телефону. Прошла неделя — страшная неделя. Не раз мелькала мысль: не лучше ли умереть, кончить все? Но нет, нельзя. Они поймут. Что тогда будет с тобой, что будет с тобой?.. Надо жить. А как? Не могу...

6 июня

Вчера Он позвонил. Назначил свидание. Пришел веселый, довольный.

«К вам просьбица», — говорит. Так и сказал: «просьбица»! «Составьте-ка мне небольшую справочку о видах продукции, выпускаемой вашим заводом. Количестве. И не вздумайте шутить: все должно быть правильно. Иначе...»

Что я мог сделать? Сроку Он дал три дня. Три дня!

10 июня

Прошло три дня. Срок истек вчера. Я составил справку. О, какое это было мучение! Но справка была составлена так, что понять из нее ничего было нельзя. Наивно! Как я был наивен! Он швырнул справку мне в лицо: «Нам не нужна эта филькина грамота! Я вас предупреждал».

Пожалуй, только теперь я понял, понял окончательно, что выхода у меня нет. А Он сказал, что на этот раз меня прощает, но только на том условии, что подобное больше не повторится. Справка должна быть точной, ясной, исчерпывающей. Дал новый срок: опять три дня. Что делать?

13 июня

На этот раз справка понравилась. Во всяком случае, Он меня не ругал, ушел удовлетворенный. А я? Мне после этой встречи стало совсем плохо. Сердце. Как я добрал до дома, сам не знаю. Кажется, меня кто-то, какой-то солдат, поддержал на улице и довел до самой квартиры. Он, этот солдат, случайный прохожий, был так ко мне добр, а я?.. Я — изменник. Предатель.

Сейчас ночь. Я немножко отлежался, пришел в себя. Пишу не чернилами — это кровь моего сердца...

4 июля

Три недели, как Он не появлялся. Может, сжалился, оставил меня в покое? А может?.. Может, Его схватили, арестовали, расстреляли? Хотя нет... Если бы Его взяли, Он бы, конечно, тут же указал на меня: мы же теперь связаны одной веревочкой. Значит, пришли бы и за мной, взяли бы и меня. А может, так оно было бы и лучше — один конец? Но нет, что будет с тобой, Костик? Дороже тебя нет для меня ничего на свете, ради тебя, лишь бы ты жил, я готов на все, на все.

А может, действительно я им больше не нужен?..

8 июля

Как я был наивен: Он «сжалился»! «Оставил меня в покое»! О, святая простота. Нет, Он и не думал меня забывать. Сегодня — опять: нужна новая справка, новые сведения...

22 июля

Я увязаю все глубже и глубже. Уже трижды я давал Ему справки о продукции нашего завода, но Ему все мало: требует новых и новых сведений. Нет, так дальше нельзя, надо что-то придумать, найти выход. Неужели я так ничего и не придумаю? Должен придумать. Обязан.

8 августа

Выход найден! Сегодня прямо с утра я явился к директору нашего завода и заявил об уходе: не могу, сердце. Директор у нас хороший человек, он знает, каково у меня со здоровьем. Знает. И все же долго меня уговаривал остаться, обещал всякую помощь, лечение. Если бы он только знал, если бы знал, КОГО пытается удержать! Но нет, я стоял на своем. И вот с сегодняшнего дня я не работаю на заводе. Уволен. Пойду наниматься в какую-нибудь артель. Что, выкусили?!

18 августа

Устроился в артель. Ремонт примусов, посуды, всяких металлоизделий. Даже жаль, что Он не появляется, хотелось бы посмотреть, как вытянется теперь Его физиономия. Справочку о нашем производстве? Извольте!

2 сентября

Рано же я радовался, ох, рано. Плохо я их знаю. Сначала Он рассвирепел, узнав, что я теперь в артели, что меня уволили с завода. По состоянию здоровья. (Так я сказал.) Не поверил. «Штучки!» — говорит. Кричал. Грозил. Но когда я рассказал, что за последние месяцы у меня прямо на работе было несколько тяжелых сердечных приступов и дважды даже забирала «скорая помощь» (это правда было), Он несколько утихомирился. Пошутил: «Не вздумайте умереть. Ваша смерть — смерть сына». Страшная шутка!

Тут же Он меня «успокоил», пообещав дать новое задание. На том мы и расстались. Что-то Он еще удумает?

20 сентября

Он не появлялся, не подавал никаких признаков жизни, только теперь я уже не тешу себя напрасными надеждами. Научен. Знаю: придет. Появится. И снова мучение, снова попытка.

4 октября

Да, так и есть, я не ошибся. Сегодня Он явился. Прямо на дом. Ко мне. Без предупреждения. Второй раз на дом. Все прежние встречи, кроме первой, происходили в условных местах, каждый раз в новом. Он явился не с пустыми руками. При себе у него был небольшой чемоданчик, из которого Он извлек радиоприемник: «Это вам. Подарок. Чтобы не так скучно было. А то ведь ушли с завода, с такой работы. Зачахнете в своей артели! Примусы! Чайники!» И расхохотался. У этого чудовища своеобразное представление о юморе.

Я ужаснулся: приемник? Но это невозможно. Ведь все приемники подлежали сдаче в первые дни войны. Их хранение, пользование приемниками противозаконно. Могут быть неприятности. Да и зачем мне приемник? Не хочу...

Мои слова на Него не подействовали: Его не интересовало, хочу я брать приемник или нет. Это был приказ. И не подчиниться я не мог.

«А вы слушайте остороженько, по ночам. Потихонечку», — сказал Он.

«Но зачем, зачем?» — пытался настаивать я. Тогда Он разъяснил: в определенные дни и часы в эфире будет музыкальная программа, перемежающаяся объявлениями. В объявлениях будут цифры: цена там и всякое такое. Еще сводки погоды. Температура воздуха, воды, барометрическое давление.

Я не понял: а мне это к чему?

«Не спешите, — одернул Он. — Сейчас вам все станет ясно... Время от времени будет передаваться марш из „Фауста“, — пояснил Он. — Вам знакома эта мелодия? Знакома. Отлично! Приятно иметь дело с культурным человеком!» Так вот, все цифры, которые будут диктоваться после этого марша, я должен выписывать и вручать Ему. Только и всего. «И не вздумайте что-нибудь, хоть единую цифру, перепутать, изменить. Худо будет», — сказал Он.

Снова на меня одели ярмо, не легче прежнего. Ты понимаешь, Костя? Ах, Костя. Костя, что же ты наделал, что наделал!..

17 октября

Сердце... Снова сердце. Ни днем, ни ночью оно не дает мне покоя, рвется, рвется на части. Какая боль! Какая адская боль! И нитроглицерин уже не спасает: снимает боль на полчаса, на час, а там все снова и снова. Что будет с Костей, с моим сыном?..»

Таких записей попало еще несколько, и Горюнов быстро пробежал их. Внимание его приковала следующая:

« 28 декабря

Сегодня я получил новое задание: со следующей недели ходить на Покровку к зубному врачу и высиживать там в приемной. Ходить придется два раза в месяц, каждую вторую пятницу и четвертую среду месяца. Чтобы не вызывать подозрений, буду ставить мост — дело

долгое. (Между прочим, мост мне действительно нужен — только к чему?) Там я буду встречаться сам не знаю с кем, что-то от этого неизвестного получать и передавать Ему. Или от Него неизвестному. Боже, какая мука! Будет ли конец?..

16 января 1943 года

Был у зубного врача, никого не встретил. Он не сердился, когда я сообщил, что ко мне никто не обратился. Сказал: «Все нормально, всякое может случиться. Продолжайте ходить. Это вроде дежурства. Могут прийти, а могут и не прийти».

Дежурство! Врагу своему заклятому не пожелаю такого дежурства. Идешь по этому адресу, сидишь там, а сам так и ждешь: сейчас подойдут, схватят. «Вы Бугров? Руки вверх! Вы арестованы...»

А ночью? Сплошные кошмары, один ужаснее другого. От каждого шороха, от звука открывающейся в прихожей двери вскакиваю, обливаясь холодным потом: пришли. За мной... А может, так оно было бы и лучше? Но Костя... Ох, как мне плохо, как тяжело...»

Опять шло несколько разрозненных записей, не содержащих чего-либо значительного. Заинтересовала Горюнова запись, датированная двадцать восьмым июня 1943 года. Она гласила:

«Не писал бог знает сколько: не было сил. Рука не держала перо. Но на „дежурства“ ходил исправно. Вернее, ползал. За все время только один раз, в мае, подсел какой-то человек и назвал пароль. Пожилой, прекрасно одетый. Держался спокойно. Невозмутимо. Передал записку и ушел как ни в чем не бывало. А я... У меня волосы встали дыбом. „Сейчас схватят. Конец“, — билось в голове. В каждом встречном, каждом прохожем я видел свою гибель. Однако ничего. Обошлось. Записка эта жгла мне руки, я на нее даже и не взглянул. Рад был, когда смог от нее избавиться.

Потом опять никого, и в пятницу новая встреча. На этот раз женщина. Молодая. Интересная. И зачем ей это надо, зачем она полезла в эту грязь, эту гнусность? Впрочем, не мне быть судьей. Эта на словах передала какую-то тарабарщину, что-то вроде того, будто прибыл какой-то музыкант и еще один, быстрый. Действуют, выходят на связь, ждут указаний. («Она, — мгновенно решил Горюнов, — Ева Евгеньевна. Непременно она. Только кто тот, другой, пожилой?»

Варламов? Неужели?») Я ничего не понял, а Он так и сиял, когда я передал Ему эту чушь. О мерзавец, как я его ненавижу, как ненавижу!..

12 июля

Почему я ничего не пишу об этом проклятом приемнике? Правда, пользуюсь им редко. Он назначил определенные дни и часы, когда я должен ждать «Фауста», и я жду, жду. За все время условный марш звучал три раза, и каждый раз я выписывал цифры, выписывал и отдавал Ему. А вот с одной записи, в мае, снял копию. Зачем? Сам не знаю, но пусть будет у меня. Пусть лежит. А Он и не догадался, Он не знает, что у меня есть копия. А вдруг? Вдруг эта запись и пригодится? Вдруг... Нет, страшно подумать. Никогда, никогда не хватит у меня решимости. И все же!.. Пусть, пусть хранится у меня эта запись. И дальше — да, да, и дальше буду снимать копии. Буду!»

Тут же между страниц лежал клочок бумаги, испещренный цифрами, но только один. Единственный. Дальше шла последняя запись, кончавшаяся словами. «Не могу. Нет сил. Костя... Кост... Не мо...»

Какие-нибудь полчаса — сорок минут спустя Горюнов со Скворецким сидели в кабинете комиссара. Виктор взволнованно докладывал содержание дневника инженера Бугрова. Комиссар, слушая Виктора, листал страницы тетради, бегло просматривал записи умершего.

— Да, — сказал он, захлопывая тетрадь, когда Горюнов умолк, — картина знакомая. Типичная, я бы сказал, картина. Сколько уж было за время войны случаев — и здесь, в Москве, и в других городах, — когда родителям, женам, невестам вручали посланьица от их сыновей, мужей, женихов, находящихся в плену, а затем, спекулируя на судьбе пленных, пытались вербовать. Чаше такие номера не проходят: люди идут к нам и все рассказывают. Вербовщик горит, а получателей писем мы выводим из-под удара. Бывает, конечно, и иначе. Вот и Бугров смалодушничал. А уж раз попал — не выберешься. Лапы у фашистской разведки цепкие: ни чести, ни совести, ни морали. Мерзавцы!.. Впрочем, все это досужие рассуждения. Кто же такой этот «Он», Он с большой буквы? Вы смотрите, как написан дневник, в каком страхе, с какой осторожностью: ни одной приметы, ни единого

намека, раскрывающего личность вербовщика. Даже места явок не указаны, будь он неладен, этот Бугров!

— Я полагаю, — начал осторожно Скворецкий, — я думаю, это «Зеро». Он самый. Смотрите: через Бугрова «Музыкант» и «Быстрый» — вернее, «Музыкант» — Гитаев, — докладывают о своем прибытии, устанавливают связь. А ведь Гитаев связывался именно с «Зеро», это нам достоверно известно...

— Все может быть, — согласился комиссар, — хотя уверенности никакой нет. Достоверно? Нет, тут вы, батенька, перехватили, пока еще не «достоверно». Однако... Что же, однако, будем делать?

— Разрешите? — подал голос Горюнов. — Я предлагаю немедленно организовать засаду на квартире Бугрова. Сейчас же.

— Ишь ты! — нахмурился комиссар. — Засаду! Как это просто у вас получается, Виктор Иванович. А вы подумали, что квартира-то там густонаселенная? Какая тут, к дьяволу, засада? Да и откуда я вам людей возьму? Вы думаете, что, кроме «Зеро» и Варламова, у нас других дел нету? Хотите, снимем засаду с квартиры Варламовых и перебросим к Бугрову? Согласны?

Тут уже вмешался Кирилл Петрович:

— Нет, товарищ комиссар, от Варламовых засаду снимать никак нельзя, мы об этом уже давеча говорили, да и не к чему. Нельзя у Бугрова засаду устраивать, не выйдет. Тут вы правы. Поторопился Виктор Иванович. Кроме того... Кроме того, она, засада, там и бессмысленна: хороший охотник дважды на одно болото не ходит. Будьте уверены, этот вербовщик, «Зеро» или кто там другой, больше на квартиру Бугрова не сунется. Я думаю о другом: надо поскорее дать нашим специалистам цифровую запись, копию, которую сделал Бугров, пусть поломают голову.

— Дельно, — подхватил комиссар. — С этого и надо начинать. Но это не все: подготовьте задание радистам. Пусть ловят марш из «Фауста» и цифры, которые за ним последуют.

Скворецкий задумался. Судя по выражению лица, его охватило сомнение:

— Трудно, товарищ комиссар. Боюсь, задача будет непосильной. Судите сами. Ни дат, ни времени работы станции, ведущей шифрованную передачу, мы не знаем. Нам неизвестно, на каких волнах она работает, какими позывными пользуется...

— Знаю, — перебил комиссар. — Задача не из легких, а попробовать надо. Вдруг да поймает.

Глава 18

Прошло несколько дней, а специалисты по шифрам все еще бились над расшифровкой записки, обнаруженной у Бугрова. Ничего пока не получалось. Не могли радисты нащупать и «Фауста». Зато графическая экспертиза закончила свою работу и представила заключение по письму Иваницкого. Оно выглядело примерно так. Графическое сличение почерка, которым написано письмо за подписью «И. Г. Иваницкий», с почерком монтера Иваницкого показало, что написание ряда букв, наклон в отдельных буквах того и другого почерков совпадают. В то же время в изображении кое-каких букв наблюдаются и расхождения. Вывод: почерки сходны, но утверждать, что письмо написано Иваницким, нельзя. Примерно так же было сказано и о сличении почерка убитой сотрудницы института Антоновой с почерком, которым была написана якобы ее записка. Вот походи и разберись тут, кто что писал, где чей почерк.

Впрочем, хотя Кирилл Петрович и поругивал экспертов, в общем-то он был доволен. Его уверенность в том, что и записка и письмо — фальшивки, укрепились. Больше огорчало другое: со дня убийства Антоновой прошло уже много времени, все возможные меры для изучения окружения убитой были приняты, а результатов — никаких. Вернее, результаты были, только они не радовали майора. У покойной Екатерины Михайловны было действительно много знакомых, друзей, немало было поклонников, но ни один из тех, кого удалось выявить, никак не мог быть причастен к преступлению. Получается тупик, а время идет....

Не лучше обстояло дело и на квартире Варламовых: никто не посещал квартиры, не раздалось ни единого примечательного телефонного звонка. Ната изнывала от скуки, от безделья, просила освободить ее от бессмысленного сидения у телефона, дать задание посерьезнее, которое могло бы навести на след дяди и тетушки. Но телефон оставлять ни в коем случае нельзя. Должен же быть звонок, должен. Та же Ева Евгеньевна рано или поздно, но обязательно позвонит.

Малявкин? И у того тишина. Ничего существенного. Отстукал шифровку в Берлин, сидит у своих Костюковых, потихоньку обрастает бородой и бакенбардами — для маскировки: не следует ему в своем естественном виде появляться на московских улицах — и ожидает ответа. А когда он будет, этот ответ? Ведь Малявкину абвером предписано выходить на связь не чаще двух раз в месяц, в определенные дни и часы. Время одного из таких сеансов миновало — немцы молчали.

Вот и найди при таких условиях этого самого «Зеро», отыщи Варламовых. Было от чего впасть в уныние. Горюнов тоже начал хандрить. Появляясь на час-другой в наркомате (большую часть дня он проводил с Малявкиным у Костюковых), Виктор донимал Скворецкого предложениями — одно фантастичнее и нелепее другого — и все возмущался: сидим сложа руки, ждем у моря погоды, а тем временем «Зеро»... Тем временем Варламовы...

Кирилл Петрович как мог пытался утихомирить своего не в меру ретивого помощника, а то и одергивал его: умение выждать, говорил он, это тоже одно из свойств, присущих чекисту.

Впрочем, Кирилл Петрович под ожиданием никак не подразумевал бездействие. Уж он-то не сидел сложа руки. Пока наступило затишье на других участках розыска (а что оно временное, Скворецкий не сомневался), он искал женщину с «рыбьей» фамилией, о которой рассказал Миклашев, искал методично, упорно, настойчиво. И еще думал. Вновь и вновь копался в материалах дела, изучал их, анализировал и думал, думал, думал...

Вновь и вновь перелистывал майор страницы справок: Баранова, Зайцева, Зародицкая... Друзья и знакомые Евы Евгеньевны Варламовой. Достаточно ли они изучены? Не скрываются ли все же Варламовы у кого-то из них? Нет, не похоже. За минувшее время чекисты успели присмотреться ко всем знакомым Варламовой, ко всем, кого назвала Ната, и ничего подозрительного — ничего, что бы говорило, что по одному из этих адресов могут находиться Петр Андреевич и Ева Евгеньевна. Вот только Зародицкая... Мария Абрамовна Зародицкая — одинокий домик в Сокольниках — все больше и больше привлекала внимание майора.

В этом доме, расположенном недалеко от Сокольнического парка, шла какая-то сложная жизнь. Хозяйка дома — зубной техник

Мария Абрамовна Зародицкая — работала в одной из городских поликлиник, но дежурства у нее были не ежедневно и всего по несколько часов в день. Большую часть времени она проводила дома, где также принимала обширную клиентуру, но уже частным порядком.

Казалось бы, посещение дома многочисленными пациентами служило препятствием тому, чтобы там мог кто-то скрываться, но это только на первый взгляд. На самом деле все было как раз наоборот. Домик, хоть и небольшой, был сравнительно просторным, в два этажа. Три комнаты в нижнем этаже, две на верхнем. Внизу застекленная терраса, вверху мезонин.

Расположение комнат (чекисты его превосходно изучили) вполне позволяло так вести прием посетителей, что никто из них не мог столкнуться с людьми, если бы те отсиживались, скажем, в мезонине или одной из комнат второго этажа.

В то же время многочисленные посетители служили отличной маскировкой: ну кто подумает, что в доме, куда постоянно ходит столько народу, скрываются посторонние?

Настораживало Кирилла Петровича и поведение самой Зародицкой. Мария Абрамовна постоянно часами ходила по городу, чаще по вечерам, на первый взгляд без определенной цели. Иногда она заглядывала в магазины букинистов, бывала в церквях — Елоховском соборе, в обновленческой церкви, что в Сокольниках, по соседству с ее домом, чаще — в синагоге. Но было не похоже, чтобы она заходила туда молиться, уж слишком кратковременны были эти визиты. И потом: сегодня — православная церковь, завтра — обновленческая, а там и синагога. Какая уж тут молитва, какому богу?

Еще более странным было то, что сплошь и рядом прогулки Марии Абрамовны не имели, как казалось, никакой цели: она выходила из дома, доезжала до центра города, бродила час-другой по центральным улицам и, никуда не заходя, возвращалась домой. Так бывало чаще всего.

Она действительно никуда не заходила, но зато у нее были бесконечные встречи. То в скверике возле Большого театра, на площади Свердлова, то в Александровском саду, то на улице Горького, то еще где-нибудь. Зародицкая постоянно встречалась с различными людьми: постоит, поговорит — и домой. Иногда что-то украдкой

передаст, что-то получит. Такие же встречи, судя по всему, происходили и в церквях и в синагоге.

Было установлено, что среди лиц, с которыми чаще всего встречалась Зародицкая, кое-кто являлся сотрудниками иностранных посольств. Правда, все больше посольств союзных держав, так сказать дружественных, изредка — нейтральных, но все же...

Нет, Мария Абрамовна Зародицкая не напрасно попала в поле зрения чекистов, она требовала самого пристального внимания, однако сейчас Скворецкого больше всего интересовали Варламовы. Не у Зародицкой ли они, в Сокольниках?

Кирилл Петрович посоветовался с комиссаром, и было решено, что он сам поедет к Зародицкой с группой оперативных работников под видом ночной проверки документов. Той же ночью Скворецкий и его помощники выехали в Сокольники.

Дом Зародицкой располагался в небольшом садике, отделенном от тротуара невысоким забором. Никаких посторонних построек на участке не было, и спрятаться можно было только в доме, больше нигде.

Калитку открыла сама Зародицкая и, кутаясь в наспех накинутый халат, провела чекистов в дом. Все движения, жесты, голос этой невысокой полной женщины выдавали в ней человека живого, энергичного. Но, как с первой минуты заметил Кирилл Петрович, Зародицкая была смертельно испугана внезапным появлением представителей власти.

— Документы? — переспрашивала она дрожащим голосом. — Проверка документов? Сейчас. Сию минуту... Смею вас заверить, документы у нас в порядке. И что я частной практикой занимаюсь, есть патент...

Зато мать Зародицкой была настроена воинственно.

— Какие еще документы? — басила она, появляясь на пороге своей комнаты. — Какая проверка? Это ночью-то, в собственном доме? Никакого права не имеете. Нет, мы будем жаловаться!..

— Ах, мама, оставьте, — прервала ее Мария Абрамовна. — Ну чего вы вмешиваетесь? Вполне понятно, время военное. Товарищи проверяют документы, и все. У нас же все по закону...

Казалось, и это посещение окончится без результата, но когда Скворецкий, тщательно просмотрев документы Зародицкой и ее

матери (они действительно оказались в полном порядке), сказал, что придется осмотреть весь дом, Мария Абрамовна не совсем его поняла и с испугом спросила:

— Осмотреть дом, вы сказали? Значит... значит, вы произведете обыск?

Уловив в голосе Зародицкой какие-то странные нотки, Скворецкий вместо ответа неопределенно пожал плечами.

— Не надо, — хрипло сказала Мария Абрамовна. — Не надо обыска. Я сама... Сама все скажу...

— Маша! — сердито крикнула мать Зародицкой. — Маша, что ты говоришь?.. Зачем?..

— Мама, молчите. Я знаю, что я делаю. Так будет лучше. Я сама...

Пожилая женщина всплеснула руками и без сил упала на стул, стоявший поблизости.

— Ну? — строго сказал Скворецкий. — Мы ждем!

— Минуточку, — сказала Мария Абрамовна. — Одну минуточку...

Она быстро опустилась на колени, откинула край ковра, которым была застлана середина комнаты, ловко приподняла половицу и вытащила из скрытого там тайника тугой мешочек. Вывернув его над столом, Зародицкая высыпала на скатерть несколько десятков золотых монет.

— Вот, — проговорила она, едва сдерживая рыдания. — Берите... Здесь — все. Но не забудьте, это я сама, сама все отдала, без обыска.

Скворецкий молча кивнул и присел к столу, пересчитывая монеты. Тем временем оперативные работники обошли весь дом и убедились, что ни Варламовых, ни кого другого, кроме хозяев, тут нет.

— Хорошо, — сказал Скворецкий, кончая подсчет. — Собирайтесь. Вам придется проехать с нами.

— Но зачем же?! — воскликнула Зародицкая. — Я ведь сама...

— Собирайтесь, — повторил майор.

— Минуточку, — поспешно возразила Мария Абрамовна. — Одну минуточку...

Решительным жестом она перевернула один из стульев, стоявший возле стола, отвинтила у него ножку и принялась трясти над столом. На скатерть высыпались новые монеты.

— Ну прямо мадам Петухова! — не выдержал один из оперативных работников. — «Двенадцать стульев». Товарищи Ильф и Петров...

— Тихо, — оборвал его Скворецкий. — Гражданка Зародицкая, лучше будет, если вы выложите всё сразу, зачем же по частям. А поехать с нами вам все равно придется.

— Хорошо, хорошо, — быстро заговорила Мария Абрамовна. В глазах у нее застыло отчаяние. — Я все понимаю. Только учтите мое поведение, мое искреннее раскаяние. Запишите (она назвала фамилию, адрес). Это букинист. У него — валюта. Доллары. Я скажу, где запрятано. Все скажу...

Доставив Зародицкую в наркомат и передав ее, а также и изъятое золото сотрудникам, которым надлежало этим заняться, Кирилл Петрович прошел к комиссару. Тот от души хохотал, слушая рассказ майора об очередном неудавшемся поиске профессора Варламова. Потом перестал смеяться:

— Да, все это хорошо, но где же профессор? Еще одна версия лопнула...

Глава 19

Да, лопнула еще одна версия, и Скворецкий с еще большей энергией принялся за розыск женщины с «рыбьей» фамилией. Только Горюнов сидел без дела возле Малявкина.

Розыск гимназической подруги Евы Евгеньевны был сопряжен со значительными трудностями — уж слишком мало было данных: ни точного адреса, ни фамилии, ни даже имени. Что было известно? Место и примерный год рождения, профессия, район, где она предположительно проживает. И все же Кирилл Петрович не терял надежды: он считал, что даже при наличии таких скудных сведений «женщина с рыбьей фамилией» будет разыскана. Пусть не сразу, не скоро, но — разыскана. Ему очень хотелось бы подключить к розыску Горюнова, но ведь нельзя бросить Малявкина надолго без присмотра, вот и приходилось самому бродить по переулкам, прилегавшим к улице Горького. И Кирилл Петрович шел из дома в дом по Благовещенскому, Палашевскому, Старо-Пименовскому, Дегтярному — по всем переулкам, выходящим на улицу Горького от площади Пушкина до площади Маяковского.

Он часами просиживал в конторах домоуправлений, листая то объемистые, то тощие домовые книги, выискивая нужного ему человека. Меньше всего его интересовали фамилии: главное внимание он обращал на те графы, где указывались место и год рождения, а еще — профессия. Долгое время ничего похожего на имевшиеся приметы не было: попадались уроженцы интересующего его города, но год рождения не совпадал с требуемым. Да и профессии были далекими от медицины.

Этим утром он заканчивал обследование Дегтярного переулка: оставалось два дома. В пыльной, замусоренной конторе Кирилл Петрович копался в толстенной книжице. Тут был перечень жильцов нескольких домов, объединявшихся общим домоуправлением.

Майор медленно перебрасывал страницу за страницей, не пропуская ни единой фамилии. Дело это ему чертовски надоело, но он упорно сжимал челюсти, подавлял зевоту и читал, читал, читал. Вдруг... Что это? Место рождения? Оно самое. Год рождения?

Похоже, тот, что и требуется. Профессия? Ветеринарный фельдшер. Не врач, конечно, и — ветеринарный, а все-таки медицина. Ну, а фамилия? Рыбья? Фамилия была — Икоркина. Рыбья? Пожалуй, да. Кирилл Петрович усмехнулся, встал, до хруста в плечах потянулся. Сдается, дело сделано. Что-то все это даст?..

Час спустя, с несколькими фотографиями в кармане, среди которых было и фото Икоркиной, майор появился в институте, у Миклашева. Едва взглянув на разложенные перед ним изображения, тот сразу отложил в сторону карточку Икоркиной: она. Она самая. С «рыбьей» фамилией...

— Рыбьей? — улыбнулся майор. — Относительно рыбьей... Икоркина — фамилия этой женщины.

— Вот-вот, — подхватил Миклашев. — Икоркина. Точно. Вспомнил.

Итак, Икоркина. Ясно! Что предпринимать дальше? Ночную проверку документов? Можно. Но что это даст, если Варламовых там не окажется (а так и будет скорее всего: Икоркина занимает комнату в общей квартире — неподходящее место для убежища тому, кто скрывается). А что, если?..

Прямо из института Кирилл Петрович поехал на квартиру Варламовых.

— Икоркина? — всполошилась Ната. — Таисия Семеновна? Разве я вам не говорила? О, когда-то она была близкой подругой Евы Евгеньевны! Очень близкой. Правда, последние годы они не встречались.

По словам Наты, Икоркина ранее бывала у них на квартире, и, хотя и смутно, она ее помнила.

Бывала ли Ната у Икоркиной? Нет, никогда не была. Даже адреса не знает. Но, если надо... А насчет адреса: разве Кирилл Петрович не может ей помочь? Ему-то ничего не стоит узнать адрес.

Скворецкий, однако, решительно возразил: так не пойдет. Ната может направиться к Икоркиной только в том случае, если этот визит будет абсолютно естествен, если, в случае нужды, легко будет объяснить, как получила Ната требуемый адрес. Тут Ната припомнила, что еще раньше, до войны, у Евы Евгеньевны была записная книжка, куда она выписывала нужные ей адреса и телефоны (в лежавшей у телефона книжечке Варламовых, которую за эти дни не раз

просматривали, Икоркина не упоминалась). Ната принялась за поиски и, провозившись часа два, перевернув все в спальне и в столовой, нашла старую записную книжку. Тут был адрес Икоркиной: Дегтярный переулок, номер дома, квартира.

Теперь вопрос был решен: Ната должна была явиться к Икоркиной, сообщить об исчезновении дяди и тетушки, рассказать, что страшно о них беспокоится (у них даже паспортов нет, остались дома) и что сама оказалась в крайне тяжком положении — ни денег, ничего. Как быть? Что делать? Где искать дядю и тетю? Как жить? Она уже была у Зайцевой. Без толку. Вот вспомнила старую подругу тетушки — может, она хоть что скажет, чем поможет? Можно и поплакать. Как у Зайцевой.

В тот же вечер Ната отправилась к Икоркиной. Поначалу та ее не узнала: «Кто вы? Что вам надо?» Но когда Ната назвала себя, назвала Еву Евгеньевну, Икоркина разохалась, разохалась, не знала, куда и посадить Нату, как ее приветить.

Ната, как и было условлено с Кириллом Петровичем, рассказала о своих горестях, просила совета. Икоркина слушала внимательно, сочувственно, расстроилась, когда Ната заплакала, но сказать ничего не сказала: «Не знаю, милочка, не знаю, чем тебе и помочь. Я подумаю, подумаю... Может, и позвоню тебе. Ты все больше дома сидишь? У телефона? Ну и ладно».

Любопытно, что о Еве Евгеньевне и Петре Андреевиче Икоркина почти не упоминала. Складывалось впечатление, что она не в таком уж неведении об их судьбе, как изображала в начале разговора. Однако это было только впечатление, не больше. Пока и эта ниточка не привела к цели.

На другое утро, когда Скворецкий сидел у себя в кабинете и, уйдя с головой в изучение накопившихся материалов, изыскивал новые ходы, раздался телефонный звонок. Это была Ната.

— Кирилл Петрович, дорогой, — частила она, — знаете, с кем я сейчас разговаривала? С тетушкой. Представляете? С самой тетушкой, Евой Евгеньевной!

Майор, отложив все в сторону, кинулся на квартиру Варламовых. Наконец-то дождались! Ева Евгеньевна объявилась, позвонила по телефону. Разговор с Натой был у нее короткий: она расспросила, кто звонил, кто заходил, являлись ли из НКВД. Нет? Тем лучше.

Выслушав эту часть сообщения Наты, Кирилл Петрович задумался... Так, значит, тот, кто тогда звонил на квартиру и «поймал» Нату, удостоверившись, что есть засада, с Евой Евгеньевной не связан. Что же, есть над чем подумать! Между тем Ната продолжала рассказ. На вопрос девушки, как ей быть, Ева Евгеньевна ответила: ждать, все образуется. Главная просьба: переслать паспорта — ее и профессора. Без паспортов им может быть худо. Ева Евгеньевна указала почтовое отделение, куда нужно послать паспорта. Ценной бандеролью. До востребования. Назвала фамилию, имя и отчество человека, кому надлежит их адресовать. «Ты не грусти, дружок, — закончила она. — Не расстраивайся. Что-нибудь придумаем. Скоро позвоню еще».

Ната была счастлива: наконец-то и ей привалила удача. Судя по разговору с Евой Евгеньевной, профессор жив. Здоров. До чего же хорошо! И главное, теперь Петра Андреевича найдут, проследив путь паспортов, обязательно найдут. Кончится его нелепое, никому не нужное изгнание.

Видя искреннюю радость девушки, Кирилл Петрович посмеивался: «Хорошо, Ната, хорошо! Найдем теперь дядю, не беспокойся. Вернем его к нормальной жизни, к работе...»

В душе майор не спешил радоваться: он-то отлично понимал, что путь от подставного лица, которое получит направленные до востребования паспорта, к Еве Евгеньевне может оказаться далеко не таким коротким. Всякое возможно. И Кирилл Петрович не ошибся!

За паспортами в почтовое отделение явился... глухонемой переплетчик. Человек одинокий, проживающий в просторной комнате полуподвального этажа. Там он жил, там была и его мастерская. Соседи поговаривали, что мастер он был отменный, что до войны имел обширную клиентуру, многие московские собиратели книг, библиофилы — ученые, артисты, писатели — знали сюда дорогу. Теперь же, на третьем году войны, москвичам было не до создания личных библиотек, не до сдачи книг в переплет, и мало кто посещал искусного мастера. Впрочем, кое-кто бывал. Все бы ладно, но — глухонемой! Что от такого узнаешь? Не объясняться же по столь щекотливому вопросу на пальцах или записками? Выход был единственный: понаблюдать за переплетчиком. Должна же была Ева Евгеньевна, или кто-либо от нее, явиться за паспортами. Нить вела к Варламову, и ее надо было проследить.

«Хорошо, — думал Скворецкий, — что теперь к переплетчику редко кто ходит, а если бы как раньше? Тогда — все, концов не найдешь».

Так оно и случилось: ни в этот день, ни на следующий к переплетчику никто не являлся. И он сидел дома, никуда не выходил.

Сутки спустя, утром, в мастерскую прошел величественный старик с пачкой книг под мышкой. Пробыл он у переплетчика около часа и вышел с другой пачкой: получил, очевидно, книги, сданные

ранее. Это оказался крупный ученый, литературовед. Никаких точек соприкосновения с Варламовыми у него не было.

В тот же день, несколько позже, в мастерской побывал и другой посетитель-женщина. Эта вела себя странно: выйдя от переплетчика, она долго петляла по окрестным переулкам, то убыстряя, то замедляя шаги, беспрестанно оглядываясь по сторонам. Проплутав минут сорок, женщина вышла к автобусной остановке и, пропустив две машины (хотя народу было не очень много), села на третью.

Устроившись на заднем сиденье, женщина вынула из объемистой сумки книгу и принялась читать, однако то и дело бросала косые взгляды на всех, входивших в автобус.

Проехав семь остановок, она быстро встала и стремительно направилась к выходу, но на остановке не сошла, а встала возле самой двери, обернулась и пристально оглядела немногочисленных пассажиров. Сошла она на следующей остановке в районе Арбатской площади. Тут опять принялась колесить по кривым переулкам в районе улицы Коминтерна, пока не выбралась к станции метро «Библиотека Ленина».

Снова пропустив два состава, женщина в последний момент, когда створки дверей уже тронулись, вскочила в третий и доехала до «Красносельской». Там сошла и пересела в поезд, шедший в обратную сторону. Так, петляя, путая след, она добралась до Казанского вокзала и электричкой доехала до Малаховки. В пустынном дачном поселке (война, москвичам было не до дачного сезона) она исчезла из виду, вильнув в одну из просек.

Час с небольшим спустя женщина вновь появилась на железнодорожной платформе и на этот раз без всякой опаски доехала до Москвы, а там проехала прямо на улицу Горького, в... Дегтярный переулок. Это была Икоркина.

«Наконец-то! — потирал руки Кирилл Петрович. — Круг замкнулся. Никакого сомнения: в Малаховку Икоркина ездила к Еве Евгеньевне. Варламовы — там. Иначе зачем ей было выкидывать такие фортели, так путать след? Наивно! Ведь сами себя с головой выдала. Но Ева Евгеньевна, Ева Евгеньевна... Тоже мне конспиратор! Ишь до каких фокусов додумалась, но — перемудрила.

Правда, задача до конца решена еще не была: Малаховка велика, а точного адреса нет. Но дело теперь оставалось за малым. Малаховка —

не Москва, да и район, где скрылась Икоркина, известен. День-два — и Варламовы будут обнаружены. Это уж непременно.

Прежде чем приступить к разработке плана поисков, Кирилл Петрович решил поговорить с Натой. Может, она что и знает про Малаховку, что-нибудь подскажет.

— Малаховка?.. — задумчиво повторяла Ната. — Малаховка?.. Нет, не припомню, чтобы дядя и тетя там бывали. У кого? Нет, не помню...

Вдруг Ната вскрикнула:

— Вспомнила! Так ведь там, в Малаховке, какой год снимают дачу Соболевы. И как я могла забыть?

— Соболевы? — удивился майор. — Что-то не припомню. Какие еще Соболевы?

— Да боже ж мой! Соболев. Аркадий Адамович. Бывший маклер. Жена у него — балерина. Я же еще в первый день говорила Виктору Ивановичу. Соболевы были дружны еще с родителями Евы Евгеньевны. Тетушка у них, как у себя дома...

Кирилл Петрович вспомнил. Теперь задача и вовсе упростилась, хотя точного адреса Соболевых в Малаховке Ната и не знала.

Скворецкий пошел к комиссару: надо было согласовать план операции, получить санкцию. Отправиться за Варламовыми решили в тот же день, вечером, не откладывая. Когда Кирилл Петрович вернулся к себе, ему доложили, что уже несколько раз звонили из бюро пропусков: там кто-то ждет майора, настойчиво требует встречи с ним. Скворецкий набрал номер дежурного.

— Товарищ майор? Пришел тут один гражданин. Битый час сидит. Чудной какой-то. В летах, между прочим. Обязательно вас требует. И еще говорит, что он пришел арестовываться. Да, да, арестовываться, так и говорит... Что? Как его фамилия? Варламов фамилия. Петр Андреевич Варламов.

Глава 20

Профессор Варламов сидел перед Скворецким строгий, прямой, сосредоточенный. С трудом преодолевая волнение, он медленно цедил слова.

— Вот-с. Явился. Можете меня арестовать. Как шпиона, так сказать. Германского шпиона. — Горестная усмешка искривила его губы.

— Ну, уж так сразу и шпиона, да еще германского? — улыбнулся Кирилл Петрович. — В чем же выразились ваши шпионские дела, если не секрет?

— Смеяться тут, молодой человек, нечего-с, — сухо сказал профессор. — Да, да, нечего. Все это не смешно — трагично. Весьма трагично. Мои шпионские дела вам, надо полагать, известны лучше, чем мне, иначе с какой стати вам охотиться за мной, преследовать меня?

— Охотились? Мы? За вами? Преследовали вас? Полноте, профессор. Уж если быть до конца честным, то это вы вдруг изволили скрыться, исчезнуть, поставив всех в тупик. Разве не правда? А про шпионские дела... Откуда вы взяли?

— Взял? Да будет вам известно, я осведомлен лучше, чем вы полагаете.

— Осведомлены? Извините, профессор, но я вас не понимаю.

— Ладно, — махнул рукой профессор. — К чему препирательства? Я ведь всё знаю. И про письмо тоже.

— Какое письмо? — сразу насторожился и посуровел Скворецкий.

— Письмо Иваницкого. Мне все известно. Вот и пришел. Хватит...

— Откуда вам известно о письме Иваницкого?

— Мне не хотелось бы этого говорить. Известно. Этого достаточно. Зачем впутывать лишних людей, которых я считаю ни в чем не повинными.

— Я вынужден вновь просить у вас извинения, профессор, но, слушая вас, даешься диву: «впутывать», «неповинных»... Я пока еще

никого, в том числе и вас, ни в чем не обвинял. Смею вас заверить, что если в чем и намерен обвинить, так это только в некоторой — как бы это деликатнее сказать? — неосмотрительности, необдуманности. Впрочем, если вам неуютно назвать...

— Хорошо. Я скажу: от Миклашева. Константин Дмитриевич мне все рассказал. Все. Он и посоветовал сюда прийти, прямо к вам.

Из сбивчивого, путаного рассказа профессора Варламова постепенно вырисовывалась картина той тяжелой жизни, которую последние недели он влачил по собственной глупости (так он сказал) и по настоянию своей жены, Евы Евгеньевны.

Как все произошло? Почему такое случилось? В тот злосчастный день он узнал (от кого — неважно: некоторые имена профессор все же не хотел бы называть), что его персоной заинтересовались органы НКВД. Приезжали, мол, в институт, расспрашивали. Чем грозит такой интерес — понятно. К тому же и совесть у профессора была не вполне чиста: не давали покоя молодые люди — Малявкин и Гитаев, — неожиданно обосновавшиеся в профессорской квартире. Прежде всего — Гитаев, который производил самое отталкивающее впечатление. Под его влиянием и Борис Малявкин, которого профессор знал с детства, изменился до неузнаваемости. Все в этом Гитаеве, да и Малявкине, было странным: образ жизни, поведение, разговоры. Если бы не жена... Впрочем, что об этом говорить? Кого винить? Сам, сам в ответе. Не мальчик...

Узнав, что им интересуются органы НКВД, профессор растерялся. Первая мысль была о работах, о ходе исследований. Он решил спрятать все расчеты, всю документацию, передать Миклашеву — мало ли что. Тот понял его с полуслова: еще бы, они старые друзья.

Все в тот день валилось у него из рук. Он ушел пораньше домой, а там его ждало новое испытание: крайне взволнованная жена сообщила, что с одним из их постояльцев, Гитаевым, стряслось нечто ужасное — арестован, погиб; Малявкин же забежал на минуту и, сообщив о несчастье, скрылся. Рассказ Петра Андреевича, что и им интересовались, Ева Евгеньевна встретила как нечто само собой разумеющееся: иначе и быть не могло. У нее уже все было продумано, все решено: надо скрываться, немедленно уходить. Она и кое-что из вещей успела собрать. Тут — звонок в дверь, думать было некогда...

Потянулись мучительные дни, унижительные, мерзкие. Как зайцы, они метались из одного укрытия в другое, стесняли людей, ставили их в глупое, нелепое положение, страдали сами.

И — полнейшее бездействие. Не жизнь, а бездарное, бессмысленное прозябание. А работа! Работа! Исследования, которыми профессор занимался столько лет! Все полетело кувырком. В голову приходили кое-какие мысли, Петр Андреевич пытался вести подсчеты, но что он мог сделать без аппаратуры, без приборов? Он же не теоретик, он экспериментатор. Жизнь делалась все более и более невыносимой, нелепой. Если бы не Ева Евгеньевна... Опять? Нет, он сам, только сам за все в ответе. Нечего других винить...

Сегодня днем всему пришел конец. Он не выдержал. «Лучше ужасный конец, чем ужасы без конца», — как справедливо где-то сказано. Последние дни эта фраза все время вертелась у него в голове. Короче говоря, Петр Андреевич, не сказав жене ни слова, сел на поезд и приехал в Москву.

— Приехали? — живо спросил Скворецкий. — На поезде? Откуда? Где же вы были?

— Тут, близко. Под Москвой. Я... я не хотел бы уточнять. Люди, которые дали нам приют, ничего не знали. Незачем их называть.

Кирилл Петрович весело рассмеялся:

— Ох, Петр Андреевич, Петр Андреевич, ну что мне с вами делать? Опять? Можно подумать, будто вы убеждены, что стоит вам назвать какое-нибудь имя, упомянуть конкретного человека, как мы тут же кинемся по указанному вами адресу, схватим и потащим его в тюрьму. Неужели так?

— Н-нет, так я не думал, н-но...

— Ладно, — сказал майор. — Не думали так не думали. Значит, приехали. Скажем, из... Малаховки. Что же было дальше?

Профессора словно оглушило. Он растерянно заморгал и несколько мгновений не мог вымолвить ни слова. Затем жалобно пролепетал:

— М-малаховка? Вы знаете?

Кирилл Петрович не мог сдержать смеха:

— Да ладно, Петр Андреевич, говорю же вам — ладно. Всё мы знаем. Всё. Продолжайте.

Продолжать, собственно говоря, было нечего. По приезде в Москву Петр Андреевич, как и намеревался, созвонился с Миклашевым — больше всего его беспокоил ход исследований, — и встретился с ним. Константин Дмитриевич ему и рассказал о событиях последних дней, таинственных убийствах, письме Иваницкого. Он же и порекомендовал профессору идти в НКВД, прямо к майору Скворецкому. Только к нему. Дальше ждать нельзя, говорил Миклашев, никак нельзя. Такое обвинение, такое тяжкое обвинение!.. Иваницкий!.. Кто бы мог подумать? Но товарищи из НКВД разбираются, ищут истину. Он, Миклашев, сам с ними беседовал. Дело за профессором, тянуть нельзя.

Оставив без внимания последние фразы Варламова, Кирилл Петрович неожиданно для профессора, спросил:

— Скажите, а как в институте? Как без вас движется дело?

— Движется, — уныло сказал Варламов. — Движется. Только... э-э, что об этом говорить! — Он скорбно махнул рукой.

— Что вы, профессор? Разве так можно? Именно об этом, о вашей работе, вы и должны прежде всего думать. А о чем же? О ваших «шпионских» делах? Оставьте! Знаете что? Вот мой совет: возвращайтесь-ка на работу, в институт, да поскорее. Насчет вашего отдыха, быта решим, я думаю, так: домой вам возвращаться пока не стоит. Почему — скажу со временем. Но под Москвой есть дача, она охраняется... Так вот... можете несколько дней отдохнуть.

— Отдохнуть? — вскинулся профессор. — Домой? Нет уж, голубчик, увольте. Раз я сюда пришел, не уйду. Я знаю, что виноват. Еще это письмо Иваницкого: Варламов, видите ли, шпион. Да, да... Если шпион — арестуйте. Воля ваша...

— Да бросьте вы, Петр Андреевич! — поморщился майор. — Опять за свое? Никто вас и не думал арестовывать, все это сплошное недоразумение. Если хотите знать, так интересовался вами тогда я, и никто другой, но совсем не потому, что мы вас в чем-то заподозрили. Нам были нужны... Впрочем, это сейчас не так уж и важно. А письмо... Вы, вы-то сами допускаете, что оно написано Иваницким?

— Не знаю, — убитым голосом сказал Варламов. — Ничего я теперь не знаю. Все так запуталось...

— Распутаем, дорогой профессор, обязательно распутаем. Такая уж наша работа. У вас — другая. Давайте и будем каждый заниматься

своим делом. Только вот что: жену вашу, боюсь, нам придется побеспокоить. Она немало глупостей натворила. Где она, кстати? У Соболевых? Молчу, молчу, вы все равно не скажете...

— Скажу, — неожиданно твердо возразил профессор. Возле его губ легла жесткая складка. — Последние недели да и беседы с Константином Дмитриевичем Миклашевым и вот теперь с вами многому меня научили, на многое открыли глаза — я имею в виду Еву Евгеньевну. Если разрешите, мне не хотелось бы углублять эту тему. Но фашизм я ненавижу. Можете мне верить. И этот... Гитаев... Ладно. Я долго молчал. А Ева Евгеньевна... Да, Ева Евгеньевна у Соболевых. В Малаховке. Там.

...Ева Евгеньевна Варламова была доставлена в наркомат в тот же вечер, прямо в кабинет Скворецкого. Майор не спешил начинать допрос: пристально, в упор он разглядывал сидевшую перед ним женщину. Надо сказать правду: разговоры о ее внешности не были преувеличением. Ева Евгеньевна была не просто хороша собой, ее смело можно было назвать красавицей. На вид ей никак нельзя было дать ее возраста. Фигура ее была девически стройна, черты лица на редкость правильными. Ни единой морщинки, разве что вот взгляд — холодный, оценивающий, отчужденный. Она сидела, небрежно откинувшись на спинку кресла, курила и откровенно изучающим взглядом рассматривала майора.

— Надеюсь, — прервал Скворецкий затянувшееся молчание, — вам ясны причины, в силу которых вы оказались здесь, у нас?

— Напротив, — отрезала Ева Евгеньевна. — Нисколько не ясны. Это же сплошное безобразие: я отдыхаю на даче, у своих друзей, вдруг врываются, хватают, тащат...

— Так уж и хватают? Тащат? Вы хотите сказать, что в отношении вас была допущена грубость?

— Фу, как вы прямолинейны! Почему грубость? Я выразилась фигурально. Но, сказать по совести, ничего не понимаю.

— Бросьте, Ева Евгеньевна, все вы отлично понимаете, и чем скорее мы найдем общий язык, тем для вас же, только для вас, будет лучше.

— Общий язык? — Варламова скептически усмехнулась и потянулась за новой папиросой. — Интересно, что вы под этим подразумеваете?

— Довольно! — Скворецкий хлопнул ладонью по столу. — Прекратите ломать комедию. Вы не в гостях, и у нас не приятельская беседа. Перед вами представитель следственных органов, так потрудитесь ясно и определенно отвечать на поставленные перед вами вопросы.

Ева Евгеньевна нисколько не смутилась, ничуть не растерялась. Она даже не изменила своей небрежной позы: все так же лениво курила, мечтательно наблюдая за тянувшимися к потолку завитками дыма. Снова усмехнулась и перевела взгляд на майора:

— Отвечать на вопросы? Извольте. Но пока вы мне поставили один-единственный вопрос: понимаю ли я, почему меня задержали. Я ответила: не по-ни-ма-ю. К чему же возмущаться, стучать кулаками по столу? — В голосе ее слышалась издевка.

Кирилл Петрович сдержался. Он облокотился на стол, чуть прикрыл глаза ладонью. «Да, — думал он, — штука. Твердый орешек. Но что она все-таки знает? Как основательно запуталась во вражеских делах Гитаева, насколько далеко зашла? Кое-что мы знаем, кое о чем можем догадаться, но... В общем, задача не из легких».

— Отлично, — возобновил майор допрос. — Не хотите миром, не надо. Сами пожалеете. Но раз вы избрали такой путь, я буду ставить конкретные вопросы. Потрудитесь сообщить все, что вам известно о Гитаеве, старшем лейтенанте Советской Армии — таким он у вас

появлялся, — Матвее Александровиче Гитаеве. И о Борисе Малявкине, которые жили в вашей квартире с мая месяца этого года.

— Ах, вот что! — повела плечиком Ева Евгеньевна. — Так бы и говорили. Гитаев? Малявкин? Что я вам могу сказать? Очень милые мальчики. Офицеры, как стали теперь опять говорить. Приехали с фронта. В командировку. Борю Малявкина мы — наша семья — знали с детства. Ну как было не приютить, молодежь? Они же проливали кровь за Родину...

— «Проливали кровь»! — зло перебил майор. — Бросьте! Потрудитесь сообщить все, что вам известно о преступных делах Малявкина и Гитаева.

— О преступных делах? Боже правый, о чем вы говорите? Какие преступные дела? Ничего не понимаю!

— Не понимаете? Почему же вы тогда (майор назвал число, время) бежали из своей квартиры, скрылись, перешли на нелегальное положение? Мало того: и мужа своего, профессора Варламова, увлекли за собой?

Теперь Скворецкий говорил иначе, чем в начале допроса: куда девался прежний мягкий тон. Майор говорил сухо, жестко, пристально глядя в глаза Варламовой. Та начала поеживаться под этим требовательным взглядом, то и дело меняя позу. Но Ева Евгеньевна еще пыталась держаться принятого ранее тона.

— Я? На нелегальное положение? Увлекла мужа? Помилуйте, но это чудовищно!

— Чудовищно? Так что, вы просто отправились в увеселительную прогулку? Погостить у Зайцевой, на даче у... (Кирилл Петрович назвал фамилию академика, у которого неделю скрывались Варламовы), у Соболевых? Так прикажете вас понимать? Почему, кстати, прогулку эту вы предприняли в тот самый день, когда Гитаев с Малявкиным были задержаны?

Ева Евгеньевна заметно изменилась в лице, выпрямилась, судорожно переплела пальцы. Когда Скворецкий начал перечислять имена людей, у которых скрывались Варламовы, она слегка побледнела, но все еще пыталась сопротивляться.

— Так... так вы знаете, где мы были? — удивилась она.

— Представьте себе, знаем. И не только это.

— Но я не уводила профессора! — вдруг истерически вскрикнула Ева Евгеньевна. — Это он, он уговорил меня скрыться. Спросите хоть его...

— Зачем? — жестко усмехнулся Скворецкий. — Профессор все рассказал. Сам, в отличие от вас.

— Рассказал? Вам? Но когда, когда он мог рассказать? Как? Это неправда! Или... или профессор Варламов арестован?

— Я мог бы оставить ваш вопрос без ответа, достаточно того, что я сообщил о факте беседы с профессором, однако скажу: никто профессора Варламова не арестовывал, он явился сам, по собственной инициативе. Итак, вы настаиваете, что инициатором перехода на нелегальное положение был ваш муж?

Варламова закусила губу и отрицательно качнула головой:

— Почему настаиваю? Я просто не помню, кому из нас первому пришла в голову эта мысль. Разве это так важно? Но... но если я и решилась на такой шаг, так только из страха за мужа, только. Ведь в тот день...

— Знаю, — перебил Скворецкий. — Заранее знаю, что вы скажете: профессору грозил арест и прочая чепуха. Полноте! А Гитаев с Малявкиным? Забыли? Да у вас еще до возвращения профессора домой, до того, как вы услышали его ни на чем не обоснованные опасения, вещички были собраны. Уложены. Разве не так? Чего же вы умолкли?

— Н-нет, — с трудом выдавила из себя Ева Евгеньевна, — эт-то неправда. При чем здесь Гитаев, Малявкин?

— Ах вон оно что? Выходит, Малявкин с Гитаевым ни при чем? Может, вам не было известно, что оба они в тот день были задержаны?

— Задержаны? Я это услышала впервые сегодня. От вас...

— От меня? Ева Евгеньевна, может, вам угодно, чтобы мы перешли к изобличению? Смотрите, ничем хорошим это для вас не кончится.

— К какому изобличению? Я вас не понимаю.

— Так-таки и не понимаете? Оставьте!

— Клянусь вам, я ничего не могу понять. Голова идет кругом. Изобличение? Какой ужас! Но как, чем вы можете меня изобличить? В чем?

— Что же, очевидно, придется пояснить: мы вынуждены будем перейти к очным ставкам.

— К-каким очным ставкам? С кем?

— О, выбор у нас есть. Можем начать с племянницы вашего мужа, Наты, можем с того же Бориса Малявкина, вам превосходно известного. Можем...

— Хватит, — резко выпрямилась Варламова. Теперь лицо ее покрывала смертельная бледность. — Довольно. Какая глупость! Я все скажу, все. Только ответьте мне, бога ради, на один вопрос: что с Гитаевым? Он жив?

— Ваш вопрос, Ева Евгеньевна, я оставлю пока без ответа. Порядок у нас такой: до окончания следствия спрашивать будем мы. Вот разве что потом, когда закончим... Итак?

Ева Евгеньевна машинально провела рукой по лбу, судорожно вздохнула и начала свой рассказ. Из ее слов получалось, что все произошло совершенно случайно: она и понятия не имела, кто такие на самом деле Малявкин и Гитаев, когда они появились. Малявкина, как она уже говорила, Ева Евгеньевна знала с детских лет, знала и его отца, мать. Ничего странного не было в том, что она охотно предоставила пристанище двум боевым офицерам, защитникам Родины, прибывшим с фронта, один из которых был в их семье чуть ли не родным. И профессор не возражал. Но вот дальше началось гадкое, скверное. Да, да, она увлеклась Гитаевым, потеряла голову... Одним словом, следователь не может не оценить ее откровенности.

Кирилл Петрович прервал Варламову: как раз эта сторона дела его меньше всего интересует. Вот о преступных делах Гитаева с Малявкиным, о собственных преступлениях Евы Евгеньевны...

— Да, да, — подхватила Варламова. — Я виновата, глубоко виновата. Я — преступница.

— Ева Евгеньевна! — поморщился Скворецкий. — К чему декларативные заявления? Это же слова. Давайте конкретно, по существу.

— Хорошо, — сказала Варламова. — Буду говорить конкретно. Не прошло и месяца после появления Гитаева и Малявкина, как мне стало ясно, что они не те, за кого себя выдают. Они — дезертиры!

— Дезертиры? — удивился Скворецкий. — Лихо!

— Вы мне не верите? Но это правда. Да, да, они оба — дезертиры! — воскликнула Варламова.

Она глядела на майора с такой наивностью, взгляд ее был такой правдивый, что Кирилл Петрович только крякнул: ну и ну! Перебивать Еву Евгеньевну он, однако, не стал.

Ободренная его молчанием, Ева Евгеньевна продолжала. Дальше пошло и того хуже. Мало того, что, как она поняла, эти двое были дезертирами, они стали вести такие разговоры, такие разговоры... Пораженческие, одним словом. Она просто не знала, что делать. И ведь Гитаев... Короче говоря, она не знала, на что решиться, как быть. Тут грянул гром: примчался Борис Малявкин. Гитаев схвачен. Ранен? Убит? Он, Малявкин, спасся чудом. Ему надо бежать. Скрыться. И ей тоже. Так советовал Малявкин. Даже настаивал. Он был очень испуган.

Скрыться? Это, пожалуй, единственный выход. Иного она не видела. Когда явился муж и обрушил на ее голову новое ужасное известие — им заинтересовалось НКВД, — все было решено. Бежать. Куда угодно, но только бежать... Вот так все и получилось. Сгоряча. Необдуманно. Глупо. Потом, когда прошло несколько дней, она поняла, какой ошибочный шаг они с мужем совершили. Все собиралась явиться с повинной, да так и не хватило характера, не собралась, пока за ней не пришли. Сама виновата...

Ева Евгеньевна умолкла. Она сидела, уронив голову, смахивая набегавшие слезы.

— Значит, получается, исповедовались — и грехи долой? — сердито сказал Скворецкий.

Варламова молчала, беспомощно перебирая в пальцах край зеленого сукна, покрывавшего приставной столик, возле которого она сидела. Слезы из ее глаз закапали сильнее...

— Бросьте, — не выдержал Кирилл Петрович. — «С повинной явиться!» Чушь. Чушь и чушь! Это из желания повиниться, что ли, вы заявляли мне в начале допроса, что не знаете за собой никакой вины? В испуге и беспамятстве разрабатывали схему связи со своим домом через глухонемого переплетчика? Обучали Икоркину правилам конспирации? Стыдно, Ева Евгеньевна, стыдно!

Ева Евгеньевна слабо ахнула, прикрыв рот ладошками:

— Вы... вы и про Икоркину знаете?

Варламова сейчас не притворялась, это было заметно. Она перепугалась не на шутку. В ее взгляде, устремленном на следователя, застыл немой вопрос: неужели он знает все? Все?

— Да, — перехватил ее взгляд майор. — И про Икоркину знаем. И многое другое. «Дезертиры»! Вы, наконец, намерены говорить правду? Кстати, — внезапно, в упор задал он вопрос, — вы где лечили зубы последнее время, у какого врача?

— Последнее время? — растерялась Варламова. — У меня зубы в порядке, я их не лечила.

— Ах, не лечили?! — Скворецкий не скрывал иронии. — А на Покровке?

Последний удар был рассчитан точно, теперь Варламова была окончательно сломлена. Она смотрела на Скворецкого с ужасом, лоб ее покрыла холодная испарина. Ева Евгеньевна пыталась что-то сказать, но язык ее никак не слушался. Кирилл Петрович протянул ей стакан воды:

— Выпейте, и перейдем к делу.

Варламова заговорила. И теперь, наконец-то, она говорила правду. Да, она знала, что Гитаев и Малявкин — немецкие шпионы. Знала. Гитаев ей сам сказал, во всем открылся. Он требовал от нее помощи, требовал, чтобы она добыла данные о работе мужа, его расчеты, записи. Это, однако, было ей не под силу: как ни хорошо к ней относился профессор, о своих научных трудах он никогда ей не говорил, ничем не делился. (Да и вряд ли она смогла бы что-нибудь понять.) А теперь, когда появились Гитаев с Малявкиным, и вовсе...

Убедившись, что в этих делах Ева Евгеньевна ему не помощница, Гитаев дал ей новое поручение: послал на явку, к зубному врачу. Больше он ей ничего не поручал. Возможно, не успел. Ведь полностью он все рассказал не сразу, лишь незадолго перед своим провалом, да и то только кое-что.

Малявкин? Малявкин был помощником Гитаева, самостоятельной роли не играл. Гитаев ему не все говорил. И «деловых» разговоров при нем с ней не вел. Ничего нового, однако, что не было бы известно Скворецкому, Ева Евгеньевна пока не сообщила.

— Одну минуточку, — прервал Варламову майор. — Вернемся несколько назад. Попрошу уточнить: с какой целью, с каким заданием посылал вас Гитаев на явку, к зубному врачу? Зачем?

— Задание было не из сложных: я должна была встретить в приемной врача человека (как его узнать, Гитаев мне сказал, назвал и пароль) и передать ему о прибытии «Музыканта» и «Быстрого».

— Кому предназначалось это сообщение?

— Кому? Я над этим не задумывалась. Очевидно, тому человеку, с которым я встретила.

— Кто этот человек? Имя? Фамилия?

— Не знаю. Прошу мне верить. Кроме примет, по которым я должна была его узнать, и пароля, Гитаев мне ничего не сказал. О, он-то знал правила конспирации.

— Ну, а кличку, кличку этого человека вам Гитаев назвал?

Ева Евгеньевна растерянно моргала:

— Кличку? Какую кличку? Никакой клички Гитаев мне не назвал, ничего не сказал.

— Ну, а приметы этого человека?

— Приметы?

Ева Евгеньевна нахмурила брови, на минуту задумалась и довольно точно описала приметы Бугрова. Все становилось на свое место.

Скворецкий продолжал допрос:

— Кроме человека, с которым вы имели встречу на Покровке, были у Гитаева в Москве сообщники?

— Да, были.

— Кто?

— Был еще один человек, старый агент германской разведки. Очень крупный агент.

— Крупный агент? — насторожился Скворецкий. — Крупный?.. Откуда вам это известно?

— От Гитаева. Крупный. Так он сказал. Гитаев с ним встречался неоднократно.

— Кто такой? Что вы о нем знаете?

— Фамилия его — Колосков. Мирон Иванович Колосков. Он инженер или конструктор. Работает в каком-то особом бюро. Живет на улице Кирова, недалеко от Красных ворот. (Варламова назвала точный адрес.)

Кирилл Петрович весь внутренне подобрался, мысль его работала с лихорадочной быстротой: «Зеро»? Неужели? Вот это удача! Он

испытал даже нечто похожее на разочарование: сколько потрачено сил, сколько трудов, а ответ — вот он. До чего просто! Колосков! Ну, держись, Мирон Иванович!..

Однако Скворецкий тут же взял себя в руки: стой! Не торопись. Ведь пока еще никак не доказано, что Колосков и есть таинственный «Зеро». И все же...

— Скажите, — осторожно спросил он, — а кличку этого человека, Колоскова, его кличку Гитаев вам назвал?

Кирилл Петрович внезапно ощутил, как кровь прихлынула к его лицу, волнение перехватило горло. «Сейчас, — думал он, — вот сейчас, сию минуту Варламова назовет кличку, и тогда... И — все...»

Ева Евгеньевна не спешила с ответом: она мучительно силилась вспомнить. Чуть сгорбившись, потирая пальцем переносицу, она думала.

— Н-нет, — наконец произнесла Варламова. Голос ее звучал неуверенно. — Не припоминаю. Кажется, клички Гитаев не говорил. — С минуту она помолчала, подумала и уже тверже сказала: — Нет, клички он мне не называл.

«Итак: „Зеро“? Не „Зеро“? Спокойно, Кирилл! Спокойно. Все выяснится. Такие ребусы в одночасье не разгадываются. А начало есть, и какое начало!..» Скворецкий возобновил допрос:

— Знаете, мне что-то не верится: Гитаев, такой опытный конспиратор, как вы говорите, и вдруг называет вам имя тайного агента абвера? Крупного, ценного агента? С какой стати? Почему вдруг такая откровенность?

Варламова заметно смутилась, щеки ее слегка порозовели.

— Право, не знаю, как вам и объяснить. Тут, понимаете ли, целая история. — Она собралась с духом. — Ладно, дело было так...

Как рассказала Ева Евгеньевна, в конце июня она почувствовала, что Гитаев к ней охладел. И поведение его изменилось: он стал чаще исчезать из дома, несколько раз не являлся даже ночью. Почуввав недоброе — изменил, завел другую? — она решилась на отчаянный шаг: отважилась проследить за Гитаевым. Однажды под вечер, когда он, как обычно, без предупреждения ушел из дома, Ева Евгеньевна кинулась за ним. Народу на улицах было мало, и она без труда не выпускала Гитаева из виду. Однако как раз возле Красных ворот Гитаев ее обнаружил и устроил страшный скандал. Но не на такую

напал: Ева Евгеньевна сама немедленно перешла в наступление, обвинив его в неверности. Разговор принял такой характер, что прохожие стали обращать на них внимание. Тогда Гитаев ухватил ее за локоть и чуть не силой уволок на бульвар, что напротив Наркомата путей сообщения. Там, сдавленным от бешенства, шипящим голосом он сказал, что ходит сюда, к Красным воротам, по делу, только по делу. Она, однако, не поверила: какое еще у него тут дело? Вот тут-то Гитаев и выложил, что возле Красных ворот проживает немецкий агент, с которым он, Гитаев, и встречается. Все еще продолжая сомневаться, Ева Евгеньевна настояла, чтобы Гитаев назвал ей фамилию и адрес этого агента. Иначе она ни одному его слову не поверит. После длительных препирательств тот уступил и назвал имя Колоскова. Больше того, он подвел ее к подъезду одного из домов, в глубокой нише которого была вывешена черная с белыми буквами доска — номера квартир и фамилии квартиросъемщиков. Там значился и Колосков М. И.

Поверила ли Ева Евгеньевна Гитаеву? И да, и нет. Скорее не совсем поверила и решила проверить. Несколько дней спустя она вновь проследила за Гитаевым, только действовала на этот раз осторожнее, осмотрительнее. Удалось!

Гитаев действительно вошел в этот дом, в этот подъезд, в квартиру Колоскова...

— Именно в его квартиру? — В голосе Скворецкого слышалось недоверие. — Но как вы могли знать, в какую квартиру он вошел, откуда такая уверенность?

— Очень просто: лестницы в этом доме, где живет Колосков, застеклены, и мне с улицы было видно, куда именно, в какую квартиру зашел Гитаев. Это была квартира Колоскова, я потом проверила... Вот и все, — закончила Варламова.

Больше к вопросу о Колоскове они с Гитаевым не возвращались.

Кирилл Петрович задумался: «Зеро»? Так ли? Что-то не очень похоже. Неужели Гитаев мог так легко «продать» резидента? Хотя, с другой стороны, и не такое бывает. Бывает всякое... Ясно одно: Варламова тут говорит правду. Задала она новую задачу. Теперь — Колосков...

— Простите... — робко прервала ход его мыслей Ева Евгеньевна. — Я сказала все, всю правду. Что теперь со мной будет?

Что меня ждет?

— А этого я при всем желании не могу вам сказать, — развел руками майор. — Сам не знаю. Следствие-то ведь только начинается. Говорите — всю правду? Посмотрим. Одно скажу: грехов на вашей совести немало.

Глава 21

Между тем не теряли даром времени и специалисты Наркомата государственной безопасности по шифрам: они потрудились на славу. В результате упорных, настойчивых поисков, после целого ряда неудач запись цифр, найденная у Бугрова, была расшифрована. Смысл шифрограммы был таков: «Вам в помощь направлены два проверенных агента с рацией. Имеют подход к „Трефу“. Сообщите условия связи».

Судя по всему, это было сообщение о переброске Гитаева и Малявкина, «Музыканта» и «Быстрого». Об этом говорила и дата поступления шифрограммы, отмеченная в дневнике Бугрова, — май месяц.

Теперь, когда ключ к шифру был подобран, радисты наркомата с особым рвением искали в эфире марш из «Фауста». И не зря. Несколько дней спустя на стол Скворецкого легла расшифровка новой радиограммы: «Связь „Быстрым“ установили. Ближайшие дни направим ему питание рации. Он подтверждает гибель „Музыканта“. Ваше предложение принято. Рекомендуем контактов „Быстрым“ пока воздержаться. Ускорьте операцию „Треф“».

Как только Горюнов появился в наркомате, Кирилл Петрович ознакомил его с радиограммой.

— Ну, Виктор, теперь держись, пробил и ваш час. Как там, кстати, Малявкин? Не скис еще от безделья?

— Скиснуть-то не скис, только бородой и бакенбардами так оброс, что родная мать не узнает. Но это мелочи. Хуже другое.

— Что еще?

— Костюкова, — вздохнул Виктор. — Генкина мамаша. Поедом ест. Меня-то она просто не замечает, презирает, а Борису житья не дает. Придет с фабрики, орудует на кухне, а сама гудит, гудит: «Люди на фронте кровь проливают, лупят фрица в хвост и в гриву, вон Генка — третий орден, пишет, получил, а эти (Борис, значит, ну и я, конечно)... Дальше следует уже прямой переход на личности: „Борька, эй, Борька! Долго будешь баклуши бить, без дела болтаться? Почему

на фронт не вернешься? Я, дура, думала, он на побывку — и обратно, ан нет... Да что же это за напасть такая, господи?"

Скворецкий от души смеялся.

— Ай да Костюкова! Ну молодец тетка! А вы что? Как выкручиваетесь?

— Да, вам смешки, а как тут выкрутишься? Борька бубнит: то да се, мы в командировке, у нас дела. А она свое: «Какие такие дела? Я на фабрику — они (заметьте, уже ОНИ!) дома. Я с фабрики — обратно дома. Это что же за дела такие, что за командировка — цельный день дома околачиваться? Вы думаете что? Мне комнаты жалко? Да живите себе, живите, но воевать же надо! Нет, пойду к вашему начальству. Вот те крест пойду...» И что вы думаете, — опять вздохнул Горюнов, — ведь пойдет. Она такая. Что тогда? Хоть «крышу» меняй.

— Да-а, — протянул Скворецкий. — Это уже серьезно. «Крышу»-то менять нельзя. Особенно сейчас, накануне событий. Надо что-нибудь придумать. Слушай, а что, если ее опередить? Договориться с военкоматом и вызвать ее туда? Как, надежный она человек?

— Человек-то надежный. Потомственная ткачиха. И все же...

— Хорошо, посоветуюсь с комиссаром...

На следующий день Горюнов пришел в наркомат только к ночи. Кирилл Петрович ждал его с нетерпением: это был день, назначенный абвером «Быстрому» для выхода в эфир. И все же как результат сеанса ни волновал майора (ведь прошлый раз немцы молчали), начал он с другого:

— Как Костючиха? Не заела вас с Малявкиным окончательно?

— Представьте себе, нет, — рассмеялся Виктор. — Совсем наоборот. Переменилась наша хозяйка. За какие-нибудь сутки. Вернулась сегодня домой среди дня, раньше обычного, сама не своя и все на Борьку поглядывает, да как-то чудно, с уважением. И ласковая такая: Боренька да Боренька, не хочешь ли того, не хочешь ли сего... Даже со мной стала лучше не надо. Я уж, грешным делом, подумал: не ваша ли работа? Что, вызывали ее в военкомат? Воспитывали?

— Вызывали, — кивнул Кирилл Петрович. — Воспитывали. Видишь — помогло.

— Еще как помогло! Будь здесь военком, что с ней беседовал, расцеловал бы его.

Майор медленно встал из-за стола и, повернувшись к Горюнову вполоборота, ткнул себя указательным пальцем в правую щеку:

— Целуй.

— То есть? — не сообразил Виктор. — Я же сказал — военкома.

— Я и говорю — военкома.

— Вы? — покотился со смеху Горюнов. — Вы?

— Я, — важно сказал Скворецкий. — Я и есть тот самый военком.

Целуй, говорю, разбойник!

Кирилл Петрович рассказал Виктору, как прошла беседа. Костюкова все поняла с полуслова. Он ей объяснил, что живущие у нее офицеры выполняют важное, ответственное задание. «Милые, — сказала она, — что бы вам сразу сказать! Неужто мне, старой ткачихе, доверять нельзя? Да я — с дорогой душой. Коли надо, и сама помогу». Вот и вся беседа.

— Теперь, — закончил Скворецкий, — тылы у вас обеспечены. Ну, а ты что сияешь, как медный грош! Неужели абвер? Чего молчишь? Выкладывай!

Да, на этот раз сеанс состоялся, абвер вышел в эфир. Горюнов протянул Скворецкому листок бумаги. Это была расшифровка радиogramмы, принятой Малявкиным. Германская разведка ставила «Быстрого» в известность, что в скором времени к нему придет связник, доставит питание к рации, передаст инструкции. От «Быстрого» запрашивали явку. Ответ он должен был дать через два дня.

— Явку? — задумался Кирилл Петрович. — Явка — не проблема. Можно где-нибудь на бульваре, в сквере. Скажем, возле Петровских ворот или на Трубной площади. Сообщить дни и часы. И бакенбарды у «Быстрого» свое сыграют. Меня, говоря по совести, волнует другое: как быть, если связник захочет проверить «крышу» «Быстрого», его убежище? Вести к Костюковой?

— Тут двух мнений быть не может, — сказал Горюнов. — Придется вести, куда не денешься.

— Это-то так, но как быть в таком случае с тобой, вот в чем суть. Остаться тебе там, выдать себя за сообщника «Быстрого»? Рискованно. Могут заподозрить неладное. Вывести тебя на время, оставить Малявкина одного, с глазу на глаз с представителем абвера?

Не слишком ли велик риск? Вдруг «Быстрый» возьмет да опять передумает, продаст?

— А если третий вариант? — возразил Виктор. — Я остаюсь, но не как сообщник, а лишь как приятель «Быстрого», не посвященный в его дела?

Кирилл Петрович отмахнулся:

— Не серьезно. Во-первых, это подозрительно: что за человек возле «Быстрого»? Откуда? Зачем? Германская разведка может заподозрить неладное. Не дураки же там сидят. Во-вторых, такой вариант ровно ничего не дает: при «деловых» разговорах связника с «Быстрым» ты, как человек непосвященный, присутствовать не сможешь. Следовательно, риск и вовсе не оправдывается.

Скворецкий несколько раз прошелся по кабинету, сосредоточенно думая. Виктор сидел молча, хмурясь.

— Слушай, — остановился Кирилл Петрович против Горюнова, — ты уже которые сутки днюешь и ночуешь с Малявкиным, чего доброго, пуд соли с ним съел или около этого. Мог, кажется, за это время узнать его как следует. Как он? Можно на него положиться? Или у тебя осталось прежнее мнение — «гад»?

Горюнов смущенно ухмыльнулся:

— Знаете, Кирилл Петрович, я давно жду такого вопроса. Что вам сказать? Тогда, у комиссара, я, конечно, порол горячку. Человеческая природа — штука сложная,

при разных обстоятельствах она по-разному проявляется, а война — это война. Человек то и дело оказывается в таком переплете... Не всякий выдерживает. Одним словом, так: оправдывать Малявкина в его предательстве я не оправдываю — нет ему оправдания, но... в общем, парень-то Борька не плохой, не пропащий. Присмотрелся я к нему. Мути в нем много, это так, и бесхарактерный он, легко поддается чужому влиянию. Вот и обработал его Гитаев, германская разведка. И при всем при том — да, да, сколь это ни парадоксально! — парень он честный. И нутро у него советское. Свое падение, предательство он мучительно переживает. Готов на все, лишь бы загладить вину. Думаю, не перевернется. Не похоже на то.

Кирилл Петрович скептически смотрел на Виктора:

— А ты, братец, часом, не увлекаешься? Уж больно ловко у тебя получается: то предатель, гад, а теперь — нутро советское. Ишь ты! У

фашистского прихвостня, агента абвера, советское нутро! «Готов на все!» «Честен!» Ничего себе честность.

— И этого я ждал, — покраснев, сказал Виктор. — Но мне кажется, Кирилл Петрович, вы слишком прямолинейны...

Продолжать свою мысль он не мог: майор внезапно расхохотался. Горюнов смотрел на него с недоумением. Кирилл Петрович объяснил:

— Вы сговорились, что ли? Второй раз за эти дни слышу обвинение в прямолинейности: сначала она, теперь ты...

— Кто она? — не понял Горюнов. — О ком речь?

— Она? Да боже ты мой, Ева Евгеньевна, конечно! Варламова. «Вы, говорит, слишком прямолинейны!» И ты туда же. Да нет, брат, вовсе я не прямолинейен, но, согласись, уж больно ты из одной крайности в другую шарахаешься. «Советское нутро!» Нам это нутро Малявкина еще проверять и проверять. Делом. Тут, на данном, как говорят, этапе, другое: Малявкин поставлен сейчас в такие условия, когда новая измена означает для него гибель. Окончательную. Комиссар был прав. Изменятся ли эти условия, когда прибудет представитель абвера, вот в чем вопрос.

— Думаю, нет, — твердо сказал Виктор. — Так и так

Малявкин в наших руках. Наоборот: встреча со связником для него серьезная проверка. Он это понимает. А насчет «нутра»... Я не отказываюсь от своих слов. Гитаев, тот по убеждениям был врагом Советской власти, фашистом, а этот запутался, стал фашистским наймитом из малодушия, из-за отсутствия стойкости, но не по убеждению. Вопреки ему, если хотите.

— Вывод? — подвел итог майор. — Оставить «Быстрого» с посланцем абвера с глазу на глаз? Тебя на время вывести? Ты сознаешь, какую берешь на себя ответственность, предлагая такой шаг?

— Сознаю, — спокойно возразил Горюнов. — Но иного выхода не вижу.

— Хорошо, — согласился Скворецкий. — Пошли к комиссару. Без него такой вопрос не решишь...

Комиссар выслушал Горюнова без особого восторга, но все же принял его предложение. Риск большой, говорил комиссар. Сами посудите: Малявкин выводится из-под контроля, будет целиком предоставлен сам себе во время встреч с немецким разведчиком. Но и

оставлять там Горюнова тоже нельзя — верный провал. Значит, хочешь не хочешь, надо рисковать. Придется довериться Малявкину. Тут же комиссар строго-настрого предупредил Скворецкого и Горюнова, чтобы были приняты все возможные меры для контроля «Быстрого», не говоря уж о связнике, как только тот появится.

Малявкина Кирилл Петрович инструктировал сам, в присутствии Горюнова. Малявкин заверил майора, что сделает все, что в его силах. День спустя «Быстрый» отстучал радиограмму: явка назначалась у Петровских ворот, у входа на бульвар.

Занимаясь подготовкой встречи представителя абвера, Кирилл Петрович ни на минуту не забывал и о Коло-скове: ему он сейчас уделял главное внимание. «Зеро» это или не «Зеро»?

Данные о Колоскове были таковы, что могли хоть кого поставить в тупик.

Мирон Иванович Колосков являлся одним из ведущих конструкторов Особого конструкторского бюро, работавшего на оборону. Он был способным, даже талантливым человеком, участвовал в создании ряда образцов новейших видов вооружения, получивших самую высокую оценку. Некоторые из них были уже внедрены в производство и широко применялись в действующей армии, другие проходили полевые испытания. На очереди были новые. Короче говоря, служебная деятельность Колоскова была безупречной. И не просто безупречной: Колосков был выдающимся работником, отмеченным не одной правительственной наградой. И вдруг — шпион. Немецкий шпион. Было над чем задуматься.

С другой стороны, в биографии Колоскова были и такие моменты, которые требовали дополнительного исследования, косвенно подтверждали показания Варламовой. Вернее, если принять показания Варламовой на веру, эти моменты объясняли, когда, где и как немецкая разведка установила связь с Колосковым. Дело в том, что Колосков, как удалось выяснить, в конце двадцатых — начале тридцатых годов длительное время жил в Германии, в Берлине, у какого-то дальнего родственника, работавшего в одной из советских внешнеторговых организаций. Там он окончил высшее учебное заведение и некоторое время работал на одном из немецких машиностроительных предприятий. Уехал Колосков из Германии и вернулся в Советский Союз лишь в 1934 году, год с небольшим спустя после прихода

фашистов к власти. Бывал он в Германии в командировках и позже, вплоть до 1940 года.

Само собой разумеется, факты эти, взятые сами по себе, еще ничего не говорили, никакого повода подозревать Колоскова в чем-либо предосудительном не давали, но в сопоставлении с показаниями Евы Евгеньевны Варламовой... Да, все выглядело далеко не просто.

Пользуясь тем, что Горюнов был освобожден от постоянного пребывания с Малявкиным, Скворецкий поручил ему собрать максимум возможных данных о пребывании Колоскова в Германии: покопаться в архивах, разыскать людей, находившихся одновременно с Колосковым в Германии, и как следует порасспросить их под благовидным предлогом. Задача была не из легких. Сделать это нужно было так, чтобы собеседники Горюнова не поняли, что его интересует именно Колосков, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Кирилл Петрович, однако, полагал, что такая задача Виктору по силам.

В то же время майор решил расспросить о Колоскове и Малявкина: должен же тот что-то знать! Может, просто упустил из виду, потому и не упомянул о нем в своих показаниях?

Поскольку Малявкину появляться в наркомате было нельзя, Кирилл Петрович поехал сам к Костюковой, выбрав время, когда та была на фабрике. Но беседа его с Малявкиным ровно ничего не дала. Борис морщил лоб, вспоминал, вспоминал и ничего не вспомнил. Нет, говорил он, кроме «Зеро», Гитаев не называл ни одного немецкого разведчика, известного ему в Москве. Если, конечно, не считать явки у дантиста. Так то была явка, а с кем он там встречался, Борис и сам не знал.

— Скажите, — задал вопрос Скворецкий, — а Гитаев профессию «Зеро», род его занятий здесь, в Москве, так сказать прикрытие, не упоминал? Может, у вас сохранились в памяти какие-либо факты, детали, проливающие свет на личность «Зеро»?

Малявкин задумался, потом решительно тряхнул головой: нет и нет. Ничего. Вообще о «Зеро» Гитаев говорил один или два раза, не больше. Говорил с опаской. Малявкин не был уверен, что Гитаев и сам располагал подробными сведениями об этом страшном человеке.

Бывал ли Гитаев в районе Наркомата путей сообщения, у Красных ворот? И этого Малявкин не знал. Хотя и редко, но случалось, что Гитаев уходил из квартиры Варламовых в одиночку. Куда отлучался,

зачем, этого Борис не знал; Гитаев с ним не делился. Да, говоря по совести, Малявкина это и мало интересовало. Вот если бы он мог предвидеть, мог знать, как повернется его судьба, тогда... Только что толку об этом говорить?!

«Странно, — думал Кирилл Петрович, снова и снова возвращаясь мыслью к беседе с Малявкиным, — чертовски странно! Если разобраться, то Малявкину Гитаев должен был доверять больше, чем Варламовой; как-никак тот был его помощником, правой рукой. Да так оно и было: ведь перед Борисом, а не перед Евой Евгеньевной раскрыл он шифр, код. Малявкину, а не ей упомянул о „Зеро“, и вот на тебе: о Колоскове ни слова. Почему? Из каких соображений? В чем тут загвоздка?»

Кирилл Петрович вновь вызвал Варламову на допрос, но ничего нового она сказать не могла: добавить о Колоскове ей было нечего, о каком-либо другом немецком агенте она не слыхала ни слова, ни намека.

Допрашивал Варламову и комиссар: он придавал ее словам о Колоскове самое серьезное значение. Допрос комиссар вел придирчиво, требуя от Евы Евгеньевны вновь и вновь повторить сказанное, уточняя и детализируя, выискивал в ее показаниях противоречия. Таких не было. Закончив допрос, комиссар сделал вывод, что о Колоскове она, судя по всему, говорит правду. Говорит то, что знает. Не выдумывает. И ее слова надо как можно скорее проверить.

Кирилл Петрович и сам понимал, что времени терять нельзя. Они с Горюновым делали все, что было в их силах. Виктору удалось разыскать кое-кого, кто бывал в Германии в те годы, когда Колосков там учился и работал, встречался с ним. Это стоило большого труда: таких людей было мало, да и из них кто был на фронте, кто где. Но все же с некоторыми Виктор смог обстоятельно поговорить. Разыскал он и тех, кто бывал в Германии в командировках вместе с Колосковым уже в предвоенные годы. Большинство из тех, с кем беседовал Горюнов, ничего, заслуживающего внимания, не сообщили.

Однако, как выяснил в конце концов Горюнов, так говорили люди малоосведомленные, те, кто недостаточно близко знал Колоскова. Отыскались три человека, что говорили иначе, причем если в оценке фактов их рассказы подчас расходились, то самые факты назвали все

трое. Факты эти не могли не встревожить Горюнова и Скворецкого. Суть их была такова: еще во время учебы Колосков близко сошелся с сыном одного крупного немецкого промышленника, неким Штрюмером. Штрюмер-младший был, вне сомнения, человеком одаренным, незаурядным специалистом в своей области. Беда, однако, в том, что Штрюмер-старший, отец приятеля Колоскова, был среди тех немецких промышленных магнатов, которые сыграли значительную роль в приходе Гитлера к власти. Правда, сам Штрюмер-старший в ряды нацистской партии никогда не вступал, зато году в 1932-1933 это сделал сын, приятель Колоскова. Никаких видных постов в нацистском движении он не занимал, но был там не последней спицей в колеснице: встречался со всей гитлеровской верхушкой, даже с самим Гитлером. Знал всех их лично. И они его знали, принимали в своем кругу. И что любопытно: уже позже, после 1933 года, бывая в Германии, Колосков видался со Штрюмером, встречался с ним, даже бывал у него на квартире. Он этого своего знакомства не афишировал, но и секрета из этого не делал.

Покопавшись в архивах, Горюнов обнаружил два заявления, которые были поданы в июне 1939 года, в канун заключения Советским Союзом пакта с Германией. Речь в них шла о том же Штрюмере, о подозрительной связи с ним Колоскова. Одно из заявлений было анонимным, без подписи, другое подписано одним из тех, с кем Горюнову удалось побеседовать. Никаких конкретных обвинений, кроме указания на встречи, на не вполне понятную дружбу со Штрюмером, в этих заявлениях не содержалось. Колоскова тогда (уже после заключения пакта) вызывали и с ним разговаривали. Он все подтвердил: сказал, что действительно знал Штрюмера. Знал его как умного человека, крупного специалиста, политическими же взглядами его будто бы никогда не интересовался. Ничего предосудительного в его отношении со Штрюмером не было. Связи Штрюмера с гитлеровскими верхами были Колоскову, по его словам, неизвестны. Дальнейшая проверка подтвердила, что Колосков сказал правду: ничего компрометирующего в его отношениях со Штрюмером не обнаружили, а может, не так тщательно и искали. Как бы то ни было, заявления на Колоскова и материалы проверки были оставлены без последствий и сданы в архив.

Что было делать теперь? Фигура Колоскова становилась все более зловещей. Как быть? Арестовать его нельзя: вина его пока, не доказана. Показания Варламовой — только косвенная улика. Пойди на основании такой улики арестуй человека! А если еще этот человек, М. И. Колосков, — ведущий конструктор, столько сделавший и делающий для обороны страны. Что же предпринять?

Кирилл Петрович и Виктор долго советовались с комиссаром и решили осуществить одно рискованное мероприятие. Началась подготовка...

Глава 22

Борис Малявкин сидел на третьей слева скамейке, если идти по бульвару от Петровских ворот, и, закрывшись развернутыми листами «Правды», искоса посматривал на пешеходов. Надвигался вечер. В голубое, еще не ставшее по-осеннему серым небо взмывали серебристые туши аэростатов воздушного заграждения. Правда, Москва начала уже забывать о вражеских бомбежках. В ходе войны все явственнее ощущался коренной перелом. Враг не был разбит, он еще был силен, но дела гитлеровцев шли всё хуже и хуже. Совсем недавно полной победой советских войск завершилась грандиозная битва на Орловско-Курской дуге. Орловский плацдарм фашистских войск, который они намеревались использовать для броска на Москву, был ликвидирован, Белгородско-Харьковский — рассечен. Войска Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Степного фронтов перешли в решительное наступление. Только за минувшие дни советскими войсками были освобождены Волхов, Орел, Кромь, Белгород. Со дня на день ждали освобождения Харькова. 5 августа над Москвой прогремели первые залпы победного салюта. Двадцатью залпами из ста двадцати орудий Москва салютовала доблестным воинам, освободившим древние русские города Орел и Белгород.

Прямым отзвуком побед советского оружия явилось изменение обстановки и на Западе: войска союзников высадились на Сицилии, в Италии пал фашистский режим, Муссолини был сброшен.

Да, москвичам было чему радоваться, от чего торжествовать. Отличное настроение было и у Малявкина: он чувствовал себя так, словно излечился от тяжелой, безнадежной болезни. Излечился как-то внезапно, нежданно, каким-то чудом в такой момент, когда страшный конец казался неизбежным. И само сознание, что чувства его, мысли, переживания — те же, что и у всех советских людей, придавало Борису новые силы. Ему сейчас ничто не было страшно, даже предстоящая встреча с представителем абвера, которая таила в себе смертельную опасность для него, сделай Малявкин один неверный шаг. Ради этой встречи Борис пришел сюда, на Петровский бульвар, а развернутая «Правда» и лежавший на коленях номер журнала «Знамя»

за прошлый месяц были теми приметам, по которым должен был его опознать разведчик, прибывший с той стороны.

Малявкин дежурил на бульваре уже не первый раз: дважды он являлся в назначенные дни и часы. Но напрасно. Никто не являлся. Это злило Бориса. «Неужели передумали?» — гадал он. Неужели немцы от него отказались? Но почему? Он не знал, что и подумать. Вот и сегодня время подходило к концу, а все никого. Никого...

Борис так глубоко задумался, что непроизвольно опустил газету. В этот момент его кто-то тронул за плечо. Он стремительно обернулся. Сзади, за спинкой скамейки, стоял высокий, худощавый лейтенант, судя по знакам на погонах — танкист, и приветливо улыбался. Его левая рука была на черной перевязи.

— Товарищ старший лейтенант, не скажете, который час? Мои остановились. — Танкист пальцами правой руки приподнял обшлаг гимнастерки на раненой руке и выразительно постучал по стеклу часов. Малявкин вздрогнул, на мгновение растерялся: это был пароль.

Растерянность длилась считанные секунды. Борис сразу взял себя в руки и как мог спокойно назвал отзыв:

— А мои хоть и ходят, но я забыл их дома.

— Какой марки у вас часы? — быстро спросил танкист.

— У меня — «Омега», а у вас?

— Тоже «Омега», — с облегчением отозвался лейтенант и, обойдя вокруг скамейки, взял Малявкина, поднявшегося во время разговора, под руку. — Пройдемся, если не имеете ничего против?

Танкист произнес свое предложение скорее в тоне приказа, нежели вопроса или просьбы. Малявкин подчинился, и бок о бок они двинулись вдоль бульвара, в направлении Пушкинской площади.

— На всякий случай, в порядке, так сказать, уточнения, ваше имя? — вполголоса спросил танкист, когда они сделали добрую сотню шагов. — Фамилия?

— Задворный, — после секундного колебания ответил Малявкин. — Николай Задворный.

— Понятно, — осклабился лейтенант. — Задворный, он же Малявкин. Так?

— Кому так, а кому и не так, — огрызнулся Борис.

— Да ты не ершишься, не ершишься... Я в курсе дела. Просто так. Проверочка.

С минуты они шли молча, потом Малявкин спросил:

— Тебя-то самого как звать?

— Меня? Можешь называть Осетров. — Лейтенант обнажил в ухмылке мелкие, острые зубы. — Семен Семенович Осетров. В соответствии с документами. Устраивает?

Борис пожал плечами:

— Что значит — устраивает? По мне, хоть Осетров, хоть Севрюгин, хоть Щучкин. Один черт. Документы-то надежны? «Хвоста» не привел? И вообще... — Он боязливо оглянулся по сторонам.

Осторожность «Быстрого» пришлась Осетрову по душе. Он принялся обстоятельно, с подробностями рассказывать, как переходил линию фронта, как добирался до Москвы.

— Перед отправкой сюда, к тебе, — говорил Осетров, — пришлось подвергнуться небольшой операции: рана-то настоящая, любая комиссия подтвердит. — Он чуть приподнял лежавшую на перевязи руку и поморщился: — До сих пор саднит!

По словам Осетрова — настоящая это была его фамилия или нет, Борис так и не понял, — фронт он перешел несколько дней назад, восточнее Брянска.

— Пришлось, конечно, натерпеться всякого, но ничего, обошлось. Документы — «железные»! И — ранение. В боях за Родину! — Осетров цинично усмехнулся.

На попутных машинах и всяким иным способом добрался до Мценска, а там — на Москву. Здесь пока обосновался в офицерском общежитии, но надо бы подыскать какое жилье поукромнее. Постоянно мозолить глаза всяким там дежурным и комендантам желания у Осетрова мало. Может, старший лейтенант чем ему поможет, подберет жилье, как коренной москвич? Есть же у него связишки? Да и дел-то не так уж много: на какую-нибудь неделю, на две. Задерживаться в Москве Осетров не собирается: здешний «климат» ему не по душе.

Малявкин задумался. Он сразу оценил, какие возможности открывает перед ним просьба Осетрова. Что, если устроить его у Костюковой? Быть все время рядом, близко, знать каждый его шаг, поступок. Что может быть лучше? С другой стороны... С другой стороны, Малявкин не мог что-либо предлагать Осетрову, не посоветовавшись предварительно с Горюновым и Скворецким, не получив их указаний. Кто знает, какие у них планы?

Борис решил выиграть время, оттянуть ответ.

— Понимаешь, — сказал он, — есть у меня одна мыслишка. Насчет моих московских связей брось и думать: какие там связи? После этой истории в прокуратуре — знаешь, слыхал? (Осетров утвердительно кивнул) — я стараюсь поменьше высовывать нос на улицу, хотя, как видишь, отпустил бороду, бакенбарды. Насчет того, чтобы посещать прежних знакомых, да еще с такой просьбой, и речи быть не может. Мигом попадешься. Вот разве там, где я сейчас обосновался? Места хватит. Вот хозяйка...

— Чего же лучше? — перебил его Осетров. — Решено. Сегодня же к тебе и переберусь.

— Ишь ты какой прыткий! — усмехнулся Малявкин. — А хозяйка? Что моя хозяйка скажет? Надо прежде с ней потолковать, уломать старушку. Я — одно дело. Меня она с детства знает, а вот ты... Нет, так не пойдет. Тут подготовка требуется.

Осетрову возразить было нечего.

Петровский бульвар давно остался сзади. Они миновали Тверской, Никитский, вышли к Гоголевскому, а Осетров, рассуждая о том и о

сем, о своем путешествии через фронт, о жилье, ни словом не касался дела, ничего не говорил о цели своего приезда. Малявкин начал хмуриться, заметно волноваться.

— Слушай, ты долго намерен точить лясы, да еще здесь, на улице, в центре города? — грубо оборвал он Осетрова. — Давай к делу. У меня вопросов вагон и маленькая тележка. Только тут не место для серьезной беседы.

— А чем не место? Тепло и не дует, — легкомысленно заметил Осетров. — Чего страшного? Гуляют два молодых, интересных офицера, защитники Родины. Ну и гуляют. Кому какое дело? Следить? Но кто здесь, на бульваре, будет за нами следить? Лучшего места для беседы не найдешь. Впрочем, если ты настаиваешь, выкладывай свое предложение: я в Москве впервые, здешних мест не знаю.

— Можно было бы на Ваганьковское кладбище, — задумчиво сказал Малявкин. — Вот где действительно тихо, масса укромных местечек. Только поздновато уже, темнеет, того и гляди — комендантский час...

— Ну что же, отложим до завтра. У меня тоже мало охоты лишний раз с патрулем встречаться.

— Не хотелось бы откладывать, — возразил Малявкин. — Я знаешь сколько тебя жду!

— Тогда давай к тебе, — предложил Осетров. — Может, на одну ночь твоя старушенция и согласится без предварительной договоренности? Или этой «старушке» и тридцати нету? Так не бойся, отбивать не буду...

Малявкин колебался: соблазн был велик. Ему хотелось поскорее узнать, с чем явился Осетров. Но тот все решил сам, заметив колебания Малявкина:

— Ладно, не будем рисковать. Мне крыша не на одну ночь нужна. Ты договаривайся со своей хозяйкой, а встретимся завтра, в двадцать ноль-ноль, у этого монумента, что ли. — Он кивнул головой в сторону видневшегося в сгустившихся сумерках памятника Гоголю.

Малявкин даже сморщился от возмущения:

— Ты что, с ума сошел? Да тут знаешь какое место? Арбатская площадь! Кремль рядом. Охраны понаставлено. И кой черт нас сюда занес? Давай поворачивать. А встретимся... Встретимся, пожалуй, у

входа в Зоопарк. Место подходящее. Только не вечером, а днем, когда моей хозяйки дома не будет. Пойдем ко мне, там и потолкуем.

— Можно и днем, — согласился Осетров. — Но к чему Зоопарк? Зачем зря шататься по улицам? Скажи адрес, и я сам к тебе подъеду.

— Нет уж, — возразил Малявкин, — давай у Зоопарка. Так мне удобнее.

На том и порешили.

Час с небольшим спустя на квартире Костюковой началось совещание. Возле небольшого письменного стола сидел Скворецкий, а на тахте, у стены, Горюнов и Малявкин. Костюкова возилась на кухне. О чем говорилось в комнате, она слышать не могла.

Малявкин, страшно волнуясь, то краснея, то бледнея, подробно, в деталях рассказал о своей встрече с представителем абвера.

Борису было от чего волноваться: ведь эта встреча с фашистским разведчиком была для него первым настоящим испытанием после ареста и освобождения. Он держал первый серьезный экзамен.

По мнению Малявкина, Осетров — не настоящая, не подлинная фамилия разведчика. Борис говорил, что так называемый Осетров — по сложившемуся у него, Малявкина, впечатлению — большой наглец, человек не очень осторожный, скорее — легкомысленный. Не серьезен. Битый час болтал о второстепенных вещах: как переходил линию фронта, как добирался до Москвы, — и ни слова о деле, о цели своего приезда. Язык какой-то блатной. Смахивает на уголовника. И еще одно ясно: Москвы Осетров не знает, в столице он не бывал.

Бориса слушали внимательно, молча, не перебивая. Когда он кончил, Виктор, как школьник на уроке, поднял руку:

— Разрешите, Кирилл Петрович?

Майор молча кивнул.

— Мне сдается, — начал Горюнов, — что оснований для выводов, которые делает Борис, маловато. Несерьезен? Откуда такая уверенность? Только потому, что подробно распространялся о своих похождениях? Или потому, что при первой встрече воздержался от разговоров о цели своего прибытия? Ну и что? А может, он, этот самый Осетров, ведет себя так не без умысла. Может, он присматривается к Борису, потому и не торопится с главным. Разве это исключено?

Виктор думал было углубиться в анализ поведения так называемого Осетрова, его поступков и разговоров, но Скворецкий его прервал:

— И на что только вы сейчас тратите время? Споры нет, впечатления Бориса важны — врага надо знать, — но фактов для выводов мало. Да и не это в данный момент главное. Мы должны прежде всего определить свою линию поведения, линию поведения «Быстрого». Важно решить, что он должен говорить, что рассказывать Осетрову, чего от него требовать и добиваться, независимо от того, легкомыслен тот или нет. Хотя, конечно, и это в какой-то мере учтем. И еще: поселять здесь Осетрова, приглашать его или сказать, что это невозможно. Хозяйка, мол, не согласна. Вот над чем надо сейчас думать, вот какие вопросы следует решить в первую очередь.

Поскольку появление представителя абвера ни для кого не явилось неожиданностью — его ждали давно, — все поднятые сейчас майором вопросы обсуждались уже не раз, и дело было за детализацией, уточнениями. Если что и было нового, так это желание Осетрова устроиться на квартире «Быстрого», впрочем, и такую возможность Скворецкий и Горюнов предвидели. Вопрос этот был решен первым, сразу же. Мнение у всех было единое: если Осетров не передумает — приглашать. Пусть живет здесь, у Костюковых. Если откажется, надумает что-либо другое — не настаивать. Наоборот. Малявкин в таком случае должен будет повести дело так, будто и ему это удобнее. Теперь все зависело от хозяйки дома. У нее прямо спросили:

— Что скажете, если с Борисом недельку-другую поживет еще один человек? Скажем прямо — человек скверный, больше даже — не наш человек, но... надо!

— Это как так «не наш»? — всполошилась Костюкова. — Как это понимать?

— Не можем мы вам пока сказать ничего больше. Разве потом, со временем, — возразил Кирилл Петрович. — Но, повторяю, очень надо. И еще одно. О Викторе Горюнове при нем ни гугу: не было здесь никакого Горюнова, никого не было.

— Ладно, — вздохнула Костюкова. — Раз вы говорите... коли в самом деле надо, какой может быть разговор. И сказать ничего лишнего не скажу, можете быть спокойны.

Относительно линии поведения Малявкина условились так: Борис расскажет историю своих с Гитаевым походов, включая и все, что связано с Варламовыми, во всех подробностях, в строгом соответствии с фактами. Одним словом, «доложится по начальству». Опишет и историю на продскладе, арест, бегство из прокуратуры, гибель Гитаева. Дальнейшее изобразит следующим образом: невзирая на вывих ноги, добрался до Костюковой (это убежище он приготовил заранее, в качестве запасного, навестив Костюкову еще в июне, вскоре после прибытия в Москву), отлежался, после чего и дал радиограмму. Шифр и код Гитаев ему передал давно, еще после первого сеанса. О Сбойчаковой, конечно, ни слова.

Осетрову следует сообщить и о явке у зубного врача, на Покровке. Сказать, что Малявкин туда ходил, встречался там с человеком, приметы которого дал ему Гитаев, обусловил с ним следующую встречу, но тот не пришел. Почему, «Быстрый» не знает. (О смерти Бугрова Малявкин действительно не знал. Ему не говорили.)

Насчет «Зеро»... Вот тут было над чем подумать. Взвесив все, решили: «Зеро» Малявкин не упоминает. Ни словом. Ни намеком. Ни о каком «Зеро» он от Гитаева ничего не слышал.

Тут у Горюнова возникли опасения: а что, если «Музыкант» информировал Берлин, что он сообщил «Быстрому» о «Зеро»?

— Информировал? — возразил Борис. — Но как? Связь-то с абвером шла через меня, а я ни в одной шифровке ничего такого не передавал. Так что уж...

Малявкина поддержал Скворецкий: дело не в радиограммах. «Музыкант» мог иметь каналы связи и не известные «Быстрому», однако ему просто незачем было информировать Берлин о своем разговоре с «Быстрым». Скорее, наоборот: Гитаеву следовало скрывать собственную болтливость. Так что информация абвера о том, что «Быстрому» известен факт существования «Зеро», исключена почти полностью. Ну, скажем на 99%. Если же правдой окажется 1%, то и в этом случае сдержанность «Быстрого», его умение держать язык за зубами ничего, кроме одобрения, у шефов абвера не вызовет.

Рация. Если Осетров захочет воспользоваться рацией «Быстрого» или присутствовать во время сеанса — отказать. Самым категорическим образом. Конспирация! Не давать согласия, пока Осетров не представит соответствующих полномочий (каких — его

забота. Пусть сам ломает голову, — глядишь, в поисках полномочий он и даст еще какую-нибудь дополнительную ниточку), самому же выйти в эфир и просить у шефов указаний.

Теперь: чего требовать от представителя абвера? Ну, это ясно. Прежде всего бить тревогу: все хорошо, «крыша» надежная, но тем не менее положение осложняется с каждым днем. Все документы на имя Малявкина остались в прокуратуре, и «Быстрый» вынужден жить под фамилией Задворного, по запасным документам. Документы хорошие, бакенбарды, борода изменили облик до неузнаваемости, но все-таки... Ни тебе лишний раз на улицу не покажись, да и вообще не может же он, здоровый человек, офицер, находящийся на действительной службе в армии, месяцами сидеть на частной квартире в Москве! Командировка? Уж больно она затяжная. Неубедительно. Даже хозяйка квартиры, уж на что надежный человек, и та... Короче говоря, если бы не сознание, что он так тут ничего и не сделал, «Быстрый» хоть сегодня вернулся бы обратно, к своим хозяевам. А уж если оставаться в Москве, так надо что-то придумать, нужна новая легенда. Да и зачем оставаться, с какой целью? Ведь цели их заброски были известны «Музыканту», а того нет. Что же делать? И еще: инструкции инструкциями, может, Осетров их и привез, но ведь завязывал же «Музыкант» связи в Москве — явка у дантиста, — а как быть ему, «Быстрому», с этими связями, где они?

В этом месте вновь восстал Горюнов: надо ли? Не будет ли это навязчивым, не вызовет ли подозрений? Кирилл Петрович согласился: да, насчет связей в Москве пока воздержимся. Посмотрим по обстановке.

— Ну, Борис, — сказал в заключение Скворецкий, — все ясно? Действуй.

— Ясно, — смущенно улыбнулся Малявкин. — Я постараюсь, Кирилл Петрович. Не подведу...

Когда Кирилл Петрович и Виктор вернулись в наркомат, там их уже ждал подробный доклад о похождениях так называемого Осетрова в этот вечер: с того момента, как представитель абвера встретился на Петровском бульваре с Малявкиным, чекисты не упустили его из виду. Осетров оказался совсем не так прост и легкомыслен, как показалось Борису, да и говорил он «Быстрому» далеко не всю правду. Судя по тому, как он искусно плутал по улицам и переулкам, пользуясь

проходными дворами, Москву Осетров знал превосходно. И ночевать он пошел не в офицерское общежитие. Сменив метро на автобус, потом трамваем Осетров добрался до Яузских ворот, а там, изрядно попетляв по узеньким, извилистым переулочкам, нырнул в подъезд одного из домов на Солянке. В какой именно квартире он нашел пристанище, кто его приютил, выяснить пока не удалось, однако список жильцов, проживавших в подъезде, где скрылся представитель абвера, Скворецкому представили. Ну что же, надо было и с этим разбираться.

Глава 23

Всегда спокойный, невозмутимый начальник продовольственного пункта Ленинградского вокзала капитан Попов был на себя не похож. На нем, что называется, лица не было. Вот уже скоро час, как он вышагивал взад и вперед по просторному залу бюро пропусков Наркомата государственной безопасности, ожидая, когда появится у себя майор Скворецкий. Было немного больше одиннадцати. Кирилл Петрович, ушедший накануне из наркомата, как и обычно, в шестом часу утра, пришел на работу в половине двенадцатого и, как только ему доложили, тут же дал распоряжение выдать Попову пропуск.

Попов вошел в кабинет Скворецкого стремительным шагом. Едва успев поздороваться, еще не выпустив из своей руки руку Кирилла Петровича, он обрушил на него свои новости:

— Товарищ майор, вы не в курсе дела? Хотя откуда? Так вот. Сегодня утром, в девять ноль-ноль, едва мы открыли склад, появилась какая-то странная личность. Хромой. На деревяшке. Назвался сапожником. Фамилия — Шкурин. Так он, во всяком случае, представился. Федор Корнеевич Шкурин. Шкурин пытался навести справки о наших «друзьях» — Гитаеве и Малявкине. Что скажете?

— Ка-ак? Интересовался Малявкиным и Гитаевым? — У майора брови поползли на лоб. — Шкурин? Это еще кто такой?

Изумление Скворецкого было искренним: чего-чего, а такого он не ждал. Кому еще могли понадобиться «Музыкант» с «Быстрым», что за история? Попов был явно доволен произведенным впечатлением: не его одного зацепило. Сам он несколько успокоился. Удобно расположившись в кресле возле стола майора, Попов, сдерживая волнение, принялся рассказывать. Дело, по его словам, обстояло следующим образом. Ровно в девять утра, сразу по открытии склада, появился пожилой, скверно одетый человек. На его худом, изможденном лице неопрятно торчала седая щетина. Не брился он, по-видимому, дня три-четыре, не меньше. Вместо правой ноги у него от колена торчала грубая черная деревяшка. Не протез, а простая деревяшка.

Прямо с порога странный посетитель начал сетовать, жаловаться. Унылым голосом он канючил: «Товарищи начальники, что же это получается? Я человек бедный, еле концы с концами свожу. Сами видите (он нагнулся и ожесточенно постучал по деревянной ноге). А ваши, значит, офицеры как поступают? Разве это правильно?»

Попов и Константинов долго не могли ничего понять, пока наконец не выяснилось, что этот человек, по профессии сапожник, интересуется Гитаевым и Малявкиным. Тут уж Попов и Константинов вцепились в него мертвой хваткой. Кто? Откуда? Почему явился сюда, на продсклад, наводить справки о Гитаеве и Малявкине? Почему?

Шкурин совершенно растерялся под градом сыпавшихся на него вопросов: он крутился на стуле, поворачиваясь то к Попову, то к Константинову, ошалело хлопал глазами. Немало трудов стоило добиться от него толку, хотя Попов и уверен, что «толк» этот относителен. Шкурин явно врал: его основной целью было навести справки о Малявкине и Гитаеве, выяснить их судьбу. Не иначе. Остальное — предлог.

Слушая бессвязный и маловразумительный рассказ начальника продсклада, Скворецкий все больше и больше хмурился. Наконец он взмолился:

— Товарищ капитан, увольте! Так я ничего не пойму. Вы-то ведь не Шкурин, так расскажите все спокойно, по порядку. Главное, поменьше эмоций, а то мы с вами ввек не разберемся.

Попов окончательно успокоился и на сей раз доложил четко, по-военному. Шкурин, говорил капитан, рассказал следующее. Он — сапожник. Сейчас, однако, новую обувь мало кто шьет, больше ремонтируют — война. Вот и он, Шкурин, ремонтом перебивается, только проку мало. Каблук подбить, набойки поставить — особенно не разживешься.

Около месяца назад, может, несколько больше, в мастерскую Шкурина явились два офицера, которые назвались Гитаевым и Малявкиным. Они сдали в ремонт две пары изрядно прохудившихся сапог, потребовав поставить новые кожаные подметки. А где ее, кожу, теперь возьмешь? Офицеры, однако, обещали щедро заплатить — продуктами, — и Шкурин пустил в дело все свои запасы, последнее богатство.

Записывая заказ в книгу, сапожник спросил адреса заказчиков. Те, как-то странно переглянувшись, заявили, что они люди приезжие, с фронта, в Москве временно, постоянного адреса не имеют. Сами придут за заказом.

Шкурин, почуяв недоброе, возразил: «Сами-то, конечно, сами, но существует порядок. Должен же я знать, где вас, в случае чего, искать». Тогда один из них, чернявый, с усиками («Я сразу сообразил — Гитаев», — вставил по ходу рассказа Попов), заметил: «А ты ищи нас, если потребуется, на продовольственном складе Ленинградского вокзала. Самое верное дело».

Сапожник поинтересовался: что, они там, на складе, работают? «Работать не работаем, а бывать бываем, — ответил чернявый, — частенько». Вот сейчас, когда минул месяц с лишним, а заказчиков все нет и нет, Шкурин и явился на продсклад: где офицеры, куда подевались, не получив свои сапоги, не расплатившись? Конечно, сапожник мог бы просто сбыть эти сапоги и был бы не в накладе, ну, а если те явятся, что делать? Пойди свяжись с военными — беды не оберешься.

Как ни расспрашивали Попов и Константинов сапожника, тот больше ничего не сказал. Твердил свое: «Мне бы этих офицеров, пусть рассчитаются за работу, за материал. Последнюю кожу израсходовал...»

Проверили у него документы — все правильно: Шкурин Федор Корнеевич, 1880 года рождения, по профессии сапожник. Проживает по адресу: улица Солянка...

— Солянка? — переспросил Скворецкий. — Это точно — Солянка?

— Точно, — ответил Попов, сверившись с записью в своей записной книжке. — Солянка. Дом номер... квартира... А что? Почему вы сомневаетесь?

— Да нет, не сомневаюсь. Просто уточнение, — справился с охватившим его волнением Кирилл Петрович.

Попов, думал он, конечно, надежный человек, многим помог в деле Гитаева и Малявкина, вот и сейчас представил ценную информацию, и все же даже ему не следует говорить, что он назвал тот самый дом и тот подъезд, судя по номеру квартиры, где исчез накануне вечером немецкий разведчик Осетров. Да и в списке жильцов стояла фамилия — Шкурин. Случайность ли? Простое ли совпадение? Сомнительно. Надо полагать, Шкурин явился на продовольственный склад по прямому заданию Осетрова, следовательно, и сам Шкурин...

«Спокойно, товарищ майор, спокойно, — приказал сам себе Скворецкий. — Не будем спешить с выводами. Шкурин никуда не денется. Сейчас важно другое: не сболтнули ли этому Шкурину Попов с Константиновым чего лишнего? Хотя что они могли сболтнуть? К счастью, об аресте Малявкина они и сами не знают, числят его в бегах. А мы до сих пор нет-нет да иногда „консультируемся“ с ними по поводу „розыска“ беглеца. Только неделю-две как освободили их от

дежурства на вокзалах, сказав, что Малявкин, по-видимому, скрылся из Москвы. Хорошо, что так было сделано. Ну, а если работники продсклада заявили Шкуруину, что ничего ни о каких Малявкине с Гитаевым не слышали, тогда как? Что Шкурин передаст Осетрову? Каковы будут последствия?»

К счастью, Попов и Константинов действовали умно: они сообщили Шкуруину все примерно так, как оно и было. Гитаев, мол, и Малявкин к штатам продовольственного склада никакого отношения не имели, но по продовольственным аттестатам часто получали продукты. Однако они оказались авантюристами: аттестаты у них были поддельные. Обоих задержали и доставили в прокуратуру. Что стало с ними дальше, работникам продовольственного пункта неизвестно. Вернее всего, вознаграждение за свой труд, за материалы Шкурин вряд ли получит, разве что продаст сапоги.

Сапожник ушел, но ушел не один: Попов шепнул Константинову, и тот отправился вдогонку за Шкуруиным — проследить, куда тот пойдет. Сам же Попов кинулся сюда, к майору. Вот только долго ждал в бюро пропусков. Какие будут теперь указания?

«Организовал слежку? — встревожился Скворецкий. — Этого еще недоставало! А что, если Шкурин обнаружит не в меру усердного Константинова, будь он неладен?» Сказать, однако, ничего не скажешь: люди старались и действовали с самыми благими намерениями.

Майор все же сделал замечание Попову:

— Константинова-то посылать не следовало! Шкурина мы и сами найдем. А вот что не оставили эту историю без внимания, что поспешили нам сообщить, это правильно. Хотя... — задумчиво закончил Кирилл Петрович. — Хотя обоснованны ли ваши опасения? Почему вы исключаете, что все рассказанное сапожником — правда? Может, он действительно приходил к вам в поисках пропавших заказчиков? Разве такое не могло случиться?

— Могло, конечно, — согласился Попов, — и все же маловероятно. Посудите сами: искать заказчиков на продовольственном складе! Нет, не серьезно. И сам этот Шкурин — личность подозрительная.

— Подозрительная? — подхватил майор. — Но чем же? Что в его поведении показалось вам подозрительным?

— Конкретно? — пожал плечами Попов. — Конкретно не скажу, но не понравился мне этот сапожник. Определенно не понравился...

Между тем тщательная проверка Шкурина, предпринятая Скворецким сразу после ухода начальника продсклада, поводов для особой тревоги не давала. Федор Корнеевич Шкурин был коренным москвичом, потомственным сапожником. Тем же ремеслом занимался и его отец, умерший еще до революции. И проживал Шкурин на этой квартире, на Солянке, не один десяток лет. Человек он был одинокий — жена давно умерла, дети разбрелись кто куда, с отцом связи не поддерживали, — тихий, замкнутый. Друзей не имел. Правда, выпивал, но в одиночку. Если что в биографии Шкурина, в его прошлом, и настораживало, так только одно: в годы первой мировой войны, будучи фельдфебелем царской армии, Шкурин после ранения (тогда он и потерял ногу) очутился в плену, в Германии. Вернулся на родину много времени спустя, после Октября. Можно ли это было, однако, ставить ему в вину? Сотни и тысячи русских солдат и офицеров испытали в те годы ту же судьбу. Серьезнее было другое, и уже не из биографии: немецкий разведчик минувшую ночь провел действительно у Шкурина. Наутро это было точно установлено.

...Осетров вышел из квартиры Шкурина вскоре после того, как тот вернулся с продовольственного пункта. Проплутав часа два по городу, завернув на Центральный рынок, он двинулся к Зоопарку, где его уже ждал «Быстрый». Когда они вдвоем добрались до квартиры Костюковой, оказалось, что Осетров явился не с пустыми руками: он извлек из кармана засургученную поллитровку и водрузил на стол.

— Как, закуска найдется? — по-хозяйски спросил Осетров.

— Какая у меня сейчас закуска? — развел руками Малявкин. — Живу беднее церковной крысы. Если бы не хозяйка...

— А ты пошуруй, пошуруй, может, что и найдется, — наставительно сказал лейтенант.

Борис вздохнул и пошел на кухню. Вернулся он с банкой свиной тушенки, тарелкой мелкой картошки, сваренной еще с утра, да с деревянной солонкой, на доньшке которой серела крупная зернистая соль.

— Вот, — сказал он, — все угощение. Больше ничего, хоть шаром покати.

Осетров поморщился и назидательно сказал:

— Жить не умеешь, мальчик. Ничего, бог даст, я тебя обучу. А пока...

Жалуясь на свое скудное существование, Малявкин не очень кривил душой, хотя немножко и прибеднялся. Жили они, Борис и мать с дочкой Костюковы, не богато, но, в общем-то, по военному времени вполне сносно. Чекисты снабдили Малявкина продовольственными карточками — не садиться же было тому на шею Костюковым, — изредка подбрасывали продукты: крупу, консервы, ту же снискавшую известность свиную тушенку, образно именовавшуюся «второй фронт». Но давали Малявкину продукты редко. И у Костюковых было не густо: две рабочих карточки, и все. Вот еще огород. Под Москвой, у самой Пресненской заставы. Но урожая надо было еще ждать.

Уселись за стол. Выпили. Попетляли вокруг да около и приступили к деловому разговору. Начал Осетров. Борис выжидал, присматривался к собеседнику. Впрочем, и тот не спешил, то и дело посматривая на Малявкина изучающим, оценивающим взглядом.

Осетров снова вернулся к обстоятельствам задержания Гитаева и Малявкина на продскладе. На этот раз он вел разговор иначе, чем накануне: придиричиво расспрашивал, требовал уточнений, деталей. Кто задержал? Патруль? Ах, начальник склада с прокурором? Так, так. Откуда же на продовольственном складе взялся прокурор? Что, «Быстрому» это неизвестно? Ну да, да, понятно. Действительно, откуда ему знать. А потом, потом? Что случилось в прокуратуре? Как удалось «Быстрому» бежать?..

Борис сначала подробно отвечал на вопросы, потом разозлился:

— Ты что, допрашивать меня явился? Тебе мало того, что уже сказано? Так я могу и послать подальше. Вопросов у меня и у самого хватит...

На Осетрова, однако, эта вспышка произвела мало впечатления.

— А ты не ершишь, — сказал он миролюбиво. — Гонор свой оставь при себе. Мое дело — спрашивать, твое — отвечать. Вот и весь сказ. Усвоил?

Малявкин взорвался:

— Тоже мне, следователь нашелся! Его дело, видите ли, спрашивать. Ловко! Да тебе что? Тебе легко спрашивать да выпытывать: ты сегодня приехал — завтра смотался обратно. А мне какво? Три месяца здесь торчу, со дня на день ожидая чего угодно. И,

спрашивается, зачем? Для чего? Одному богу известно. Ну, был «Музыкант», так тот хоть знал, что делать, а я? Для чего я здесь? Нет, ты как хочешь, а я с тобой возвращаюсь. Хватит. Сыт по горло.

Осетров, слушая истерические выкрики «Быстрого», иронически щурился:

— Ого, какой ты храбрый. «Возвращаюсь»! Да кто тебе разрешит вернуться вот так, по своей воле, не выполнив задания? Попробуй вернись, немцы знаешь что с тобой сделают?

— А что? Что? — никак не хотел уgomониться «Быстрый». — Чего ты меня пугаешь? Что я, виноват, что ли? «Не выполнил задания»! А какое, к черту, задание? Да ты пойми, садовая голова, что нет у меня никаких заданий. Рация есть, а заданий нет. Нету. Понимаешь? Ну и что — немцы? Думаешь, если «Смерш» ^[2] схватит, легче будет? Так и так конец...

Малявкин махнул рукой и, заморгав, отвернулся.

— Уж так сразу и «Смерш»!.. — осклабился Осетров, хотя невольно и вздрогнул.

Малявкин не отвечал; он умолк, хотя, говоря по правде, унылый вид давался ему с трудом. Он, в общем-то, был доволен собой. Все шло хоть и не совсем по намеченному плану, но шло хорошо. Если Осетров и испытывал к нему недоверие, то теперь это недоверие заметно уменьшилось. Во всяком случае, свои надоедливые расспросы представитель абвера прекратил. Казалось, он был несколько растерян.

— Знаешь, ты это дело брось, — сказал Осетров просительно. — Чего надумал: возвращаться! Это, брат, не нам с тобой решать. Попробуй вернуться — тебе, повторяю, не жить. Да и мне головы не сносить.

— Ага, — не удержался «Быстрый», — вон она где собака зарыта: так бы сразу сказал, что за свою шкуру боишься? Оно и видно!

— Боюсь, а ты что думал? — не смутился Осетров. — Как же иначе? Если бы не боялся... Впрочем, что об этом говорить. Насчет указаний зря беспокоишься: указания ты скоро получишь. Это я тебе официально говорю. Какие, когда будет надо, узнаешь. Кое-что и я тебе скажу. Только не сейчас, попозже. Со временем, так сказать. Сейчас у нас забота другая: надо передать шефам, что я здесь, что мы встретились и все обстоит нормально. У тебя рация где? Далеко?

— Близко ли, далеко — это мое дело. Тебе про это знать незачем. — В глазах Малявкина мелькнуло выражение торжества.

— Как это незачем? — впервые растерялся представитель абвера. — Мне поручено проверить, как ты хранишь рацию, насколько надежно укрытие. А ты — «знать незачем». Ты это дело брось!

— Тебе поручено? — спокойно сказал Борис. — Мне про это ничего неизвестно. Место хранения рации знал только «Музыкант», больше никто. Ему я был подчинен. А тебе... Тоже мне начальник выискался!

«Как же быть?» Осетров был обескуражен. Инициатива ускользала из его рук. Чего он стоил без рации, без связи?

Тут «Быстрый» пришел ему на помощь:

— Чего проще: давай составим донесение, я его передам. Сам передам. Пожалуйста. Это я могу. Заодно запрошу, показывать тебе рацию или нет. Как прикажут, так и сделаю. Только учти — питание у меня совсем село. Ты доставил?

— Питание есть, — сказал Осетров. — Для чего же я сюда прибыл? Завтра могу тебе вручить, а то и сегодня. Вечерком, если хочешь.

— Вот и хорошо. Ты тащи питание, а я передам донесение. Что будем дальше делать?

— Дальше? — мрачно сказал Осетров. — Дальше — допьем водку. А там видно будет.

Нельзя сказать, чтобы Малявкина очень устраивало такое предложение — он никогда не был любителем выпить, тут даже Гитаев его не смог «перевоспитать», — но выхода не было, и «Быстрый» потянулся к стакану. Водку они допили тут же. Лишь изредка перебрасывались отдельными фразами. Было заметно, что собутыльники не особенно довольны друг другом. Беседа не клеилась.

— Что с жильем? — спросил Осетров. — Говорил с хозяйкой?

— Говорил. Согласна. Только два условия: первое — ненадолго; второе — надо бы ей подкинуть хоть что-нибудь. Сам понимаешь.

— За этим дело не станет, — самоуверенно заявил представитель абвера. — Чего-чего, а денег у меня хватает. Снабдили.

— Деньги? — пожал плечами Борис. — А зачем ей деньги? Нашел чем хвастать! Все равно без карточек так просто ничего не

купишь. Не бегать же ей по базарам. Нет, нужна натура: соль, сахар, крупа, консервы.

— С деньгами-то все достать можно. И продовольственные карточки у меня есть. Только вот по магазинам да рынкам самому не хотелось бы мотаться.

— Понимаю, — согласился «Быстрый». — Только как быть? Придется. Любишь кататься, люби и саночки возить. Уж попасись по рынкам...

Осетров стал собираться.

— Раз о жилье договорились, — сказал он, — чего тянуть? Буду двигаться. Схожу в общежитие за вещичками и питание к рации доставлю. (Оно, по словам Осетрова, было укрыто в надежном месте, в пригороде.)

Борис, как только ушел Осетров, еле удержался, чтобы не кинуться на улицу, к ближайшему телефону — позвонить Горюнову. Но он остался дома. Ему строго-настрого было приказано соблюдать всяческую осторожность. Связываться с Горюновым только тогда, когда будет полная гарантия безопасности, иначе говоря, при таких условиях, когда самая возможность наблюдения за ним Осетрова будет исключена. А сейчас? Кто знал, где сейчас немецкий разведчик? Не схоронился ли где поблизости, наблюдая за домом, поджидая, не выйдет ли «Быстрый»? Нет, на улицу выходить нельзя: выдержка и еще раз выдержка.

Малявкин не ошибся: Осетров действительно спрятался в укромном месте, которое присмотрел заранее, и наблюдал за квартирой Костюковых час и другой. Только удостоверившись, что «Быстрый» никуда не выходит, разведчик отправился по своим делам. Не в общежитие, конечно, и ни в какой не пригород, а на Солянку, к Шкуруину. Там он пробыл до вечера. Когда уже смеркалось, Осетров вышел с небольшим чемоданчиком в руках и проехал прямо к Малявкину. Питание для рации, как оказалось, было в чемоданчике, среди прочих вещей.

Следующим утром Осетров с Малявкиным вышли от Костюковых почти одновременно, друг за другом: Осетров отправился «отовариваться» (мать и дочь Костюковы вели свою роль безукоризненно: они потребовали, чтобы новый жилец хоть какою-

нибудь часть «платы» внес немедленно), а Борис — в подмосковный совхоз, к месту захоронения рации.

В лесу, в густом кустарнике, Малявкина уже ждал Горюнов, которому Борис позвонил с дороги по телефону. Доложив Виктору о событиях минувших суток и получив указания на дальнейшее, «Быстрый» вышел в эфир. Он сообщил руководству абвера о прибытии Осетрова и запрашивал инструкций: как быть с рацией, показывать ли Осетрову ее месторасположение. Ответ был короткий: Осетрову подчиняться полностью, он — старший, рацию ему предоставить.

Глава 24

Ната была удивлена и обижена. Что все это значит? Как понимать Кирилла Петровича, чекистов? Как теперь им верить? А до чего все шло последнее время хорошо, как ладно складывалась жизнь! И дядя, Петр Андреевич Варламов, вернулся. Правда, в городе он почти не показывается, сидит на какой-то там специальной даче. Бывают у него только директор института, Миклашев, ну и, конечно, она, Ната. Больше о его возвращении никто не знает. «Так надо», — коротко объяснил Нате Скворецкий. Дядя, кажется, доволен. С головой ушел в работу: часами просиживает с Миклашевым, считает, считает, считает. Там, на даче, ему устроили что-то вроде лаборатории. О Еве Евгеньевне он не вспоминает, не хочет вспоминать. Молчит, во всяком случае.

И у нее, Наты, все получается как нельзя лучше: по рекомендации Скворецкого райком комсомола внял ее мольбам и направил девушку в фельдшерское училище. Несколько месяцев учебы — и фронт! Все бы хорошо, так на тебе!..

Хотя что, собственно говоря, произошло? Когда Ната это обнаружила? Пожалуй, что-то около недели тому назад. Точно — неделю. День был погожий, на улицах сравнительнолюдно. Ната шла в магазин за продуктами, беспечно помахивая пустой сумкой. Внезапно ее охватило чувство какой-то смутной тревоги. Она не могла понять почему, но тревога не исчезала. Ната испытывала какое-то странное, непривычное чувство. Внезапно она поняла: за ней следят. Кто-то смотрит на нее цепким, изучающим взглядом. Она стремительно обернулась: в толпе пешеходов мелькнуло какое-то лицо, глаза ее на мгновение уловили чей-то пронзительный взгляд, и все. Больше она ничего не успела заметить. Как она потом ни осматривалась, никого не было, но неприятное чувство осталось.

То же повторилось и на следующий день, и еще день спустя, только теперь, как Ната ни глядела по сторонам, ей ничего не удалось обнаружить. Ната нервничала все больше и больше, и было до чертиков обидно: для чего понадобилось майору, чекистам организовывать за ней наблюдение? Это же... Нет, этому нет названия!

Ната хотела прямо спросить Кирилла Петровича, с какой стати он организовал за ней эту унижительную слежку, но, когда разговаривала с ним по телефону, не решилась. Однако то, что произошло сегодня, перешло все границы. Это уж было просто вероломство. Ната ехала к дяде на дачу. Ехала на машине, которую предоставил ей тот же майор. По возникшей у нее за последнее время привычке всюду искать преследователей, она нет-нет да посматривала в заднее стекло машины. (Ната поместилась на заднем сиденье.) И, как оказалось, не зря. Не будь она так насторожена, Ната, вероятно, ничего бы и не заметила. Но в последние дни нервы ее были настолько напряжены, все чувства так обострены, что среди мелькавших сзади, то появлявшихся, то исчезающих, машин Ната заметила зеленовато-бурую, густо закамуфлированную легковую машину, каких немало сновало тогда по дорогам Подмосковья. Машина то исчезала из поля зрения, то возникала вновь, неизменно в отдалении, ни разу не приближаясь к машине, в которой ехала Ната, но и не отставая.

Ната не выдержала: она осторожно тронула за плечо шофера.

— Послушайте, — глотая слезы, сказала девушка, — вас одного мало? Зачем за нами идет еще одна ваша машина?

— Что? — обернулся шофер. — Как — мало? Какая машина?

— А вон, — ткнула Ната пальцем в стекло. — Сзади. Будто вы не знаете!

Шофер сбавил ход, затем увеличил скорость, пристально вглядываясь в смотровое зеркальце. С Натой он больше не разговаривал, но машину погнал с бешеной скоростью. Их преследователи скрылись из виду. Не было их и на обратном пути — с дачи. Шофер уехал, высадив Нату у ее дома, так и не сказав ни слова.

К чувству обиды, тревоги прибавилась растерянность: Ната не знала, как ей быть, что предпринять. И посоветоваться не с кем. (Дяде она ничего не сказала: зачем его тревожить, он и так достаточно натерпелся.)

Девушка так глубоко задумалась, что не сразу услышала настойчиво повторявшийся звонок в дверь. На пороге стояли Скворецкий и Горюнов. Лица у них были хмурые, встревоженные.

— Что за история произошла у вас в пути? — начал Кирилл Петрович, едва успев поздороваться. — Что за машину вы обнаружили?

— Будто сами не знаете... — Ната внезапно расплакалась.

— Сами? — Скворецкий обменялся с Горюновым недоуменным взглядом. — Ната, голубушка, что произошло? Почему слезы? Ну-ка, возьмите себя в руки! Выкладывайте.

Не в силах сдержаться, всхлипывая, Ната принялась излагать обиды последних дней с того самого момента, когда она впервые обнаружила слежку. По мере того как она рассказывала, Кирилл Петрович мрачнел все больше и больше, Виктор же то и дело вздыхал и ожесточенно теревил свою шевелюру.

— Скажите, — внезапно спросил Скворецкий, — а номер машины вы не заметили?

— Номер? — растерялась Ната. — Но...

— Довольно, — сердито сказал Скворецкий. — Выпороть вас мало! И как вам могла прийти в голову такая ересь, будто наблюдение за вами ведем мы? Туда же, а еще разведчиком собирались стать!

Ната смутилась. Она и в самом деле просилась в такую школу, где «учат на разведчиков», но Кирилл Петрович настоял на своем: в фельдшерскую.

Между тем Скворецкий выговаривал:

— Неужели вы до сих пор не поняли, что дело-то не шуточное. Идет охота, и не за вами, а за Петром Андреевичем, за профессором. Картина ясная. Спасибо, шофер сказал, а то бы мы ничего и не знали. Нет, пороть вас, пороть надо...

Ната молчала, но, как ни странно, чем больше ругал ее Скворецкий, тем радостнее сияли ее глаза: враг? Не свои? Это — главное. А борьбы Ната не страшилась.

— Сделаем так, — подытожил майор. — Будьте начеку, но виду не подавайте. Держите себя спокойно, как ни в чем не бывало. Если что заметите, немедленно свяжитесь с нами.

— И только? — огорчилась Ната. — Я бы хотела... Я сама...

— Знаю, чего бы вы хотели, — жестко прервал ее майор. — «Сама»! Вам подай что-нибудь эдакое, героическое. Не выйдет! Мы не в бирюльки играем. То, что я вам сказал, — приказ. И не вздумайте мудрить.

— Хорошо, — вздохнула Ната. — Все сделаю...

Очувшись на улице, Скворецкий и Горюнов обменялись лишь несколькими фразами: настроение у обоих было скверное, говорить не

хотелось.

— «Зеро», — не то спрашивая, не то утверждая, сказал Виктор. — Его работа?

— «Зеро»? — задумчиво повторил Кирилл Петрович. — Сомневаюсь. После всего, что произошло, после провала Гитаева, это с его стороны было бы уж слишком большим нахальством.

— Тогда кто же?

— Этого я и сам не знаю. Возможно, кто-нибудь из той же шайки охотится за Варламовым. Кто там еще есть у «Зеро», что за помощники, нам неизвестно.

— И все же я не исключаю, что это сам «Зеро», — упрямо сказал Виктор. — Помощники? Вряд ли у него их много.

— Исключать ничего нельзя, — согласился Кирилл Петрович, — но если наблюдение ведет сам «Зеро», здесь, в Москве, среди бела дня, то... Ладно. Все одно не уйдет...

— Что будем делать? — спросил Горюнов.

— Работать. Работать будем. Что же еще?

Охрана дачи, где вел свои работы профессор Варламов, была усилена. Ната теперь не выходила из дому, не поставив предварительно в известность чекистов, но все было напрасно: обнаружить того, кто преследовал Нату, не удалось. Он исчез, словно сквозь землю провалился. Если бы не сообщение шофера, заметившего преследовавший их автомобиль, Скворецкий готов был бы приписать всю эту историю болезненному воображению Наты, но машина была, это факт, не считаться с которым было нельзя.

Между тем все эти дни майор продолжал изучать Колоскова, готовился к решающему шагу. Чем больше поступало сведений, тем ярче выступала фигура конструктора — хотя ничего принципиально нового и не было — как человека советского, подлинного патриота. Немецкий агент? Того хуже — сам «Зеро»? Чудовищно! Но — Гитаев. Его встречи с Колосковым, слова, сказанные им Варламовой?

Если верить показаниям Евы Евгеньевны, то... А какие, собственно говоря, основания были этим показаниям не верить? Ведь все остальное, что подвергалось проверке, соответствовало истине: Варламова говорила правду. Да-а, задача!..

Шагом, который должен был привести к решению задачи, разрубить стянувшийся вокруг Колоскова узел, был прямой разговор с

конструктором. Именно такое решение и было принято. Скворецкий отлично понимал, что многое зависит от него самого, его умения вести разговор, понять скрытые мысли собеседника, разгадать тайные ходы, поймать его, если потребуется. Но майор был в себе уверен. На его стороне была сама правда, он стоял на страже интересов, безопасности своего народа, своей Родины, партии, и в этом был главный источник его силы. Ну, и — мастерство. Не раз майору Скворецкому приходилось встречать врага лицом к лицу, в какую бы маску тот ни рядился, какое бы обличье ни принимал, и редко, очень редко майор проигрывал. Проигрывал сегодня, чтобы выиграть завтра.

Тщательно продумав и обсудив с комиссаром план предстоящего разговора, Кирилл Петрович отправился в конструкторское бюро, где работал Колосков. Беседу было решено провести там, в ОКБ, Колоскова в наркомат до поры до времени не вызывать.

Нельзя сказать, чтобы внешний облик Колоскова, его манера держаться, вести разговор располагали к нему с первого взгляда. Во всех чертах конструктора, в его манерах было что-то жесткое, колючее. Говорил он короткими, рублеными фразами, нисколько не интересуясь впечатлением, которое производит на собеседника. Во взгляде серых, глубоко запавших под бугристыми надбровьями глаз таилась скрытая усмешка, легкое пренебрежение. «Да, — подумал Кирилл Петрович, окинув изучающим взглядом собеседника, — разговор будет не из легких».

Начал Скворецкий со Штрюмера: так и так, надо бы уточнить кое-что об этом человеке, выяснить некоторые детали вашего с ним знакомства.

Колосков резко дернул плечами: такой разговор уже состоялся с представителем органов. Еще перед войной. Если память не изменяет, в 1939-м. Все уточнили. Выяснили. Что еще надо? У него, Колоскова, нет ни времени, ни желания вести пустые разговоры.

Кирилл Петрович усмехнулся:

— Да, вы правы, разговор был, но до начала войны с фашистской Германией. До войны — понимаете? С тех пор кое-что изменилось.

— Изменилось, — согласился Колосков. — Много изменилось. Война... Но Штрюмера-то я после начала войны не встречал. Не мог встречать. Так что... — Он снисходительно развел руками.

Скворецкий, однако, не отступал. Не обращая внимания на откровенное нежелание Колоскова вести беседу, на его подчас резкие реплики, майор дотошно расспрашивал конструктора об обстоятельствах его знакомства и характере встреч со Штрюмером, особенно о последних встречах, в 1939 году.

— Никак не пойму, — подчеркнуто благожелательно говорил он, — что вас, советского инженера, советского человека, могло связывать с этим фашистом, с убежденным нацистом?

— Штрюмер, — возразил Колосков, — превосходный инженер, блестящий конструктор. Вы это упускаете из виду. Что же до его политических взглядов... Так до этого мне не было никакого дела. Вы говорите — нацист? Не знаю.

— Не было дела? — Скворецкий прищурился. — А сейчас? Сейчас, когда идет война, навязанная нашему народу такими, как вот этот ваш Штрюмер...

— Мой! — дернулся Колосков. — Попрошу выбирать выражения. Знакомый — да. Инженер — да. Но никакой не мой, зарубите это себе на носу! Я ценю инженерный талант немцев, того же Штрюмера, их умение блестяще организовать производство, которому нам — да, да! — учиться и учиться. Можете записать! (Колосков фыркнул.) Но, смею думать, фашистская Германия мне не меньший враг, чем вам. Я это доказал и доказываю делом, а не болтовней. Замечу: ни с одним немцем с начала войны я не встречался.

— Немцем? Это вы, пожалуй, зря. Не все немцы — фашисты.

— Ну, ни с одним фашистом. Согласен. Если это вас больше устраивает.

— Меня? — искренне удивился Кирилл Петрович. — Слушая вас, можно подумать, что я руководствуюсь в нашей беседе какими-то своими личными интересами. Зачем вы так?

— Личные не личные, меня это мало интересует. Если что не так сказал, прошу извинить. А вообще... Не пора ли кончать эту никому не нужную беседу?

— Кончать? Да мы еще и не начали.

Тут Кирилл Петрович пошел с главного козыря. Он вынул из кармана пакет, в котором лежала увеличенная фотография Гитаева, достал снимок и протянул Колоскову:

— А этот, по-вашему, кто? Что вы о нем скажете? Тоже инженер? Конструктор? С ним вы зачем встречались, с какой целью?

Колосков взял фотографию, внимательно ее рассмотрел, зачем-то перевернул и посмотрел с обратной стороны.

Как ни пристально вглядывался Скворецкий в его выразительное лицо, он не заметил ни тени волнения, никаких признаков не то чтобы страха, а хотя бы беспокойства, — ровно ничего. Повертев фотографию в руках, Колосков с самым равнодушным видом вернул ее майору.

— Встречался, говорите? — сказал он. — Нет, вы ошибаетесь. Конструктор? Не знаю. С этим человеком я незнаком. Никогда не встречался.

Скворецкого охватила оторопь: так, с таким невозмутимым видом человек вряд ли мог лгать. Знай Колосков Гитаева, встречайся с ним, он хоть чем-нибудь должен был себя выдать: жестом, выражением лица, взглядом. Ровно ничего похожего не было. Да, если Колосков и знал Гитаева (а он его знал, знал!), так самообладание было у него просто поразительным, невероятным.

Отступить майору было некуда, да он и не собирался отступать. Последовал новый вопрос:

— Мирон Иванович, вы шутите? Вам не приходилось встречаться с изображенным здесь человеком? Так ли? А если я назову вам не только даты этих встреч, но время и место?

Что-то незримо изменилось в облике Колоскова, в его манере разговаривать. Он стал, что ли, мягче, внимательнее к собеседнику. Майора он рассматривал теперь пристально, с любопытством, без прежней колючести.

— Знаете, — сказал он задумчиво, — а это занятно. Тут нам с вами (так и сказал: нам с вами) надо разобраться, все выяснить. Так, говорите, встречался? Даже даты и место встреч известны? Ну что же, выкладывайте. Посмотрим.

Колосков заметно оживился, даже повеселел. Чего угодно, только не такой реакции ждал Скворецкий. И опять отступить некуда. Дурацкое положение!

— Назвать место встречи? Извольте. Ваша собственная квартира. У Красных ворот. Дом номер... Даты? — Кирилл Петрович перечислил даты, указанные Варламовой.

Колосков глубоко задумался, вздохнул и, взяв Кирилла Петровича за рукав, доверительно сказал:

— Понимаете, какая история, именно в те самые дни, что вы назвали, меня в Москве не было. Не было. Вам ясно? Я был на испытаниях. На фронте. Тут что-то не то.

Вот теперь Скворецкий окончательно почувствовал себя неловко. Колосков не врал, это было ясно. Насчет испытаний лгать он не мог, слишком легко тут все можно было проверить. Врала Варламова? Но с какой стати? И не похожи были ее показания на ложь. Сколько раз он ее допрашивал, передопрашивал вместе с комиссаром, уточняя и детализируя все, что связано с Колосковым. Или Гитаев бывал не у Колоскова? Солгал ей? Но она же сама, сама видела, как он входил не куда-нибудь, а в квартиру Колоскова. Что за чертовщина?

Колосков внезапно оживился:

— Ну-ка, ну-ка дайте сюда еще разок эту штуковину. — Он потянулся за фотографией. — Судя по всему, сей фрукт, мой «знакомый», — парень собой видный. Смотрите — с усиками. Так?

— Вроде бы так, — неуверенно сказал Скворецкий, будучи не в силах понять, куда клонит Колосков.

— Он, говорите, бывал на моей квартире? Это вам точно известно?

— Но вы же утверждаете — не бывал.

— Ничего я не утверждаю, — вновь фыркнул Колосков. — Значит, бывал? Вот дрянь, ну что за дрянь!..

— Дрянь-то, конечно, дрянь, — уныло согласился Кирилл Петрович. — Только...

— Да я не о нем, — махнул рукой Колосков. — Я о Дусе.

— Какой еще Дусе?

— Это сестрица у меня есть. Дуся. Совсем еще девчонка. Двадцать третий пошел. Она месяца два назад приехала из Куйбышева. Девушка-то, в общем, неплохая, но не без легкомыслия. Однако чтобы до такого дойти... Какая дрянь...

Полчаса спустя Скворецкий был на квартире Колоскова. Дуся, предупрежденная братом по телефону, ждала майора. Разговор получился недолгим: сестра Колоскова ничего не отрицала. Да, месяца полтора назад она познакомилась с офицером, по имени Матвей. На улице. Он несколько раз бывал у нее в гостях. А что такого? Боевой

офицер, защитник Родины... Ничего лишнего она ему не позволяла. Она, Дуся, просто не понимает, к чему весь этот разговор.

Гитаева она опознала по фотографии сразу: да, он самый, Матвей. Гитаев, говорите? Возможно. Фамилией своего знакомого Дуся не интересовалась. Где он, кстати, сейчас? Почему исчез, не показывается?

Скворецкий сурово оборвал трескотню не в меру разболтавшейся сестрицы конструктора. Жестко, не очень стесняясь в выражениях, он разъяснил ей, к чему приводят случайные знакомства. Гитаев — преступник, и счастье Дуся, что знакомство было столь кратким. Она легко отделалась, могло быть хуже. Чем скорее она забудет своего «защитника Родины», тем будет лучше. Вот так!

По выражению лица вконец растерявшейся девушки Кирилл Петрович понял, что урок пошел впрок. Про себя он подумал: «Ай да Гитаев! Не только Еву Евгеньевну, но и нас провел. Лучше не надо!»

Глава 25

Жизнь для Бориса Малявкина стала невыносимой. Редко когда он оставался теперь один: Осетров не отходил от него ни на шаг. Целыми днями он валялся дома на тахте, рассказывая скользкие анекдоты (их у него был неисчерпаемый запас) и разные истории. Не проходило дня, чтобы Осетров не выпивал, порой напиваясь до безобразия. Заставлял пить и Бориса, и отказываться было трудно. Прошла неделя, шла вторая, а ничто не менялось. Если что Осетров за это время и сделал, так это один раз съездил с Малявкиным в лес, «проинспектировал» рацию, да еще рыскал по московским рынкам в погоне за водкой и продуктами. Потом опять водка и анекдоты, анекдоты и водка. Зачем он приехал? С какой целью, с каким заданием? Малявкин ничего не мог понять: уж очень странно все складывалось. Ломали себе голову и Скворецкий с Горюновым и тоже не находили объяснения. Бездействие немецкого разведчика вызывало недоумение. Впрочем, у Кирилла Петровича возникли некоторые, как он выразился, мыслишки, но он не торопился с кем-нибудь ими делиться.

Как раз в эти дни в эфире опять зазвучал «Фауст». Текст расшифрованной радиogramмы поставил чекистов в тупик. Радиogramма гласила: «Установите наблюдение „Сутулым“, связь никоим образом не вступайте. Случае ареста „Сутулого“ немедленно сообщите. Ждите дальнейших указаний».

Кому предназначена эта шифровка? «Зеро»? Но кто такой «Сутулый», откуда взялся? Что за новый персонаж? Уж не Осетров ли? Так почему с ним нельзя устанавливать связь, почему абвер ожидает его ареста и ждет сообщения об этом аресте? И почему Осетров вообще не предпринимает никаких попыток встретиться с «Зеро», даже не упоминает о нем? «Сутулый»... Чертовщина какая-то!

Возникла новая задача, и эту задачу тоже предстояло решать. Как, пока сказать было трудно.

...Шла к концу вторая неделя пребывания Осетрова у Костюковых. Как-то, изрядно охмелев, он уставился тяжелым взглядом на «Быстрого» и медленно, цедя каждое слово сквозь зубы, сказал:

— Знаешь, а я скоро рвану. Обратю. Уже решил. Что ты на это скажешь?

— А я? — мгновенно взорвался «Быстрый». — Опять останусь? Один? Зачем? Нет, так дальше не пойдет. К дьяволу! Что я тут буду делать?

— Узнаешь. Скоро узнаешь. Пока, на всякий случай, дам тебе один адресок: Солянка, дом номер... квартира... Запомнил? Шкурин. Федор Корнеевич Шкурин. Кличка — «Сутулый». Тоже запомнил? Наде-ежный, скажу тебе, человек. Уж сколько лет работает. Большим доверием пользуется, это точно... Если что спрятать, кому передать... Понял?

— Да что мне прятать? Что передавать? Кому? — чуть не со слезами взмолился «Быстрый». — Ты мне, наконец, скажешь или нет, зачем я здесь торчу, жизнью рискую? Какой во всем этом смысл?

— Т-ты опять?! — пьяно покачал пальцем Осетров. — С-сказал, скоро узнаешь. И — все. И — ш-ша! Молчи, Н-не твоего ума дело...

День спустя Борису удалось улучшить минуту и, когда Осетров ушел на рынок, повстречаться с Горюновым. Он передал Виктору вчерашний разговор во всех подробностях, торжествуя, что обнаружил немецкого разведчика — «Сутулого». Шкурина.

Одно смущало Бориса: за эти дни он достаточно хорошо изучил Осетрова и был убежден, что во время беседы тот был не настолько пьян, как прикидывался. Это случилось впервые. В чем тут дело? Зачем это Осетрову понадобилось? И — «Сутулый». С какой целью Осетров назвал его «Быстрому»?

Горюнов проявил живейший интерес к сообщению Малявкина, уделив особое внимание сведениям о «Сутулом».

— Шкурин? — воскликнул он. — Федор Корнеевич Шкурин? Солянка? Запомним. Вот это — открытие!..

Виктор и виду не подал, что Шкурин был уже известен чекистам. Впрочем, сообщение, что он — старый немецкий агент, было новостью, и новостью серьезной. К Шкурину стали присматриваться еще пристальнее, нежели прежде, но ни в чем предосудительном «Сутулый» замечен пока не был. Ясно было одно — это не «Зеро». В этом сомнения не было. По-новому выглядела теперь и радиограмма, перехваченная несколько дней назад. Так, значит, абвер ожидает ареста «Сутулого»? Любопытно!

...Минуло еще несколько дней. Однажды утром Осетров внезапно сказал:

— Ну, кореш, готовь отходную. Завтра обрываю концы. Гульнем сегодня последний разок — и приветик. Пишите до востребования...

Борис молчал. Повторять, в который уже раз, старую песню? Не имело смысла. Осетров все равно ничего не скажет. Ничего нового, во всяком случае.

Пока Осетров отсутствовал, делая «заготовки» к «отходной», Борис успел известить Горюнова о предстоящем отбытии посланца абвера. Горюнов со Скворецким тут же отправились к комиссару: надо было решать, что делать дальше.

У Виктора сомнений не было: ему все было ясно. Осетров — связник. Он многое знает. «Быстрому» он выложил далеко не все. Сообщил только то, что касалось того непосредственно. Остальное надо у него получить. Вывод: Осетрова надо брать. Какие могут быть сомнения? Вопрос заключался лишь в том, где брать — здесь, в Москве, или на пути к фронту? По мнению Горюнова, брать в Москве не следовало: можно бросить тень на «Быстрого». Самое лучшее — при попытке перейти линию фронта. Тут не подкопаешься, все естественно. Ни Осетрову, ни кому другому и в голову не придет посчитать Малявкина виновником провала.

Одновременно, считал Горюнов, надо брать и «Сутулого». Шкурина. Это тоже само собой разумеется. Старый агент абвера! Штучка! Там допросы, очные ставки. Когда они оба будут в наших руках, не отвертятся. Всё выложат.

Поначалу Виктор говорил с подъемом, заметно горячась, но постепенно начал сбавлять тон. Комиссар слушал его хотя и внимательно, не перебивая, но, по мере того как он излагал свою точку зрения, все больше и больше хмурился. Что касается Скворецкого, так Виктор уже не раз говорил с майором, и тот иначе оценивал положение, стоял за другое решение. Это было известно Виктору. Так что из того? Разве не мог быть прав именно он, Горюнов, а не Скворецкий?

— Так, — сказал комиссар, когда Виктор умолк. — Ваша позиция ясна. Кое-что в ней правильно, но в своей основе... Судя по выражению вашего лица, Кирилл Петрович, — он повернулся к майору, — вы не вполне согласны с Виктором Ивановичем. Я угадал?

— Угадали, товарищ комиссар. Мы с Горюновым уже основательно спорили, но каждый пока остался при своей точке зрения.

— В чем причина спора? — спросил комиссар.

— В разной оценке положения и действующих лиц, — твердо сказал Скворецкий. — Я сознательно дал Виктору Ивановичу возможность еще раз, перед вами, изложить свою точку зрения, лишний раз сам внимательнейшим образом его выслушал и лишний раз убедился, что он неправ. Неправ в корне. Судите сами...

Действительно, оценка, которую Скворецкий давал действующим лицам, а отсюда и сложившейся обстановке, полностью отличалась от той, что давал Горюнов. Иными были и выводы, и предложения. Осетров — связник, говорил Скворецкий. Правильно. Тут он согласен с Виктором Ивановичем. Но какой связник? С какими задачами? Личность так называемого Осетрова нами установлена. Никакой он не Осетров и никакой не лейтенант Советской Армии. Лейтенант танковых войск Семен Семенович Осетров погиб в мае прошлого года, под Харьковом. Документами погибшего лейтенанта немцы снабдили своего агента. Кто он, тоже установлено. Это — московский вор средней руки, Семен Буранов, по кличке «Сенька Буран». В канун войны он отбывал наказание в одной исправительно-трудовой колонии. Колонию эвакуировать не успели, тут еще немцы выбросили десант... Одним словом, как Сенька Буран попал к немцам, стал их агентом, ясно. Таких у фашистов хватает. Это не Гитаев, не «Музыкант», убежденный, непримиримый враг советского строя, идейный враг, если хотите. И, конечно, не «Зеро».

— Так вот, — продолжал Кирилл Петрович, — могли ли ТАКОМУ (он подчеркнул это слово) агенту дать серьезное, ответственное задание? Сомнительно. Зачем же его посылали? Доставить питание к рации, и только? Опять же сомнительно. К чему «Быстрому» рация в его нынешнем положении, когда он бездействует? Нет тут ведется большая игра, в которой «Быстрому» отводится, по-видимому, не последняя роль, и сделай мы один неверный ход...

— Брат Осет... то бишь Сеньку Бурана, и будет таким неверным ходом? — быстро спросил комиссар.

— Да, — коротко ответил Скворецкий.

— Значит, вы полагаете, — продолжал комиссар, — если, конечно, я вас правильно понял, что абвер забросил Буранова в виде приманки, устроил нечто вроде испытания «Быстрому», проверки? Так?

— Уверен, товарищ комиссар, что цена Буранову не большая, таких немцы не жалеют. Какова главная цель его заброски? Проверить, возьмем мы его или нет. Ему и заданий-то никаких не дали: он две недели болтался без дела. А так как калач он тертый, опытный уголовник, то на пустяке попасться не мог. Следовательно, возьми мы его, и песня «Быстрого» спета: Малявкин, и только Малявкин — виновник провала Осетрова. Из игры он исключается. Не такие уж дураки в немецкой разведке. И тут еще эта шифровка насчет «Сутулого». Помните? Думаю, она подтверждает мою версию. Не случайно Осетров навязывал — буквально навязывал — этого «Сутулого» «Быстрому»: назвал имя, дал координаты.

Комиссар молча кивнул. Но тут не выдержал Горюнов:

— Нет, не согласен. Скажите, разве не может Буранов попасться при переходе линии фронта? Сам. Независимо от Малявкина?

— Конечно, может, — согласился Скворецкий, — а кому от этого легче? Как ты убедишь немцев, что «Быстрый» тут ни при чем? Да и зачем нам этот Буранов сейчас нужен? Что он даст? Наказать его? Так от наказания он не уйдет. В свое время. Проиграть же, в случае его ареста, мы можем много. О «Зеро» тогда и думать забудь, а «Зеро» — главная наша задача. Нет, надо не брать Буранова, а наоборот: обеспечить ему беспрепятственный переход, возвращение к «своим», — вот что я бы советовал.

— Ну, а Шкурин, Шкурин? Тот же «Сутулый»? — выкинул Горюнов последний козырь. — Что-то вы говорите недомолвками, а ведь он в вашу схему никак не укладывается.

— Почему, Виктор Иванович? Очень даже укладывается, — вмешался комиссар. — Недомолвки? Почему недомолвки? Мне сдается, что Кирилл Петрович прав, и все яснее ясно. Заброска Буранова — ход конем, хитрый ход. Возьмем? Не возьмем? А Шкурин? Шкурин — старый агент. Это, очевидно, так. Но уж слишком старый, в прямом смысле слова. Вот какое у меня складывается впечатление. Судите сами. Ему за шестьдесят, да и без ноги. Он выдохся. Вот абвер нам его и подбрасывает. Опять-таки: возьмем? Не

возьмем? Тут уж без осечки: если возьмем, роль «Быстрого» очевидна. Шкурин-то фронт переходить не будет, ему проваливаться не на чем. Одно мне не вполне ясно: зачем он ходил на продовольственный склад?

Горюнов все еще не хотел сдаваться:

— Но ведь это только предположение, товарищ комиссар. Фактов, дающих основание принять такую версию, я не вижу.

— Напрасно не видите, — возразил комиссар. — А для чего, вы думаете, назвал Буранов Шкурина «Быстрому»? С какой целью? Встаньте на минуту на место «Быстрого» — немецкого разведчика, действующего в Москве. Зачем ему, в его сегодняшнем положении, нужен Шкурин? Не нужен. Так для чего абвер расшифровывает «Сутулого» перед «Быстрым»? Нет, тут они перебрали. Если хотите, то Шкурин-то, тот факт, что Буранов назвал его «Быстрому», и убеждает меня в правильности оценок Кирилла Петровича...

Комиссар внезапно умолк на полуслове. В глазах его зажглись веселые искорки.

— Стоп! — воскликнул он, не скрывая торжества. — Где эта шифровка? Немецкая. Как там? «Наблюдайте за „Сутулым“, связь не устанавливайте, в случае ареста — сообщите». Так? А ведь «Сутулый»-то — Шкурин! Вот вам и разгадка ребуса. Они его «Быстрому» подбросили и ждут: дойдет до нас? Ключнем? Не ключнем? Шалишь, голубчики, мы с вами еще поиграем! «Быстрого» за грош не продадим!..

Дальше спорить было не к чему: вопрос был решен. Задача — обеспечить так называемому Осетрову, он же Буранов, он же Сенька Буран, благополучный переход линии фронта, возвращение к «своим» — была возложена на Виктора Горюнова. Задача была не из приятных да и не из легких: Виктор должен был действовать с предельной осторожностью, ничем себя не обнаруживая, и в то же время предотвращать многочисленные угрозы, стоявшие на пути немецкого разведчика. Да, стать незримым проводником врага, фашистского холуя, агента абвера. Ничего не скажешь! Не с легкой душой готовился старший лейтенант Горюнов к выполнению этого задания. Но что делать? Раз надо, так надо. Всякое выпадает на долю чекиста, всякое случается...

В то время, как в кабинете комиссара решалась судьба Буранова-Осетрова, последний, в ознаменование предстоящего отъезда, устроил в тихой квартире Костюковых грандиозную пьянку. Пили вдвоем: Осетров и «Быстрый». Борис старался пить поменьше, больше закусывать, а Осетров... тот не знал удержу. Проникнувшись спьяну нежностью к Малявкину, Осетров то и дело лез целоваться, слюнявя щеку Бориса мокрыми губами. Потом его обуяла жажда самоуничтожения:

— Я — кто? Я — ничтожество, — твердил Буранов-Осетров, проливая пьяные слезы. — Я — тьфу. Плюнь и разотри. Что они, немцы, с меня делают? Что хочут, то и делают. Какое дело поменьше, погрязнее, туда и Сеньку. И платят гроши. Ах, Боря, Боря, друг сердечный, пропадаю ни за копейку, а ведь во мне талант заложен, ба-альшой талант! Любую форточку... И-эх!..

Малявкин уже хотел было уложить Осетрова отсыпаться, хоть бы и силой, до того мерзостной была его пьяная болтовня, как вдруг немецкий разведчик поднял указательный палец и таинственным шепотом просипел:

— Тш-ш!.. Тш!.. М-молчи! Я тебе знаешь что скажу? Думаешь, там со всеми, как со мной, с тобой, обращаются? Не-э... М-ма-майора Шлоссера знаешь? Ага, знаешь, вижу, знаешь! М-молчи. А любимчика его знаешь? Ни... ты не знаешь. О-о, эт-то парень, какой парень! Летчик, армянин. Ему-то у Шлоссера хорошо, прямо как у Христа за пазухой. У него, у этого летчика, невеста, между прочим, есть. Артистка. В Москве. Таней зовут. Татьяна Языкова. Д-да! Х-хараша! Я фотографию видел, с надписью. Мне он сам показывал... Он тоже скоро пойдет. Может, уже пошел. С заданием. Я точно знаю. П-полетит... Сначала — в Тулу, а там... Я с-слышал, с-слышал...

Но что слышал Осетров, куда двинется этот «любимчик Шлоссера», Малявкину узнать так и не довелось. Неосторожным вопросом он спугнул Осетрова, спросив, как фамилия этого человека. Тут с Осетрова мгновенно слетел хмель.

— Что, гад, — прошипел Осетров, — покупаешь?! П-продать хочешь?! Н-не выйдет!

— Ты что, очумел? — возмутился Борис. — Мне что? Плевать я хотел на его фамилию! Просто любопытно. Может, когда с ним и встречались. В школе, у майора Шлоссера...

— Ну, у Шлоссера редко кто из нас другого встречает. Там порядок, — уже более миролюбиво заметил Осетров, снова впадая в прежнее состояние. Вскоре он опьянел окончательно и захрапел.

Борис хотел было выскочить на улицу и из ближайшего автомата позвонить Горюнову, но не рискнул. А вдруг Осетров притворяется? Нет, нельзя. Как это говорил Кирилл Петрович? Выдержка, и еще раз выдержка.

Ни на следующее утро, ни сутки спустя, ни еще несколько дней Борис Малявкин Горюнова не видел. Весь следующий день Осетров держал Бориса около себя. Спать легли рано, а там, спозаранку, Осетров распрощался с «Быстрым». Выждав час-другой, Борис кинулся к телефону. Горюнова не было. Он исчез. Бориса соединили с Кириллом Петровичем, и еще полчаса спустя они встретились. Малявкин обстоятельно доложил майору о болтовне Осетрова, которой Кирилл Петрович придал самое серьезное значение. Скворецкий

рассуждал так: если Буранов-Осетров не фантазировал, то дело серьезное. Немцы готовят засылку крупного агента. Сведений о нем пока почти нет, кроме национальности. Есть фамилия невесты — Языкова. Вот она-то, Языкова, и сможет пролить свет на личность агента. Следовательно, надо заняться Языковой вплотную и в зависимости от результатов проверки решить вопрос о встрече с ней. Правда, Кириллу Петровичу это имя было знакомо. Да и кто в те годы не знал имени актрисы Татьяны Языковой? В самый канун войны она успешно сыграла одну из ведущих ролей в веселой музыкальной комедии, которая с триумфом прошла по экранам страны. Небольшой, но приятный голос, привлекательная внешность и обаяние помогли актрисе завоевать широкую популярность, а лирические песни, исполнявшиеся актрисой, полюбились многим.

С первых дней войны Татьяна Языкова вступила в одну из концертных фронтовых бригад и с неизменным успехом вот уже третий год выступала перед бойцами Советской Армии, нередко на передовой. Судя по всему, это была мужественная девушка.

Однако всего этого было и много и мало. Много для того, чтобы составить предварительное общее мнение о человеке. Мало, чтобы наметить конкретные пути действия в весьма непростой обстановке, которая складывалась вокруг актрисы, если брать на веру слова немецкого разведчика Буранова-Осетрова. Действовать надо было быстро и решительно! Прибытие крупного агента абвера, если он останется вне поля зрения чекистов, несло в себе серьезную угрозу. Кроме того, непосредственная опасность нависала и над актрисой. Языкова-то ведь не знала, во что превратился ее бывший жених, если опять-таки все сказанное Осетровым было правдой. Вот поэтому так и торопился Скворецкий.

День спустя Кирилл Петрович уже располагал более или менее полными сведениями об актрисе. Татьяна Владимировна Языкова родилась в Москве. Отец ее был пианистом, мать — преподавательницей пения. Музыкальное образование Татьяна Языкова получила с детства, в семье. Потом — музыкальное училище, консерватория, которую Языкова должна была кончить в 1942 году: помешала война.

Татьяна была веселой, общительной девушкой, пожалуй, несколько легкомысленной. Подлинное ее дарование раскрылось в

кино, хотя роль досталась ей волей случая. Немало было у Татьяны поклонников, но и к ним она относилась без должной серьезности, никого особо не выделяя, никому не отдавая предпочтения. Существовал ли человек, которого можно было бы назвать ее женихом, выяснить не удалось.

Но если в личной жизни, в учебе, даже в работе в кино Языкова была несколько легкомысленной, то совсем иначе дело обстояло сейчас, в дни войны, иначе она себя вела во фронтовой концертной бригаде. К своим выступлениям на фронте актриса относилась чрезвычайно ответственно. Никогда не отказывалась от выступлений. Пела под открытым небом, с самодельной эстрады, с платформы грузовика, стоя на броне танка. Пела, когда невдалеке рвались снаряды. Пела, не жалея голоса, щедро отдавая благодарным слушателям нерастраченные силы молодости, таланта, всю свою душу. Татьяну Языкову знали на фронте, ее любили, берегли. И сейчас возле этого красивого, хорошего человека в любой момент мог появиться враг, враг коварный, вероломный, прикрывшийся личиной друга и поэтому еще более опасный.

«Все ясно, — решил майор Скворецкий. — Надо действовать, и действовать безотлагательно».

Глава 26

Виктор Горюнов вернулся в Москву на пятые сутки после ухода Буранова-Осетрова, вернулся до предела усталый и раздраженный. Лицо у него осунулось, под ввалившимися глазами легли темные тени.

— Ох и натерпелся я с этим Сенькой Бураном, — зло сказал он Кириллу Петровичу, — дальше некуда! Если бы не мое присутствие...

— Ну? — коротко спросил майор.

— Под Харьковом, — ответил Виктор. — В районе передовой. Так он шел ловко, лихо шел. А чуть западнее Волчанска, при переправе через Северный Донец, влип, и влип крепко. Пришлось вмешиваться.

— Обошлось? Все чисто?

— Вроде обошлось, — вздохнул Виктор. — Меня-то он и не видел. Спасибо ребятам из «Смерша». Выручили. Они нас и до передовой проводили. Ладные ребята, боевые. Дело свое знают и работают ловко.

— Перешел?

— Сенька-то? А как же! Перешел. Сейчас небось со своими фрицами шнапс хлещет. На радостях. Г-гадина!..

Но Сенька Буран шнапс не хлестал. Ему было не до шнапса. Какие-нибудь сутки спустя после перехода фронта «Острый» был доставлен в распоряжение майора Шлоссера. Едва увидев своего агента, вернувшегося целым и невредимым, майор поспешил к полковнику Кюльму. Выслушав короткий доклад Шлоссера, Кюльм тут же, не откладывая ни на минуту, связался с Берлином, с самим генералом Грюннером.

— Господин генерал? Докладывает Кюльм. «Острый» вернулся. Пришел...

— Пришел? — Генерал сосредоточенно засопел в трубку. — Ладно. Тогда сделаем так...

Час спустя с одного из полевых аэродромов, расположенного западнее Киева, поднялся самолет германских военно-воздушных сил и взял курс на Берлин. На его борту, помимо команды, находилось три пассажира: полковник абвера Кюльм, начальник разведывательной

школы майор Шлоссер и агент абвера «Острый», он же Осетров, он же Буранов.

Генерал Грюннер принял прибывших на следующий день, и принял благосклонно.

— Ну, — сказал он, когда Кюльм и Шлоссер опустились в кресла, а «Острый» робко пристроился на краешке указанного ему стула, — послушаем? Пусть он говорит. — Генерал пренебрежительно ткнул пальцем в сторону агента. — Переводите, Кюльм.

Генерал Грюннер и сам вполне прилично владел русским языком, но не всегда и всем это показывал. Так он поступил и сейчас.

— Рассказывайте, — повернулся Кюльм к «Острому». — Рассказывайте подробно.

— Слушаюсь! — вскочил и вытянулся Сенька Буранов, изображая на своей физиономии подобострастную улыбку.

— Пусть сядет, — махнул рукой генерал. — Итак?

Осетров судорожно сглотнул набегавшую слюну и принялся рассказывать. Генерал, слушая Осетрова, рассеянно вертел остро отточенный синий карандаш и нет-нет да перебивал агента придирчивыми вопросами, пытаясь поймать на противоречиях.

Но «Острый» докладывал складно, не сбиваясь. Справившись с охватившей его вначале робостью, Буранов разошелся и не без лихости рассказывал о своих похождениях. Он доложил, как переходил фронт, как устроился у «Сутулого», на Солянке, а затем перебрался к «Быстрому». Подробно рассказал об убежище «Быстрого» на Пресне, о внешнем виде Малявкина, отпустившего бороду и бакенбарды. О «Быстром» генерал расспрашивал обстоятельно, с пристрастием: как? Где? Что?

«Острый» отвечал без запинки. Надежно ли устроился «Быстрый»? Да, надежно. «Крыша» — отличная. Никаких подозрений. Рация — в порядке. Сам проверил. Две недели, как было приказано, он, «Острый», изучал обстановку, окружающую «Быстрого», условия для работы. Условия вполне подходящие. Работать можно. Слежки нет, это точно.

Сам «Быстрый» — толковый парень. Правда, немножко скис. Засиделся. Рвется назад. Жалуется на отсутствие заданий. Впрочем, эту тему Осетров особо не углублял, это не входило в его задачу.

— Так, так, так, — благосклонно кивал генерал, постукивая карандашом по столу. Взгляд его так и сверлил агента. Тот, судя по всему, рассказывал правду. — Задание? Будет «Быстрому» и задание. Все в свое время. Кюльм, это можете не переводить. Спросите-ка, как насчет «Сутулого»? Назвал он его «Быстрому»?

Кюльм перевел вопрос генерала.

— Так точно, — оживился «Острый». — Назвал. За день до отъезда. Все, как было велено. «Сутулый» — тертый калач. Я, между прочим, использовал его для проверки версии «Быстрого». На всякий случай...

— Кюльм, — насторожился генерал, — что он еще говорит? Какая проверка? Разве ему поручалась проверка не обстановки, а самого «Быстрого»? Давалось такое задание? Кем? В чем дело?

— Не понимаю, господин генерал, — развел руками Кюльм. — Агента перед выброской инструктировал я сам. Лично. С майором Шлоссером. Задание было определенное: передать питание к рации, проверить ее местонахождение и присмотреться к обстановке, в которой живет «Быстрый». Мотивировали так: мы готовим «Быстрому» новое задание, надо посмотреть, позволят ли условия выполнить его. Все. Ни намек на недоверие «Быстрому» не было, ни о какой проверке самого агента речь не шла, если не считать уточнения обстоятельств гибели «Музыканта».

«Острый», ни слова не понимавший по-немецки, уловил в тоне генерала раздражение. Он испуганно моргал, переводя взгляд с генерала на полковника, силясь понять, чем не угодил своим хозяевам.

— Значит, — спросил генерал, — задания на проверку он не получал? Так что он там за проверку еще затеял? Переведите, Кюльм.

Полковник Кюльм пристально посмотрел на агента.

— Повторите, — сказал он, — какую версию вы проверяли. Как. Поподробнее.

«Острый», не уловив в тоне полковника угрозы, несколько приободрился. Он был рад прихвастнуть проявленной инициативой и ничего, кроме одобрения, не ждал. Как и было приказано, говорил «Острый», он подробно расспросил «Быстрого» о том, что произошло на продскладе, как их с «Музыкантом» задержали, при каких обстоятельствах «Музыкант» погиб, а «Быстрому» удалось бежать, где и как тот устроился, где скрывался после побега.

«Быстрый», по словам Осетрова, подробно рассказал об этом происшествии, ответил на все вопросы. И тут «Острога» осенила идея: а не провести ли на самом продовольственном складе проверку версии «Быстрого»? С этой целью он и решил направить на Ленинградский вокзал «Сутулого», чтобы тот там обо всем расспросил работников продовольственного склада. «Сутулый», правда, поначалу возражал, идти не хотел, но потом подчинился, пошел...

— Идиот! — на чистейшем русском языке внезапно взвизгнул генерал Грюннер, брызгая слюной. — Послать «Сутулого» на продсклад! Нет, это надо додуматься! Кто разрешил? Кто, спрашиваю? Осел! Я прикажу тебя расстрелять, мерзавец!

У «Острога» от страха отвисла нижняя челюсть, руки била крупная дрожь. Он силился что-то сказать, объяснить, но не мог вымолвить ни слова. Майор Шлоссер втянул голову в плечи, избегая взгляда разгневанного генерала. Только полковник Кюльм не терял самообладания. Он знал генерала Грюннера не первый год, не первый год они работали вместе.

— Дорогой генерал, — Кюльм, слегка улыбнулся, — не будем спешить. Расстрелять его всегда успеем. — Он пренебрежительно кивнул в сторону «Острога». — Надо же выслушать подробности, разобраться, может, все и не так страшно.

— Еще слушать его... — проворчал генерал, — это ничтожество. Ладно, пусть рассказывает...

Дрожа и заикаясь, путая слова, агент принялся оправдываться: он же хотел как лучше, старался, жизнью рисковал... Глаза «Острога» испуганно перебежали с одного немца на другого.

— Хватит, — грубо перебил Грюннер. Он не скрывал больше, что владеет русским языком. — Довольно болтать. «Хотел как лучше»! С-скотина! Выкладывай, с каким заданием послал «Сутулого» на продовольственный склад, что он там говорил, как держался?

— «Сутулый» — сапожник, — начал «Острый». — Я и решил его использовать. Я поручил ему...

— Но он же отказывался идти, — перебил генерал, — отказывался, осел вы этакий?!

— Так точно, отказывался, но я приказал...

— «Приказал»!.. Ладно, что было дальше?

«Острый» в деталях рассказал, как сапожник «искал» пропавших «заказчиков», как узнал, что те попались на подделке аттестатов. Все прошло хорошо, очень хорошо, проверка удалась. «Острый» никак не мог понять, чем он так прогневил господина генерала.

— Вот видите, господин генерал, — переходя вновь на немецкий, примирительно сказал Кюльм. — Если этот мерзавец не врет — а вряд ли он сумел бы так складно соврать, да и смысл какой? — все действительно не так страшно. Я полагаю, операцию можно продолжать без особой опаски.

— «Продолжать»... — никак не мог успокоиться генерал. — «Продолжать»... Ну, а если возьмут русские «Сутулого», как мы узнаем, «Быстрый» его выдал или это результат идиотского посещения продсклада? Нет, не говорите, этот кретин провалил все дело. Он заслуживает расстрела.

— Господин генерал, зачем спешить? — снова вмешался Кюльм. — Ведь «Сутулый», как кажется, пока не арестован? Может, и вовсе не будет арестован? И потом: клянусь богом, но в том, как «Острый» изложил картину посещения «Сутулым» продсклада, я, будь на месте русских, не усмотрел бы причин для его ареста. А этот... — он кивнул в сторону понуро сидевшего «Острого», — этот никуда не уйдет. Расстрелять его или отправить в крематорий мы всегда успеем.

— Хорошо, — согласился наконец генерал. — Подождем. Но-о... смотрите, Кюльм. Я с вас спрошу.

Кюльм молча, с почтительным видом нагнул голову. Грюннер нажал кнопку звонка.

— Уберите, — сказал он выросшему в дверях адъютанту, делая брезгливый жест в сторону «Острого». — Его потом возьмет майор Шлоссер...

Адъютант тронул двумя пальцами за плечо «Острого» и указал на дверь. «Острый», не зная, что его ждет, медленно поднялся и подобострастно согнул спину в поклоне, прощаясь с генералом и полковником. Те смотрели сквозь него с бесстрастным выражением, будто это было пустое место. Да так оно и было: проштрафившийся агент был списан со счета.

Волоча ноги, сторбившись, «Острый» поплелся за щеголеватым адъютантом. Он ничего не мог понять. Чем он провинился? Что сделал

плохого? Ведь он старался, так старался... Ясно было одно: в его шпионской карьере свершился крутой перелом. Не к лучшему...

Как только дверь за «Острым» закрылась, полковник почтительно спросил:

— Судя по тому, господин генерал, Как близко к сердцу вы приняли всю эту историю, вы полагаете, что «Сутулый», явившись на продовольственный склад...

— Да, Кюльм, да. Тысячу раз да, черт побери!

Все замолчали. Наконец генерал вздохнул, сделал неопределенный жест рукой и сказал:

— Ладно, подождем. Надо выждать, иного выхода у нас нет. Будем надеяться, что этот кретин не спутал наши карты. Как, кстати, с «Кинжалом»? Как идет подготовка? Докладывайте, Шлоссер. Или вы, Кюльм?

— Нет, — уклонился от ответа полковник. — Пусть докладывает майор. Он лично, непосредственно занимается подготовкой агента.

Майор Шлоссер выпрямился, откашлялся:

— Разрешите, господин генерал?

— Да, да, мы вас слушаем.

Как явствовало из доклада майора, подготовка в основном завершена, прошла успешно. «Кинжал» к выполнению задания готов. Операцию можно начинать в любой день, хоть завтра.

— Отлично, — сухо сказал генерал. (Судя по выражению лица, настроение у него особо не улучшилось.) — Отлично. Держите агента в готовности номер один. И — специальный инструктаж насчет «инициативы». — Генерал произнес это слово пренебрежительно, поджав губы. — Агент германской разведки должен быть исполнитель, дисциплинирован, пунктуально точен в выполнении задания. А инициатива... Надеюсь, вам ясно, господа?.. Теперь так: вопрос о выброске окончательно решим в зависимости от того, возьмут «Сутулого» или нет...

— Но, господин генерал, — вмешался Кюльм, — ведь «Острый» вернулся. Это — главное, и говорит о многом. Я бы считал проверку «Быстрого» законченной. Если бы «Быстрый» был схвачен русскими и потом выпущен — это бывает, перевербовка, — «Острому» не вырваться бы. «Сутулый» служил целям дополнительной проверки. И

потом — связь. «Зеро» пока как без рук. Мы не вправе дальше тянуть. Нет, как хотите...

— Понимаю, полковник, — пожевал губами генерал. — Все понимаю. И все же... Дополнительная, вы говорите? Так вот, пока не поступят результаты этой «дополнительной» проверки, посылать агента мы не будем. Черт с ним с русским, но рисковать германским офицером, майором разведки... Увольте, господа.

— Как, — встрепенулся Шлоссер, — «Зеро» присвоено звание майора? О, это превосходно!

— Звание майора и железный крест первой степени, — прочувствованно сказал генерал. — Адмирал не оставляет лучших людей абвера своей заботой... Как, кстати, осуществляется сейчас с ним связь? По-прежнему?

— По-прежнему, — вздохнул Кюльм. — Просто задыхаемся, пока он без рации. Я же и говорю... Мы ему прежним путем — после позывных, марша из «Фауста». Он — швейцару гостиницы «Националь». Есть такая в Москве, в центре города...

— Швейцар — наш человек? — перебил генерал. — Что-то я запамятовал.

— Нет, не наш. Он из (полковник назвал одно государство, числившееся нейтральным), но работает и на тех, и на нас. Так вот, швейцар передает человеку из посольства, там — дипломатической почтой... Одним словом, улика едет, как говорят русские.

— Да, — сокрушенно покачал головой генерал. — Плохо. Очень плохо. Рация необходима. И все же рисковать не будем,ждемся сообщения.

Сообщение поступило только две недели спустя. Оно гласило: «Проверку произвел. „Сутулый“ на месте. Слежки не обнаружил. Есть основания полагать, что „Треф“ вернулся, веду розыск. Операцию форсирую. Необходима рация, связь. Прошу ускорить решение вопроса».

Под шифровкой стояла подпись: «Зеро».

Глава 27

Шла третья неделя, как Виктор Горюнов сидел в Туле. Сидел и ждал у моря погоды. Хочешь не хочешь, вынужден был ждать, изнывая от безделья, слоняясь с утра до вечера по городу, а вечера проводя в местном Доме офицера либо в театре, где давала концерты прибывшая сюда на гастроли Татьяна Языкова.

Вот из-за Языковой и был командирован в Тулу Горюнов. Вернее, не из-за Языковой, а... Впрочем, и сама Языкова очутилась в Туле далеко не случайно. И она, и Горюнов заняты были общим делом, но Татьяна работала, а Виктор... бездействовал. Ждал. Ждать — это сейчас было его работой. И сколько еще предстояло потратить времени на ожидание, не напрасна ли вся эта затея? Кто мог сказать?

Как все произошло? Что предшествовало этой поездке? Тогда, в тот вечер, сразу после возвращения Горюнова с фронта, где он обеспечивал переход Осетрова-Буранова к немцам, они со Скворецким отправились в гостиницу «Москва». Здесь в скромном номере жила популярная актриса Татьяна Владимировна Языкова. В тяжелые годы войны, когда многие московские дома были законсервированы, не отапливались, а иные пострадали от бомбежки, немало актеров, писателей, журналистов, художников, кинооператоров находили пристанище в гостеприимных гостиницах столицы, и прежде всего в «Москве». Здесь жила и Татьяна Языкова.

Скворецкий с Горюновым, оба в общевойсковой форме, подождав минут пять в очереди у лифта, поднялись наверх, на девятый этаж. Вот и нужный номер. Кирилл Петрович осторожно постучал. Послышались быстрые легкие шаги, и дверь распахнулась. На пороге стояла словно сошедшая с экрана, знакомая миллионам людей, молодая миловидная женщина.

— Вы ко мне? Прошу.

Кирилл Петрович и Виктор вошли.

— Присаживайтесь. — Хозяйка, указала на стоявшие возле небольшого круглого стола стулья. — Одну минуту. Сейчас я буду в вашем распоряжении.

Языкова быстро закончила укладывать чемодан и обратилась к Скворецкому, в котором нетрудно было угадать старшего:

— Итак, друзья мои, я вас слушаю, но заранее должна вас огорчить: и рада бы, да не могу. Никак не могу. У меня на месяц вперед все расписано. Через день я уезжаю. На фронт.

— Простите, — улыбнулся майор, — вы, наверно, полагаете, что мы пришли приглашать вас на концерт?

— Разве нет? — смутилась Языкова. — Тогда... чем обязана?

— Прежде всего разрешите представиться: майор Скворецкий, Кирилл Петрович. А это старший лейтенант Горюнов, Виктор Иванович. Мы из Наркомата государственной безопасности...

— Из Наркомата государственной безопасности? — На лице Языковой появилось выражение полнейшего недоумения. — Ко мне? Нич-чего не понимаю!

— Минуту терпения, дорогая Татьяна Владимировна. Сейчас мы все объясним. У вас найдется полчаса свободного времени?

— Полчаса? — Языкова задумчиво посмотрела на часы. — Видите ли, я кое-кого жду... Друзей... Хотя... Да... Если уж очень надо...

— Очень, — сказал Скворецкий. — Очень, Татьяна Владимировна.

— Ну что ж, — вздохнула актриса, усаживаясь поудобнее в кресло. — Я вас слушаю.

— Заранее прошу извинить, но речь пойдет о некоторых интимных предметах. Надеюсь, нет нужды разъяснять, что здесь не простое любопытство. Вопрос чрезвычайно серьезен.

Языкова усмехнулась:

— Любопытно. Вот уж не думала, что моя интимная жизнь может интересовать официальное учреждение, да еще такое, как ваше...

— Простите, — досадливо поморщился майор, — вы превратно толкуете мои слова. Я не сказал — ваша интимная жизнь. Кто вправе в нее вмешиваться? Интересоваться? Речь пойдет совсем о другом. Я уточню: нам крайне важно знать, был ли у вас жених — военный летчик? Армянин по национальности?

— Аракел?! — взволнованно вскрикнула актриса. — Бога ради, почему вы спрашиваете? Меня? Что вы о нем знаете?

— Значит, был? — полуутвердительно повторил свой вопрос майор. Он был явно удовлетворен услышанным.

— Жених? Это, пожалуй, не совсем так, но какую это играет роль? Где он? Что с ним? Почему вы спрашиваете о нем меня, именно меня? Нет, вы должны мне объяснить, все объяснить!..

— Татьяна Владимировна, милая, — примирительно сказал Скворецкий, — так мы далеко не уйдем. По существу вы не ответили толком на мой вопрос и сами засыпали меня кучей вопросов. Я вам охотно все разьясню, насколько это в моих силах, но давайте придерживаться порядка. У меня такое предложение: сначала вы расскажите все, что знаете об этом человеке, начиная с имени, отчества, фамилии, возраста, а затем, если речь идет о том человеке, который нас интересует, мы постараемся, в пределах возможного, ответить на ваши вопросы. Согласны?

— А разве от моего согласия или несогласия хоть что-нибудь зависит? — как-то потерянно улыбнулась Языкова, отбрасывая свесившуюся на лоб прядку волос. — Извольте, я вам все расскажу.

Актриса глубоко задумалась. В молчании прошла минута, другая. Наконец, словно собравшись с мыслями, она начала свой рассказ. Речь, как она понимает, идет о Менатяне. Аракеле Геворковиче Менатяне. Летчике. Так вот: Аракела Менатяна Языкова знала не один год. Если память ей не изменяет, они познакомились еще в 1936 году, когда она училась в музыкальной школе. Познакомились случайно, на катке, на Петровке. Сначала встречались редко, от случая к случаю, все там же, на катке «Динамо». Потом стали встречаться чаще, уже не случайно. Аракел, который был на три года старше Татьяны, нравился ей. Чего греха таить: ей, девчонке, льстило, что за ней ухаживает такой взрослый, интересный парень. Военный. (Менатян учился в военной школе, на летчика.) А он ухаживал. И чем дальше, тем настойчивее. Кончилось тем, что он своей настойчивостью не на шутку напугал ее: ведь было ей тогда всего семнадцать лет. И, конечно, родители... Мама всегда была Тане другом. И тут она на многое открыла ей глаза. Поведение Аракела, сам он определенно не нравились родителям Татьяны.

Короче говоря, прошел год с небольшим после их знакомства, и Языкова стала избегать Менатяна. Он искал встреч с ней, устраивал

идиотские сцены, но ничего не добился, Татьяна настояла на своем: они перестали видаться.

Минуло еще три года. Девичье увлечение стерлось из памяти Тани. Она начала сниматься в кино, стала самостоятельным человеком, как вдруг, у одной приятельницы, в дружеской компании, вновь встретила Аракела. Случайно ли он оказался там, в той компании, трудно сказать. Скорее, не случайно. Как бы то ни было, все началось опять, как прежде, и в то же время по-новому, куда серьезнее.

Полюбила ли она Менатяна? Нелегкий вопрос. Он ей нравился, это бесспорно, но любить?.. И — она его боялась. Он был еще больше, чем прежде, настойчив, нетерпелив. Самонадеянность — одна из отличительных черт этого человека. Самонадеянность, себялюбие, даже больше — быть может, эгоцентризм. Все это она знала за ним, постоянно в нем замечала, и все же он ей нравился. Много было в нем какой-то силы, веры в себя, мужского обаяния. По жизни он шел от успеха к успеху, был уже признанным летчиком, только расположением товарищей почему-то не пользовался. И друзей у него не было, скорей всего из-за того же себялюбия. Менатян всех презирал, ставил себя выше всех, в общении с людьми был нетерпим. В минуту откровенности он поговаривал о месте в жизни «сильного человека», плюющего на общество, на окружающих.

Откуда это у него взялось, она не знает. Родителей Менатяна Языкова никогда не видела, не знала. Они жили в Армении, в Москве никогда не бывали. Отец Аракела, как она поняла, был одно время на крупных постах, очень крупных, но чем-то проштрафился и последние годы «тянул лямку», по выражению сына, в системе кооперации. Говорить об этом без обиды, без злой горечи Аракел не мог, хотя и не прочь был поговорить на эту тему. Совсем не прочь! Похоже было, что именно отсюда все и шло: и отношение Менатяна-сына к людям и характер.

Любил ли он ее? Пожалуй, да. Но любовь эта была какая-то странная, опять-таки эгоистичная. Он мало с ней считался, но в то же время его тщеславию льстила ее популярность как актрисы. В общем, все у них было страшно трудно, неопределенно. Так и шло до начала войны.

Первые дни войны Татьяне запомнились навсегда. Она многое поняла по-новому, многое передумала. Поняла свое место в жизни... А

Аракел? Аракел некоторое время почему-то задерживался в Москве, не сразу получил назначение в действующую часть. Как, почему, она не знала. Так вот: Менатяна она не узнавала. Куда девалась его вечная самоуверенность, самомнение... Он был перепуган, находился в глубочайшем смятении, то и дело впадал в состояние полной прострации. На людях-то он держался лихо, бахвалился: дадим прикурить Гитлеру, — а наедине?.. Ох, и вспоминать не хочется! Аракел не скрывал страха, животного страха перед немцами, их военной техникой, организованностью, военной мощью. «Нет, — говорил он, — как идут, как идут!.. Разве их остановить? Нам? Нет, куда уж там!..» — и истерически хватался за голову. Он бывал ей в такие минуты отвратителен. Однако, получив назначение, он внезапно переменялся и, как казалось, стал держаться достойно.

«Ждать будешь? — спрашивал он перед отъездом. — Будешь ждать? Помни, Таня-джан, ты должна меня ждать!» Она вроде бы обещала. Вот, собственно говоря, и вся история...

— Нет, Татьяна Владимировна, не вся, — сказал Скворецкий. — Ваша история не имеет конца. Менатян когда ушел на фронт?

— А я разве не сказала? Прошу извинить. Это было в конце 1941 года, в последних числах ноября. С тех пор, с 1941 года, я об Аракеле ничего не слыхала, не имела от него ни строчки. В первых же боях он погиб или пропал без вести, что-то в этом роде. Я ничего о его судьбе не знаю. Кроме того, я встретила одного человека. Еще в 1942-м. В самом начале года... Ну, одним словом, возможно, я скоро выйду замуж. Этого человека я тоже должна назвать?

— Это целиком на вашем усмотрении. Нас интересует только Менатян. Так вот, если вы собираетесь выходить замуж, как же с Аракелом? Вы не нарушаете данного ему слова?

— Но я же вам говорила, — лицо актрисы исказила болезненная гримаса, — наши отношения были страшно неопределенными. Я никогда не давала Аракелу слова, не обещала, что стану его женой. Женой этого человека? Подумать страшно. И потом... он же погиб. К чему этот разговор? Какая-то бессмыслица.

— Нет, не бессмыслица, — медленно произнес Скворецкий. — У нас есть очень веские основания полагать, что бывший военный летчик Менатян не погиб. Ни в 1941 году, ни позже. Менатян жив.

— Жив?! — Татьяна побледнела. Можно было подумать, что это известие ее мало обрадовало. Но так казалось только мгновение. Она тут же встрепенулась: — Жив? Но где он? Что с ним? Почему он так долго не подавал признаков жизни? Нет, это невозможно. Я... я не верю.

— И все же, Татьяна Владимировна, думаю, что это так. Придется поверить. Однако ничего больше сегодня я вам не скажу. Повременим денек-другой. Потом мы снова продолжим наш разговор.

— День-два? Но я не могу ждать. Завтра у меня начинаются концерты, я должна ехать.

— А отложить никак нельзя? Сейчас ваш отъезд крайне нежелателен. Если требуется наша помощь в оформлении, мы к вашим услугам.

— Нет, зачем же, зачем, — поспешно сказала актриса. — Дело не в том, как оформить мою задержку. Просто мне надо ехать, очень надо. Ведь меня ждут. На фронте. Мой приезд обещан. Должны вы это понять?..

— Татьяна Владимировна, — решительно сказал Скворецкий, — я все понимаю и все же вынужден настаивать. Иначе поступить не имею права. Пока мы всё до конца не выясним, вам просто невозможно уехать. Никак невозможно. И не вполне безопасно. Поймите, это больше, чем просьба.

— Хорошо, — после минутного колебания согласилась Языкова. — Если вы этого требуете, я останусь...

— Простите, — обратился Кирилл Петрович к Языковой, когда они с Горюновым уже собрались уходить, — еще один вопрос. На сегодня — последний. У Менатяна была ваша фотография? С надписью?

— Была. Я подарила ему свою карточку перед его отъездом на фронт. А что? Какое это имеет значение?

— Имеет, Татьяна Владимировна, имеет. Какое? Об этом не сейчас. Потерпите...

Теперь, когда известны были имя, отчество и фамилия «жениха» актрисы Языковой, его возраст, проверка не составила особого труда. Результаты ее заслуживали внимания. Военская часть, где служил Менатян, дать ему характеристику воздержалась: слишком недолго он прослужил в части, да и давно это было. Зато подробности того, что с

ним произошло, запомнились и были весьма примечательны. В группе из нескольких машин Менатян совершил один из первых своих вылетов, который стал для него и последним. Наши самолеты шли наперехват вражеских бомбардировщиков, когда из-за облаков на них вывалились «мессеры». Наши приняли бой, в ходе которого машина Менатяна оказалась каким-то образом оттертой от остальных и, преследуемая двумя фашистскими самолетами, потянула на территорию, занятую немцами. Рация Менатяна с первой минуты боя молчала. На вызовы он не отвечал. Почему, неизвестно. Больше никаких сведений о Менатяне не было, он исчез. Кое-кто из горячих голов, участвовавших в том бою (две наши машины в тот день были сбиты, летчики погибли, но и фашистам досталось), утверждали, что Менатян — изменник. Не принял боя и перелетел к немцам. Доказано это не было, как не было доказано и противное, вопрос так и остался открытым. Менатяна считали пропавшим без вести.

— Да, — ворчал Кирилл Петрович, читая и перечитывая сообщение, — «пропал без вести»! А он и не пропал. Вовсе не пропал. Он — объявился. У майора Шлоссера, в фашистской разведывательной школе, вот где объявился. Нет, Сенька Буран не врал, не мог он такого придумать, И фотокарточка Языковой...

— Карточка? — усомнился Виктор. — Но мы ведь не знаем, какую карточку и кого видел Буранов. Помните?

— Все помню, — откликнулся Скворецкий. — Но карточка-то Языковой. С надписью. И такая карточка была. Совпадение? Не верю.

На сей раз Виктор промолчал.

— Да, — продолжал рассуждать вслух Скворецкий, — так оно и бывает. Одно к другому. Вот из таких-то и получают предатели. Как это говорила Татьяна Владимировна? Себялюб? Эгоцентрик? Себя ставил высоко, а людей презирал. А тут еще обида за отца. Как же, «обидели»! Лишили постов. И — немцев испугался. До ужаса. Немецкой техники. Организации. Ну, и решил устроить себе жизнь при «новом порядке». Устроил!..

— Разрешите, Кирилл Петрович? — вновь перебил майора Горюнов, пристроившись возле краешка стола и внимательно изучавший сообщение вслед за своим начальником. — Разрешите? Ведь что получается! Я рассуждаю так: раз болтовня Осетрова о

«женихе» Языковой не вымысел, следовательно, и остальное — предстоящая выброска, Тула — тоже правда. Отсюда...

— Отсюда, — твердо сказал Скворецкий, — складывай вещички. Готовься. Поедешь в Тулу, и не один. Вот только получу санкцию комиссара...

Вернулся Кирилл Петрович от комиссара в приподнятом состоянии духа:

— Ну, все в порядке. «Добро» получено. Звони Татьяне Владимировне. Теперь самое время повторить наш визит...

Актриса, открывшая им дверь, едва они успели постучать, заметно волновалась. Было видно, что за двое суток, минувшие с прошлой беседы, она немало пережила, передумала. Кирилл Петрович сразу приступил к делу:

— Так вот, Татьяна Владимировна, кое-что мы тут проверили, собрали кое-какие сведения. Наши предположения подтвердились. Прямо скажу: особо порадовать вас нечем...

— Я знаю, — вдруг сказала Языкова, пристально глядя в глаза майору. — Все знаю. Вернее — поняла.

Майор опешил:

— Что вы знаете? Что поняли?

— Все. — В голосе Языковой послышалось отчаяние. — Я — не девочка, кое в чем разбираюсь. Годы войны и меня многому научили. Одним словом, если Ара... если Менатян жив и в то же время без малого два года не подает признаков жизни, это... Ну, и дальше: если... если им интересуются работники вашего ведомства, вы интересуетесь — да, да, вы, не перебивайте, пожалуйста, — значит, он, Менатян, у немцев. В плену. Если только не хуже...

— Что — хуже? — мрачно спросил Скворецкий. — Что? Считаете — погиб?

— Неужели не ясно? Да, я боюсь — нет, почти уверена, — что Менатян... Ну, словом, он стал предателем.

— Почему вы пришли к такому выводу? — заинтересовался Горюнов.

— Почему? Но, мне кажется, я это уже объяснила. Самый ваш визит, ваши вопросы... А потом... потом, Аракел ведь, в общем-то, слабый человек, очень слабый. Он только казался сильным. Мы, женщины, в этом разбираемся. Немцев он боялся, боялся смертельно, в

нашу победу не верил... И если он очутился там, у них... Нет, все ясно.

— И все же, Татьяна Владимировна, я не спешил бы с выводами, — сказал Скворецкий. — Семь раз отмерь... А когда речь идет о человеке, и семи раз мало. Короче говоря, дело обстоит так: прежде чем делать окончательные выводы, необходимо провести тщательную проверку Менатяна. Самую что ни на есть тщательную. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно. Одно мне не вполне ясно: мне-то вы зачем все это говорите? К чему?

— А вот к чему: нам хотелось бы в этом деле рассчитывать на вашу помощь.

— Мою? Но чем я могу помочь? Как?

— Как, это мы обсудим. Важно ваше желание. Если оно есть... С этим мы к вам и пришли. Что скажете?

— А что я могу сказать? — растерянно возразила актриса. — Что? Если надо... Только... Только я себе никак не могу представить, чем могу быть полезной?

— А вот чем, — спокойно сказал Скворецкий. — Слушайте. У нас есть основания предполагать, что в ближайшие недели, быть может, даже дни, Менатян может очутиться в Туле. Если бы в это время вы оказались там...

— В качестве приманки? — горько усмехнулась Языкова.

Кирилл Петрович поморщился:

— Зачем вы так? На вас это не похоже. Мы, конечно, можем обойтись и без вас, но если еще осталась хоть какая-то возможность круто повернуть судьбу Менатяна, то это, скорее всего, зависит от вас. Боюсь, только от вас. Впрочем, навязываться мы не собирались...

— Простите, я, очевидно, сказала глупость... Поймите мое состояние. У меня и в мыслях не было вас обидеть. Да, если надо, я еду.

— Вот это другой разговор, — вздохнул с облегчением майор. — Поедете вы не одна. С Виктором Ивановичем. Теперь давайте обсудим план действий...

Вот так Горюнов и Языкова очутились в Туле. Актриса выступала с концертами в Доме офицеров и расположенных в городе и поблизости воинских частях, а Виктор... Виктор бездельничал. Ждал.

Глава 28

Сотрудники специальной радиослужбы поймали очередную передачу «Фауста». Марш. Затем шла пространная сводка погоды: сообщалась температура в различных точках Европы, барометрическое давление. Когда расшифровка была закончена, чекисты прочли:

«Благополучное возвращение „Острого“ позволяет использовать „Быстрого“. Встреча „Сутулым“ была непреднамеренной, но ваше сообщение „Сутулом“ учтено, служит подтверждением. Связь „Быстрым“ поручена опытному агенту „Кинжал“, который будет снабжен всем необходимым, кодом, средствами».

Кирилл Петрович, изучив содержание шифровки, задумался. Тут было над чем поломать голову. В том, что радиограмма предназначалась «Зеро», сомнений не было, но кто скрывался под псевдонимами? Ну что же, думал майор, прохаживаясь из угла в угол просторного кабинета. И это задача не из сложных. Что тут за псевдонимы? Их четыре. Начнем с того, что нам доподлинно известно: «Быстрый» — Малявкин. «Сутулый» — Шкурин. Уже хорошо. Так, «Острый». Это, надо полагать, Осетров. «Благополучно возвратился». Все ясно!

Нерасшифрованным остался «Кинжал». Кто? Менатян?.. Да, скорее всего он. Однако не будем спешить: пусть «Кинжал» остается пока под вопросом — так и так до него доберемся.

Теперь можно подвести итог: посылка «Острого», как и то, что он назвал Малявкину Шкурина, имели своей основной целью проверку «Быстрого». Отсюда ясно: немцы ведут крупную игру, в которой «Быстрому» отведена не последняя роль.

«Черт побери! — подумал Кирилл Петрович. — Мы не допустили ошибки, обеспечив Буранову благополучное возвращение к Шлоссеру, не тронув Шкурина. Ход был правильный. Будем играть дальше!»

Вернемся к «Кинжалу». Итак, будем исходить из предположения, что «Кинжал» — Менатян. Вот и разгадка ребуса. И ждать надо Менатяна со дня на день. «Зеро» — вот кто нам пока неизвестен, а он один стоит всех остальных, вместе взятых, и еще многих в придачу. «Зеро» — этот действует. И еще как!

«Да, „Зеро“... — Скворецкий остановился, присел к столу. Из левого ящика достал чистый лист бумаги. Задумался. — „Зеро“!.. А вдруг... Да нет, не может быть!.. Хотя почему, собственно говоря, не может? Почему?»

Уже длительное время майора преследовала навязчивая мысль. Мысль эта, невзирая на свою дерзость — ровно никаких доказательств не было, — овладевала Скворецким все больше и больше. В мозгу сверлило: а ведь ты прав. Прав, черт возьми!

Сейчас, когда Кирилл Петрович прочел и еще раз перечитал перехваченную шифровку, что-то словно стронулось с места, сдвинулось, мысли получили новый ход: безусловно прав!

Кирилл Петрович поплотнее уселся в кресло: «Ну-ка, пораскинем мозгами, — думал он, — прикинем. Что-то у нас получится?»

Майор взял карандаш, чистый лист бумаги. В левом углу листа написал: «Маявкин». Чуть ниже, в скобках: «Быстрый». Под этой надписью он поставил другую: «Гитаев („Музыкант“»)). То и другое обвел кругом и эти окружия соединил между собой тонкой линией. От Гитаева («Музыканта») провел еще одну линию, потолще, к середине листа. Там жирными буквами вывел: «Зеро» — и тоже обвел кругом. Линия, шедшая от «Музыканта», соединилась с этим кругом. Карандаш застыл в руках Кирилла Петровича: майор думал, думал графически, если можно так выразиться. Это была его старая привычка: он любил решать сложнейшие оперативные задачи, строя на бумаге схемы связи между собой действующих лиц, переплетения их отношений.

Подумав с минуту, в правом углу он написал: «Осетров („Острый“»)) — и соединил эту надпись с надписью «Быстрый», но ни от нее, ни от «Быстрого» линии к «Зеро» не шло, зато такие линии появились, когда снизу листа было написано: «Кинжал» (Менатян)», а затем «Шкурин („Сутулый“»)). Потом было написано: «Варламов, институт Варламова».

Некоторые, из этих надписей майор соединил между собой и опять задумался. Надолго. Встал, снова принялся расхаживать. «Какие линии сходятся к „Зеро“? — думал он. — Какие и как пересекаются? Кто из известных нам действующих лиц связан между собой? Как?.. Гм...»

Кирилл Петрович снова подошел к столу и перечитал расшифрованную радиограмму. «Так, что здесь особо любопытно? „Сутулый“! Что о нем сообщается?»

Твердой рукой майор провел на своей схеме еще одну черту, жирную, отчетливую, сделал под словом «Зеро» надпись, затем снял телефонную трубку и вызвал одного из своих помощников.

— Вот какое дело, — сказал он, поглаживая бритую голову и осторожно подбирая слова. — Есть задание. Очень серьезное. Надо присмотреться к одному человечку. Попристальнее. Только чтобы комар носа не подточил, чтобы он, этот человек, ничего не заметил, не заподозрил. Никоим образом. Ясно? Это по делу «Зеро».

Скворецкий с минуту помолчал, как бы еще раз все продумывая, и тихо, вполголоса назвал фамилию.

— Что? — охнул ошарашенный сотрудник. — Вы, никак, шутите, товарищ майор? Так это...

— Тш-ш-ш!.. — предостерегающе поднял палец майор. — Пока помалкивай. Понял? Молчок. Никому ни слова. Никому. Вот когда поработаем...

Выпроводив так и не пришедшего в себя от изумления сотрудника, Кирилл Петрович спрятал исчерченный лист бумаги в свой сейф и повернул ключ в замке; затем связался с Тулой, с Управлением НКГБ, и попросил срочно разыскать Горюнова: пусть тот немедленно позвонит в Москву.

— Виктор? — сказал он, когда раздался звонок. — У тебя все в порядке? Нормально? Ну и отлично... Так вот какие дела: переходи на готовность номер один.

— Как? — воскликнул Горюнов. — Есть новости?

— Есть, — спокойно сказал Кирилл Петрович. — И существенные. Надо полагать, «гость», вот-вот прибудет. Понял? Кстати, судя по некоторым данным, есть основания полагать, что его кличка «Кинжал».

...Кончился очередной концерт актрисы Языковой в Доме офицеров Тульского гарнизона. Концерт прошел с большим успехом: пела Татьяна в этот вечер с подъемом, многие номера исполняла на «бис». Зрители кричали:

— «Землянку», просим «Землянку»!

— «Темную ночь»! — требовали другие.

— «Офицерский вальс»!

— «Огонек»! Даешь «Огонек»!

И Таня пела. Пела «Землянку», «Офицерский вальс», «Огонек»... Ее долго не хотели отпускать.

В этот вечер с первой минуты, едва она вышла на сцену, Татьяну охватило чувство какого-то странного, не похожего на то, как бывало обычно, возбуждения. На нее из притененного зала смотрели сотни пар глаз, к этому она привыкла, но на этот раз она чувствовала на себе чей-то особо пристальный взгляд. Татьяна взволнованно пробежала глазами по расплывчатым в полумраке лицам зрителей и вдруг «натыкалась» на этот необычный взгляд, но это длилось мгновение. Мгновение — и взгляд потухал, все исчезало. Как ни старалась Татьяна, она ничего не могла разглядеть, не могла понять: что это? Что с ней происходит?

Уставшая, все еще не оправившись от странного волнения, покидала актриса Дом офицеров. У подъезда ожидала машина. Возле стояли седоватый подполковник и молоденький лейтенант, совсем еще мальчик.

— Разрешите, Татьяна Владимировна, мы вас доставим в гостиницу? — просительно приложил руку к фуражке подполковник.

Таня отказалась: ей хотелось побыть одной, пройтись. Вечер стоял чудесный — теплый, тихий. Однако отделаться от настойчивого подполковника оказалось не так просто.

— Вы предпочитаете пройтись пешком? — сиял он улыбкой.

— Да, — сухо вато сказала Языкова. — И, вы знаете, я предпочитаю ходить одна. Извините, но такая уж у меня привычка. Еще раз прошу простить...

— Ну уж нет! — воскликнул подполковник. — И не думайте, дорогая Татьяна Владимировна.

Не спрашивая разрешения, подполковник подхватил Таню под руку, лейтенант, чуть поотстав, пристроился сзади, и все втроем зашагали к гостинице. Виктор, наблюдавший со стороны эту сцену, чуть усмехаясь, шел в сторонке.

Тане удалось избавиться от не в меру назойливых поклонников только возле самой двери своей комнаты.

Как ни была Таня раздосадована бестактной настойчивостью подполковника (с ней такое случалось не часто: в воинских частях, где

ей приходилось бывать, к ней относились тепло, внимательно, с уважением), она сразу же забыла об этом мелком эпизоде, едва очутилась в своей комнате. Вновь и вновь возвращалась мысль актрисы к необъяснимому ощущению, которое она испытала во время концерта. Что это было? Кто это был?..

С пылающими щеками Татьяна принялась расхаживать взад-вперед по маленькой комнате, натываясь то на громоздкую кровать, то на стол, стоявший возле окна.

Прошло около получаса. Раздался тихий, осторожный стук в дверь, словно скребли ногтем. Татьяна остановилась, поморщилась: «Опять этот несносный подполковник! Ну что за человек? Совершенно лишен элементарного такта. Неужели не понимает, что он ей неприятен, что ей вообще противны подобные ухаживания? Нет, она ему не откроет, ни за что не откроет. Он может убираться ко всем чертям!»

Таня молчала. Не шевелилась. Стук повторился чуть громче, настойчивее. Еще. Еще...

Ах так? Хорошо. Отлично. Сейчас она ему все скажет. Татьяна стремительно шагнула к двери, рывком распахнула ее и в то же мгновение отшатнулась назад, судорожно прижав ладонь к губам. Там, в коридоре, стоял... Аракел Менатян. Не спуская с Таниного лица горящих глаз, он вошел в комнату, тихо прикрыл за собою дверь, повернул ключ в замке и заключил Таню в крепкие объятия.

Языкова была потрясена, на какое-то время утратила дар речи.

— Таня, Таня-джан, — шептал он срывающимся голосом, — голубка моя...

Наконец Татьяна пришла в себя. Мягко, но решительно она освободилась из объятий Менатяна, отстранилась и испытующе взгляделась в его лицо. Менатян выглядел хорошо: упитанный, сытый, ухоженный. Разве только чуть оброс жесткой щетиной — как видно, сегодня не брился.

Волнение, охватившее обоих в первый момент встречи, улеглось не сразу. Слова приходили с трудом, постепенно. Разговор поначалу не вязался. То один, то другой начинал фразу, задавал вопрос, обрывал, не договорив, не дождавшись ответа, и снова начинал.

— Ах, Таня, Таня, — словно в забытьи твердил Менатян, — Таня-джан! Какая ты стала... Ой, какая! Еще красивее. Понимаешь? (Это

слово он произносил как-то странно, с придыханием.)

Менатян с минуту помолчал.

— Да, — продолжал он, — красивая. А поешь как, как поешь! Я ведь был там, в Доме офицеров. Слышал. (Этого он мог не говорить: Таня и сама теперь превосходно поняла, чей настойчивый взгляд преследовал ее там, в зале.)

Языкова, взяв себя наконец в руки, хотела сразу поставить точки над «і» — сказать Менатяну, что встретила другого человека и скоро выходит замуж, но, вспомнив Скворецкого, Горюнова, одумалась: «Нет, так сразу нельзя. Не следует. Можно все испортить...»

Что именно «испортить», она не знала, но какое-то подсознательное чувство ей подсказывало: не спеши! Будь осторожна. Уклонившись от объятий вновь устремившегося к ней Менатяна, она сказала:

— Не надо, Аракел, не надо... И потом, ты ничего не рассказал о себе. Где ты был эти годы? Что с тобой произошло? Тебя ведь считают пропавшим без вести. Так мне сообщили. «Пропавший без вести»! Какие страшные слова. — Она тяжело вздохнула, пригорюнилась.

— Эх, Таня, — бесшабашно махнул рукой Менатян, — зачем такие слова говоришь? Разве это играет какую-нибудь роль? Есть ты, есть я. Мы — вместе. Вот и все. Остальное неважно.

— Нет, — решительно сказала Таня, — так нельзя. Неважно, ты говоришь? Слова? Это не так, все очень серьезно. Идет война... Откуда ты? Где пропадал без малого два года? Почему не писал? Почему появился здесь, в Туле, а не в Москве? Почему, наконец, сидел в зале и не подошел ко мне там, после концерта, а пришел крадучись, тайком. Объясни мне, я очень тебя прошу.

Менатян криво усмехнулся:

— Слушай, Таня, я тебя не узнаю. Ты не Таня, ты — прокурор, нет — целый трибунал! Ты мне целый допрос устроила! А? — Он рассмеялся.

Однако Таня не приняла игривого тона, она была не склонна шутить, а требовала ответа на свои вопросы. Тогда Менатян фыркнул, округлил глаза, сделал страшную гримасу и приглушенным голосом сказал:

— Ты хочешь знать, кто я такой, откуда взялся? Хорошо, я скажу, только берегись! Так и знай: я — немецкий шпион, диверсант, террорист. Понимаешь, шпион! Что, страшно?..

Языкова в ужасе отшатнулась от Менатяна. Она этого ждала, предполагала, боялась, но так откровенно, с таким цинизмом... Да разве такое может быть, разве возможно?

— Слушай, — наконец выдавила она из себя, — ты понимаешь, что ты говоришь?

Ответа не было. Вместо ответа Менатян... хохотал. Таня окончательно растерялась.

— И ты... — продолжал смеяться Менатян, — ты... Ты могла такое принять всерьез? Могла? Не поняла шутки? Нет, Таня, выходит, плохо ты знаешь Аракела Менатяна, ой как плохо знаешь. Нехорошо!..

— Такими вещами не шутят, — резко бросила Таня. — Немедленно прекрати паясничать. И вот что: или ты мне сейчас же расскажешь, где был и откуда взялся, или...

— Что «или»? — зло прищурился Менатян. Лицо его внезапно изменилось, стало чем-то похоже на оскаленную маску. — Что? Доносить пойдешь?

Таню покорило.

— Доносить? — Она гордо вскинула голову. — Нет, не «доносить», а сообщить, куда следует, сообщу. Да, да, сообщу. Можешь не сомневаться.

— И что же ты сообщишь? — опять рассмеялся Менатян. — «Вот какая я смелая: диверсанта поймала. Держите! Хватайте!»

— Прекрати сейчас же! — закричала Таня. — И... и... — в голосе ее послышались слезы, — уходи, уходи вон! Убирайся. Видеть тебя не хочу...

Менатян сразу посерьезнел. Он смотрел на Языкову печальными глазами.

— Ай, Таня, Таня... — сказал он. В голосе его послышалась боль. — И ты могла подумать, могла поверить, что Аракел Менатян... Нехорошо! Ладно. Никому не говорил, никому не скажу. Никто не должен был знать, но ты... тебе... Тебе скажу. Слушай внимательно.

Менатян говорил тихо, проникновенным голосом. Таня слушала его не перебивая. Верила и не верила. Нет, все же, пожалуй, скорее верила, а под конец рассказа поверила окончательно...

Менатян ушел в первом часу пополуночи, ушел после того, как договорился с Таней о встрече в Москве, где он собирался быть в ближайшие дни. А она, Таня, тоже заканчивала свои гастроли в Туле и намеревалась возвратиться в Москву. Да, теперь тульские гастроли можно было заканчивать: поставленную перед ней задачу Татьяна решила, и как удачно. Как хорошо все обернулось!

Как только дверь за Менатяном закрылась, Языкова решила, что надо повидаться с Горюновым — так было условлено на случай

появления Менатяна, — но, посмотрев на часы, передумала. Слишком поздно. Можно встретиться и завтра, успеется. Теперь успеется. Ведь страшного-то ничего нет и в помине!

Горюнов, однако, придерживался иной точки зрения. Прошло минут десять — пятнадцать после ухода Менатяна, не больше, и в дверь номера, который занимала Языкова, вновь постучали. Таня, собиравшаяся уже лечь спать, рассердилась — и что за вечер такой? — но дверь открыла. Это был Виктор.

— Прощу извинить, Татьяна Владимировна, за столь позднее вторжение, — сказал он, входя в комнату, — но уж такая беда: не во всех номерах есть телефоны. Вот и у вас тоже. А у меня уж вошло в привычку встречаться с вами каждый вечер, не хотелось нарушать традицию. Тем более сегодня. Раньше же никак не мог, у вас...

Таня была раздражена. Она устала, изнервничалась за этот нелегкий вечер. Не дав Горюнову закончить фразу, она с вызовом сказала:

— Да, вы правы, я была не одна. А вы... Откуда вам это известно? Подсматривали за мной? Вы полагаете, что это красиво?

— Подсматривал? Знаете, Татьяна Владимировна, у вас удивительный дар выбирать выражения. — Виктор широко усмехнулся, будто говорил нечто очень приятное. — «Подсматривал!» Нет, не подсматривал. Просто после концерта мне никак не удавалось к вам подойти, в таком плотном окружении вы были (Татьяна, вспомнив нахального подполковника, поморщилась), а я, как уже было вам доложено, раб привычек. Вас нет и нет, вот и решил, не дождавшись, сам вас навестить. Подошел к вашей двери: голоса. У вас шло какое-то бурное объяснение, уж не знаю с кем. Что мне оставалось делать? Пришлось уйти. Вот там, за углом, коротал время, ожидая, пока вы останетесь в одиночестве, сами вспомните обо мне. Не вспомнили... А теперь еще и ворчите!

Виктор говорил весело, шутливо, но глаза у него были настороженные, взгляд суровый. Перехватив этот взгляд, Языкова невольно поежилась. «Ну ладно, — подумала она, — посмотрим, что ты сейчас скажешь!»

— Повторяю, — сказала она, не меняя тона, — вы не ошиблись. У меня был... Менатян. Да, да, Аракел Менатян. Он самый. Собственной

персоной. И я не понимаю, что вам от Менатяпа надо, чего вы к нему привязались? Аракел — разведчик. Партизанский разведчик.

Таня внезапно осеклась: Менатян — советский разведчик? Партизан? Полно! Так ли оно? Не слишком ли она, Татьяна Языкова, наивна, доверчива, не слишком ли легко поверила Менатяну?

Горюнов смотрел на нее, не стараясь скрыть изумления. Даже присвистнул: Менатян — партизанский разведчик?! Ловко! Улыбка сбежала с лица Виктора, он мгновенно посерьезнел, посуровел:

— Послушайте, Татьяна Владимировна, да вы понимаете, что говорите? Это же очень серьезно. Мы тут не шутки шутим. Или он сам вам об этом сказал?

— Да, сам, — коротко ответила Таня.

Ей трудно было разобраться в собственных чувствах: так хотелось верить Менатяну, а веры не было. Но как раз этого она и не хотела показывать Горюнову.

Виктор смотрел на нее испытующе:

— И вы... Вы верите тому, что Менатян — партизан, советский разведчик? Верите?

— А почему бы мне не верить? Ведь вы-то ничего определенного об Аракеле не говорили. — Татьяну обуял дух противоречия.

— Да, это верно, — задумчиво сказал Горюнов, — не говорили. И сейчас я ничего не скажу. Просто не в силах сказать. Все очень сложно. Но... партизан! У меня к вам пока одна-единственная просьба: не торопитесь с выводами, не принимайте окончательного решения. Все разъяснится. И, я надеюсь, разъяснится скоро.

Татьяна, слушая Горюнова, смотрела на него во все глаза. Вот он, оказывается, какой: собранный, строгий. Таким она его еще не знала: он ей казался просто веселым, разбитным, компанейским парнем, а он вон оно что.

Татьяне стало стыдно: как она с ним разговаривала! Каким тоном... Обидела, пожалуй, а за что? Зачем? Ну и несносный характер! Он же хочет добра, только добра, и ей, Татьяне Языковой, в первую очередь. Оберегает ее от страшной ошибки, от возможной беды.

— Послушайте, Виктор Иванович, — сказала она просительно, — не сердитесь на меня, пожалуйста. И потом, я же вам еще ничего не рассказала.

— Теперь-то расскажете? — усмехнулся Горюнов.

Татьяна провела рукой по лицу, собралась с мыслями и начала говорить. Она передала Горюнову во всех подробностях рассказ Менатяна.

Аракел, по его словам, еще в 1941 году был сбит в воздушном бою. Ему удалось выброситься с парашютом из объятый пламенем машины и благополучно приземлиться, но он очутился в плену. («Так, — отметил про себя Горюнов. — Ложь. Обстоятельства пленения выглядят в сообщении воинской части иначе: самолет Менатяна был не сбит, не горел. С парашютом Менатян не выбрасывался».)

Как рассказывал далее Менатян, около года он пробыл в фашистской неволе, в лагере для военнопленных, потом бежал.

— В каком лагере, где? — быстро спросил Горюнов.

— Не знаю, — растерялась Языкова. — Он не говорил, а я не сообразила спросить.

— Это не беда, может, даже лучше, что не спросили. Что же дальше?

А дальше, как поведал ей Менатян, он прибил к крупному партизанскому соединению и вот уже год сражается в рядах партизан, в разведке, выполняя особо ответственные, серьезные секретные задания партизанского командования. Поэтому и не писал, ничего не сообщал о себе: не мог, не было связи. Да и права, по роду своей деятельности, не имел.

— Не имел права? Любопытно, — усмехнулся Горюнов. — Это что-то новое. Как по-вашему, это похоже на правду?

— Не знаю, — растерялась Языкова. — Я же в таких вещах ничего не понимаю.

— Это справедливо, — заметил Виктор. — Ну, а в каком соединении Менатян находился, где? В каком районе действует это соединение?

— И этого не знаю, — пожала плечами Языкова. — Аракел не назвал. Район? Я поняла так, что где-то на западе Белоруссии, но за точность не ручаюсь.

— Хорошо. В конце концов, это не так важно. А как он попал сюда, почему именно в Тулу? Тоже по «заданию командования»? — Горюнов не мог скрыть иронической усмешки. — И тоже «секрет»?

— Да, — окончательно смутилась Татьяна, — так он и говорил: «Секрет, не имею права говорить».

— Последний вопрос: вы этому верите? Хотя... Хотя не надо. Не отвечайте. Поразмыслите сами над всей этой историей, подумайте. Хорошо? Ну, а гастроли, я думаю, можно кончать. Пора вам возвращаться в Москву. Самое время.

— А вы? — неожиданно робко спросила Татьяна. — Вы тоже вернетесь? И потом, как мне держать себя с Менатяном, если он вновь появится? А он, я думаю, появится. Обязательно. Как быть?

— Видите, сколько вопросов сразу, — улыбнулся Виктор. — Отвечаю по порядку. Первое: и я возвращаюсь в Москву. Вслед за вами. Второе: как держать себя с Менатяном? Думаю, обычно. Мы с вами не виделись, никакого разговора у нас не было. Вот так себя и держите. Понятно?

Той же ночью Горюнов связался с Москвой, со Скворецким. Он доложил Кириллу Петровичу о прибытии Менатяна и о «партизанской» версии, которую тот пытался внушить Языковой. Виктор просил проверить эту версию самым тщательным образом.

В трубке послышалось недовольное кряхтение майора:

— Так ты что, думаешь, Менатян действительно прибыл из партизанского соединения?

— Нет, — отрезал Виктор, — не думаю. Но проверять мы обязаны.

— А кто спорит? — согласился майор. — Конечно, проверим, хотя все и так ясно: рассказ Буранова, расшифрованная радиограмма... Ты вот что скажи: как там Менатян?..

— Все в порядке, — заверил Виктор. — С того момента, как он появился в гостинице возле номера Языковой, не спускаем с него глаз. Никуда он теперь не денется.

Глава 29

Теперь чекисты ни на минуту не выпускали Менатяна из поля зрения. Одновременно была проведена самая тщательная проверка выдвинутой им версии. Эта проверка показала, что ни в одном крупном партизанском соединении, ни в одной из действовавших в тылу противника диверсионно-разведывательных групп, Менатян не числился. Впрочем, иного Скворецкий с Горюновым и не ожидали. Места сомнениям не было: Менатян — немецкий агент, вражеский разведчик, засланный абвером. Ни Скворецкий, ни Горюнов не сомневались и в том, что Менатян и есть тот самый «Кинжал», о котором шла речь в перехваченной радиограмме.

Было и еще одно обстоятельство, изобличавшее Менатяна: при проверке документов на пути из Тулы в Москву (Менатян ехал поездом) он предъявил служебное удостоверение и командировочное предписание на имя Варгашака Геворкяна, то есть либо фальшивку, либо чужие документы. Что именно, предстояло еще выяснить. Важно было то, что документы Менатяна оказались подложные.

В поезде Менатян случайно познакомился с молодой женщиной, работавшей в одной из московских пошивочных артелей. С поезда Менатян сошел вместе с ней и отправился на ее квартиру, где и поселился.

Поскольку было ясно, что знакомство это случайное, женщина ничего о Менатяне знать не могла, времени на нее решили не тратить. Если она в чем и была виновата, так в нарушении паспортного режима, а наказать ее за это никогда не будет поздно.

Прошло несколько дней. Менатян, ничем себя не проявляя, отсиживался на своей квартире. Горюнов нервничал, а Скворецкий только посмеивался: терпение, братец, терпение!..

Как-то днем, часов около четырех, позвонила Языкова и попросила Кирилла Петровича или Виктора уделить ей несколько минут. Пошли вместе: Скворецкий и Горюнов. Актриса встретила чекистов, как старых, добрых друзей.

— Мне, — начала она с места в карьер, — крайне необходим ваш совет. Прошло столько времени с этой злосчастной встречи там, в

Туле, а я все не могу прийти в себя. Думаю, думаю...

— И что же вы надумали? — дружески усмехнулся Горюнов.

— А вы не смейтесь, — неожиданно вспылила Татьяна. — Мне совсем не до смеха. Дни и ночи я думаю об Аракеле. Нет, поймите меня правильно: тут не забота о нем, другое...

— Татьяна Владимировна, — взмолился Скворецкий, — нельзя ли попроще, без загадок.

— Загадки? — Горькая складка легла в уголках рта актрисы. — Это вы удачно выразились. Только для меня загадка — это Менатян. Кто он? С чем явился? Ничего не понимаю. Вот это и не дает мне покоя, об этом я и хотела с вами поговорить.

— Но ведь он вам сказал, что является партизанским разведчиком, прибыл с секретным заданием... — иронически сказал Горюнов.

— Э, бросьте... — Таня с досадой махнула рукой. — Что я, маленькая? Никакой он не партизан, сами же вы дали мне это понять, еще там, в Туле. Все эти дни я думала и все больше убеждаюсь, что его рассказ — сплошное вранье.

— Так, так, — вмешался Кирилл Петрович. — Так. Значит, не партизан? Так кто же он, по-вашему, Менатян?

— Как раз это я и хотела у вас спросить. Я и сама догадываюсь, но мне надо знать точно, определенно. Как же иначе! Ведь в любой день он может явиться. Как я должна говорить с ним, как себя вести? Сумею ли я? Вот что меня мучает, вот почему мне необходим ваш совет.

— Понятно, — задумчиво сказал Скворецкий. — Совет? Скажите, Татьяна Владимировна, — внезапно спросил он, — называя вещи своими именами, кем вы считаете Менатяна? И почему?

— Кем? — замялась Языкова. — Почему? Попробую объяснить.

Татьяна начала рассказывать. Из ее путаного, сбивчивого рассказа получалось, что еще в Туле, в гостинице, многое в поведении Менатяна показалось ей странным, подозрительным: самый голос, манера держаться, какая-то настороженность во взгляде, в жестах. Да и объяснение, которое он дал своему столь длительному молчанию, прозвучало не очень убедительно. А усмешка, кривая, вымученная усмешка, когда он говорил о партизанах, о своей работе разведчика. Советского разведчика. Нет, тут что-то было не так. «И потом, — говорила Татьяна, — мы, женщины, чувствуем фальшь, пожалуй,

острее, чем вы, мужчины, особенно в человеке, которого... Одним словом, если речь идет о человеке, бывшем когда-то тебе не совсем безразличным».

Ну, короче говоря, сомнения у нее возникли сразу после ухода Менатяна, когда она попыталась осмыслить происшедшее, все понять, оценить. А тут еще Горюнов, с его ироническими репликами, вопросами. Было над чем задуматься.

В общем и целом, перебрав не один десяток раз в памяти каждую деталь, все обстоятельства встречи, продумав, взвесив все, что ей известно о Менатяне, она и пришла к выводу, что никакой он не партизан, что дело обстоит куда хуже.

— Есть и еще одно немаловажное обстоятельство, — устало закончила актриса.

— Какое? — поинтересовался майор.

— Вы, — коротко бросила актриса.

— Мы? А это с какой стороны?

— Боже, но тут же все яснее ясного: будь Менатян честным, советским человеком, будь он партизанским разведчиком, чего бы вам им интересоваться? Да и вся эта поездка в Тулу... Не надо играть со мной в кошки-мышки. Давайте уж начистоту, до конца, определенно. Откровенность за откровенность.

— Что ж, — вздохнул Скворецкий, — согласен. Будем откровенны. Татьяна Владимировна, вы заблуждаетесь: у нас и в мыслях не было вести с вами какую-то игру. Но войдите в наше положение. Ничего толком мы про Менатяна ранее не знали, ничем, кроме отрывочных, никак не проверенных сведений, не располагали, что же мы могли вам сказать? Прийти и сразу брякнуть: так, мол, и так, ваш старинный друг — шпион. Немецкий агент. Так, что ли? А если на самом деле все иначе, если он честный человек?... Нет, так нельзя...

— Позвольте, — внезапно перебила Татьяна, не упуская ни единого слова майора. — Вы говорите: РАНЕЕ (она подчеркнула это слово) не знали. Ранее? А теперь? Теперь знаете?

— Кое-что знаем, и, боюсь, вы не ошибаетесь в оценке Менатяна. Но даже теперь не будем спешить. Дайте срок, разберемся до конца. И уж тогда все вам объясним.

— Вам легко говорить: дайте срок, — всхлипнула Татьяна, — а мне, мне какво? Я боюсь, смертельно боюсь, вдруг он опять придет, начнет говорить. Шпион! И я... мне... Что мне делать, что делать? Неужели вы не понимаете, что мной движет не пустое любопытство? Или... или Менатян больше не придет? Он уже арестован?

Кирилл Петрович улыбнулся:

— Что вам делать? Прежде всего перестать плакать. Это — первое. Дальше: нет, Менатян не арестован. Я же вам сказал, что кое-что нужно еще проверить. Вот и проверяем. Поймите, Татьяна Владимировна, сложное это дело, очень сложное. Столько всякого... Отсюда не исключено, что он вновь побывает у вас, тут вы правы, только вам-то чего бояться? Главное, не вздумайте высказывать ему своих подозрений. Хотя... Хотя если и порасспросите кое о чем, выразите некоторое недоверие, ничего страшного не будет, только вот уж про нас не упоминайте. никоим образом. Если вы скажете лишнее, можете здорово повредить делу. Но мы на вас надеемся. Ладно?

— Да нет, что вы, — сквозь слезы улыбнулась Языкова. — Ничего лишнего я не скажу. Только до чего все это ужасно... Аракел! Подумать только!

Прошло еще несколько дней, и Менатян наконец-то начал действовать. Ранним утром он выбрался из своего убежища и стал петлять по городу, да так ловко, что чекисты потеряли его из виду. К удивлению Горюнова, Кирилл Петрович встретил это сообщение довольно спокойно: «Потеряли? Ничего, обнаружится. Подождем до вечера». А вечером, выслушав доклад сотрудника, которому он несколько дней назад дал особо ответственное задание, майор потер, торжествуя, руки и сказал:

— Так я и думал. Кажется, концы сходятся с концами.

— Что вы думали? — изумился Виктор. — Какие еще «концы»?

— Ну, может, не совсем еще сходятся, но около этого. Думаю, что в самое ближайшее время я смогу более или менее точно указать, под какой личиной скрывается «Зеро».

— Можете указать? Но откуда? Каким образом? Что-то вы темните, товарищ начальник!

— Темню? Возможно.

— Кирилл Петрович, я вас не понимаю: почему я утратил ваше доверие? — обиделся Виктор.

— Чудак ты человек. «Утратил доверие»! Но к чему спешить, пока не все ясно?

— А все-таки? — настаивал Горюнов.

— Все-таки? Слушай. Менатян, которого наши товарищи потеряли, имел встречу с человеком, находящимся в поле нашего зрения. Полагаю, с тем, под чьей личиной скрывается «Зеро». Вот; так.

Виктор ничего не мог понять.

— Ой, товарищ майор, снова темните. С кем еще встречался Менатян?

— Виктор, Виктор, — хитро улыбнулся Скворецкий, — не будь любопытной Варварой. Потерпи еще.

Горюнов явно был неудовлетворен, но большего в тот день от Кирилла Петровича не добился.

...В тот же вечер на квартиру Костюковых к Борису Малявкину явился гость. Это был Менатян. Борис, который со дня отъезда Осетрова опять изнывал от безделья, вел себя при встрече подчеркнуто настороженно. Такой была определена линия его поведения Скворецким и Горюновым. Они предупредили Бориса, что следует ждать нового представителя абвера, и Малявкин ждал, ждал терпеливо, но до чего нелегко давалось ему это ожидание! В самом деле, сколько уже прошло времени, как он, Борис Малявкин, сиднем сидит в пустой квартире, и тратит даром время. Борис теперь с ужасом вспоминал недавнее прошлое: неужели это он, Малявкин, советский человек, комсомолец, оказался в стане врагов, среди фашистов, выполнял их задания? Чудовищно!.. Но — было, было.

Сейчас, когда столько было пережито, выстрадано, передумано, все помыслы Малявкина были сосредоточены на одном: делает ли он все нужное и возможное, чтобы искупить тяжкие преступления, загладить свою вину перед Родиной, правильный ли путь он избрал?

Когда он встречался с чекистами, беседовал с ними, все казалось ясным, сомнения исчезали. Да, путь избран правильно. Здесь, на этом участке борьбы с фашизмом, он может принести наибольшую пользу. Но стоило остаться одному — а он большую часть времени проводил в одиночестве, Горюнова видел теперь изредка, — как вновь обуревали сомнения: не лучше ли, не правильнее ли уйти на фронт? С автоматом, с винтовкой в руках бить гитлеровскую нечисть, кровью смыть собственное преступление, свой позор...

Малявкин превосходно понимал, что от него мало что зависит, и все же как-то поделился своими мыслями и сомнениями с Кириллом Петровичем. Внимательно выслушав Бориса, майор зло прищурился:

— Говоришь, смыть кровью свою вину? Ишь ты! А у нас, по-твоему, дело мирное, бескровное?

— Нет, — начал было Малявкин, — так я не думаю, но...

— Лучше помолчи, — нахмурился Скворецкий, — не перебивай! И у нас — кровь. Большая кровь. Каждый день гибнут люди, советские люди, гибнут чекисты в борьбе с невидимым, тайным врагом. И враг этот, действующий в одиночку в нашем тылу, зачастую опаснее целых дивизий. Не обезвредь его вовремя, и потери могут быть неисчислимы.

— Да я понимаю, — неуверенно сказал Малявкин. — Все понимаю, просто мне казалось...

— Ничего ты не понимаешь! — резко оборвал Кирилл Петрович. — Ему, видите ли, казалось... Нет, голубчик, ты еще не понял, что сведения, похищенные шпионом, диверсия, совершенная вражеским агентом, стоят зачастую жизни тысячам наших воинов, тысячам тружеников в тылу. Тысячам! Ты это можешь понять? Могут быть провалены планы нашего наступления на фронте, могут остановиться фабрики, заводы... А убийства советских людей? Э, да что говорить... — Он с горечью махнул рукой. — Нет, дело наше — благородное, необходимое, но — тяжкое. Ох, какое тяжкое! В темноте, в тайне, во мраке. Иначе врага, действующего исподтишка, под личиной, на невидимом фронте, не разоблачишь, не обезвредишь. Вот что пойми, дорогой ты мой...

— Кирилл Петрович, товарищ майор! — взмолился Малявкин. — Все я понимаю. Я же о другом. Мое-то, какое мое место в вашей работе, в борьбе? Сижу сложа руки, ничего не делаю, вот что меня мучает.

— А твоя задача до поры до времени как раз в том и состояла, чтобы сидеть сложа руки, — возразил майор. — Пойми, ты сейчас в фокусе внимания абвера, разведка врага делает на тебя ставку, с твоей помощью намерена вести против нас свою смертную игру, и, пока все ходы врага в этой игре не разгаданы, пока враг до конца не раскрыт, твое место здесь, у Костюковых. Понял? А уж тут, бывает, и без дела приходится порой посидеть. Только безделье это — кажущееся. Оно — составная часть игры: кто кого... Малейший просчет, и гибель может

оказаться неминуемой. Твоя гибель — и провал всего дела. Так что горячку пороть нечего.

На протяжении нескольких дней после этого разговора Малявкин чувствовал себя поспокойнее, но потом прежние сомнения охватили его с новой силой. И опять он казнился, не спал ночами. Тут-то и появился Менатян. Он пришел под вечер, когда мать и дочь Костюковы были еще на фабрике и Борис сидел дома в полном одиночестве. Менатян тихо, условленным еще с Осетровым стуком, постучал в дверь и, когда Борис открыл, назвал пароль.

Малявкин, хотя и ждал этого визита, на мгновение замешкался, но тут же произнес отзыв. Менатян, поглядывая на Малявкина исподлобья, представился:

— Геворкян.

— Задворный, — отозвался Борис и широко распахнул дверь. — Проходите. Я уж заждался.

В отличие от Осетрова, Геворкян-Менатян держал себя сухо, ни в какие посторонние разговоры не пускался. Сразу же он учинил Малявкину форменный допрос: что? Как? Где? Что Малявкин делает? Как существует? Где рация? В порядке ли? Рация — вот что больше всего интересовало и этого представителя абвера.

Борис отвечал зло, с раздражением. Опять, как и Осетрову, он повторял, что положение его не из легких, что оставаться ему все в одной и той же роли делается с каждым днем труднее и труднее.

— Не понимаю, — взволнованно говорил Борис, — до вас приезжали: расспросы, допросы. Теперь — вы. А мне-то каково?

— Да ты что! — не выдержал Менатян. — Знал ведь, на что идешь. Не на пикник сюда приехал, не на увеселительную прогулку. И потом, что значит: до меня приезжали? Кто? Зачем мне об этом рассказываешь?

Малявкин решил, что, пожалуй, сболтнул лишнее: может, этому Геворкяну и не следовало говорить про Осетрова, кто их знает?

— Да нет, — сказал он, — это я так, к слову. Просто мне надоели расспросы, и я хочу знать толком, ради какого дьявола здесь торчу, рискуя собственной шкурой и ничего не делая?

— Торчишь? — злобно прищурился Менатян. — А я-то, я тут при чем? Ко мне какие претензии? Тоже нашелся критик. Вот встретишься

с шефом, ему и выкладывай. Только заранее скажу: добра от такого разговора не жди.

— С шефом? — сразу насторожился Малявкин. — Мне ни о каком шефе ничего не известно.

— Узнаешь. Всему свое время.

«Расспросить? — подумал Борис. — Выяснить, что еще за „шеф“? Вот было бы ладно! Но... нельзя. Расспрашивать нельзя. Еще спугнешь...» Он глубоко, прерывисто вздохнул и промолчал.

Менатян, не спускавший с Малявкина изучающего взгляда, чуть приметно усмехнулся:

— Что, хочется знать, когда увидишь шефа? Чего не спрашиваешь?

— Жду, когда сам скажешь, — отрезал Борис. Он, как и Геворкян, перешел на «ты». — Спрашивать? Нет. Мне основательно вбили в голову еще перед поездкой сюда, что задавать лишние вопросы не следует. Уж что-что, а это я усвоил. Основательно.

— Вижу, что усвоил, — уже откровенно улыбнулся Менатян. — Хорошо усвоил. Одобрю. Вернемся, однако, к рации. Нужна связь с центром. И — поскорее. Ты говорил, рация в порядке, в лесочке под Москвой. Одного я не понял: она у тебя только укрыта в этом лесочке или ты оттуда и работаешь?

— Что я, идиот — из одной точки работать? — окрысился Малявкин. — Или ты сам не понимаешь? Только попробуй — мигом запеленгуют. Нет, там я только прячу рацию, а работаю в разных местах. Вокруг леса, людей теперь мало — война. Есть где пристроиться.

Менатян с минуту подумал, потом решил:

— Тогда так: встретимся завтра, и ты мне все покажешь. Только в котором часу? Где?

Борис пытался было возражать: совсем незачем им расхаживать по Москве вместе, вдвоем. И отправляться вдвоем к месту захоронения рации не имеет смысла, излишний риск. Куда как спокойнее, если Геворкян вручит ему текст, а он, Малявкин, все сделает в лучшем виде, сам передаст радиogramму.

— Ты не беспокойся, — убеждал Борис, — и зашифрую, и передам. Все будет в порядке.

Однако Геворкян-Менатян не дал себе труда даже выслушать «Быстрого» до конца.

— Ты эту манеру — возражать — брось, — резко оборвал он Малявкина. — Забудь. Раз и навсегда. Когда мне потребуется твое мнение, я сам спрошу, а сейчас я тебя не спрашиваю. Понял? Делать будешь, как я сказал. Заруби это себе на носу. Распустился ты тут не в меру... Ну ничего, мы тебя подтянем. Завтра и работать на рации буду я. Дошло?

— Работать-то на рации, может, лучше все же мне? — опять подал голос «Быстрый», но Менатян так на него глянул, что Борис сразу осекся.

Спорить не имело смысла, Малявкин это понял. Нет, Геворкян не чета Осетрову. Да и, пожалуй, даже Гитаеву. Такой, не моргнув глазом, сунет тебе финку в бок или выстрелит в затылок. А уверенность, какая уверенность в себе, в своем праве помыкать им, «Быстрым». Каков же должен быть «шеф», если даже этот закоренелый хищник, Геворкян, при одном упоминании о нем меняется в лице и невольно понижает голос?

Да, спорить было нельзя, и Малявкин согласился со всеми требованиями Геворкяна-Менатяна.

— Хорошо, — вздохнул он. — Все ясно. Завтра так завтра. Где встретимся? Здесь?

— Нет, — отрезал Геворкян. — Лучше так...

Они условились, что встретятся на следующий день, во втором часу пополудни, на автобусной остановке возле совхоза, причем «Быстрый» должен приехать раньше и ждать Геворкяна, имея уже рацию при себе.

— Значит, проверять, где захоронена рация, как захоронена, не будешь? — уточнил Малявкин.

— Нет, пока не буду.

— Хорошо, — вздохнул Борис. — Откуда будем вести передачу?

— Ну, тут тебе и карты в руки, — возразил Геворкян-Менатян. — Ты же там все места знаешь.

— Можно в одном лесочке, поблизости, — нерешительно заметил Борис. — Только решать — тебе. Мое дело сейчас подчиненное.

— Идет, — согласился Менатян.

По его предложению они решили, что сядут в автобус, следующий в сторону Подольска. Сядут порознь, никак не выказывая, что один знает другого. И сойдут вместе, проехав три остановки. Там «Быстрый» пойдет к ближайшему лесу и возле опушки будет поджидать Геворкяна. Передав ему рацию и указав место, где можно работать, он вновь вернется на опушку. Здесь Геворкян, проведя сеанс, вернет ему рацию, а сам отправится в Москву. «Быстрый» поедет позже, следующим автобусом или попутной машиной. Очередная встреча два дня спустя, здесь же, на квартире Костюковых.

Только ночью, соблюдая всяческие предосторожности, удалось Борису встретиться с Горюновым и доложить во всех подробностях о визите Геворкяна. Выслушав Малявкина внимательнейшим образом, Виктор полностью одобрил линию его поведения.

Глава 30

Татьяна Языкова не ошиблась: Менатян действительно вновь явился к ней. Он пришел утром, в одиннадцатом часу, созвонившись предварительно по телефону. Зачем он пришел, чего хотел, на что надеялся, Таня толком так и не поняла. Встретила она Аракела на этот раз довольно прохладно. Беседа не вязалась: перескакивали с пятого на десятое, говорили о всяких пустяках, возвращались к прошлому.

— Нет, — неожиданно сказала Языкова, — не могу. Все это не то, не так.

— Что не то? — прикинулся изумленным Менатян. — Ты о чем?

— Неужели ты не понимаешь? Я же совсем ничего о тебе не знаю, не узнаю тебя. Ты ничего толком мне не объяснил.

Памятуя слова Скворецкого, актриса начала осторожно расспрашивать. Что за таинственность напускает на себя Аракел? — спрашивала она. Почему, почему, пробыв свыше года у партизан, он ни разу не подал о себе весточки? Действительно не мог или не хотел? Не нравится ей все это...

Менатян слушал молча, не поднимая глаз, только на обострившихся скулах ходили желваки. Он чем-то напоминал большую нахохлившуюся хищную птицу: кинется, начнет терзать когтями, долбить железным клювом... Татьяне стало жутко. Менатян с трудом перевел дыхание, сделал какое-то странное движение горлом, словно глотая комок, и поднял на Языкову круглые, с желтизной глаза. В них светилась злоба. И улыбка у Менатяна была вымученная, кривая.

— Ну, что же ты молчишь? — взяла себя Таня в руки. — Отвечай, партизанский разведчик!

— Слушай, Таня, — тихо, с хрипотцой сказал Менатян. — Если я не разведчик, не партизан — так? — кто же, по-твоему, Менатян? Кто?

Таня растерялась. Высказать ему свои подозрения, свои страшные мысли? На это она не решалась. А вдруг все-таки, несмотря ни на что, несмотря на факты, ошибка? Война!.. Такая ужасная война, тут всякое могло случиться. Как-никак перед ней был Аракел, друг ее юности, человек, который ей когда-то нравился. Одно дело, когда его нет, когда

можно все спокойно анализировать, рассуждать наедине с собой или с тем же Скворецким, и совсем другое, когда он здесь, рядом, сидит и смотрит на нее горящими глазами, в упор. Ей трудно, очень трудно было отрешиться от привычного Менатяна. И страшно. Ой как страшно!..

И все же Таня решилась.

— Послушай, — чуть не шепотом спросила она, — я не сомневаюсь, но... а ты... ты не дезертир? Нет, правда?..

Менатян смерил ее презрительным взглядом. Резко, рывком поднявшись, он шагнул к двери, бросив через плечо:

— Обидела ты меня, Таня-джан, очень обидела. Подумай об этом.

И вышел. Дверь оглушительно хлопнула. Татьяна без сил опустилась в кресло и долго так сидела, ничего не видя, ничего не понимая.

Выйдя из гостиницы, Менатян сел в автобус и выехал в сторону Подольска: близился час встречи с «Быстрым». Менатян не знал, что каждый его шаг фиксировался чекистами. И не только чекистами: с того момента, как Менатян покинул утром свое убежище, за ним неотступно, словно тень, следовал еще один человек. Этот человек проводил Менатяна до гостиницы «Москва», дождался, пока тот вышел, и оставил его только тогда, когда Менатян сел в автобус. Чекистов он не обнаружил, но они-то его приметили и не выпускали из поля зрения.

В тот же день об этом было доложено Скворецкому. Выслушав донесение, майор спросил: «И вы уверены, что тот самый человек, к которому я поручил присмотреться, преследовал Менатяна?» Оперативный работник не сомневался: «Тот самый. Я же шел за ним по пятам до гостиницы. И после». Ошибки не было.

Кирилл Петрович нахмурился. «Ну, — подумалось ему, — если так, жди событий!»

А Менатян трясся тем временем в пригородном автобусе, ничего не подозревая, ни о чем не догадываясь. Настроен он, судя по всему, был скверно, сидел насупившись, поигрывая желваками, не глядя по сторонам.

На условленной остановке, возле совхоза, ждал Малявкин. В левой руке он держал небольшой потертый чемоданчик. Пока пассажиры выходили и входили в автобус, Борис успел через стекло

рассмотреть Менатяна и, уловив никому другому не приметный жест, одним из последних поднялся по ступенькам. Двери закрылись, автобус тронулся.

Не подавая виду, что знаком с Менатяном, расположившись на одном из передних сидений справа по ходу, возле окна, не обращая на него никакого внимания, Малявкин встал в проходе, благо все сидячие места были заняты. Проехав три остановки, он пробился к выходу и сошел с автобуса. Вслед за ним сошел Менатян.

Автобусная остановка была расположена у въезда в большое село, но «Быстрый» в село не вошел: он повернул обратно. Здесь, прямо к шоссе, подступал лес, заросший густым подлеском. Пройдя по шоссе около километра и убедившись, что дорога пустынна, Малявкин перепрыгнул придорожную канаву и встал на опушке, укрывшись за разлапистой сосенкой. Вскоре показался Менатян, не спеша шагавший по обочине.

— Э-гей, друг! — окликнул его Малявкин. — Давай сюда! Я здесь.

— Угу, — мрачно откликнулся Менатян и, перемахнув канаву, присоединился к Борису.

Постояв с минуту на опушке, внимательно осмотревшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, они углубились в лес. Дойдя до укромной полянки, Малявкин остановился.

— Вот, — сказал он. — Здесь.

Менатян, молча взяв чемоданчик, прошел дальше. Он пересек поляну, присел, раскрыл чемодан, где находилась рация, раскинул антенну, достал из кармана клочок бумаги и заработал ключом. Борис, наблюдавший за ним издали, пришел к выводу, что Менатян — радист посредственный: нет той сноровки, той быстроты в работе, которая была у него самого, Малявкина.

Само собой разумеется, что текст радиogramмы, переданной Менатяном центру, Малявкину известен не был, но чекисты не дремали. Специально предупрежденные радисты были наготове и перехватили радиogramму, отстуканную Менатяном. Радиogramма гласила: «Все благополучно, связь „Зеро“ установлена, „Быстрого“ включаем работу, приступаем выполнению задания». И стояла подпись: «Кинжал».

Между тем Менатян, закончив передачу, вернул рацию «Быстрому» и, повторив ему, что придет на квартиру Костюковых через два дня, зашагал к шоссе. Малявкин остался в лесу; он должен был выйти час спустя и возвращаться в город другим автобусом, не тем, что Менатян.

В тот же вечер Борис встретился с Горюновым и обстоятельно доложил, как прошел сеанс радиосвязи, а также и о том, что Геворкян будет у него через два дня.

Но Менатян пришел не на третий день, и даже не на второй: он внезапно явился к Малявкину на следующее утро. Был он чем-то очень встревожен.

— Собирайся. Тебя ждет шеф, — отрывисто сказал он, едва переступив порог.

— Ждет? — растерялся Малявкин. — Меня ждет шеф? Когда?

— Сейчас. Разве непонятно? — насупился Менатян.

— Сейчас? — переспросил «Быстрый».

— Да, сейчас, — со злостью сказал Менатян. — Да ты не копайся. Живо!

Борис, никак не ожидавший в этот час посетителей и разгуливавший по комнате в одних трусах да в майке, принялся с лихорадочной поспешностью одеваться, а Менатян его поторапливал:

— Скорее, скорее, поживее поворачивайся!..

Борис поспешно накинул гимнастерку, потуже затянул поясной ремень.

— Пошли, что ли? — обратился он к Менатяну. — Я готов.

— Нет, — неожиданно возразил Менатян, — ты пойдешь один. Без меня.

— А почему так, почему один? — удивился «Быстрый».

— Ты когда-нибудь прекратишь свои идиотские расспросы? — вконец рассердился Менатян. — Сказано — один, значит, один. Все.

— Ладно, — пожал плечами «Быстрый». — Иду. Только куда идти?

— Здесь, рядом. Как-нибудь не заблудишься, — зло усмехнулся Менатян. — На Ваганьковском кладбище.

Менатян обстоятельно растолковал Борису, где именно, в каком месте кладбища, в каком ряду, у какой могилы, будет ждать шеф. В

левой руке у него, сказал Менатян, будет последний номер журнала «Огонек». Впрочем, шеф и сам узнает Малявкина. Сам окликнет.

— Узнает? — изумился Малявкин. — Но откуда, каким образом? Разве мы знакомы?

— А это не моя забота, — огрызнулся Менатян. — Передаю, что велено. Давай двигай. Выйдешь через пять минут после меня. Да смотри не задерживайся.

Менатян, ничего не добавив, не попрощавшись, хлопнул дверью.

Борис невольно улыбнулся. Он должен был сам себе признаться, что давно не испытывал такого волнения. «Шеф... — билось в мозгу. — Таинственный, страшный шеф. Каков он? Что-то будет?»

Тут же мелькнула мысль: «Надо связаться с Горюновым. С Кириллом Петровичем. Немедленно. Нельзя идти на свидание с шефом — первое свидание, — не поставив их в известность... Надо связаться, — мучительно думал Борис. — Но как? Как свяжешься? По телефону, из автомата? А если... Если за мной следят? Тогда — все. Провал. Ни тебе шефа — ничего!.. Значит, исключено... Что же делать, что делать?»

Борис непроизвольно глянул на часы: после ухода Менатяна прошло более пяти минут. Пора. Дальше тянуть нельзя. «Эх, была не была! Пойду... Свяжусь потом». Он тщательно, большими пальцами обеих рук разогнал складки на гимнастерке спереди назад и шагнул к выходу.

До Ваганьковского кладбища Борис дошел быстро. Кладбище, где он неоднократно бродил в дни добровольного заточения у Костюковых, Малявкин изучил обстоятельно — не даром в свое время он предлагал Осетрову именно здесь вести беседу. Место действительно было подходящее: глухое, безлюдное, а если среди густо, впритык друг к другу, расположенных могил и появлялся один-другой посетитель, так кому было до него дело? Если где народ и толпился, так у входа на кладбище, возле церкви, но там мало кто обращал внимание друг на друга.

Вот и широкие ворота «Ваганьковки», вот, справа, и кладбищенская церковь. На папертилюдно: идет служба. Хоронят кого-то. Но что это? В толпе внезапно мелькнуло знакомое лицо. Кто это? Горюнов? И похоже и не похоже. Малявкин остановился как

вкопанный. Виктор Иванович? Здесь? В этот час? Какими судьбами? Или почудилось? Нет, конечно же, почудилось. Просто сходство.

Борис на мгновение остановился, сделав шаг по направлению к церкви, как вдруг кто-то слегка толкнул его в плечо. Кто это? Кирилл Петрович! Неужели? Но до чего же он изменил свою внешность, просто до неузнаваемости. И все же это был Скворецкий. Приложив палец к губам, майор едва приметно мигнул: не показывай, мол, виду, что меня знаешь. И держись. Мы — здесь.

Малявкин теперь уже уверенно двинулся вперед, в кладбищенский лабиринт. Как важно, как нужно было в такой момент знать, что ты не один... Но как они, Скворецкий и Горюнов, узнали? Как тут очутились, и так своевременно? И до чего ловко изменили свою внешность. Оба!

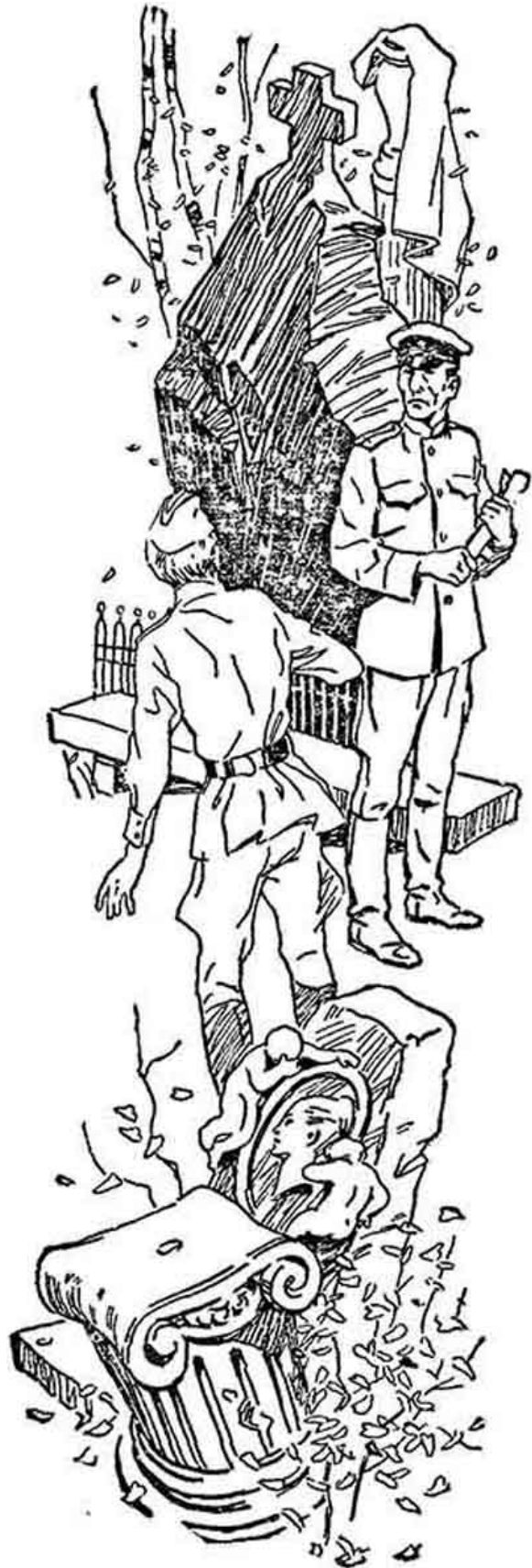
Малявкин, конечно, не знал и никак не мог знать, что не только Менатян, но и таинственный шеф уже не один день были в поле зрения чекистов, что по их поведению в это утро Скворецкий понял, что что-то готовится, и сам, вместе с Виктором, незаметно проследил за шефом, который, сам того не ведая, и привел их на Ваганьковское кладбище. Внимание Кирилла Петровича к шефу усиливалось тем, что теперь, после того как была прочитана шифровка «Кинжала» центру, последние сомнения у Скворецкого в личности «Зеро» отпали. Шеф и «Зеро» — одно и то же лицо, это было очевидно. Как, когда и с кем встречался Менатян, майор знал...

Уверенно двигаясь от аллеи к аллее, Малявкин приближался к цели. Вот и нужная могила: массивный, глыбой, памятник-надгробие черного мрамора, увенчанный строгим крестом, небольшая, огороженная низкой чугунной решеткой площадка. Маленькая, чуть возвышающаяся над землей, скамеечка. На ней — человек. Сидит к Малявкину вполоборота, лица не разглядишь. В левой руке журнал «Огонек».

Малявкин сделал шаг к незнакомцу, еще шаг. Нерешительно, приглушенно кашлянул. Тот обернулся, неторопливо встал. Невольный крик замер на губах у Малявкина: перед ним стоял, иронически посмеиваясь... Попов. Капитан Попов, начальник продовольственного пункта на Ленинградском вокзале.

Малявкин чуть попятился, оглянулся по сторонам. Нет, больше тут никого не было. И этот человек, капитан Попов, держал в руках

последний номер «Огонька».

В голове у Бориса лихорадочно билась мысль: «Что же это? Как же?..» А Попов не спускал с него пристального взгляда.

— В-вы? — с трудом выдавил из себя наконец Борис. — Вы? Вы меня... Ждете меня?

— Не знаю, — сухо сказал Попов, продолжая выжидающе смотреть на Малявкина: — Не знаю...

Опомнившись, Малявкин назвал пароль.

— Так-то лучше, — наставительно заметил Попов и назвал отзыв. — Выходит, жду я именно вас. Присаживайтесь, и — к делу. Времени у нас в обрез. — Широким жестом он указал на скамейку, с которой только что поднялся.

Не переставая робко поглядывать на капитана Попова, под обликом которого так неожиданно предстал перед ним таинственный шеф, Борис осторожно опустился на скамейку. Все еще не в силах прийти в себя, собраться с мыслями, Малявкин провел языком по пересохшим губам. В голове у него вертелось множество вопросов, и прежде всего один. Благо Попов, испытующе посматривавший на Бориса, хранил молчание, тот собрался с духом и невнятно пролепетал:

— Значит, вы... Как же вы тогда меня... Гитаева?

— Понимаю, — сдержанно кивнул Попов. — Кое-что разъясню. Это будет полезно. Итак: вы хотели спросить, почему я, сам разведчик, отправил в советскую прокуратуру двух своих коллег, вас и Гитаева? Так?

— Да, я этого не понимаю.

— Извольте. Повторяю, разведчик должен разбираться в подобных ситуациях. Вы с Гитаевым работали плохо, нечисто. Мой помощник по продовольственному пункту, русский офицер Константинов, вас заподозрил и своими подозрениями поделился со мной. Что должен был делать советский капитан Попов? Бить тревогу. Так я и поступил.

— Но почему же вы нам ничего не сказали, не предупредили? Гитаев же мог спастись. Да и я... — робко спросил Малявкин.

— Но это же яснее ясного, — снисходительно усмехнулся Попов. — Коль скоро на вас пало подозрение, вы с Гитаевым были обречены. С минуты на минуту вас могли схватить. Но окажись Гитаев в руках советской контрразведки, он мог заговорить, а Гитаев знал

много, знал, в частности, меня, имел ко мне явку. Мог ли я допустить, чтоб он попал в контрразведку?

— Н-нет. Н-но вы же сами...

— Сам? Что — сам? — жестко перебил Попов. — Я сам передал вас в руки прокуратуры. Ну и что? Там, в прокуратуре, я не раз бывал по делам службы и тамошние порядки знаю. Они меня устраивали. Мне ничего не стоило подать Гитаеву мысль о побеге, помочь вам обоим в этой затее, а там — ликвидировать Гитаева. Гитаева, не вас, ибо вы меня не знали и в силу этого никакой опасности для меня не представляли. Если бы представили, то... Понятно?

Малявкин молча кивнул и невольно провел языком по пересохшим губам.

— Понял. Но...

— Все. Довольно. С вопросами покончено. Повторяю: случай с Гитаевым я изложил единственно в назидательных целях. Если вы окажетесь в положении Гитаева, вас ждет та же участь.

Попов сказал это с таким бесстрастным спокойствием, с такой холодной жестокостью, что у Малявкина мороз пошел по коже. Он невольно поежился.

— Вижу, поняли, — мрачно усмехнулся Попов. — Теперь — к делу. Работать мы будем вдвоем: я и вы. Ясно?

— А Геворкян? — заикнулся Борис. — Я думал...

— Что вы думаете, меня не интересует, — с раздражением перебил Попов. — Думать? Думать вообще не ваше, а мое дело. Запомните: когда меня будет интересовать ваше мнение, я вас спрошу. Сам спрошу. Во всех остальных случаях ваше дело слушать и исполнять. Исполнять. Без рассуждений. Малейшее послушание, и...

— Послушайте, то... гм... капитан, — разволновался Малявкин, — почему вы так со мной разговариваете, все время грозите? Разве я в чем виноват, что-нибудь делал не так, как надо?

— Грожу? Это не совсем так. Предупреждаю. Пока за вами никакой вины нет, иначе мы бы не встретились. Просто для первого знакомства пытаюсь разъяснить вашу роль и характер наших взаимоотношений. Итак: возражений, пререканий я не потерплю. Что же касается Геворкяна, и о нем скажу. Чуть позже, Прежде ваши задачи. Мне нужен радист, хороший радист. Вы подходите. Но не только радист: мы вас проверяли. Проверяли основательно. Вам можно

поручить дела и посерьезнее. Перед нами стоит большая задача: профессор Варламов.

Малявкин хотел было спросить, что намерены делать немцы с Варламовым, но вовремя спохватился и прикусил язык. Промолчал. Уроки шефа шли впрок. Тот это заметил, удовлетворенно улыбнулся и продолжал:

— Варламов нужен нам живой, с его открытием. На худой конец — открытие. Пусть даже... без Варламова.

— Без Варламова? — растерялся Борис. — А как? Я не понимаю!..

— Вот так! — провел рукой по горлу Попов. — Ясно?

Малявкин молча кивнул.

— Но это, — продолжал шеф, — только на худой конец. На самый худой. Главная задача — заполучить Варламова живым. Вот за этим-то вы мне и понадобились.

— Но я... Но мне... — нерешительно заговорил Малявкин. — Что же я-то могу?

— Вы? О, вы можете многое. Варламов вас знает, вам доверяет, вот вы и послужите крючком. Чего не сделал Гитаев, сделаю я.

— Можно? — робко подал голос Малявкин.

— Ну? — спросил Попов.

— Какой же я «крючок»? Ведь я был там с Гитаевым. Профессор знает...

— Что знает, что? — рассердился Попов. — Ничего этот старый пень толком не знает, ни в чем не разбирается. Ну, да к этому мы еще вернемся. Спешить с Варламовым не будем. Придется выждать... Сейчас другое. Геворкян. Он — предатель. Я его выследил. Геворкян бегал в гостиницу «Москва». Зачем? Не исключено, что на явку к чекистам. Если даже и нет, факт предательства налицо. Без моего ведома он не должен был, не имел права никуда ходить, а пошел, пошел тайком. И не смог представить удовлетворительного объяснения: зачем ходил? К кому? Врал. Изворачивался. И хотя Геворкян ни имени, под которым я работаю, ничего другого обо мне не знает, он все же знает достаточно. Знает и вас. Его придется ликвидировать.

Малявкин сидел нахохлившись, пытаясь унять дрожь в руках, сжимая зубы, которые, того и гляди, начнут выбивать дробь. Ему было

страшно. Геворкян не был ему симпатичен. Скорее, наоборот. Но этот человек, капитан Попов, или «шеф», с таким ледяным спокойствием говоривший об убийстве, внушал ужас.

Между тем Попов умолк. Он не спеша достал из кармана коробку папирос, вынул одну, размял ее, зажег спичку, закурил и, выпуская густой клуб дыма, спокойно, как бы между прочим, сказал:

— Сделаете это вы.

— Я? — подскочил на месте Малявкин. — Я?

— Да, вы. Сегодня же. А что? Может, есть возражения? Ну, ну, давайте!

— Н-нет, почему же? — пробормотал Борис, поеживаясь под острым, пронзительным взглядом разведчика. — Только как? Где? Я же ничего не знаю...

— Знать вам ничего и не надо. Знаю я.

— Но как же, но что... — опять забормотал Малявкин.

— А вот как. Слушайте. Да повнимательнее. Сегодня в пятнадцать ноль-ноль Геворкян будет ждать вас на той же остановке автобуса, что и вчера. Ему поручено передать центру очередную депешу. Но передать он ничего не передаст. Вы проведете его в лес и...

Капитан Попов на мгновение замолк, потом резко, в упор спросил:

— Оружие у вас есть? Нож?

— Н-нет, — пролепетал Малявкин. — Нету.

— Держите. — Губы шефа искривила презрительная усмешка.

Он вынул из кармана финку в черном кожаном чехле и протянул Малявкину. Борис отдернул было руку, но под пронзительным взглядом разведчика взял нож.

— Надеюсь, — сказал Попов, — вы не забыли уроков, полученных в нашей школе? Умеете обращаться с этой штукой? Еще не забыли?

Малявкин молча кивнул.

— Отлично! Действуйте осторожно, без лишнего шума. Лучше — сзади. Труп бросите там, в лесу. Не забудьте финку, она не должна там остаться. Когда покончите с Геворкяном, передадите центру следующую шифровку: «Кинжал» — предатель. Мною разоблачен. Ликвидирован. Временно консервируюсь. Включаю работу

«Быстро». Связь через него». Запомнили? Передадите вашим шифром. Усвоили?

Малявкин опять кивнул. Говорить ему не хотелось, язык поворачивался с трудом.

— Так. Вопросы есть? — спросил Попов.

Малявкин отрицательно потряс головой.

— Ах, нет? — удивился шеф. — А что вы потом, после ликвидации Геворкяна, должны будете делать, вам известно?

— Н-нет, неизвестно.

— То-то, — назидательно промолвил Попов. — Так вот. Оттуда, из леса, на прежнее место, к Костюковым, не возвращайтесь. Мало ли что — Геворкян... Поедете в Лефортово. Запомните адрес, пароль. (Шеф несколько раз повторил то и другое, пока Борис не усвоил.) Будете находиться там, по этому адресу. Дальше сами подыщите убежище. По истечении некоторого времени займемся Варламовым. Все.

— Я могу идти? — поднялся Борис.

— Никоим образом. — Попов потянул его за руку и усадил на место. — Первым уйду я. Пока оставайтесь здесь. Двинетесь минут через десять — пятнадцать после моего ухода.

Не прощаясь, не подав Малявкину руки, Попов поднялся. Борис его остановил:

— Скажите, когда я вас вновь увижу? Где?

— Не задавайте глупых вопросов. Время и место встречи вы узнаете, когда я сочту это нужным.

Шеф круто повернулся и зашагал к выходу с кладбища.

Глава 31

Прошло десять минут, и пятнадцать, и двадцать. Борис сидел все на той же скамейке. Он никак не мог собраться с мыслями. Что делать, как быть? Горюнов, Скворецкий — вот кто были сейчас ему нужны, просто необходимы. Но где они? У входа на кладбище? Ждут? А если нет? Не может быть! Они же знают, что встреча с шефом состоялась. А вот что шеф — капитан Попов, это они знают? Да, встреча с чекистами необходима, но как с ними встретишься? Ведь выследил же Попов Геворкяна... Если выследит и его, Малявкина, то...

Борис с отчаянием посмотрел на часы: время шло. До назначенной Поповым встречи с Геворкяном оставались считанные часы. У шефа все было рассчитано. Надо спешить...

Спешить? Но куда? Убивать Геворкяна? Что за чушь! Что же все-таки делать?

И все же дальше ждать нельзя. Борис встал и поплелся к выходу. Его била нервная дрожь. Он злился на себя, был сам себе противен, но ничего не мог с собой поделать, никак не мог взять себя в руки. Нет, роль разведчика была явно ему не по плечу...

Вот и кладбищенские ворота. У них толпа. Очередные похороны. Сейчас Борис минует толпу, выйдет за ворота, а что дальше? Он бросил полный надежды взгляд на паперть, но Горюнова там не было. Люди были, много людей, но того, кто так ему был нужен, среди толпы Малявкин не разглядел. И все же вот так просто, не повидав Горюнова, Скворецкого, Борис не уйдет. Не может уйти. А там будь что будет.

Навстречу Борису несли гроб. Малявкин посторонился, его оттерли в толпу. Внезапно кто-то тронул его за руку. Горюнов! Виктор! Вот он, наконец-то! Горюнов, однако, даже и не смотрел в сторону Бориса, не замечал его. Казалось, все его внимание было поглощено похоронной процессией. Толпа притиснула Малявкина к Горюнову, и Борис услышал:

— Садись на автобус. Быстро. Сойдешь у Арбатской площади. У остановки машина с опущенными занавесками. Прямо в нее и садись. Действуй.

Виктор исчез, словно сквозь землю провалился.

Теперь Борис знал, что ему делать, он снова был не один.

Спустя полчаса Малявкин сошел с автобуса у Арбатской площади. Невдалеке от остановки стояла черная «эмка», на заднем и боковых стеклах — шторы. Борис поравнялся с машиной, в то же мгновение дверца приоткрылась, Малявкин юркнул внутрь и опустился на заднее сиденье рядом с Горюновым. «Эмка» рванулась с места.

— Ну, рассказывай, — спросил Виктор, едва они тронулись. — Узнал старого знакомого?

— Узнал, — вздохнул Малявкин. — Как не узнать. А вы... Вы и раньше знали, что Попов... капитан Попов — немецкий разведчик?

— Знали, — твердо сказал Виктор. — Но узнали это недавно. Кирилл Петрович, это он его раскусил! Кстати: ты знаешь, кто он таков?

— Попов? Теперь-то знаю. Шпион. И — какой! Сам шеф!

— Да, но кто таков все-таки?

— Как — кто? — не понял Малявкин.

— Чудак человек, — усмехнулся Горюнов, — да ведь капитан Попов и есть «Зеро». Ты с самим «Зеро» беседовал. Дошло?

Малявкин тихо ахнул и вытаращил глаза, а Горюнов продолжал:

— Чего же все-таки хотел от тебя этот самый капитан Попов, а точнее — «Зеро»? Почему такая внезапная встреча?

— О, для начала он хочет немногого. — Малявкин растерянно улыбнулся. — Он... он велел мне убить Геворкяна. Вот. — Борис вытянул из кармана финку и вручил Горюнову.

— Всего-навсего убить? Лихо! Давай, однако, по порядку.

Малявкин передал Горюнову все, что говорил ему «Зеро», рассказал, как он себя держал, как без конца угрожал.

— Почему он отправил вас с Гитаевым в прокуратуру, зачем убил Гитаева, сказал?

— Да, кое-что сказал, но не все ясно.

Малявкин передал слова «Зеро», его объяснение своих поступков.

— Так, еще что?

— Приказал менять местожительство, уходить от Костюковых. Дал новый адрес — в Лефортово, — пароль. Сказал, что, когда я ему потребуюсь, он сам меня известит, только как известит, не знаю. Не говорил.

— Так, — сказал Горюнов. — Все ясно. Придется и нам внести в наши планы некоторые коррективы. Сделаем так: сейчас я тебя высажу, и ты поезжай туда, к рации. Радиограмму, что тебе велел передать «Зеро», передашь.

— А как же Геворкян? — спросил Борис. — Что делать с Геворкяном?

— О Геворкяне не беспокойся, его ты больше не встретишь.

— А «Зеро»? Если «Зеро» спросит?..

— Чтобы «Зеро» спросил, он должен тебя увидеть. А будет ли это? И когда? Впрочем, если такое случится, скажешь «Зеро», что его приказание исполнено. Ясно?

— Ясно. А от Костюковых уходить? Что делать потом, когда передам радиограмму?

— После передачи радиограммы поезжай в Лефортово и устраивайся по данному тебе адресу. Одним словом, действуй так, как велел «Зеро». Через день-два, при первой возможности, свяжемся. Добро?

...В назначенный час Менатян прохаживался по обочине возле автобусной остановки у пригородного совхоза. Он был зол, зол до чертиков. «Зеро»! И что за человек? Гоняет беспощадно. Вот сегодня опять погнал сюда, радировать. А зачем? Ведь только вчера была отправлена радиограмма, и к чему так часто? И еще — гостиница. Как ухитрился «Зеро» пронюхать, что Менатян был в «Москве»? Следил? Хотя чего тут странного? Этого надо было ждать. И как только он, Менатян, дал промах, проворонил слежку? Но, кажется, все обошлось. И дернул же его черт идти к Татьяне. Но не называть же было ее «Зеро»! Этого еще не доставало! Главное, все попусту, все попусту...

Менатян, погруженный в собственные невеселые мысли, не обращал никакого внимания на двух парней, которые, по-видимому, ожидали, как и он, автобуса. Впрочем, ни в их внешности, ни в поведении ничего приметного не было: парни как парни. Стоят, разговаривают о каких-то своих делах, курят. В общем, ждут автобус. Ждут и пусть ждут. Ему-то, Менатяну, какое дело?

Не обратил он поначалу внимания и на легковую машину, черную «эмку», приближавшуюся со стороны Москвы. Мало ли машин ходит по шоссе? А «эмка» все ближе, ближе... Поравнявшись с Менатяном, шофер внезапно затормозил. Передняя дверца приоткрылась.

— Старший лейтенант, на минуточку, — послышался строгий, повелительный голос.

Менатян поначалу оставил этот возглас без внимания, не принял его на свой счет. Оклик повторился. Менатян вздрогнул и обернулся.

— Вы меня? — спросил он, подходя к машине и сию секунду разглядеть окликнувшего его.

Все дальнейшее заняло считанные секунды. Менатян не успел сообразить, каким образом те малоприметные парни вдруг очутились у него по бокам. В то же мгновение задняя дверца машины распахнулась, парни подхватили Менатяна под руки и ловко втолкнули в машину. Мгновение — и Менатян уже на заднем сиденье, посередине, а парни слева и справа. Пистолет Менатяна в их руках. Машина круто развернулась и быстро понеслась к городу.

— Позвольте, — пришел в себя Менатян, — что вы делаете? По какому праву?

— Спокойно, Менатян, спокойно. Не думаю, чтобы вы всерьез сомневались в наших правах, — повернулся к нему тот, что сидел спереди, рядом с шофером. — Я — сотрудник НКГБ. Моя фамилия Горюнов.

Слова застряли у Менатяна в горле: «Из НКГБ? Он назвал меня Менатяном. Менатяном, а не Геворкяном. Это — конец».

Час спустя Менатян уже находился в тюрьме.

...«Зеро», он же капитан Попов, выйдя из кладбищенских ворот, не сразу поехал на Ленинградский вокзал, в свой продпункт. Примостившись в сторонке, он пристально наблюдал за выходом с кладбища. Удостоверившись, что Малявкин вышел один и сел в автобус, он еще некоторое время присматривался к публике, входившей и выходящей с кладбища. Скворецкого и Горюнова он не заметил, не признал, настолько искусно те замаскировались, зато Кирилл Петрович отлично видел «Зеро».

Убедившись, что все идет, как ему казалось, благополучно, Попов не спеша дошел до Пресненской заставы и оттуда пешком к Зоопарку. На Ленинградский вокзал он и тут не поехал. Проплутав то пешком, то на метро, то в автобусе часа два по городу, Попов очутился на Курском вокзале. Получив в камере хранения небольшой фибровый чемодан, сданный еще сутки назад, капитан Попов прошел на перрон и

принялся не спеша расхаживать вдоль платформы. Подали состав Москва — Горький.

Дождавшись начала посадки, капитан Попов вынул из кармана билет, проверил номер вагона и все так же неторопливо двинулся к головным вагонам. На его пути внезапно вырос офицерский патруль во главе со строгим, подтянутым майором.

— Товарищ капитан, — окликнул Попова майор, — прошу предъявить документы.

— Документы? — изумился Попов. — А в чем дело? Что еще случилось?

— Офицерский патруль, — сухо сказал майор. — Разве вы не видите? Проверка документов. Попрошу ваши документы.

— Ах, патруль, патруль, — оживился Попов. Он мучительно думал: «Действительно патруль или... Впрочем, что за чепуха! Конечно, патруль. Обыкновенный патруль». Он подчеркнуто спокойно поставил чемодан на перрон, достал из нагрудного кармана воинское удостоверение и протянул майору: — Извольте, товарищ майор. Командировочное предписание потребуется?

— Командировочное предписание? Пока нет. — Майор внимательно изучил удостоверение и опустил его себе в карман. — Придется попросить вас пройти к дежурному.

— К дежурному? — удивился Попов. — Но, бога ради, по какой причине?

— Прошу не пререкаться, — возразил майор. — Пройдемте.

— Я не пререкаюсь, но поймите же, я опаздываю на поезд.

— Не волнуйтесь, успеете, — флегматично ответил майор.

— Как так успею? Поезд вот-вот отойдет, — волновался Попов. — И потом, зачем мне идти к дежурному, с какой стати?

— А вы не понимаете? Нехорошо, товарищ капитан, вы же не по форме одеты. Стыдно!

— Как — не по форме? — возмутился Попов. — Вы придираетесь, товарищ майор.

— Товарищ капитан, попрошу выбирать выражения, — отрезал майор. — Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. А вы — капитан интендантской службы, как сказано в вашем удостоверении, погоны же у вас полевые, строевого комсостава. На каком основании?

— Но ведь все такие носят. Война. Может, завтра на фронт. Давайте, майор, замнем это дело, чепуха же... А погоны я сменю, слово офицера — сменю. Вот сяду в вагон и сменю...

Майор, однако, был неумолим:

— Не могу, товарищ капитан. Никак не могу. Пройдемте, не будем терять времени. А то, чего доброго, и действительно опоздаете к своему поезду.

Попов подчинился и в сопровождении патруля направился к помещению дежурного по вокзалу.

В кабинете дежурного навстречу Попову поднялся из-за стола... майор Скворецкий.

— Ба, — воскликнул Кирилл Петрович, сияя улыбкой, — капитан Попов?! Вот неожиданная встреча. Здесь? На Курском вокзале? Какими судьбами?

— Как вы его назвали? — спросил начальник патруля. — Капитан Попов?

— Ну конечно же, — еще шире улыбнулся Скворецкий. — Капитан Попов. Начальник продовольственного склада на Ленинградском вокзале. Как-никак старый знакомый.

— Вы ошибаетесь, — педантично сказал майор, приведший «Зеро». — Фамилия задержанного не Попов. Это — Гераськин. Капитан Гераськин, Тихон Матвеевич. И не начальник продовольственного склада, а сотрудник интендантского управления в Горьком. Вот его документы. — Он протянул Скворецкому удостоверение, отобранное у Попова.

В то же мгновение «Зеро» обрушил страшный удар на стоявшего возле офицера, сшиб его с ног и одним прыжком очутился возле двери, вырывая из кобуры пистолет. Но как ни стремительно он действовал, еще стремительнее были чекисты, выступавшие в роли офицерского патруля. Второй патрульный и майор мгновенно кинулись на «Зеро», выхватили у него пистолет и скрутили руки за спиной. Как ни силился «Зеро» вывернуться — напрасно. Руки его были словно в стальных тисках.

— Нервы, Попов, нервы, — сочувственно сказал Кирилл Петрович. — Ох уж эти нервы! Кстати, вы, оказывается, не Попов, а Гераськин? Что за перевоплощение?.. Ах, не хотите отвечать? Не надо. Успеется. Как, — внезапно посуровел Скворецкий, — будете валять дурака? Стоит ли?

Задержанный сник.

— Хорошо, — сказал он. — Ваша взяла.

Полчаса спустя капитан Попов, он же Гераськин, он же «Зеро», был водворен в тюремную камеру.

...Между тем Малявкин, так и не встретив Геворкяна, пропутешествовал в лес, отстучал продиктованную ему «Зеро» радиограмму, схоронил рацию и отправился в город, в Лефортово. Отыскав нужный ему адрес — это оказался небольшой двухэтажный

домишко, — Борис постучал в дверь. Открыл ему седенький, благообразный старичок. Борис спросил имя, отчество и фамилию, указанные ему «Зеро».

— Это буду я, — сказал старичок и выжидающе улыбнулся. — Я самый и есть.

Малявкин назвал пароль.

— Проходите, — засуетился старичок. — Милости прошу. Вот сюда, сюда, пожалуйста...

Он провел Бориса в просторную, хорошо обставленную комнату, усадил в кресло, уселся сам.

— Чем могу служить? — Старичок доброжелательно улыбнулся и, переплетя пальцы, положил ладошки на свой круглый животик. — Чем могу?

— Видите ли, — замялся Малявкин, — мне сказали... Мне говорили... ну, одним словом, что я могу у вас пожить. Недолго. Какое-то время... Я вас не очень обременю?

— Голубчик, — вскинулся старичок, — хороший вы мой! Пожалуйста, с удовольствием! Есть комнатка, есть, как не быть! Уютненькая, хорошая. Живите себе на здоровье, живите сколько угодно. Желанным гостем будете. И мне, старику, будет с кем время коротать, а то живу бобыль бобылем.

Сколь ни приветливым, ни приторно-ласковым казался старик, Борис разглядел за его ласковостью злую настороженность, звериную хитрость. Что-то хищное было в мягких повадках старика, в его острых взглядах, которые он нет-нет да бросал на собеседника, в его чересчур округлых жестах. Нравился, однако, Малявкину хозяин или нет, выбора у него не было. Вот уж воистину: назвался груздем, полезай в кузов.

«Ничего, — решил Борис. — Пока поживу. До поры до времени...»

Глава 32

— Кирилл Петрович, ну теперь-то вы откроете свой секрет? — взмолился Горюнов, когда, успешно закончив ту и другую операции, проведя арест Менатяна и «Зеро», они встретились в кабинете Скворецкого.

— Какой еще секрет? — прикинулся удивленным майор.

— Как — какой? — Виктор даже обиделся. — Как вам удалось разгадать, что «Зеро» — не кто иной, как капитан Попов. Ведь этот двуликий Янус так ловко себя вел, помогал нам, и вдруг... Нет, как вы могли додуматься?

— Помог трезвый, кропотливый анализ. Научный, если хочешь. — Скворецкий подошел к сейфу, открыл его, достал с верхней полки начерченную когда-то схему, в центре которой значилось «Зеро», а снизу, под этим словом, было написано: «Попов», и протянул Горюнову. — Ясно?

— Ловко! — присвистнул Виктор. — Действительно, главные связи идут к «Зеро» и переkreщиваются на Попове. Ловко, товарищ майор. Ничего не скажешь! Только вот «Сутулый»...

— А что «Сутулый»? Если хочешь, он и послужил последним звеном. Радиограмму, в которой шла речь, что «Сутулый» имел какие-то контакты с «Зеро», помнишь? Ну, а все контакты Шкурина нам были известны. То-то!

— Верно, — подавил вздох Виктор. — И до чего же просто. Яснее ясного!

— Ладно, — улыбнулся Скворецкий, — хватит лясы точить. Пора приступать к допросам. Я думаю, начнем с Менатяна.

Майор вызвал арестованного, убрал в сейф схему и извлек объемистую папку, в которой находился ряд документов, в том числе личное дело бывшего старшего лейтенанта Военно-Воздушных Сил СССР Менатяна. Дело Кирилл Петрович положил сверху, на виду.

— Как, Аракел Геворкович, приступим? — миролюбиво начал Скворецкий, когда ввели арестованного. — Давайте для порядка заполним анкету. Итак: ваша фамилия Менатян? Имя, отчество? Год рождения?

— К чему эта комедия? — невесело усмехнулся Менатян. — Вам же все и без меня известно. Пишите.

— Нет, Менатян. Допрос — не комедия. Писать, в том числе и анкетные данные, я буду только с ваших слов. И в этом есть глубокий смысл. Со временем, если в том будет нужда, я вам это разъясню. А пока...

Кирилл Петрович обмакнул ручку в чернила и пристально, в упор посмотрел на Менатяна.

— Извольте, — пожал плечами Менатян и четко ответил на все вопросы анкеты.

— Ваша профессия? — спросил майор, заполнив все графы. — Род занятий?

— Летчик, — гордо выпрямился Менатян. — Военный летчик.

— Вы? Летчик? Да еще военный? Помилуйте, какой же вы летчик? Сколько у вас на счету боевых вылетов за два года войны?

— Не в этом дело, — огрызнулся Менатян. — С первых дней войны я очутился в плену...

— Знаете что, — перебил его майор, откладывая ручку в сторону, — давайте сделаем так: записывать я пока ничего не буду. И вопросов задавать не буду. Попробуйте сами толком, по порядку рассказать все, что с вами произошло, как вы дошли до жизни такой. Условились?

Менатян снова пожал плечами:

— А что рассказать? Я не знаю, чего вы хотите. Мне рассказывать нечего.

— Так уж и нечего? — вмешался Горюнов. — Ну, не хотите про плен, расскажите для начала хотя бы о том, каким образом из Менатяна вы перевоплотились в Геворкяна.

— Ах, это? Не думаю, чтобы тут для вас было что-либо интересное.

— Все-таки?

— Пожалуйста. Все проще простого. Вполне понятно, что после пребывания в плену своих документов у меня не было, и, когда я направился в Москву, меня снабдили этими документами.

— Какими? На имя Геворкяна?

— Да.

— Кто снабдил? — быстро спросил Скворецкий. — Где? Когда? Только точно.

— Как это — кто? — прикинулся изумленным Менатян. — Командование соединения, в котором я воевал последнее время.

— Какого соединения? Наименование? Его местонахождение?

— Соединение партизанское, а местонахождение... Я не вправе его сообщать. Это военная тайна.

— Послушайте, Менатян, — не выдержал Горюнов, — вы что, хотите нас уверить, что были партизаном? Бросьте паясничать, к добру это не приведет.

— Спокойно, товарищ старший лейтенант, спокойно, — одернул Горюнова Скворецкий. — А насчет партизан... Вы что, Менатян, утверждаете, что были партизаном?

— Ну конечно, был. Не пойму, почему это вас так удивляет?

— Почему? Да потому, что в партизанах вы не были. Это ложь.

— Конечно, заявлять, что я лгу, ваше право. Беда в том, что я говорю правду.

— Ах так? А что вы скажете по поводу этой справки? — Майор вынул из папки документ и протянул Менатяну.

Тот глянул на справку и улыбнулся:

— Ну конечно, как Менатян я среди партизан не значусь. В отряде я носил имя Геворкяна.

— Носили имя Геворкяна? Но вы только что, минуту назад, сказали, что документы на имя Геворкяна получили от командования соединения, перед отправкой в Москву. А теперь... Нет, Менатян, не кругло получается.

— Почему не кругло? Я просто неудачно выразился. Под именем Геворкяна я был в отряде с самого начала, а документы получил действительно перед выездом в Москву. В лесу они мне были не нужны.

— Отлично. В таком случае вот вам другая справка: и Геворкяна в рядах партизан нет и не было. Что теперь скажете? — Скворецкий пристально смотрел в бегающие зрачки Менатяна.

— А ничего не скажу! — вознегодовал Менатян. — Подумаешь, справка! Бумажки! Мы не по справкам воюем, не по бумажкам. Что, все партизаны у вас на учете? Списки есть? Каждый там значится? Нет таких списков!

— Справедливо, — спокойно сказал Кирилл Петрович. — Полных списков всех партизан, которые сражаются в тылу врага, нет и быть не может. Да, я полагаю, такой учет сейчас и не нужен. Но кое-какие сведения о партизанских соединениях, их составе, имеются, связь с ними регулярная. Сейчас, дорогой мой, не сорок первый и даже не сорок второй год. Не забывайте об этом. Так вот, ни в одном из крупных партизанских соединений ни Менатяна, ни Геворкяна нет. Где же вы воевали, в каком отряде? Кто этим отрядом командует? Потрудитесь отвечать и не прячьтесь за военную тайну.

Менатян заметно колебался.

— Ну, ну, — поторопил его Скворецкий, — выкладывайте. Местонахождение отряда? Фамилия командира? Живо!

Видя, что отступить некуда, Менатян ответил. Он назвал отряд, действовавший на западе Белоруссии, возле самой границы республики.

— Вот и просчитались, Менатян. Как раз по этому отряду сведения у нас имеются: в том отряде ни Менатяна, ни Геворкяна не было. Итак, вы намерены говорить правду?

Менатян молчал.

— Хорошо, — после минутного молчания сказал Скворецкий. — К вопросу о вашем участии в партизанском движении мы еще вернемся, хотя для нас этот вопрос и так ясен. Перейдем к другому: как и когда вы попали в плен, при каких обстоятельствах? Только поподробнее. И, советую, правду...

Менатян заметно оживился.

— В плен я попал в 1941 году, — быстро заговорил он, — при одном из первых боевых вылетов. Мы — нас было трое, три самолета — были атакованы превосходящими силами противника. Приняли бой. Мой самолет, после того как я израсходовал весь боезапас, был подбит, загорелся в воздухе. Я выбросился с парашютом и...

— Стоп! — поднял руку Скворецкий. — Уточним некоторые детали. Сколько было фашистских самолетов против ваших трех?

— Ну как я могу это сказать? — искренне удивился Менатян. — Может, десять, а может, пятнадцать. Разве тут, в обстановке воздушного боя, до точного счета?

— Есть летчики, которые утверждают, что ничто не требует такого точного счета, как воздушный бой. Вы, как следует из вашего ответа,

не из их числа. Что же, оставим это на вашей совести. Итак, десять или пятнадцать?

— Да, не менее десяти.

— Так уж и не меньше? А может, восемь? Шесть? Или и того меньше — три? Два?

Менатян насупился:

— Мне не до шуток.

— А я и не шучу, — подхватил майор. — Мне тоже не до шуток, тем более что вы все лжете! Самолет ваш подбит не был, в воздухе не загорелся. Все это ложь и ложь!

Менатян прикинулся глубоко оскорбленным:

— Ложь? Может, я и с парашютом не выбрасывался? Может, и в бою не участвовал?

— Участвовать-то участвовали, но обошлись без парашюта.

— Почему вы так говорите? Вы же там не были, как можете знать, какой бой был? Нехорошо!

— Ты посмотри, он же нас и упрекает! Так вот, Менатян. Сохранились результаты расследования обстоятельств вашей гибели, проведенного в 1941 году. — Майор порылся в своей папке, лежавшей на столе, извлек какую-то бумагу и положил ее перед собой. — И если вы будете и дальше настаивать на вашей версии, мы перейдем к изобличению. Хотите этого?

Менатян, однако, продолжал лгать, увиливать от ответа на прямые вопросы. Провозившись с ним и час, и два, Скворецкий приступил к изобличению.

— Вернемся к расследованию обстоятельств вашего пленения, — жестко сказал он. — Вот заключение. Что тут сказано? Во-первых, что против трех наших машин было не десять и не пятнадцать фашистских истребителей, как вы утверждаете, а шесть. Шесть, Менатян. Наши соколы приняли бой с врагом, но — вдвоем. Третий от боя уклонился. Этим третьим, Менатян, были вы! Вы! «Израсходовал весь боезапас»! Какое к черту израсходовал! Вы, Менатян, и выстрела не сделали. Вы вышли из боя.

— Но... — подал было голос Менатян.

— Молчите. Сейчас уж помолчите, достаточно мы вас слушали. Сейчас я буду говорить. Утверждаете, будто ваш самолет подбили, он загорелся в воздухе? Опять ложь! Самолет был целехоньким, без

единой пробоины. И что интересно: полетели-то вы не к себе, не на свой аэродром, а на запад. К немцам. Ну, и дальше будете заператься?

По мере того как майор говорил, краска сбегала с лица Менатяна. Но сказать он ничего не сказал.

— Молчите? — сурово спросил Скворецкий. — Теперь молчите? Тогда я продолжу. Никто ваш самолет не подбивал. Вы добровольно сдались в плен фашистам. Вы — изменник Родины, Менатян, и мы вас будем судить как изменника и предателя.

Менатян дернулся на стуле, по лицу его пробежала мгновенная судорога, но он опять промолчал.

— Разрешите, товарищ майор? — спросил Горюнов. — Я бы хотел задать еще один вопрос.

Скворецкий молча кивнул.

— Послушайте, Менатян, — повернулся Виктор к арестованному, — что вы делали на шоссе Москва — Серпухов, возле совхоза, где мы вас арестовали? Как, зачем вы там очутились?

— Я — у меня... — с трудом перевел дыхание Менатян. — Никакой конкретной цели у меня не было.

— Не было? Так как вы туда попали, за пятнадцать километров от города? Каким чудом?

— Я... Я там гулял. Просто гулял. Честное слово.

— Гуляли? А может, кого-нибудь ждали? Не нас, конечно?

— Нет, что вы. Никого не ждал. Гулял.

— Хватит! — внезапно хлопнул ладонью по столу Скворецкий. — Довольно! Он, видите ли, гулял. А фамилия «Задворный» или «Малявкин» вам ничего не говорит? Могу назвать кличку — «Быстрый». И еще одну — «Кинжал». Ну, «Кинжал»?

— Не надо! — истерически взвизгнул Менатян. — Ничего, пожалуйста, не надо! Я сам, сам все вам расскажу. Сам...

Прошло несколько минут, пока к предателю вернулся дар речи. Теперь Менатян заговорил. Он говорил быстро, захлебываясь, глотая слова. Да, говорил Менатян, это правда. Все правда. К немцам он перелетел добровольно, своей волей.

— Добровольно? Но почему? Что толкнуло вас на измену? — спросил Скворецкий.

Пытаясь объяснить свое предательство, Менатян признался, что недовольство советским строем у него появилось давно, еще в

юношеские годы. Сначала это была обида за отца, которого, как он считал, несправедливо понизили в должности, направили на рядовую работу, ну и, конечно, обида за то, что резко ухудшилось материальное положение семьи. Потом обида на окружающих, которые, как был уверен Менатян, не ценили и не отмечали его выдающихся личных качеств. А он считал себя выдающейся личностью. Тут — война. С первых ее дней Менатян был оглушен успехами немцев, быстрым продвижением фашистских войск. Он не верил в нашу победу, не сомневался в торжестве немцев и, желая сохранить себе жизнь, решил перейти к врагам. Свое намерение он осуществил при первом же вылете.

Теперь Менатян говорил откровенно, не щадил себя.

Дальше все было так: сначала лагерь для военнопленных, ненадолго, потом разведывательная школа абвера.

— Минутку, — перебил майор. — Что за школа? Имя начальника школы вам известно?

— Да, это майор Шлоссер.

— Продолжайте.

По словам Менатяна, в школе он зарекомендовал себя с лучшей стороны, в чем решающую роль сыграло превосходное знание немецкого языка. Учитывался и добровольный переход к фашистам. Не просто переход — с целеньким самолетом. Короче говоря, по истечении какого-то срока, не очень продолжительного, Менатян из слушателя школы превратился в инструктора. И он старался, так старался...

— Старались? — Скворецкий сурово глянул на Менатяна. — Что значит «старались»? В чем ваше старание выразалось?

Менатян замялся:

— Я... я хорошо усваивал все, чему нас учили. Образцово выполнял все распоряжения начальства... Ну... Одним словом, старался.

— Опять недоговариваете, Менатян?

— Нет, что вы! Я говорю все, все.

— Все? Тогда расшифруйте, что означало ваше «старание». В акциях участвовали?

— Да, — с трудом выдавил из себя Менатян. — Два или три раза я участвовал в расстрелах...

— Два-три раза? Не больше?

— Клянусь честью, не больше трех раз.

— Кого же вы расстреливали?

— Я не расстреливал, — вскинулся Менатян, — я УЧАСТВОВАЛ в расстрелах. Нас много народу участвовало. Я лично не сделал почти ни одного выстрела.

— Ни одного? Ишь ты! Вы же «старались». Кого, однако, вы уничтожали по приказу ваших фашистских хозяев?

— Как правило, я этого не знал. Нас просто ставили в строй, с автоматами, а тех... Тех не мы приводили. Не знаю.

— Так-таки никого из расстреливаемых и не знали?

— Нет, не знал. Впрочем был один случай... Хотя, простите, дважды. Расстреливали тех, кто учился в нашей школе. Слушателей. Только за что, не знаю. Прошу мне верить.

— Ну, уж наверное не за то, что они, подобно вам, старались угодить фашистам. Ладно, продолжайте.

Менатяна теперь не надо было просить. Он рассказал, как внезапно оборвалась его сравнительно спокойная жизнь инструктора разведшколы. Около месяца назад его неожиданно вызвали в Берлин, к самому генералу Грюннеру.

— В Берлин? К Грюннеру? Зачем? С какой целью? — уточнил майор.

— Честью клянусь, но тогда я и сам этого не понял.

По словам Менатяна, разговор у генерала был, на первый взгляд, самый незначительный: генерал расспросил Менатяна о его прошлом, об обстоятельствах перехода к немцам, поинтересовался мнением о школе, о Шлоссере и отпустил, ничего толком не сказав. Однако после этого разговора жизнь Менатяна круто изменилась.

— А именно? — поинтересовался Горюнов. — Чем изменилась?

— Всем. Во всем. Меня отстранили от прежней работы, от текущих занятий. Началась специальная подготовка. Вскоре мне сообщили, что в ближайшее время я буду заброшен в тыл к русским.

— Куда именно?

— В Москву.

— Как была осуществлена заброска?

— Самолетом. Меня сбросили в районе Тулы. Согласно плану я пробрался в Тулу, а оттуда поездом в Москву. Снабжен был

документами на имя Геворкяна.

— В Туле вы имели явку? Встречались с кем-либо? — спросил Скворецкий.

Менатян замялся:

— Н-нет, явки в Туле я не имел, а встречаться... Была одна встреча.

— С кем?

— С одной знакомой. Давнишней знакомой. Мне не хотелось бы называть ее имени. Впрочем, скажу. Это известная артистка Языкова. Татьяна Владимировна Языкова. Но обо мне, о том, откуда я прибыл, она не знала.

— Как произошла встреча? Случайно? Уточните обстоятельства.

О встрече с Языковой Менатян рассказал более или менее правдиво, умолчав лишь о некоторых деталях. Скворецкому этот рассказ был важен для проверки правдивости всех показаний Менатяна — он-то знал, как прошла встреча с Языковой.

— Скажите, — задал Кирилл Петрович новый вопрос, — иных целей, кроме тех, что вы указали, вы не имели, встречаясь с Языковой? Абвером эта встреча не планировалась?

— Нет, — отрезал Менатян. — Абвер не планировал этой встречи.

— А кто о ней знал?

— Никто. Вы первый, кому я сообщил. Повторяю. Татьяна Языкова к моим делам никак не причастна.

— Значит, в Туле вы явки не имели? А в Москве?

— В Москве было две явки. Первая — к агенту абвера «Быстрому». Это — Задворный, имеет документы советского офицера, живет на Красной Пресне. (Менатян назвал точный адрес Малявкина.) Вторая явка была к резиденту «Зеро», в распоряжение которого я поступал.

— «Зеро»? Это кличка?

— Да, кличка.

— А имя, фамилия этого «Зеро»? Род его занятий?

— Ничего не знаю, прошу мне верить. Я знал только кличку и явку, больше ничего. Еще знаю, что он носит форму капитана Советской Армии.

— Где находится явка?

— Мы встретились на улице, в заранее обусловленное время.

— Сколько раз вы встречались с «Зеро»?

— Я видел его дважды.

Скворецкий вынул из стола несколько фотографий разных лиц и разложил перед Менатяном.

— Этот, — уверенно сказал Менатян, выбирая фотографию Попова, — «Зеро». Он самый, «Зеро». Но — у вас? Откуда?..

Скворецкий оставил его вопрос без ответа и продолжал:

— Расскажите, о чем с вами беседовал этот «Зеро» при встречах, какие давал задания?

Менатян сообщил, что во время первой встречи «Зеро» дал ему задание посетить «Быстрого», подготовить их встречу, а также передать Грюннеру радиogramму, используя рацию «Быстрого».

— Вы это задание «Зеро» выполнили?

— Да, выполнил в точности.

— Так. А вторая встреча?

По словам Менатяна, вторая встреча произошла внезапно. Сегодня. Она не была запланирована и приняла самый неожиданный оборот. Дело в том, что Менатян решил встретиться с Языковой и был у нее. В гостинице «Москва». «Зеро», по-видимому, его выследил. На следующее утро он поймал Менатяна прямо на улице и накинулся с расспросами, где тот был накануне, что делал, зачем ходил в гостиницу, с кем там встречался. Причем не спрашивал, а допрашивал в грубой, оскорбительной форме.

— Накинулся? — переспросил Скворецкий. — В буквальном смысле этого слова?

— Почти в буквальном, — невесело усмехнулся Менатян. — Видите ли, я собирался вновь побывать в гостинице, но передумал. Не зашел. Миновав гостиницу, я направился вниз, по Моховой, как вдруг, возле здания университета, словно из-под земли вырос «Зеро», провел меня в Александровский сад и принялся отчитывать.

— Вы ему сообщили, у кого были в гостинице? — спросил Горюнов.

— Нет, не сказал. Зачем путать в наши дела совсем не причастного человека? Я просто заявил, что это — мое личное дело, которое никого, в том числе и его, «Зеро», не касается.

— И что же, — усмехнулся Скворецкий, — «Зеро» удовлетворил такой ответ?

— Не знаю. Во всяком случае, расспросы он прекратил и приказал мне немедленно связаться с «Быстрым» и направить его к нему. Назвал место явки: Ваганьковское кладбище. Сам я должен был отправиться к совхозу, возле которого захоронена рация, дожидаться там «Быстрого» и передать в центр новую радиogramму — повторение вчерашней.

— Повторение? Зачем? Какой смысл?

— «Зеро» пояснил, что так у него обусловлено с центром: первую свою радиogramму я должен дублировать. Только вот не довелось...

Менатян криво усмехнулся и развел руками.

— Что верно, то верно, — не довелось, — философски заметил Кирилл Петрович и повернулся к Горюнову: — Как, Виктор Иванович, все записал? На сегодня, пожалуй, хватит.

Когда Менатяна увели, Кирилл Петрович прошелся несколько раз взад-вперед по кабинету и остановился против Горюнова, аккуратно укладывавшего в папку протокол допроса.

— Как, Виктор, какое у тебя впечатление? Правду говорит?

— По-моему, правду. Да нам ведь и так многое было известно — совпадает.

— Да, совпадать-то совпадает, — задумчиво произнес Скворецкий. — Посмотрим, однако, что скажет «Зеро».

Глава 33

Теперь на допрос был вызван «Зеро» — капитан Попов. Он вел себя совсем не так, как Менатян. Плотно усевшись на стуле, приветливо улыбаясь Скворецкому и Горюнову, «Зеро» сразу взял быка за рога.

— Разрешите, гражданин майор? — обратился он к Скворецкому. — Мы с вами люди одной профессии и должны понимать друг друга с полуслова. Так вот: заботиться о благополучии абвера у меня нет никакого желания, мне своя шкура дороже. Я хочу жить. Жить! Я готов рассказать все, что знаю — а знаю я немало, — при условии, что мне будет сохранена жизнь. Устраивает вас такое предложение?

— Значит, так, — недобро прищурился Скворецкий. — Сделка? Вы — мне, я — вам. Так, что ли?

— Сделка? Грубо, майор. Просто деловое соглашение двух разведчиков, вполне устраивающее обе стороны. Разве не так? Поверьте, цену своим показаниям я знаю, мне же нужна только жизнь, больше ничего.

— Жизнь? — задумчиво сказал майор. — А двадцать пять лет лагерей или тюрьмы вас устроят?

— Э-э, — махнул рукой «Зеро», — двадцать пять лет! Срок большой. Стоит ли загадывать так далеко вперед?

— То есть? Что-то я вас не совсем понимаю.

— Между тем все очень просто, — доверительно сказал «Зеро». — Двадцать пять лет... Даже пятнадцать. За столь длительное время многое может произойти, измениться. Еще как!

— Что, надеетесь сохранить жизнь, очутиться в лагере, а там немцы победят и вас вызволят? — Кирилл Петрович не скрывал своей злости.

— Немцы? Победят? — «Зеро» от души рассмеялся. — Бросьте, майор! Песенка фюрера спета. Я над этим стал задумываться еще в дни вашего контрнаступления под Москвой, в декабре сорок первого. А после Сталинграда, после Курска... Одним словом, все ясно. Что

там говорить! Теперь счет пойдет не на годы, на месяцы. Ваши будут в Берлине, можете не сомневаться.

— Я в этом не сомневался с первого дня войны, — отрезал Скворецкий. — Но вот вы...

— А что я? У меня тоже голова на плечах имеется. И, смею думать, неплохая. Меня она, во всяком случае, устраивает, причем не только как предмет, на который напяливают шляпу или фуражку.

— Охотно верю, — согласился Скворецкий. — Не так часто встречаются люди, которых не устраивала бы их собственная голова. Но насчет вашего заявления о скором поражении немцев...

— Послушайте, майор, за кого вы меня принимаете? За нациста? Напрасно. Да, я офицер германской армии. Кстати, тоже майор. Немец, но не гитлеровец. Особым поклонником фюрера я никогда не был. Мое отношение к Гитлеру окончательно сложилось еще в канун войны, когда нацисты замахнулись на Бломберга и других наших крупных генералов, многих из которых, кстати, я знал лично.

— Занятно, — заметил Скворецкий. — Вас послушать, так вы чуть ли не враг Гитлера. Антифашист! Что-то не вяжется это с вашими делами, господин Попов или как вас там.

— Гражданин майор! — с пафосом воскликнул «Зеро». — Я — солдат. Разведчик. И я — немец! Долг перед родиной...

— Бросьте, — резко оборвал Скворецкий. — Какой вы к черту солдат! Вы — тайный убийца, шпион, вот вы кто. А туда же — «родина»! У таких, как вы, нет родины. Сегодня вы работаете на немцев, завтра, заплати они больше, будете работать на американцев, англичан, на черта, дьявола... Тоже мне разведчик!

— Ваше право, гражданин майор, ваше право, — спокойно возразил «Зеро». — Мы многое понимаем по-разному. Как же, однако, насчет моего предложения?

— А вот как! Зарубите себе на носу, что ни в какие сделки, ни в какие соглашения вступать с вами я не буду. Рассказывайте, и все, а суд решит вашу участь. Правда — и это я обязан вам сказать, — суд учтет ваше поведение на следствии, вашу правдивость. Это все, что я могу обещать.

«Зеро» глубоко задумался, потом тряхнул головой и сказал:

— Ладно. Рискну. Отступить некуда. Пишите. Я — не Попов. И не Гераськин. Моя фамилия — Беккенбауэр. Франц Иоганн Беккенбауэр.

Я — офицер германского вермахта, майор. Состою в кадрах германской армии с 1916 года. Вы говорите, я не солдат, не разведчик. Вы заблуждаетесь. Почти всю свою сознательную жизнь я отдал разведке, и если мы с вами кое в чем расходимся, — что ж! Это дело взглядов, методов. Но, повторяю, особым поклонником Адольфа Гитлера я никогда не был, можете мне верить, хотя одно время мне и казалось, что он ведет Германию к мировому величию. Однако война против вас — это глупость. Безумие. Я знаю Россию. Еще великий Бисмарк...

— Знаете что, Беккенбауэр, — перебил Скворецкий, — обойдемся без Бисмарка. Вы считали войну, навязанную нам фашистами, безумием, были противником Гитлера, а сами... Бросьте!

— Как хотите, господин майор, но я говорю чистую правду.

— «Правду»! Вы только полюбуйтесь на него!

— Да, да, правду. Если хотите знать, то в своих сообщениях до войны я делал все, что было в моих силах, чтобы предотвратить роковой шаг.

— Слушая вас, господин Беккенбауэр, можно подумать, что, будучи германским шпионом, вы чуть ли не защищали наши интересы, интересы Советского Союза. Полноте!

— Нет, зачем же? Я действовал в интересах Германии и именно поэтому правдиво освещал ваши успехи, мощь вашей армии. Даже чуть не поплатился за это. Мои донесения оказались неугодными руководству абвера. И — повыше. А когда война все же началась, я действовал как солдат, как немец...

— Как самый оголтелый гитлеровец, как бандит с большой дороги, — вставил Кирилл Петрович. — Не будем, однако, терять время попусту, убедить вас мы ни в чем не убедим, да, говоря по совести, и не собираемся. Рассказывайте о своих преступлениях.

— Преступлениях? — усмехнулся Беккенбауэр. — Пусть, по-вашему, будет так. Но что именно вы хотели бы знать в первую очередь? С чего начать? Мне много о чем есть рассказать.

— Вот и давайте с самого начала: как вы очутились в нашей стране, когда, с какой целью, под каким прикрытием. По порядку.

— Очутился? Я не очутился в вашей стране, я здесь родился. Это и предопределило мою судьбу. Слушайте...

По словам Беккенбауэра, его отец еще в девяностые годы прошлого столетия был рекомендован одному русскому вельможе, крупному помещику, в качестве управляющего имением. Имение это, насчитывавшее тысячи десятин земли и сотни голов скота, было расположено на юге России. Сам владелец поместья бывал здесь редко, и управляющий фактически являлся полновластным хозяином отданных ему в руки земель, творил на них суд и расправу. Владелец, постоянно проживавший в Петербурге, требовал одного: регулярной высылки всех доходов. Денег, денег и денег. Это требование Беккенбауэр-старший выполнял неукоснительно, не забывая, впрочем, и себя.

Здесь, в русском поместье, в 1897 году, и родился Франц Иоганн Беккенбауэр, будущий «Зеро», здесь прошло его детство. Когда ему исполнилось восемь лет, родители отдали его в немецкую гимназию, находившуюся в ближайшем крупном городе. В гимназии, как и в семье, Беккенбауэра-младшего воспитывали в чисто немецком духе, в духе преданности Германии, кайзеру. Значительную роль в этом играла мать Франца, происходившая из старинного прусского рода. Кем был его отец на самом деле, «Зеро» не знает, но предполагает, что не только управляющим имением.

— Кем же? Шпионом? — уточнил Горюнов.

Беккенбауэр пожал плечами:

— Разведчиком, вы хотите сказать? Возможно.

— Почему так неопределенно, Беккенбауэр? Вы уж не скромничайте.

— Я и не скромничаю, но точно мне ничего не известно. Во всяком случае, когда наша семья вернулась на родину, в Германию, — это произошло в 1914 году, незадолго до начала первой мировой войны, — отец сразу надел военный мундир с погонями майора. А еще год спустя, в 1915 году, в самый разгар войны, он определил меня в офицерское училище. Сам он вскоре ушел на фронт и в том же, 1915 году погиб.

Надо сказать, продолжал «Зеро», что среди знакомых Беккенбауэра-старшего преобладали, как оказалось по возвращении в Германию, военные, со многими из которых познакомился и молодой Беккенбауэр, в том числе и с будущим главнокомандующим сухопутными войсками Германии генерал-полковником фон Фричем,

опороченным и изгнанным Гитлером и его кликой из армии в 1938 году.

В офицерском училище Беккенбауэр-младший пробыл недолго. Где-то наверху учили его особые качества — знание России, превосходное владение русским языком, — и судьба будущего «Зеро» была решена. Он был переведен в специальную школу, готовившую разведчиков, а в 1918 году направлен в Россию.

— Стоп, — поднял руку Скворецкий. — Направлены в Россию? Как? В каком обличье?

— Я «вернулся» на «родину» под видом освободившегося из плена в связи с окончанием войны русского солдата.

— И сразу стали Поповым?

— Да, я был снабжен документами на имя рядового Ивана Степановича Попова. Так началась моя новая жизнь в новом обличье. Как я жил, чем занимался все эти годы, без малого четверть века, рассказывать долго: всякое было. Работал на заводе, учился, пошел в армию, сначала вольнонаемным, в военторг, потом в кадры, интендантом. Этого я и добивался...

— Хорошо, — прервал «Зеро» Кирилл Петрович. — Вашей так называемой «трудовой деятельностью» мы займемся в другой раз, а сейчас рассказывайте о шпионской работе.

— Но разведывательной работы до последних лет я почти не вел, — возразил Беккенбауэр.

— Не вели? Вы хотите сказать, что вас послали в Советскую Россию в шпионских целях еще в 1918 году, а вы долгие годы сидели и бездействовали? Так вас надо понимать?

— Не совсем так. Видите ли, я был направлен в Россию с дальним прицелом.

— То есть? — спросил Горюнов.

— Моя основная работа должна была начаться в военное время, только со вступлением Германии в войну.

— Какую еще войну? Или командование германской армии, милитаристские круги Германии планировали новую войну против России еще в 1918 году, когда не кончилась первая мировая война?

— Этого я не знаю, — пожал плечами «Зеро». — Это вне моей компетенции. Полагаю, никто тогда войны не планировал, но готовым

нужно было быть ко всему. Этим и определялись поставленные передо мной задачи.

— А вы, значит, — настаивал Виктор, — так-таки ничего до начала войны и не делали? В качестве шпиона я имею в виду.

— Разведчика, — невзирая на пренебрежительный жест Горюнова, педантично повторил «Зеро». — Нет, почему ничего не делал? Кое-что делал.

— Уточните, — потребовал Скворецкий.

— Как я уже докладывал, я периодически составлял обзорные донесения и пересылал их по начальству. Правда, начал я этим заниматься не сразу, лишь с тридцатых годов, когда устроился в Красной Армии.

— Ну еще бы, куда уж там сразу! Вам же нужно было «акклиматизироваться». Так, что ли?

— Конечно, и на акклиматизацию требовалось время, но главное, это те задачи, которые передо мною были поставлены.

— Это мы уже слышали. Потрудитесь сказать, каким путем вы пересылали ваши шпионские донесения? — спросил Скворецкий.

— У меня была связь с одним из сотрудников германского посольства в Москве. Через него же я получал деньги и инструкции. Кроме того, после 1931 года я трижды бывал в Германии и лично докладывал руководству военной разведки добытые мною сведения и свои соображения.

— Бывали в Германии? Каким образом?

— Нелегально, конечно. Делалось это так...

— Минутку, — остановил арестованного Скворецкий. — К вашей довоенной шпионской работе мы еще вернемся, как и к поездкам в Германию, сейчас нас прежде всего интересует вопрос о последних двух годах, годах войны. К этому и переходите. Только одно: когда вы были в Германии в последний раз?

— Последний? В конце 1940 года. В ноябре.

— Кому и что докладывали?

— Я был у генерала Грюннера, которого знал и раньше, а также был принят самим начальником абвера. Представил подробный доклад о состоянии вооруженных сил вашей страны, вооружении, вещевом и прочем довольствии. Доклад мой был принят далеко не благосклонно.

Если бы не полковник Кюльм, вставший на мою защиту, не знаю, чем бы все кончилось.

— Кюльм? А разве вашим шефом был не генерал Грюннер?

— Грюннер — ничтожество. — «Зеро» сделал пренебрежительный жест рукой. — Он мелкий карьерист, тупица и никогда не поднимет голоса в чью бы то ни было защиту. Всему голова в нашем отделе — Кюльм. О, это настоящий разведчик!

— Понятно. Еще вопрос: значит, уже тогда, в 1940 году, шла речь о предстоящей войне против Советского Союза? Так. Какие же задачи были перед вами поставлены в связи с готовившимся фашистами разбойным нападением на нашу страну?

— Тогда, в 1940 году, никаких новых конкретных задач передо мной не ставилось — оставались прежние: сбор сведений, информация. Был, правда, разговор о налаживании диверсионной деятельности, но он носил общий характер.

— Связь, по возвращении в Москву, вы поддерживали прежним путем, через того же сотрудника германского посольства?

— Да. Однако встречались мы крайне редко: раз в четыре-пять месяцев. Не чаще.

— Хорошо. В дальнейшем мы уточним все обстоятельства, все подробности этой связи. Другие каналы у вас были?

— Был еще один, резервный. Через сотрудника посольства одной из нейтральных стран. Им я стал пользоваться после начала войны, когда Германское посольство эвакуировалось из России.

— Где вы встречались с этим «нейтралом»? Как часто?

— Я с ним не встречался. В глаза его ни разу не видел.

— Позвольте, — возмутился Кирилл Петрович, — ведь только что вы говорили... Или...

— Вот именно, — кивнул «Зеро». — Был связник. Один из швейцаров гостиницы «Националь». Ему я передавал свои донесения, зашифровав их надлежащим образом, а он переправлял дальше.

— Этот швейцар — ваш агент?

— Мой. И еще того посольства.

— Может, и еще чей?

— Все может быть, но его роль маленькая: получил, передал. А место, служба, удобное.

— Этим каналом вы пользовались до последнего времени? Он действует и сейчас?

— Действует, только я им пользовался редко. В 1941 году, перед самым началом войны, мне дали радиста. Работал я с ним около полутора лет. В начале 1943 года он погиб.

— Как погиб? — спросил Виктор. — При вашей помощи?

— При моей? Нет. Он просто попал под трамвай. Дурацкая история...

— И больше радиста у вас не было, после гибели того? — задал вопрос Скворецкий.

Беккенбауэр замялся:

— Как вам сказать? Вроде бы и был, а на самом деле не было.

— А нельзя ли пояснее? Был? Не было?

— Тут в двух словах не скажешь. Помните старших лейтенантов Гитаева с Малявкиным, с которых началось наше знакомство?

Скворецкий молча кивнул и подал знак: продолжайте, мол.

Гитаев и Малявкин, рассказывал Беккенбауэр, клички «Музыкант» и «Быстрый», были направлены ему в помощь. Один из них — «Быстрый» — был радистом. Однако «Зеро» тогда не удалось его использовать: «Музыкант» и «Быстрый» провалились. Далее «Зеро» подробно описал историю «разоблачения» «Музыканта» и «Быстрого».

— Значит, — уточнил Скворецкий, — это вы спровоцировали побег Малявкина и Гитаева из прокуратуры и, воспользовавшись этим, сами, собственными руками убили Гитаева, пошли на убийство? Так?

— Убил? — поморщился Беккенбауэр. — Вы неудачно выбираете выражения, гражданин майор. Не убил, а ликвидировал.

— «Ликвидировал»! Выражения вы выбираете осторожно. Но зачем? С какой целью?

— А как же иначе? — изумился «Зеро». — После того как мой помощник, лейтенант Константинов, заподозрил Гитаева, возникла угроза и мне. Гитаева надо было убрать. Разве не ловко я это сделал? Гитаев был убит — убит при попытке к бегству. Кто помешал ему бежать? Капитан Попов. Честь и хвала капитану Попову. К тому же он и жертва злодея Гитаева. Разве не ловкий ход? — «Зеро» самодовольно улыбнулся.

— Продолжайте, — сухо бросил Скворецкий.

— Так все же ясно! Гитаев пырнул Попова финкой (что он сделал по приказу того же Попова, но рассказать об этом никому не расскажет — я стреляю без промаха!) и Попов — герой! Он сближается с органами НКВД и следит за ходом расследования. Правда, узнал я мало... А как же иначе мог поступить на моем месте любой разведчик? Как бы вы, например, поступили?

— У нас, советских людей, есть заповедь: сам погибай, а товарища выручай. Впрочем, что обсуждать с вами вопросы морали? Мы говорим на разных языках.

— Да, пожалуй, — холодно согласился Беккенбауэр. — Только мой язык — язык цивилизованных народов всего мира. Разведки всех цивилизованных государств...

— Бросьте о цивилизации! — махнул рукой Скворецкий. — Ваш язык — язык агрессоров, колонизаторов, империалистов. Язык вандалов, так будет точнее. Давайте, однако, к делу. Что стало с Малявкиным после убийства Гитаева? Почему, кстати, вы и его не уничтожили?

— Зачем? — спокойно возразил Беккенбауэр. — Он меня не знал и никакой опасности не представлял. Обстоятельства сложились так, что я мог проследить за ходом розыска. Я об этом уже говорил. Это учитывалось. Малявкин сумел скрыться, уйти от преследования. Это лучшая ему рекомендация. Я провел дополнительную проверку и намеревался в дальнейшем его использовать. Не вышло.

— Проверку? Какую еще проверку вы проводили?

Беккенбауэр самодовольно улыбнулся:

— О, это было не просто, но... удалось. Я связался с полковником Кюльмом и генералом Грюннером, и по моей просьбе в Москву был направлен со специальным заданием агент «Острый».

— Вы имеете в виду Осетрова, он же Буранов?

— Что? — впервые за время допроса «Зеро» изменила выдержка. Голос его задрожал: — В-вы... Вы знаете про Осетрова?

— Знаем. Всё знаем.

— Но почему же вы его не арестовали? Почему?

— Ай, ай, ай, Беккенбауэр! Не догадываетесь? Действительно не догадываетесь? А туда же — «я разведчик»! Тоже мне разведчик.

Беккенбауэр отер выступивший на лбу пот и продолжал:

— Да, «Острый», он же Буранов, был снабжен документами лейтенанта Советской Армии Осетрова. «Острый» имел явку к «Быстрому», а также к одному нашему старинному агенту — кстати, запишите: Шкурин. Проживает по адресу: Солянка, дом номер, квартира номер, — который сейчас не представляет особой ценности. Эту явку «Острый» передал «Быстрому». Случись с «Быстрым» что не так, вы взяли бы «Острого», взяли бы и Шкурина. Этого не случилось. «Острый» благополучно вернулся назад, а Шкурин и поныне тачает сапоги. Он сапожник. Поэтому я и считал... Но, простите, я ничего не понимаю...

— Еще бы! Вы полагали, что умнее и хитрее всех, что вам не составит труда обвести нас вокруг пальца. Просчитались! Не об этом, однако, речь... Зачем Шкурину понадобилось являться на продовольственный склад? Или Осетров перемудрил?

— Да, Осетров. Он проявил излишнее усердие и сам, по своей воле послал Шкурина на склад, понятия не имея, что выводит его прямо на меня. Обо мне он ничего не знал.

— Это понятно, но вы-то, вы сами? Зачем вам понадобилось приходиться к нам и сообщать о посещении Шкурина?

— А что мне было делать? Я же оказался в дурацком положении. Вдруг да Шкурин вам уже известен, находится под наблюдением (ведь проверка еще не была закончена), и, следовательно, вы осведомлены, что он был у меня, а я молчу. Вот и пришлось предупреждать события. Кроме того...

— Что еще?

— Я решил рискнуть: узнать, что вы знаете о Шкурине. Поймите, иначе я поступить не мог. А как бы вы действовали на моем месте?

— Ну, как бы я действовал, сейчас не обсуждается, но должен вам заметить, что вы поступили не лучшим образом. Пойдем, однако, дальше. Скажите, как вы связывались с центром и центр с вами, пока не было радиста? Все тем же путем, через так называемое нейтральное посольство?

— Да. Через посольство.

— А иные каналы были?

— Был и еще один канал, но он меня мало устраивал.

— Почему?

— Он был односторонним.

— То есть?

— Использовались открытые радиопередачи. Следовательно, получать указания я получал, а сам ничего передать не мог.

— «Фауст», что ли? Марш?

«Зеро» ахнул:

— Вы и это знаете? Но откуда? Это невозможно!..

— Возможно, — улыбнулся Скворецкий. — Уж сколько времени мы принимаем адресованные вам шифровки. Расскажите все же поподробнее об этом способе связи. Кто принимал «Фауста»? Вы сами?

Беккенбауэр, преодолев минутное смятение, рассказал о Бугрове. Ничего, о чем бы не было сказано в дневнике, он, однако, не сообщил.

— Теперь-то мне ясно, — закончил «Зеро», — что Бугров был вашим человеком. О, какого я сваял дурака, не правда ли?

Скворецкий многозначительно пожал плечами, оставив вопрос Беккенбауэра без ответа. Сурово посмотрев на арестованного, он сказал:

— Вам известно, как умер Бугров? И эта смерть тоже на вашей совести. Сколько же смертей получается? Впрочем, подсчитывать рано. Вы, по существу, еще ничего о своих преступных делах в годы войны не рассказали. Мы ждем.

Беккенбауэр возобновил свой рассказ. В 1941-1942 годах он, по его словам, провел несколько диверсий и передал своему центру ряд важных сведений. В 1943 году ему было предложено сосредоточить все внимание на профессоре Варламове, работавшем над каким-то крупным открытием.

Задача формулировалась так: любой ценой получить открытие, а самого профессора — ликвидировать. «Быстрый» и «Музыкант» должны были, в частности, способствовать решению этой задачи. Но «Зеро» действовал и сам: ему удалось завести роман с одной из сотрудниц института, в котором работал Варламов, и получить от нее кое-какую информацию.

— Фамилия? — жестко спросил Скворецкий. — Ее фамилия?

— Антонова, — сказал Беккенбауэр, называя фамилию сотрудницы спецчасти, которая была убита в парке возле института.

— Письма, что у нее нашли под подкладкой сумочки, ее заявление в дирекцию и письмо самоубийцы Иваницкого — ваша работа?

— Моя, — кивнул «Зеро».

— Евстафьева, сотрудника института, тоже вы «ликвидировали»?

— Я.

— Зачем? С какой целью?

— Мне нужен был пропуск, чтобы проникнуть в институт.

— И ради пропуска, ради бумажки вы пошли на убийство?

— Пропуск — не бумажка. Он был мне необходим. Я намеревался сам похитить документацию Варламова, когда с Гитаевым и Малявкиным сорвалось.

— Вам удалось пробраться в институт?

— Да, но понапрасну. Сейф Варламова оказался пустым.

— Что же, пришлось отступить? — зло сказал Скворецкий.

Беккенбауэр вскинул голову:

— Нет, я не привык отступать. Мной был намечен новый план, вновь с участием Малявкина...

— И в Горький вы собрались для осуществления этого плана? — не без иронии спросил Горюнов. — И в Гераськина перевоплотились с этой же целью?

— Нет, — поморщился Беккенбауэр. — Подвел Менатян, кличка «Кинжал». Хотя что я вам буду о нем рассказывать? Вы же его знаете лучше, чем знал я.

— Любопытно. Знаем лучше, чем вы? Может, поясните свои слова?

— А чего пояснять? Думаете, я не понимаю причины своего ареста? Менатян — ваш человек, я его выследил. Видел, как он бегал в гостиницу «Москва»... На явку с вами...

— Видели? И что?..

Лицо «Зеро» исказила злобная судорога:

— А то... Ищите своего Менатяна в лесу, в районе подмосковного совхоза. Вернее, его труп.

— Зачем так далеко искать? — усмехнулся Кирилл Петрович. — Да еще труп. Менатян здесь. Живой. Здоровый. Сидит в такой же камере, что и вы.

— Менатян сидит? О, ч-черт!.. Тогда... Хотя «Фауст» был до Менатяна, а вы знали... Неужели Малявкин? Кто меня продал, кто?

— Не пытайтесь угадать, Беккенбауэр, не выйдет. Просто коса нашла на камень, мы оказались сильнее вас. А кто нам помог? О, их

много, тех, кто способствовал вашему разоблачению, очень много. В непонимании природы советского человека, духа нашего народа и состоит ваш главный просчет. Ни черта вы не поняли, хотя и прожили здесь двадцать с лишним лет.

— Товарищ майор, разрешите? — подал голос Горюнов. — А как же насчет Горького все-таки, Беккенбауэр? Зачем вы туда собрались?

«Зеро» сидел понурясь, говорил тихо, сдавленным голосом:

— В Горький? Я полагал, что «Кинжал» — предатель, и хотя он не знал имени, под которым я работал, но мои приметы мог вам сообщить. Взвесив все, я поручил Малявкину ликвидировать Менатяна, а сам решил на время отсидеться где-нибудь вдалеке от Москвы, с тем чтобы потом возобновить работу.

— Что-то не сходятся у вас концы с концами, Беккенбауэр. Какой-нибудь час назад вы пытались нас уверить, будто считаете, что Германия проиграла войну, а теперь — возобновить, некоторое время спустя, с позволения сказать, работу. Это на кого же, если Германию ждет поражение?

«Зеро» поднял голову, пристально посмотрел на Кирилла Петровича и... промолчал.

— Ладно, — сказал майор. — Еще вопрос: вы уведомили центр о своем решении?

— Да, я сообщил, что временно консервируюсь и на несколько месяцев скрываюсь.

— Как сообщили, по каким каналам?

— Коротко, по радио. Поручил «Быстрому». А подробно — донесением, которое переслал через швейцара.

— Где Малявкин? — резко, в упор спросил Скворецкий.

— Малявкин? Он в Лефортово, у... («Зеро» назвал адрес). А разве... Разве вы его не взяли?

* * *

Следствие по делу Беккенбауэра — «Зеро» и Менатяна — «Кинжал» продолжалось. Все шире и четче разворачивалась картина

злодейских преступлений, совершенных «Зеро» и его подручными. Был арестован Шкурин — «Сутулый», швейцар из гостиницы «Националь» и еще два агента «Зеро», которых он назвал. Больше у него, судя по всему, никого не было.

Все это время Малявкин отсиживался в Лефортове, хотя ему и было подобрано новое убежище. Старичка, хозяина Бориса, до поры до времени не тронули, но глаз с него не спускали.

...После ареста Беккенбауэра и Менатяна прошло около двух недель, и Малявкин передал в центр радиogramму, в которой подтверждал, что «Кинжал» ликвидирован, и сообщал о своем «бедственном» положении: «Зеро» исчез, связь утеряна. «Быстрый» просил указаний. И вот, еще две недели спустя, пришел ответ: «Ваши действия одобряем. Ближайшее время направляем вам человека, снабженного инструкциями. Сообщите явку».

Игра продолжалась. В ловко расставленные чекистами сети шел новый зверь...

Москва, 1965-1966.

notes

Примечания

1

В 1943 году телефонов с индексами «Ж» и «И» не было.

«Смерш» — советская военная контрразведка в годы войны.